

— Slavica Formosana IV —

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ФОРМА И СМЫСЛ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ФОРМА И СМЫСЛ

Slavica Formosana IV

Факультет славистики
Государственного университета Чжэнчжи

Тайбэй 2025

Современные проблемы славянской филологии: Форма и смысл.
Slavica Formosana IV. Материалы IX Международной научной
конференции 11-12 ноября 2023 г., Государственный университет
Чжэнчжи. Тайбэй: Факультет славистики Государственного
университета Чжэнчжи, 2025.12. – 476 с.

ISBN 978-626-7147-84-9

Содержание

Лингвистика

Баданина И. В. Русские номинации лиц с точки зрения аспектов культуры речи	9
Базаржанова А. Д. Проблемы перевода русской разговорной речи на другие языки, или слово история, которое не всегда переведешь.....	16
Богданова-Бегларян Н. В. Прецедентный текст как «непереводимая игра слов»: функционирование в русской повседневной речи и проблемы понимания и преподавания в иностранной аудитории	27
Демидов Д. Г. Деривационные и словообразовательные отношения имени и глагола	39
Дреер И. Сопоставительное исследование «переносного» употребления времен в параллельном корпусе с точки зрения теории языкового знака (на материале «Колымских рассказов» Варлама Шаламова и повести Амоса Оза «Сумхи»).....	50
Дускаева Л. Р., Иванова Л. Ю. Метатекст комментариев в онлайн-комьюнити: этика юмора в языковых оценках	64
Зорина Е. С., Мызникова Я. В. Презентация повседневной речи в учебных пособиях по деловому русскому языку и русскому языку как государственному языку Российской Федерации (лингвистический аспект)	73
Колосовская Т. Л. Частотность употребления русских глаголов с уступительной семантикой и нестандартным значением.....	86
Ложкина В. А. Современные тенденции в развитии категории вежливости в русском языке (вежливость, гипервежливость, речевое манипулирование).....	98
Савченко А. В. «Национально-специфические» черты характера человека и их отражение в лексике славянских языков (к проблеме межъязыковой лакуарности и эквивалентности)	112
Стоянова Е. В. «Новая» болгарская медиареальность: циничный смех в форумных комментариях	122

Сян Янань Прагматический маркер-аппроксиматор вроде (вроде того / вроде того что) в русской повседневной речи: корпусное исследование.....	128
Хмелевский М. С., Савченко А. В. Родовая омонимия в славянских языках: лексический и семантико-культурологический аспекты.....	138
Чанг Джуй Ченг метафорическая репрезентация концепта «путь» в обращении цай ин-вэнь по случаю дня двух десятков 2021 года и особенности его передачи на русский и английский языки.....	150
Шварева Е. И. Meh, hmm и другие трудности перевода русских дискурсивных единиц мда и нда.....	161
Eleonora Yovkova-Shii Subject and focus – a case study from Bulgarian.....	174
鄧鈞一 中文詞組「用 + 工具名詞」與波蘭文相應形式之對比分析.....	199

Литературоведение

Автухович Т. Е. Экфрасис как остранение границы между искусством и действительностью.....	225
Волегов А. В. Мир цирка в рассказах Д. В. Григоровича, Д. Н. Мамина-Сибиряка и И. И. Ясинского.....	236
Канарская Е. И. «Видение», а не «узнавание»: «остранение» в военной прозе В. М. Гаршина.....	248
Гречко В. М. Остраняя необычное: книга в. Шкловского «горная грузия».....	259
Зайцева И. П. Интерпретация современного лирического текста в аспекте теории остранения в. Б. Шкловского.....	270
Николаева Е. К. Лингвистический эпатаж в позднем творчестве петербургского поэта александра миронова.....	281
Сабо Т. Модусы остранения в романе Виктора Ерофеева «Хороший Сталин».....	292
Войводиц Я. «Остранение» в романе «Дождь в Париже» Р. Сенчина.....	303
Фетисова Л. Е. Повесть Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай» в свете нарратологии.....	314

<i>Alenka Jensterle Doležal.</i> Finding Freedom in Verses: The Representation of Love in the Early Poetry of Slovene Kristina Šuler	325
<i>Marko Juvan</i> From Metafiction as a Formal Device to Metapoetry as a Discourse Strategy: Pushkin and Prešeren in a “Shklovskian” Perspective and Beyond.....	342

Культурология

<i>Врадий С. Ю.</i> Двойственность описания России в корейских источниках XIX века.....	369
<i>Герасимова С. В.</i> Гештальт – и эпатаж как творческое поведение юродивых	381
<i>Ефименко А. Е.</i> Нарративная мотивировка: «реальная» и/или «художественная»?.....	392
<i>Калафатич Ж.</i> Механизм остранения в фильме А. Зельдовича «Москва»	403
<i>Литовская Е. В.</i> Гопник, охотница за мужьями и медведь на страже русской культуры: стереотипы о России и русских в TikTok.....	414
<i>Полянина А. К.</i> Нарратив, интерпретация и контекст при анализе вредоносности медиатекста.....	424
<i>Ludmilla A’Beckett</i> Storytelling through memes: Unfolding a multimodal narrative by foreign language learners	433
陳柏毅 十九世紀科學學科專業化與俄羅斯古代城市的歷史論述建構	460

Лингвистика

РУССКИЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АСПЕКТОВ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Баданина И. В.

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация:

Номинации лиц занимают важное место как в лексической системе русского языка, так и в культуре речи. В статье рассматриваются номинации лиц в трех аспектах культуры речи – нормативном, коммуникативном, этическом. При выборе существительного мужского или женского рода (*директор – директриса, исследователь – исследовательница*) говорящий / пишущий учитывает различные факторы и выражает свои коммуникативные намерения. Делается вывод о том, что выбор русских номинаций лиц мужского и женского рода в той или иной коммуникативной ситуации может и должен интерпретироваться с точки зрения трех аспектов культуры речи.

Ключевые слова:

современный русский язык, культура русской речи, аспекты культуры речи, номинации лиц.

RUSSIAN NOMINATIONS OF PERSONS FROM THE POINT OF VIEW OF ASPECTS OF SPEECH CULTURE

Badanina I. V.

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract:

Nominations of persons occupy an important place both in the lexical system of the Russian language and in the culture of speech. The report examines the nominations of individuals in three aspects of speech culture – normative, communicative and ethical. When choosing a masculine or feminine noun (director – headmistress, researcher - researcher), the speaker/writer takes into account various factors and expresses his communicative intentions. The conclusion is made that the choice of Russian nominations of male and female persons in a particular communicative situation can and should be interpreted from the point of view of three aspects of speech culture.

Keywords:

Russian language, culture of Russian speech, aspects of the culture of speech, nominations of persons.

В силу антропоцентризма языка номинации лиц, то есть названия людей по их различным признакам, свойствам, занимают важное место как в лексической системе языка, так и в культуре речи. Можно считать, что все три аспекта культуры речи – нормативный, этический и коммуникативный – каждый по своим основаниям интерпретируют существительные, называющие людей. Зная, что «в этическом аспекте культуры речи отчетливо, как в зеркале, отражаются нормативный и коммуникативный аспекты»¹, мы понимаем взаимосвязь всех трех аспектов культуры речи в сфере образования и функционирования номинаций лиц. Поскольку «культура речи начинается там, где язык как бы предлагает выбор для кодификации, и выбор этот далеко не однозначен»², интересующая нас группа слов предстает как одна из тех, которые нуждаются во внимании со стороны лингвистов.

В плане **нормативного** аспекта культуры речи, в котором факты языка, в частности лексические единицы, рассматриваются с точки зрения их соответствия норме литературного языка, названия людей многообразны. Они функционируют в литературном языке и в его нелитературных разновидностях – просторечии, диалектах, жаргонах и т.д., поэтому лексическая база нашей темы чрезвычайно обширна. Мы сосредоточимся на той части лексики, которая принадлежит литературному языку, но в его границах стилистически неоднородна. Речь пойдет о различиях с точки зрения соответствия норме у существительных, называющих людей по видам их деятельности. Основной объект внимания исследователей сегодня – это вопрос о распределении между стилями литературного языка слов мужского и женского рода. На эту тему уже написано достаточно много работ. Подходы к тому, существительные какого рода должны быть основными при номинации женщин – мужского или женского, – различны. Есть основания считать, что поскольку в русском языке существуют морфологические различия между существительными мужского и женского рода, то целесообразно такие различия применять в названиях мужчин и женщин. Есть и другая точка зрения, согласно которой важнее всего то, чтобы номинации как можно более адекватно отражали внеязыковую действительность и были

¹ Кортава Т.В. *Русский язык и культура речи: учебник для вузов*. Москва: Издательство Московского университета, 2024. С. 110.

² *Культура русской речи. Учебник для вузов*. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. С. 5.

приемлемы для всех заинтересованных в обществе.

В различных речевых ситуациях пользователи языка выбирают те средства, которые наиболее полно отражают их коммуникативные намерения и при этом по возможности адекватно, нейтрально или даже доброжелательно, будут восприняты собеседниками. Здесь на первый план выступает **коммуникативный** аспект культуры речи, регулирующий в каждой ситуации речевой коммуникации выбор тех или иных средств из ряда лексически синонимичных, но стилистически различных. Пользователи языка должны решать, какое слово употребить, чтобы коммуникация прошла успешно. Для этого необходимо знать **нормативные** варианты. Говоря о словах интересующей нас группы, следует выбирать те, которые признаны в данное время нормативными. Если речь идет о номинациях лиц по видам деятельности, то в наиболее консервативном из всех стилей литературного языка, официально-деловом, предпочитается существительное мужского рода как нейтральное (*учитель, директор, секретарь*), а в разговорном, публицистическом, литературно-художественном стилях литературного языка часто употребляются слова женского рода: *учительница, директриса, секретарша*.

Ученые описали суффиксы с модификационным значением женскости, образующие существительные женского рода, с точки зрения их стилистической окраски. Как известно, более нейтральными и, следовательно, приемлемыми во всех стилях литературного языка, за исключением официально-делового, признаны суффиксы -к-а, -ниц-а, -чиц-а/-щиц-а (студентка, стажерка, свидетельница, рассказчица, сортировщица). В наши дни образуются, вводятся в речевой обиход, становятся предметом дискуссий слова типа *космонавтка, авторка, блогерка* и т.д.: *Елена Серова – космонавтка-испытатель, которая разрушила миф о том, что космос удел сильных мужчин... Детство будущей космонавтки прошло в теплом и солнечном Приморском крае*³.

Наряду с *космонавтка* встречаем и *космонавт*: Елэна Олэговна Серова (урожд. Кузнецова; род. 22 апреля 1976, Воздвиженка, Приморский край, РСФСР, СССР) – российский политический деятель, *космонавт*. Герой Российской Федерации (2016). Депутат Государственной Думы Федерального собрания

---

³ <https://zen.yandex.ru/media/rustars/kosmonavt-elena-serova-postroila-semiu-i-dostoinuiu-kareru-v-gosdume-609291e74461ec746c5f5dc7>. (Дата обращения 09.11.2021).

Российской Федерации VII созыва (5 октября 2016 – 12 октября 2021). *Испытатель* отряда центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. *Лётчик-космонавт* РФ (2016). Стала четвёртой *женщиной-космонавтом* в истории СССР и России (после Валентины Терешковой, Светланы Савицкой и Елены Кондаковой)⁴. Сниженными, разговорными, но тем не менее литературными являются существительные с суффиксами -их-а, -ш-а (*ткачиха, повариха, генеральша, капитанша*). Экспрессивные суффиксы -ух-а, -ёх-а образуют просторечные слова (*сеструха, свекруха, стряпуха, распустёха, неумёха*). Оговоримся, что суффикс -ух-а образует также слова экспрессивно нейтральные, но различные с точки зрения литературно-языковой нормированности: *старуха* (нейтрально-литературное), *повитуха* (прост.), *молодуха* (прост.), *большуха* (устар. и диал.).

Соответствие выбираемых в той или иной коммуникативной ситуации номинаций лиц **этическому** аспекту культуры речи также важно, поскольку от этого может зависеть успех коммуникации. Возможны такие условия коммуникации, когда из нескольких синонимичных номинаций не все одинаково приемлемы с этических позиций. Как уже упомянуто, в сфере официального общения названия профессий, должностей женщин предпочтительны и часто единственно возможны в мужском роде: *инспектор, директор, оператор, врач, терапевт, преподаватель* и т.д., поскольку в русской социокультурной традиции сложилось мнение, что лучшим представителем профессии, особенно интеллектуальной, требующей высокого уровня образования, является мужчина. Для номинации мужчин по видам их деятельности существует активно пополняемая группа существительных – **маскулинитивов**. Женщины часто во главу угла ставят вопросы не гендерного равенства, а социального признания своих высоких профессиональных качеств, поэтому и выбирают для себя номинации мужского рода.

В разговорной речи по-прежнему не решен вопрос, какие слова следует использовать при обращении к незнакомым лицам, эта проблема этико-культурного характера не потеряла актуальности, хотя и не поднимается так часто, как, например, в 90-х гг. XX века, когда обращения *мужчина, женщина, девушка* вызывали дискуссии.

В наши дни происходит активное развитие номинаций

⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/Серова,_Елена_Олеговна. (Дата обращения 09.11.2021).

лиц, все больше внимания уделяется выбору существительных мужского или женского морфологического рода при необходимости назвать женщину по тому или иному признаку. Некоторое время назад могло показаться, что существительные женского рода для номинации женщин становятся основными, но это было временное явление. Ныне, напротив, можно наблюдать отказ новых поколений женщин от номинаций женского рода в пользу общих номинаций для лиц обоего пола – существительных мужского рода. Так, первокурсницы в заявлениях, написать которые им было задано как домашнее задание, называют себя не студентками, а студентами. На фоне дискуссии о феминитивах, которая перешагнула из узконаучной сферы в широкие массы носителей русского языка, представительницы юного поколения сделали для себя выбор – использовать слова не женского, а мужского рода. Можно, однако, предположить, что на этом вопрос не будет закрыт, потому что в языке СМИ, где в значительной степени и происходит апробация лексических вариантов на их нормативность, нередко можно встретить номинации женского рода не в пейоративных, то есть порицающих, значениях, хотя это тоже бывает, а во вполне нейтральных. Возможно, через некоторое время мы сможем констатировать другое распределение функций между словами мужского и женского рода, называющими людей, поскольку, как известно, норма устанавливается после того, как в узуальном употреблении тот или иной вариант получил широкое распространение. Можно считать, что на нынешнем этапе развития языка происходит выбор тех вариантов, которые в будущем могут стать нормативными. Впрочем, существительные женского рода для номинации женщин уже несколько десятилетий широко употребляются в разговорном стиле литературного языка, но до сих пор не стали официальными наименованиями женщин, например, по видам деятельности. Причины многообразны, в том числе морфонологического характера: некоторые существительные женского рода не могут образовываться как нейтральные или, по крайней мере, не воспринимаются таковыми. Это производные от заимствованных слов на *-ик-*, *-лог-*, *-граф-* типа *физик*, *техник*, *геолог*, *фотограф*, от некоторых русских слов с суффиксом *-ец* типа *борец* и других. Есть также исторические причины негативного восприятия таких слов, как, например, *аптекарьша*, *бригадирша*, которые когда-то называли жен по видам деятельности их мужей. В современных историче-

ских условиях, когда женщины сами могут заниматься этими видами деятельности, номинации с суффиксом *-ш-а* часто создают нежелательный ореол, напоминающий о прошлом. В некоторых толковых словарях *малыарша*, *секретарша* отнесены к разговорному стилю литературного языка.

Итак, на современном этапе развития русского языка можно видеть, что существительные женского рода с суффиксами *-к-а*, *-ниц-а*, *чиц-а/-щиц-а* воспринимаются как нейтральные в большинстве стилей литературного языка и употребляются вариативно с маскулинитивами. Можно отметить также активизацию употребления редких существительных женского рода, не воспринимаемых как нейтральные: *борчиха*, *авторка*, *космонавтка*, *сценаристка* и некоторых других. Это свидетельствует о том, что происходит живой, творческий процесс обсуждения, выбора в литературном языке номинаций лиц по видам деятельности женского рода. В этих условиях специалисты по культуре речи могут помогать правильно выбирать и использовать такие номинации. Распределение функций между феминитивами и маскулинитивами находится в стадии становления: в литературном языке официально-деловой стиль нечувствителен к новациям в употреблении феминитивов, остальные стили, напротив, активно их используют.

Литература

- Виноградов С.И., Граудина Л.К. и Карпинская. Е.В. *Культура русской речи. Учебник для вузов*. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999.
- Кортава Т.В. *Русский язык и культура речи: учебник для вузов*. Москва: Издательство Московского университета, 2024. 367 с.

Интернет-источники

- Космонавт Елена Серова. Построила семью и достойную карьеру в Госдуме. [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/rustars/kosmonavt-elena-serova-postroila-semiu-idostoinuiu-kareru-v-gosdume-609291e74461ec746c5f5dc7>. (Дата обращения: 09.11.2021).
- Википедия. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Серова,_Елена_Олеговна. (Дата обращения: 09.11.2021).

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА ДРУГИЕ ЯЗЫКИ, ИЛИ СЛОВО *ИСТОРИЯ*, КОТОРОЕ НЕ ВСЕГДА ПЕРЕВЕДЕШЬ*

Базаржапова А. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Слово история в современной русской речи попадает под действие ряда процессов, рефлексy которых пока не зафиксированы словарями. Статья посвящена «несловарным» употреблениям этого слова, обнаруженным при анализе материала устных корпусов и зафиксированных контекстов из повседневной речи (*Ходьба на шпильках – не сильно полезная история; Овощи – это такая история, которую можно подать в любом виде*), а именно – рассматривается вопрос перевода таких употреблений на английский язык, поскольку типичные аналоги слова *история – history* или *story* – в подобных контекстах не могут быть применены. В статье дан обзор словарных описаний этой единицы в переводных русско-английских словарях.

Ключевые слова:

повседневная русская речь, десемантизация, ресемантизация, семантически опустошенные слова, перевод

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

PROBLEMS OF TRANSLATING RUSSIAN SPEECH INTO OTHER LANGUAGES, OR THE CHALLENGING WORD *ISTORIA*

Bazarzhapova A. D.

Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

Abstract:

The word *istoria* (history) in modern Russian speech falls under the influence of processes, the reflexes of which have not yet been recorded in dictionaries. The article is devoted to the “non-dictionary” uses of this word, found during the analysis of the material of oral corpora and some contexts from everyday speech (*Hod’ba na shpil’kah – ne sil’no poleznaya istoria; Ovoshchi – eto takaya istoria, kotoruyu mozžno podat’ v lyubom vide*), namely, the issue of translation of such usages into English is considered, since the typical analogues of the word *istoria* – *history* or *story* – cannot be applied in such contexts. The article gives an overview of the descriptions of this word in Russian-English dictionaries.

Keywords:

Russian Everyday Speech, Desemantization, Resemantization, Semantically Bleached Words, Translation

1. Введение

Живая повседневная речь остается неисчерпаемым материалом для многочисленных исследований разного масштаба и спектра. История становления российской традиции коллоквиалистики богата именами различных ученых и насчитывает множество концепций и теорий (о становлении российской коллоквиалистики см. подробнее, например: *Вепрева* 2019: 919–936), и «современное языкознание уже давно главным объектом своего внимания сделало живую речь человека, с учетом всех его индивидуальных – социальных и психологических – особенностей, которые в этой речи отражаются» (*Богданова-Бегларян, Бродт* 2021: 3).

Как показывает научная практика, исследования, посвященные даже отдельной лексической единице, выводят лингвистов на масштабные наблюдения об актуальных процессах, протекающих в современной речи и языковых закономерностях (см. например, исследования [*Сяоли* 2023] [*Сулимова, Шклярчук* 2021], посвященные активно встречающимся в разговорной речи маргинальным реализациям слов *самый* (*Ты, это самое, ты будешь к двум на кафедре?*), *такой* и *чисто* (*Поначалу-то это был такой чисто московский монастырь*)). Настоящая работа пополняет ряд подобных исследований и имеет следующую цель – рассмотреть «несловарные», т. е. не отраженные в толковых словарях, употребления слова *история* в аспекте переводческой практики.

2. Проблема перевода разговорной речи на другие языки

Стоит сразу сказать, что исследователям в очерченной области пока не удалось прийти к единому, исчерпывающему, определению предмета анализа и наблюдений: в работах используются понятия *устная речь*, *разговорная речь*, *повседневная речь* и *спонтанная речь*, которые близки по значению, но разграничиваются. В настоящей работе под разговорной речью понимается «непринужденная неофициальная речь горожан, не ограниченная рамками литературности» (*Сибирякова* 1996: 115).

Разговорная речь в таком понимании является сферой взаимодействия литературных и нелитературных разновидностей языка, и эта проблема давно рассматривается исследователями в разных аспектах, в том числе в самостоятельное направление выделяется вопрос перевода разговорной речи на другие языки. Большая часть исследований, выполненных в этом направлении,

касается способов перевода разговорной лексики в речи героев художественной литературы. Однако отдельный интерес представляет перевод единиц, которые в ходе своего развития перестают принадлежать только лексическому уровню и начинают играть большую роль на уровне прагматики. Например, в одном исследовании (Сяоли, Богданова-Бегларян 2023) рассматриваются приемы перевода на китайский язык русских прагматических маркеров *это, это самое* и *как его (её, их)*, заполняющих паузы хезитации. Согласно мнению В.Н. Комиссарова, перевод – это вид языкового посредничества, отличительным признаком которого является «его предназначение, его особая цель служить полноправной коммуникативной заменой оригинала» (Комиссаров 2011: 58), и чтобы подобрать полноправную коммуникативную замену для передачи специфики разговорной речи (некоторой «небрежности», спонтанности, эмоциональности и проч.), переводчику необходимо учесть целый ряд нюансов – индивидуальные и социальные речевые особенности автора переводимого высказывания, его интенции, условия коммуникации, в которых это высказывание было порождено, и многое другое.

3. «Несловарные» употребления слова история в повседневной речи

Обоснованность привлечения слова *история* в контексте проблемы перевода разговорной речи может казаться неочевидной, поскольку это слово входит в лексическое ядро русского языка и в активный словарь, пожалуй, любого носителя этого языка, и, несмотря на свою отчетливую многозначность, эта единица, на первый взгляд, не вызывает никаких вопросов. Однако проведенное корпусное исследование (Базаржапова 2023а) раскрыло реальное коммуникативное поведение этого слова и показало, что слово *история* часто употребляется в «несловарных» значениях. В пользовательском подкорпусе настоящего исследования, куда вошли контексты из Устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>), звукового корпуса «Один речевой день» (ОРД) (см. подр.: [Bogdanova-Beglarian et al 2015]) и отдельные записи окружающей речи, насчитывается 56 % «несловарных» употреблений слова *история* (247 из 442 употреблений), ср.:

- 1) *Ходьба на шпильках – не сильно полезная история* (из интервью со спортивным врачом);
- 2) *Покрашенный в чёрный / алюминий ты / во-первых / никогда не сделаешь / и алюминий вряд ли / алюминий очень дорогая история* (ОРД);
- 3) *Неправильные глаголы — это такая история, которую надо постоянно повторять, как таблицу умножения* (из лекции);
- 4) *Слушайте / а если мы сделаем такую историю / что мы тоже посадим (э) людей на сцену / нет?* (ОРД);
- 5) *Ему выписали несколько лекарств, поэтому я позвонила сиделке, чтобы она организовала эту историю* (имеется в виду прием лекарств) (из разговора);
- 6) *Что же делать бедолагам-наркоманам, которых даже клиническая смерть не заставляет отказаться от этой истории?* (имеются в виду наркотики, наркотическая зависимость) (УП).

Подобные употребления оказались примечательны в разных аспектах: почти неограниченная сочетаемость этого слова, семантическая опустошенность (*semantic bleaching*), или десемантизованность, зачастую стилистическая сниженность и др. В том числе очевидна проблема перевода таких употреблений, ведь, например, типичные английские аналоги слова *история* – *history* или *story* – едва ли можно назвать полноправной коммуникативной заменой в таких случаях. При таком переводе не просто не передаются коммуникативные нюансы, а даже утрачивается логика высказывания. Для решения этой проблемы было решено в первую очередь проанализировать данные русско-английских переводных словарей.

4. Слово *история* в русско-английских переводных словарях

Для анализа были взяты словарные описания из 5 переводных словарей. В «Русско-английском объяснительном словаре...» указывается, что «разные значения русского многозначного существительного *история*, как и их английские соответствия, имеют разную стилистическую окраску и используются в разных ситуациях» (*Русско-английский объяснительный словарь* 2006: 88–89). Во всех взятых словарях (за исключением, разумеется, словаря С.И. Лубенской [*Lubensky* 2013], в котором фиксируются

только фразеологизмы) в качестве главных английских аналогов исследуемого слова даются слова *history* с толкованием ‘ход развития’ (*Русско-английский объяснительный словарь* 2006: 88–89), ‘события прошлого, их описание и изучение’ (*Ермолович, Красавина* 2004) и *story* с пометой ‘рассказ, повествование’ (*Русско-английский объяснительный словарь* 2006: 89). Статья в «Полном англо-русском русско-английском словаре» (*Мюллер* 2013: 1049) ограничивается этими двумя единицами, в то время как в других словарях приводятся аналоги, покрывающие еще одно словарное значение этого слова – ‘происшествие, случай’: указываются слова *event, incident, affair, thing* (*Русско-английский словарь общей лексики*).

Кроме того, иногда даются английские аналоги для более узких употреблений в рамках одного значения: например, в (*Русско-английский объяснительный словарь* 2006: 88–89) указывается, что *history* используется для перевода слова *история* в значении ‘научная, учебная дисциплина’; в (*Ермолович, Красавина* 2004) в качестве перевода понятия *история болезни* приводятся сочетания *case history, case report* и *medical history*, там же упоминается *история успеха* и аналог – *success story*; в (*Русско-английский словарь общей лексики*) указывается соответствие *любовная история* – *love-affair, romance*.

Многочисленные идиоматические сочетания, которые образует слово *история* с другими единицами, тоже описываются в рассмотренных словарях: *войти в историю* – *to go down in history / to pass into history* (*Русско-английский объяснительный словарь* 2006: 88–89) и *to make history* (*Ермолович, Красавина* 2004); *Вот так история!* – *What an awful mess! It's a nice kettle of fish!* (*Русско-английский объяснительный словарь* 2006: 88–89) *a pretty kettle of fish* (*Русско-английский словарь общей лексики*), кроме того, сочетание *a fine / nice / pretty kettle of fish* приводится в (*Lubensky* 2013: 91) как аналог фразеологизма *история с географией* ‘о неожиданном, непредвиденном обороте дела’; *вечная / обычная история* – *always the same* (*Русско-английский словарь общей лексики*), *(it's) the same old story / thing (all over again), there / here we go again* (*Lubensky* 2013: 90); *совсем другая история* – *a different / another story altogether, a horse of a different / of another color, something else altogether* (*Lubensky* 2013: 93); *история умалчивает*

– *history is silent about / on sth; history passes / glosses over sth in silence; sth is a deep dark secret* (в шутовском, ироничном значении) (Lubensky 2013: 92); *Вот такая история – That's how things stand* (Русско-английский объяснительный словарь 2006: 88–89); *попасть в историю* ‘оказаться в неприятном, затруднительном положении’ – *to get oneself into a mess / to get involved in an unpleasant incident* (Русско-английский словарь общей лексики); *долгая / длинная история – that's a long story (to tell)* (Ермолович, Красавина 2004).

Все приведенные значения слова *история*, а также большинство упомянутых фразеологизмов, включающих эту единицу, отмечаются и в толковых словарях русского языка (например, в (МАС 1999: 691)), однако ни в одном из взятых переводных словарей не предлагается перевода для употреблений (1)–(6), представленных выше. Иными словами, семантически опустошенные употребления слова *история*, активно функционирующие в современной речи, не описываются ни в русских толковых, ни в переводных русско-английских словарях. Причиной этому может служить то, что данное слово стало употребляться в таком виде относительно недавно, а рассмотренные словари фиксируют состояние более раннего времени, но, что более вероятно, эти употребления не находят и вряд ли найдут отражение в традиционных словарях, поскольку выходят за рамки литературной нормы.

Тем не менее, современные направления лексикографии – например, концепция «лексикографического портретирования», принципы которой были выработаны Ю.Д. Апресяном и легли в основу «Активного словаря русского языка» (Апресян 2014: 5–36), – дают возможность учитывать все аспекты функционирования слова. На материале проведенного корпусного исследования и с опорой на принципы словарного описания, принятые в «Активном словаре...», был создан проект новой словарной статьи на слово *история*, представленный к дискуссии на XXIX Заседании Студенческого научного общества Филологического факультета СПбГУ (Базаржанова 2023б). В проект словарной статьи вошли все обнаруженные «несловарные» употребления данного слова, в том числе фиксируются значения, реализующиеся в упомянутых употреблениях (1)–(6):

- ‘говорящий утверждает, что объект или ситуация A1 характеризуются как A2’ (в составе именованного сказуемого),

при этом слово *история* может быть опущено из высказывания при небольшой его модификации: *Ходьба на шпильках – не сильно полезная история* = **Ходьба на шпильках – это не сильно полезно / не сильно полезна* (34 подобных употребления в пользовательском подкорпусе);

- ‘некий неопределенный предмет или явление’: *Неправильные глаголы — это такая история* (= штука, вещь, нечто, что-то), которую надо постоянно повторять, как таблицу умножения (58 подобных употреблений в пользовательском подкорпусе);
- ‘определенный предмет или ситуация, известные собеседникам’ (ресемантизированное употребление, подразумевающее, что в ходе утраты исходного лексического значения слово *история* приобретает новое): *Ему выписали несколько лекарств, поэтому я позвонила сиделке, чтобы она организовала эту историю* (имеется в виду прием лекарств) (36 подобных употреблений в пользовательском подкорпусе).

Как выяснилось из обзора русско-английских переводных словарей, опираться на них при переводе таких употреблений слова *история* не удастся. Тем не менее, можно предположить следующее. Наиболее удачными аналогами для семантически опустошенных реализаций слова *история* будут соответствующие активно использующиеся семантически опустошенные слова со значением ‘вещь, предмет, штука’ – *thing*, которое упоминается в словарях как аналог слова *история* в его словарном значении ‘происшествие, случай’, и *stuff*, а также местоимение *something* ‘нечто, что-то’, напр.: *Неправильные глаголы — это такая история, которую надо постоянно повторять, как таблицу умножения* = *Irregular verbs are a thing / stuff / something that needs to be constantly revised, like a multiplication table*; *Ему выписали несколько лекарств, поэтому я позвонила сиделке, чтобы она организовала эту историю* = *He was prescribed several medications, so I called the nurse to organize this stuff*.

Подбор соответствующего десемантизированного аналога кажется очевидным решением в этом вопросе, поскольку наличие семантически опустошенных слов, по всей видимости, является языковой универсалией. Однако если в оригинальном высказывании слово *история* можно опустить без потери смысла при небольшой модификации, то, вероятно, при переводе эта

единица тоже может игнорироваться, ср.: ... она организовала *эту историю* = ...*I called the nurse and asked her to organize this.*

Единственное, о чем можно говорить с уверенностью: перевод рассмотренного слова и других единиц, функционирование которых по тем или иным причинам отражено в словарях не в полной мере, зависит от того, насколько внимателен переводчик к языковым явлениям, выходящим за рамки литературной нормы и словарных описаний.

5. Выводы

Исследование, результаты которого изложены в настоящей статье, может служить еще одним подтверждением, что обращение к периферийным речевым явлениям, выходящим за рамки стандартизированного языка, имеет под собой основание. «Несловарные», де- или ресемантизированные, реализации слова *история* в современной речи – одно из таких периферийных явлений, значимость которых отчетливо обнаруживается при необходимости их перевода на другой язык.

Литература

- Апресян Ю.Д. Об Активном словаре русского языка // *Активный словарь русского языка*. / Отв. ред. и автор предисловия Ю.Д. Апресян. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 5–36.
- Базаржапова А.Д. *Веревочная или ковидная история: семантическое «опустошение» слова в различных типах дискурса // Русская речь*. 2023а. № 1. С. 7–20.
- Базаржапова А.Д. *Инсультная, барьерная, лавандовая: о проекте новой словарной статьи на слово история (из наблюдений над современной повседневной речью) // Тезисы докладов на XXIX Заседании Студенческого научного общества Филологического факультета СПбГУ*. 6 марта 2023 года. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2023б. С. 8–9.
- Богданова-Бегларян Н.В., Бродт И.С. *Русская спонтанная речь*. Спонтанные монологи разных типов. Тексты. Лексические материалы. / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2021. 376 с.
- Вепрева И.Т. *Русская разговорная речь: аспекты изучения и актуальная проблематика*. / И.Т. Вепрева, И.В. Шалина, Т.В. Матвеева // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 3. С. 919–936.
- Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение*. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
- Сибирякова И.Г. Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге // *Русская разговорная речь как явление городской культуры*. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 115–135.
- Сулимова Т.С., Шклярчук Е.Я. Об особенностях совместного употребления единиц *такой* и *чисто* в русской устной речи // *Мир русского слова*. 2021. № 2. С. 45–52.
- Сяоли С. Слово самый в свете активных процессов современной русской речи. Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2023. 337 с. (машинопись).
- Сяоли С., Богданова-Бегларян Н.В. Специфика построения цепочек прагматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык // *Oriental Studies*, Vol. 16, № 1, 2023. С. 211–221.
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Martynenko G. The “One Day of Speech” Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of Everyday Spoken Russian // *SPECOM 2015: Lecture Notes in Artificial Intelligence*. 2015. Vol. 9319. P. 429–437.

Словари

- Ермолович Д.И., Красавина Т.М. Новый большой русско-английский словарь. М., «Русский язык – Медиа». 2004. [Электронный ресурс] URL: https://uni_ru_en.en-academic.com/19326/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F. (Дата обращения: 1.09.2023).
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А – Й / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
- Мюллер В.К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300000 слов и выражений. М.: Эксмо. 2013. 1329 с.
- Русско-английский объяснительный словарь русско-английских соответствий / С.С. Хидекель, М.Р. Кауль. М.: АСТ Астрель Транзиткнига, 2006. 492[4] с.
- Русско-английский словарь общей лексики. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar-vocab.com/english-russian-english/best-collection-vocab/istoriya-4962316.html>. (Дата обращения: 1.09.2023).
- Lubensky, S. Russian-English Dictionary of Idioms. Revised edition. New Haven and London: Yale University Press, 2013. 955 p.

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ
КАК «НЕПЕРЕВОДИМАЯ ИГРА СЛОВ»:
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ
И ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ
И ПРЕПОДАВАНИЯ
В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ***

Богданова-Бегларян Н. В.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Статья посвящена классу наиболее трудных для понимания и перевода на другие языки единиц устного дискурса – прецедентным текстам, которые отражают не только национальную, но и поколенческую ментальность носителей языка. Источниками таких текстов могут быть кинофильмы, стихи, песни, реплики известных артистов или политиков и под. (*мама не горюй; это я удачно зашёл; хотели, как лучше, а получилось, как всегда*). Тексты, содержащие такие фрагменты, могут служить своеобразным тестом на знание русского языка и русской культуры, составляют особый разряд в классе безэквивалентной лексики, сложной для перевода на другие языки, а также требуют комментария не только в иностранной, но зачастую и в русской аудитории.

Ключевые слова:

повседневная речь, речевой корпус, прецедентный текст, ментальный лексикон, нетривиальная речевая единица, безэквивалентная лексика.

---

* Исследование проведено при поддержке гранта СПбГУ (проект № 12403290006-1 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

**PRECEDENT TEXT
AS «AN UNTRANSLATABLE PLAY
ON WORDS»: FUNCTIONING IN RUSSIAN
EVERYDAY SPEECH AND PROBLEMS
OF UNDERSTANDING AND TEACHING
IN A FOREIGN AUDIENCE**

Bogdanova-Beglarian N. V.

Saint-Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Abstract:

The article is devoted to the class of the most difficult units of oral discourse for understanding and translating into other languages – precedent texts that reflect not only the national, but also the generational mentality of native speakers. The sources of such texts can be movies, poems, songs, replicas of famous artists or politicians, etc. (*mama ne goryuy; eto ya udachno zashol; khoteli, kak luchshe, a poluchilos', kak vseгда*). Texts containing such fragments can serve as a kind of test for knowledge of the Russian language and Russian culture; they constitute a special category in the class of non-equivalent vocabulary that is difficult to translate into other languages, and also require commentary not only in foreign, but also in Russian audiences.

Keywords:

everyday speech, speech corpus, precedent text, mental lexicon, non-trivial speech unit, non-equivalent vocabulary.

1. Введение

Преподавание русского языка как иностранного (РКИ) ведется обычно на материале кодифицированного литературного языка (КЛЯ), что правильно со всех точек зрения: и лингвистической, и методологической. Именно такой – практически образцовый – язык лежит в основе богатой русской литературы и делового общения, именно такой (и только такой!) язык может «преодолеть пространство и время», т. е. служить средством общения между разными русскоговорящими территориями и разными поколениями носителей русского языка. Именно такой язык поможет и иностранцу, изучающему русский, освоиться в языковой среде и преодолеть межязыковой барьер.

Все это понятно и справедливо, если бы не одно НО: на кодифицированном литературном языке НИКТО не говорит. Это несомненный образец, к которому надо стремиться, но которого невозможно достичь (идеал недостижим!). Еще в диалогах Платона можно найти мысль, что «правильный по природе язык» существует только *в идее* (цит. по: Звегинцев 1960: 9); речь конкретного человека «никогда не в состоянии отражать полностью абстрактные нормы» (Бонфанте 1960: 299); «мы нигде не найдем образцового языка, если вздумаем его искать. Многие говорят по-французски, но нет говорящих на образцовом французском языке, который мог бы служить нормой и примером для других. Того, что мы называем образцовым французским языком, не существует в речи ни одного говорящего по-французски. <...> Наилучший французский язык – это “идея” (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Б.-Б.) <...>, это *фикция* <...>. Наш лучший французский язык может потерять совершенство от любой ошибки памяти, ослышки или же обмолвки. Этот правильный язык – *идеал*, к которому стремятся, но которого не достигают; это – сила в действии, определяемая целью, к которой она движется; это – действительность в возможности, не завершающаяся актом; это – становление, которое никогда не завершается» (Вандриес 1960: 393); «Единообразие и чистота языка представляют собой лишь *фикцию* и *предрассудок*» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 200); «социальные диалекты в языке <...> образуют как бы пирамиду, сходящуюся в унифицированной письменной форме литературного языка, <...> но в результате незавершенности процессов унификации пирамида остается усеченной и точка схождения (общенациональная “норма”) представляется скорее *идеальным*

предельным понятием, чем осуществленной действительностью» (Жирмунский 1969: 21).

Иными словами, в речи любого носителя КЛЯ обязательно присутствуют элементы, как минимум, разговорной или профессиональной речи; ср.: «Состав элементов и структура языкового сознания сложны, потому что языковое сознание “организуется одновременно вокруг многих центров” (А. Сеше), поскольку люди владеют не только несколькими речевыми стилями одного литературного языка, но и “специальными языками”, социальными диалектами, тяготеющими к литературному языку или являющимися его подсистемами, а также некодифицированными разновидностями языка в виде местных диалектов, жаргонов и проч., не говоря уже о владении иностранными языками» (Гельгардт 1968: 5-6).

Даже если остановиться в перечислении этих особенностей нашего повседневного «языкового существования» (Гаспаров 1996) только на разговорном языке, то и здесь все не так просто, ср.: «РР (разговорная речь. – Н. Б-Б.) – это языковая система, для которой в высшей степени характерно стремление к использованию готовых единиц, всякого рода готовых конструкций, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта. Говорящий, находясь в условиях непринужденного, неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам, стереотипам» (Земская и др. 1981: 6). По мнению Б.М. Гаспарова, мы говорим «коммуникативными фрагментами» (КФ), постоянно используя «отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. КФ – это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» (Гаспаров 1996: 118). Нет сомнения, что все такие «коммуникативные фрагменты» нужно научиться извлекать из речевого материала, их нужно отдельно описывать и специально обучать их восприятию и правильному пониманию иноязычных учащихся. И уже из приведенного высказывания Б.М. Гаспарова становится ясно, что эти КФ могут быть самыми

разными и требуют в ходе описания некоторой систематизации.

2. Прецедентные тексты как разновидность «нетривиального» в повседневной речи

Наблюдения над корпусным материалом показывают, что «в ходе повседневного общения люди довольно часто употребляют нечто неожиданное», «нетривиальное»: это могут быть, например, «термины, употребленные в непрофессиональном общении, или имена собственные, припоминание которых вызвало затруднения у говорящего, эвфемистичные или, наоборот, деэвфемистичные выражения, стилистически сниженные единицы или высказывания, претендующие на обобщение, прецедентные тексты, идиомы или окказионализмы, как лексические, так и идиоматические» (Богданова-Бегларян 2017: 9). Количество такого «нетривиального» в нашей речи достаточно велико, порой подобные единицы употребляются вскользь, без всякого акцентирования со стороны говорящего, а часто требуют каких-то его вербальных реакций (языковой рефлексии). Систематизированное их описание может быть полезно в самых разных аспектах, включая практику перевода или преподавания РКИ, построение речевого портрета конкретного говорящего или конкретного социума, а также лингвистическую экспертизу.

Одним их типов такого «нетривиального» являются *прецедентные тексты* (ПТ), ставшие объектом внимания в настоящей работе. В отличие от многих других разновидностей «нетривиального», вынуждающих говорящего либо вербализовать их ввод в текст, либо реагировать на них с помощью специальных речевых единиц, рефлексивов (*как говорится, скажем так, если можно так сказать* и под.), ПТ, как правило, употребляются без всякой акцентуации, практически неосознанно, автоматически, что и делает их особенно трудными для восприятия и понимания, особенно когда общение происходит на неродном для одного из говорящих языке. Кроме того, ПТ, в отличие от тех же фразеологизмов, идиом или крылатых слов, не фиксируются ни в одном словаре, хотя, несомненно, присутствуют в ментальном лексиконе носителей языка – и это еще усложняет их извлечение из материала (для лингвистического исследования) и понимания в ходе коммуникации (для иноязычных говорящих).

Под *прецедентными текстами* в лингвистике понимают «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным

ранее произведенным текстам» (Костомаров, Бурвикова 1996: 297), и исследователи давно осознали, что практически всякий текст «создается в виде цитатной мозаики» (Kristeva 1980: 66), «наша речь <...> полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» (Бахтин 1986: 460), а «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» (Гаспаров 1996: 14); «можно сказать, что основу нашей языковой деятельности составляет гигантский “цитатный фонд”, восходящий ко всему нашему языковому опыту» (там же: 105). И «языковой опыт», и «языковая память» очевидно различны даже у разных носителей одного языка; можно себе представить, сколько трудностей представляет такой материал для переводчиков или изучающих русский язык как иностранный. Это не просто специфический класс безэквивалентной лексики, но зачастую «непереводимая игра слов», понятная только посвященным. Именно поэтому такие единицы практически никогда не попадают в учебники по РКИ и не вводятся в лексические тесты ТРКИ, даже самого высокого уровня. Однако в русскоязычном общении количество единиц такого рода поистине огромно, ср.: «Что касается любого, самого ординарного, акта “бытового” общения, то пропитывающие его всевозможные источники и прецеденты, восходящие к предыдущему опыту говорящих, безгранично широки и идиосинкретично связаны с жизненным опытом, духовным и эмоциональным миром каждой личности» (Гаспаров 1996: 39). Этим во многом и объясняется актуальность предпринятого исследования.

3. Материал исследования и типология прецедентных текстов

Источником *материала* для настоящего исследования стал корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), фиксирующий наиболее естественную речь носителей языка и содержащий повседневные диалоги и полилоги, происходящие в самых разных коммуникативных ситуациях (<https://ord.spbu.ru>). На его основе удалось построить некоторую типологию (простую систематизацию) ПТ, которая способна в какой-то степени помочь иностранцам, изучающим русский язык на высоких уровнях, а также преподавателям РКИ и переводчикам ориентироваться в русскоязычной речевой стихии. Нет сомнения, что анализировать материал ПТ можно в самых разных аспектах (см.: Богданова-

Бегларян 2018), однако для практических целей вполне полезной и достаточной может оказаться типология по тексту-источнику, которая и предлагается ниже.

1. ПТ – цитаты из фильмов:

- 1) *мама # в чём ? а я тебя в чём-то обвиняю / дочик ? *П в чём ? *П алё / гараж / можно не реветь / *П ну ?* [из к/ф «Волга-Волга» (1938 г.)]¹;
- 2) *давай ты сядешь на табуретку / вот сюда ? # там же Галя% сидит # *Н дали табуретку присесть / да // да я знаешь / пешком постою* [из к/ф «Мимино» (1977 г.)];
- 3) *а / ты же поэт / да / точно // *П # вы мне льстите* [из к/ф «Служебный роман» (1977 г.)];
- 4) *никто не звонил // почти никто // # а с этого места поподробней // # сейчас скажу* [из к/ф «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.) и мн. др.];
- 5) *Саша безусловно учится он ещё не волшебник* [из к/ф «Золушка» (1947)];
- 6) *отлично // *П отлично / *П хорошо пришёл // *П // # да(☺ // *П ты удачно пришёл // *П // # ну ладно / скачивай у меня !* [из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию» (1973 г.)];
- 7) *кто девушку танцует / (...) ой / ужинает / тот её танцует // кто платит / тот и заказывает музыку блин* [из к/ф «Вокзал для двоих» (1982 г.) и мн. др.];
- 8) *военный патруль до сих пор тут ? # да ? *П (☺ эй... # ... их затапливает // *Н находится / ... на ихуне ! @ *Н // *С *П # Верецагин / уходи с баркаса !* [из к/ф «Белое солнце пустыни» (1970 г.)];
- 9) *так / ну что / по ступам !* [из м/ф «Летучий корабль» (1979 г.)].

2. ПТ – цитаты из песен/стихов:

- 10) *ты хочешь кофе ? *П их есть у меня !* [строка из одесской песни, начинающейся словами: *Вы хотите песен? – Их есть у меня!* И пародирующей известный романс Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у

¹ Знак # в расшифровках ОРД означает мену говорящих, *П – это отсутствие всякой фонации, физическая пауза хезитации, синтаксически никак не обусловленная; о других специальных обозначениях в корпусном материале см.: Русский язык... 2016: 242–243.

меня», 1912 г.);

- 11) *нет / они отрезали всё что можно было (э-э) ... @ ага / @ до # до () до основания / а затем / *С а () затем ! # а затем всё пришли мне* [строка из «Интернационала» (1902 г.)].

3. ПТ – цитаты из прозаических художественных произведений:

- 12) *бокалы ... # где бокалы ? # *П бокалы / сервант открой / # а подать сюда бутылку ! # Маринкины% наверху стоят / а мои / сервант открой там / *П уже использованные (ср.: А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* [из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1835 г.)];
- 13) *а кетчуп у тебя есть ? *П не помню / возьму // *П а какой ты предпочитаешь / *П в это время суток ? (ср.: Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?* [из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929-1940 гг.)];
- 14) *ну смотря какая Лингво ещё // *П там везде по-разному // *П у меня десятая / *П была шестая // *П # у Майкла есть // *П # ну у Майкла всё есть / *П как в Греции* [из «Свадьбы» А.П. Чехова (1889 г.)].

4. ПТ – известные фразы разного происхождения:

- 15) *ну это(☺) () господи ! это () н... () находка для шпиона *Н* [фрагмент идеологической перифразы советского периода: *Болтун – находка для шпиона*];
- 16) *а вот сюда пожалуйста глазки на аппарат // не моргаем // и ещё разочек / спокойно // всё // птичка вылетела // *П завтра будет* [ср.: *внимание, сейчас вылетит птичка*, фраза используется фотографами, чаще при съемке детей].

4. Некоторые выводы

Из приведенных примеров видно, сколь богат и разнообразен материал прецедентных текстов, используемых носителями русского языка в повседневном общении. Использование в качестве источника такого материала корпуса ОРД, фиксирующего максимально естественную речь, во многом обеспечивает достоверность полученных данных. Расширение материала за счет привлечения других речевых корпусов вряд ли серьезно изменит

предложенную систематизацию ПТ.

Уже приведенные иллюстрации позволяют сделать ряд интересных наблюдений.

Так, зачастую прецедентный текст **не имеет единственного источника**, ср.: *а с этого места поподробней (4), кто девушку <...> ужинает / тот её танцует (7)*. Подобные ПТ уже фактически стали частью разговорного лексикона и начали самостоятельное существование в нашей коммуникации, практически не ассоциируясь в сознании говорящих с единственным источником.

Прецедентные тексты способны выстраиваться в **синонимические ряды**, используемые порой в одном высказывании, ср.: *кто девушку <...> ужинает / тот её танцует // кто платит / тот и заказывает музыку (7)*.

Типичной и весьма частотной особенностью ПТ является их способность **модифицироваться** (в той или иной степени или в том или ином языковом отношении) в конкретном употреблении, ср.: *ты удачно пришёл / хорошо пришел* *вм. это я удачно зашёл (6)*; *а подать сюда бутылку !* *вм. А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! (12)*; *а какой [кетчуп] ты предпочитаешь <...> в это время суток ?* *вм. Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня? (13)*; *птичка вылетела* *вм. сейчас вылетит птичка (16)*. Модифицированные ПТ в русскоязычном общении едва ли не более частотны, чем исходные (классические), что еще увеличивает сложность их вычленения в потоке речи (для лингвистического исследования) и восприятия и понимания (для иноязычных говорящих). Это наблюдение, впрочем, требует дополнительной проверки на расширенном корпусном материале.

Достаточно часто использование прецедентных текстов в ходе общения перерастает в **языковую игру**, в которую втягиваются оба собеседника (11).

Существуют ПТ двух типов: **национально-прецедентные**, понятные большинству говорящих на русском языке, и **социумно-прецедентные**, понятные определенному социуму (Должикова 2011), что связано прежде всего с поколением носителей языка. Этот факт делает подобный материал еще более сложным для понимания и перевода, но и более интересным для исследования.

В качестве перспективы исследования прецедентных текстов можно предложить серию перцептивных экспериментов на разных

группах носителей языка: как русских разного возраста, так и иностранцах, владеющих русским языком на разных уровнях.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // *Литературно-критические статьи*. М.: Художественная литература, 1986. С. 428–472.
- Богданова-Бегларян Н.В. «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации // *Коммуникативные исследования*. № 4 (14), 2017. С. 9–30.
- Богданова-Бегларян Н.В. Прецедентный текст в устной повседневной речи: возможности лингвистического описания // *Вестник Бурятского гос. ун-та. Филология*. 2018, № 2. Т. 2. С. 19–25.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. «Фонетические законы» // *И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II*. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 189–208.р
- Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики // *В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. М.: Просвещение, 1960. С. 298–319.
- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю // *В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. М.: Просвещение, 1960. С. 386–404.
- Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение. Вып. IX / Ред. вып. И. Прохорова. 1996. 352 с.
- Гельгардт Р.Р. Помехи в понимании речевых сообщений // *Русский язык в школе*. 1968, № 3. С. 3–8.
- Должикова С.Н. Прецедентные феномены в английском языке // *Сфера услуг: инновации и качество*. Вып. 2, 2011. С. 18–27.
- Жирмунский В.М. Марксизм и социальная лингвистика // *Вопросы социальной лингвистики*. Л.: Наука (Лен. отделение), 1969. С. 5–25.
- Звегинцев В.А. Очерк истории языкознания до XIX в. // *В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. М.: Просвещение, 1960. С. 5–24.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // *Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева*. М.: Ин-т русского языка им. В.

В. Виноградова РАН, 1996. С. 297–302.

ОРД – Корпус русской повседневной речи «Один речевой день»
// <https://ord.spbu.ru/>

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Kristeva, Ju. Word, Dialogue, and Novel // *Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press, 1980. Pp. 64–91.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА

Демидов Д. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Обсуждаются две возможности: 1) «имя > глагол» и 2) «глагол > имя». 1-я исторически реализовалась в глаголах на *-ить*, *-ничать*. 2-я исторически побеждает, давая образцы синхронного деривационного отношения типа *ходить* → *ход* и создавая благоприятные условия для обратного словообразования типа *призывать* > *призыв*. Предлагается различать диахроническое словопроизводство и синхронную деривацию, участвующие в словообразовательном процессе. Словообразовательные отношения могут быть только историческими, они рассматриваются как родовое понятие по отношению к словопроизводству и деривации.

Ключевые слова:

Отношения производности, мотивационные отношения, обратное словообразование, грамматикализация, деривация, диахрония, синхрония.

DERIVATIONAL AND WORD-FORMATIONAL RELATIONSHIPS OF NAME AND VERB

Demidov D. G.

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Abstract:

Two possibilities are discussed: 1) “name > verb” and 2) “verb > name”. The 1st was historically realized in the verbs with *-it'*, *-nichat'*. The 2nd historically wins, giving examples of synchronous derivational relations such as *khodit'* ‘to walk’ → *khod* ‘the move’ and creating favorable conditions for reverse word formation such as *prizyvat'* ‘to call’ > *prizyv* ‘the call’. It is proposed to distinguish between diachronic word production and synchronous derivation, which are involved in the word formation process. Word-formation relations can only be historical; they are considered as a generic concept in relation to word production and derivation.

Keywords.

Derivation relations, motivational relations, reverse word formation, grammaticalization, derivation, diachrony, synchrony.

Время исторического бытия народа и его языка не властно отойти в сторону и представить ученым реально развивающийся объект неизменным и вечным. Но если все же с какими-то частными исследовательскими целями в языке не учитывать фактор изменяемости во времени, то мы приходим к условным синхронным отношениям, в которые вступают единицы языка. Такая условность весьма полезна, но только в том случае, если применяется как промежуточный подготовительный прием моделирования остановленного в своем развитии языка, безусловно развивающегося. Обычно выделяют три типа синхронных отношений: **парадигматические, синтагматические и деривационные.**

Парадигматические отношения основаны на нелинейных ассоциациях единиц по тому или иному признаку. Например, по признаку падежа *словоформы* одного и того же имени объединяются в морфологическую парадигму склонения (*дом – дома – дому...*) и могут рассматриваться уже как *формы слова*. С помощью парадигм выделяются единицы низшего уровня, например, из слова выделяются словоизменяемые морфемы (-Ø, -а, -у). Происходит *анализ*, в результате которого внешняя форма отделяется от внутренней. В терминах темы конференции, *форма отделяется от смысла*. В парадигмах форма проступает сквозь смысл. Отсюда следует, что попытки выстроить семантические парадигмы так или иначе оборачиваются выведением логико-понятийной формы из языкового содержания.

Синтагматические отношения всегда линейны. Они объединяют друг с другом единицы в тексте и образуют единицу высшего уровня. Движение языковедческой мысли в этом случае прямо противоположно. Оно *синтетично*. Не из данной единицы высекаются единицы низшего порядка, всегда связанные, а новая единица высшего порядка складывается из свободных исходных единиц. В древности синтагма была дана, а парадигма – задана. В наше время развитой литературно-письменной формы языка дана парадигма, а синтагма – задана. Содержательные элементы, обусловленные внутренней формой, синтезируют внешнюю текстовую форму. *Смысл отливается в форму*. В синтагмах смысл проступает сквозь форму. Отсюда, в частности, следует, что в русском языке порядок слов показывает их коммуникативную значимость в предложении. В аморфном китайском языке эта значимость ничем не затемняется, в русском синтетическом языке

эта значимость надстраивается над формально-грамматической организацией предложения на основе членов морфологических парадигм. Номинативным рядам китайских слогоморфем (слов) в русском соответствуют основы слов, окончаниям – китайские одиночные служебные слова.

В основе **деривационных** отношений лежат семантические мотивационные связи в том виде, в каком они сложились ко времени изучаемого синхронного среза, то есть могут быть и вторичными¹. Формальная сложность учитывается во вторую очередь, но вносится идеальное требование более сложного деривата и более простого дериванта, подобно синтагматическим отношениям. Подобно парадигматическим отношениям, деривационные отношения нелинейны и ассоциативны. Отсюда попытки увидеть в деривационных отношениях так называемые «словообразовательные парадигмы»². Это внутренне противоречивое понятие: члены таких парадигм сосуществуют, но не противопоставлены друг другу непосредственно, поскольку образованы от единого производящего слова.

Только деривационные отношения преобразуют закрытую дихотомию внутренней и внешней формы в открытую триаду содержания – внутренней формы – внешней формы. Синхронная содержательная деривация смыслов языка происходит сначала на ступени наращивания внутренней формы, затем – на второй ступени внешнего оформления: *добр-ый* → *добр-от-* → *добр-от-а*. Ср. *бол-от-о*, *зол-от-о*. Достигнутая внешняя форма, в свою очередь, может стать содержательным основанием дальнейшего хода деривации: *доброт-а* → *доброт-н(ый)* → *доброт-н-ость*. Иначе, в общих терминах конференции, *за-мысел* – *с-мысл* – ***форма***. И всё это – как актуализация в заданной речи данного в языке.

В полном виде определения понятия, в этом случае, ***парадигма*** будет доведением содержания до такой абстракции внутренней формы, от которой возможно отделение формы внешней, иначе говоря, воплощением замысла в осмысленную (жанровую, синтактико-схематическую, словесную) форму; ***синтагма***

---

¹ Вторичная мотивация возникает в результате изменения словообразовательных отношений, см. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М., 2010. С.21 и далее.

² Критику этого понятия см. в ст.: Добродомов И. Г., Камчатнов А. М. Дериватологические призраки // <http://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/DerivatologicheskiePriznaki.pdf> (Дата обращения 23.12.2023). С. 17–18.

будет таким содержательным соединением, которое позволяет внутреннюю форму завершить внешним оформлением, иначе говоря, со-чиненный и по замыслу оформленный в завершенный текст оформленного смысла (произведения, предложения, слова). Наконец, *деривационная цепь* будет порождением единицы речи из умственного (концептуального) содержания языка путем такого нарастания внутренней формы, которое находит новое внешнее оформление; расширительно говоря, порождением нового смысла словесности из первоначального замысла, достигшим законченного оформленного вида (текста, синтагмы, словоформы).

Итак, деривационные отношения строятся на основе

- 1) актуальной мотивации, которая может быть вторичной, и
- 2) нарастания формальной сложности (условие не обязательно). Они моделируют порождение сложных единиц из простых, но не в смысле реального исторического появления новых заданных единиц языка из старых, а в смысле разворачивания какой-нибудь заранее известной модели в данных единицах языка.

Это моделирование требуется верифицировать с помощью привлечения диахронического фактора. И тогда синхронная модель порождения может соответствовать реальному историческому процессу, а может и не соответствовать. Несоответствие вовсе не означает ошибочности и бесполезности в дальнейшем исследовании; напротив, деривационная связь, противоречащая реальной связи словопроизводства, показывает «точки роста» языковой системы, направление ее преобразований, ее динамический потенциал. Возникает тот самый конфликт диахронии и синхронии, который и приводит к существенным историческим сдвигам в системе языка³.

Понятие деривации ввел Ежи Курилович и разделил его на лексическую и синтаксическую⁴. Лексическая деривация происходит при каком-либо сдвиге в лексическом значении. От значения мотивирующего слова что-то отнимается, а что-то добавляется, появляется так называемая «фразеологическая добавка». Следует отличать такую деривацию от развития многозначности в производном слове.

Например, в лексическом значении глагола *белить* число возможных объектов невелико, но этот глагол вовсе не означает

³ См. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. М., 2001.

⁴ Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–70.

‘делать все что угодно белым’. В языке осуществляются 3 самостоятельные деривации с различными мотивациями сообразно объекту: *белый* → *белить*¹ ‘делать белой стену’, *белый* → *белить*² ‘делать белым лицо’, *белый* → *белить*³ ‘делать белым полотно’. Дальнейшая приставочная деривация хорошо показывает эти различия: *побелить*, *набелить* и *отбелить*. Лексическая деривация способствует выпадению среднего бесприставочного члена словообразовательной цепи. Если модель приобретает продуктивность, то в дальнейшем складывается конфиксальное словообразование: *долг*⁵ > *одолжить*, *задача* > *озадачить*; *домашний* > *одомашнить*, *жестокый* > *ожесточить*; *наружу* > *обнаружить* и т.д. В образовании этих глаголов нет бесприставочной ступени, действует сложный аффикс *о(б) ... и(ть)*, который точнее всего назвать конфиксом. К этой же словообразовательной модели относится и *белый* > **белить*⁴ → *обелить* (человека).

Отыменная лексическая деривация, как правило, совпадает с направлением словопроизводства, но, в отличие от прилагательного *белый*, существительное *тормоз* дает всего одну деривацию: *тормоз* → *тормозить*. Метафорические значения в производных приставочных глаголах развиваются параллельно, приставки не специализируются.

В краткой записи: *белый* → *(но)белить стену*, → *(на)~ лицо*, → *(от)~ полотно*; → **белить / обелить человека* ‘оправдать’; но *тормоз* → *(за-, при)тормозить* ‘останавливать, замедлять, препятствовать’ (‘(при)остановить, замедлить, воспрепятствовать’) в прямом и переносном значениях.

В деривации *тормоз* → *тормозить форма* как бы опережает метафорический *смысл*, поскольку разные приставочные модификации глагола подчиняются одной и той же метафоре. Наверное, так творят формалисты. В четырех самостоятельных деривациях *белый* → *белить / (но-, на-, от-, о)белить смысл* опережает *форму*, и поэтому каждый из трех омонимичных глаголов приобретает свою собственную видовую пару. Наверное, так творят символисты и нынешние концептуалисты.

Имена действия дают синтаксическую деривацию; имена лиц выделяют в действии субъект и поэтому создают лексическую деривацию типа *учить* → *учитель*, в отличие от имен действия,

⁵ Знаком « > » мы обозначаем отношения словопроизводства, знаком « → » – деривационные отношения.

которые создают только синтаксическую деривацию.

Синтаксическая деривация сохраняет лексическое значение исходного слова, но изменяет синтаксические связи в предложении: предикативное выражение *ученик хорошо выполнил задание* трансформируется в словосочетание *хорошее выполнение задания учеником*.

Синтаксическая деривация всегда понижает ранг глагола, сдвигает его с главенствующего места в синтаксической иерархии, поэтому ее единственно возможным направлением может быть «глагол → имя». Направления словопроизводства могут быть двоякими: «глагол > имя» или «имя > глагол».

В случае деривации мотивационные отношения зависят от сложившейся к нашему времени модели. Они устанавливаются так, как требуют этого продуктивные смысловые отношения, и оправдывают направление деривации. Так, при рассмотрении мотивационных отношений между словами *пила* и *пилить* мы имеем две возможности. Одна соответствует реальным отглагольным именам с инструментальными значениями: *мыть* > *мыло*, *тесать* > *тесак*. Другая соответствует реальным отыменным глаголам со значением ‘производить действие, для которого предназначен инструмент’: *пылесос* > *пылесосить*.

В развивающемся во времени языке складываются первичные отношения словопроизводства, от которых зависят вторичные синхронные отношения деривации. Отношения словопроизводства возникают на основе первичной смысловой мотивации и могут обогащаться новыми моделями на основе вторичной мотивации. Производящая словоформа, слово или выражение обычно появляется раньше производного слова. Эти отношения включаются в общий словообразовательный процесс. Если он направлен от имени к глаголу, то обобщенным словообразовательным значением для целого ряда глаголов 2-го спряжения становится значение ‘делать то, что как-то связано с производящим именем существительным’.

В частности, производящее имя может называть инструмент: *труба* > *трубить*, *сверло* > *сверлить*, *руль* > *рулить*; в том числе такой инструмент, который становится объектом трудового действия: *винт* > *винтить*. Заимствованный характер двух последних производящих слов указывает на продуктивность модели.

Оно может обозначать вещество, которое используют для

приготовления или изготовления чего-либо: *соль* > *солить*, *масло* > *маслить*, *клей* > *клеить*. Или такое вещество, которое образуется в результате действия, названного производным глаголом: *пыль* > *пылить*, *дым* > *дымить*, *пена* > *пенить*.

Оно может обозначать физическое или психическое состояние: (вкусовая) *горечь* > *горчить*, (моральная) *горечь* > *огорчить*, *грусть* > *грустить*, *печаль* > *печалить*.

Оно может обозначать речевое, моральное или физическое действие или состояние: *слава* > *славить*, *хвала* > *хвалить*, *мир* > *мирить*, *ссора* > *ссорить*; *халтура* > *халтурить*, *плен* > *пленить*; *срам* > *срамить*; *мука* > *мучить*. При переносе лексического значения производящего слова на конкретные предметы могут развиваться и объектные отношения: *дар* > *дарить*, *корм* > *кормить*.

Наконец, оно может обозначать лицо, по которому называется действие: *друг* > *дружить*, *гость* > *гостить*, *чудак* > *чудачить*, *нянька* > *нянчить*, *посадник* > *посадничить*. В трех последних случаях в основе происходит закономерное чередование *к//ч*.

Итак, по аналогии с уже состоявшимися отношениями типа *труба* > *трубить* мы устанавливаем и отношения словопроизводства между словами *пила* > *пилить*. По НКРЯ⁶, слово *пила* известно уже в XII веке, а глагол *пилить* появляется только в начале XVIII века. Системный вывод нашел свое хронологическое подтверждение.

Важным эффектом словообразовательного процесса является переразложение. Например, отыменные глаголы 2-го спряжения, показанные выше, первоначально образовались в том числе и от имен лиц на *-ник* типа *посадничить*. Но от этих глаголов стали быстро производиться новые многократные глаголы 1-го спряжения на *-ать*: *посадынькѣ* > *посадынькити* > *посадничать*. Среднее звено в этом словообразовательном процессе выпало, и глаголы стали производиться непосредственно от прилагательных и даже от первоначальных более простых существительных. Серия переразложений дала новые составные форманты с *-а-* при чередовании согласного основы *к//ч* (*озорник* > **озорничить* [как *посадничить*] > *озорничать*), затем *-ича-* (*озорничать* > *озорничать*, опираясь на *нервы* > *нервн-ый* > *нервн-ичать*), наконец, *-нича-* (*нервн-ичать* > *нерв-ничать*, опираясь на *Паяс* > *паяс*

---

⁶ <https://ruscorpora.ru/>. (Дата обращения 10.10.2023)

ничать).

Как видим, среди производящих имен могут быть и заимствованные. Интересно, что именно в производном глаголе сохраняется старое французское, а не новое итальянское произношение слова *паяц*. Вариант *паяс* и появился несколько раньше (по НКРЯ, впервые у В. Т. Нарезного в 1814 г.), и был распространен в первой половине XIX века шире, чем современный вариант *паяц*, который, по НКРЯ, впервые появился у Ф. В. Булгарина в 1829 г.

Возможные противоречия между деривационными отношениями и отношениями словопроизводства можно показать на примере стихотворения Пушкина «Пророк»:

И вял я неба *содроганье*,
И горний ангелов *полет*,
И гад морских подводный *ход*,
И дольней лозы *прозябанье*.

В словах *содроганье* и *прозябанье* противоречий между синхронной деривацией и диахроническим словопроизводством нет. Для слов *полет* и *ход* как будто бы устанавливается формальная деривация от глаголов *лететь* и *ходить*. Однако в первом случае никакого семантического (а значит, и мотивационного) оправдания этому решению нет, потому что приставка *по-* придает глаголу *лететь* начинательное значение, которого у Пушкина нет, а строгой синтаксической деривации отвечает пара *лететь* → *полет*. Глагол *ходить* отыменной и означает 'производить ход' вообще, движение в неопределенном направлении. В наше время этот глагол свободно заменяется на производящее имя, которое приобрело функцию деривата. По всей вероятности, простейшие имена типа *ход*, *лет* были способны независимо от глагола присоединять к себе приставки, в частности *по-*, отсюда новые отношения между глаголами *идти*, *ходить* и *поход*. Они не могут быть названы деривационными. Между этими словами остаются лишь синтагматические связи: *идти/пойти*, *ходить/сходить в поход*.

Итак, при *содрогаться* > *содроганье*, *прозябать* > *прозябанье* = *содрогаться* / *содрогнуться* → *содроганье*, *прозябать* → *прозябанье* имеется противоречие: *лет* > *лететь*, *лет* > *полет*, но *лететь* → *полет*; *ход* > *ходить*, *ход* > *поход*, но *идти* / *ходить* → *ход*.

У Н. С. Трубецкого можно найти указания на чередования

согласных, которые в одном случае показывают отглагольное образование имен (*теку* > сущ. *течь*, *скакать* > *скач*, *носить* > *ноша*; *плакать* > *плач*, *кликать* > *клич*; *пеку* > *печь*, *секу* > *сечь*, *сеча*; *пряду*, *прясть* > *пряжа*, *студить* > *стужа*, *купить* > *купля*, *гребу* > *гребля*, *ловить* > *ловля*), в другом случае – отыменное образование глаголов (*бег* > *бежать*; *звук* > *звучать*, *треск* > *трещать*, *брюзга* > *брюзжать*, *писк* > *пищать*, *визг* > *визжать*, *рык* > *рычать*, *дребезги* > *дребезжать*, *крик* > *кричать*, *стук* > *стучать*, *скрип* > *скрипеть*, *храп* > *храпеть*, *свист* > *свистеть*, *шелест* > *шелестеть*)⁷. В первом случае мы видим глаголы движения, эмоционального извлечения звука, производственного или, шире, какого-то хозяйственного действия. Во втором случае образуется меньше глаголов движения, но есть множество глаголов звучания.

Благодаря деривационным отношениям типа *ходить* → *ход*, противоречащим отношениям словопроизводства «имя > глагол», складывается обратное словообразование типа *призывать* > *призыв*, в котором производящий глагол оказывается сложнее производного имени в структурном отношении⁸.

Представляется, что родовое понятие «словообразовательные отношения» может быть только историческим, видовые понятия синхронных «деривационных отношений» и диахронических «отношений словопроизводства» имеют взаимодополняющий характер. В определенные эпохи новые деривационные отношения могут противоречить прежним отношениям словопроизводства, и тогда возникает вторичная мотивация, на основе которой строятся новые отношения словопроизводства.

⁷ рубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1967. С. 67–142. С. 127.

⁸ На испанском материале этот вопрос был рассмотрен уже 63 года тому назад, см. Арутюнова Н. Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации // Вопросы языкознания, 1960, №2. С. 71–80. На русском материале обратное глагольно-именное словообразование рассматривается в работах: Демидов Д.Г., Юй Цзы-Лань. Как образовались имена существительные без суффиксов типа *призыв*, *разгар*, *отрыв*? О прямом и обратном словообразовании // Русская речь, 2021, №3. С. 19–30; Демидов Д. Г., Юй Цзы-лань. Прямое и обратное словообразование приставочных имен существительных без суффиксов типа *забег*, *ответ*, *поход*, *призыв*. Нерешенные вопросы // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 1. С. 13–26.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации // *Вопросы языкознания*. 1960. №2. С. 71–80.
- Демидов Д.Г., Юй Цзы-Лань. Как образовались имена существительные без суффиксов типа призыв, разгар, отрыв? О прямом и обратном словообразовании // *Русская речь*. 2021. №3. С. 19–30.
- Демидов Д.Г., Юй Цзы-лань. Прямое и обратное словообразование приставочных имен существительных без суффиксов типа *забег, ответ, поход, призыв*. Нерешенные вопросы // *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*. 2022. Вып. 1. С. 13–26.
- Добродомов И.Г., Камчатнов А.М. Дериватологические признаки. [Электронный ресурс] URL: <http://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/DerivatologicheskiePriznaki.pdf>. (Дата обращения: 23.12.2023).
- Косериу Э. *Синхрония, диахрония и история*. М., 2001.
- Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // *Курилович Е. Очерки по лингвистике*. М., 1962. С. 57–70.
- Николаев Г.А. *Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы*. М., 2010.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>. (Дата обращения: 10.10.2023).
- Трубецкой Н.С. Морфонологическая система русского языка // *Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии*. М., 1967. С. 67–142.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «ПЕРЕНОСНОГО» УПОТРЕБЛЕНИЯ ВРЕМЕН В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КОРПУСЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА (НА МАТЕРИАЛЕ «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА И ПОВЕСТИ АМОСА ОЗА «СУМХИ»)

Дресер И.

Университет имени Давида Бен-Гуриона в Негеве
Беэр-Шева, Израиль

Аннотация:

Данное исследование сосредоточено на сравнении грамматических значений времен глаголов в таких типологически далеких друг от друга языках, как русский и современный иврит. Оба языка располагают формами прошедшего, настоящего и будущего времен изъявительного наклонения, что может свидетельствовать о сходстве в их грамматических значениях. В обоих языках систематически наблюдаются расхождения между значениями глагольных времен и реальным контекстом их употребления, вследствие чего времена приобретают “переносное” значение. Мы предлагаем преодолеть это расхождение, сформулировав общие (инвариантные) значения для каждой формы времени, которые бы обуславливали все ее частные употребления, как прямые, так и “переносные”. Исходя из теории языкового знака, разработанной учеными Колумбийской школы лингвистики (см. Diver, “Theory”; García; Tobin, *Invariance*), мы предложим общее семантическое содержание для систем времен русского языка и иврита, соотносящееся с *ego, hic et nunc* (моментом речи) говорящего (пишущего) субъекта, и сравним “переносные”

употребления временных форм изъявительного наклонения в параллельном корпусе, представленном «Колымскими рассказами» Варлама Шаламова и повестью Амоса Оза «Сумхи», а также их художественными переводами на иврит и русский язык соответственно.

Ключевые слова:

инвариантные значения; категория времени; Колумбийская школа лингвистики; перевод иврит/русский и русский/иврит

**SIGN-ORIENTED CONTRASTIVE STUDY
OF “FIGURATIVE” TENSE USAGE IN
A PARALLEL CORPUS (BASED ON
“*KOLYMSKIYE RASSKAZY*”
 (“KOLYMA TALES”) BY VARLAM
SHALAMOV AND THE STORY “*SUMKHI*”
BY AMOS OZ)**

Igor Dreer

Ben-Gurion University of the Negev
Be'er-Sheva, Israel

Abstract:

The focus of our study is a comparison of the grammatical meanings of verb tenses in such typologically distant languages as Russian and modern Hebrew. The forms of the past, present, and future tenses make up the category of the indicative mood in both Russian and Hebrew which may indicate a similarity in their grammatical meanings. Discrepancies between the meanings of verb tenses and the real context of their use are systematically observed in both languages. As a result, tenses acquire “figurative” meanings. We suggest overcoming this discrepancy by formulating general (invariant) meanings for each tense, which will underlie all its particular uses, including “figurative” ones. Based on the Columbia School sign-oriented linguistic framework (see Diver, “Theory”; García; Tobin, *Invariance*), we will postulate a common semantic content for the systems of Russian and Hebrew tenses, correlating with the *ego, hic et nunc* (moment of speech) of the speaker (writer) and compare “figurative” uses of tense forms of the indicative mood in our parallel corpus, represented by “*Kolyma Tales*” by Varlam Shalamov and “*Sumkhi*” by Amos Oz, and their literary translations into Hebrew and Russian, respectively.

Keywords:

invariant meanings; tense; Columbia School; Hebrew/Russian and Russian/Hebrew translation

1. Введение

В настоящее время существует особый интерес к переводческим корпусным исследованиям, представляющим семантические эмпирические данные для описания сходств и различий между языками. Говоря в общем, цель литературного перевода заключается в точной передаче художественного смысла исходного текста (далее ИТ) средствами языка перевода (далее ЯП). ИТ на одном языке и его соответствующий перевод на другой язык или текст перевода (далее ТП) формируют параллельный корпус (см. Altenberg and Granger 7–8; Malmkjær 539).

Литературный замысел автора проявляется через выбор грамматических форм, основанных на значениях этих форм в исходном языке (далее ИЯ) и на контекстуальных сообщениях, которые они передают. Иными словами, оставляя в стороне индивидуальный стиль переводчика, по сути, он стремится соотнести две системы, принимая решение в пользу того или иного способа выражения авторского замысла на основе инвентаря грамматических форм и их значений, а также контекстуальных сообщений в ЯП. В связи с этим возникает вопрос, почему автор использует именно эти грамматические формы и почему переводчик переводит их именно так.

Чтобы объяснить использование языковых форм как в ИТ, так и в ТП, необходимо определить концептуальную сущность языка и выделить основные единицы его анализа. Колумбийская школа лингвистики (далее КШЛ), принятая здесь, рассматривает концепт сосюрковского знака, то есть связи означающего и означаемого (см. Saussure 67), в качестве основной аналитической единицы. Учитывая его универсальный или межкультурный характер, такой знаково-ориентированный подход может быть применен к анализу любого перевода (см. Sangster 9). Сказав это, мы должны оговориться, что мы не предполагаем существования языковых универсалий и не утверждаем, что языки различаются просто в своей формальной структуре, используя разные формы для передачи одного и того же значения. Напротив, мы считаем, что каждый язык представляет собой особый взгляд на мир и, следовательно, должен изучаться сам по себе. Тем не менее, факт остается фактом: языки можно сравнивать для выявления их сходств и различий.

В данной работе мы проводим сравнительный анализ

употребления временных форм в русско-ивритском параллельном корпусе, включающем в себя ИТ на обоих языках – русскую оригинальную версию “Колымских рассказов” Варлама Шаламова (*Собрание сочинений*) и ивритскую оригинальную версию повести Амоса Оза (*Oz Sumkhi*), а также ТП на иврит (*Šalamov Sipurei Kolyma*) и русский язык (*Сумхи*) соответственно. Примеры на иврите сопровождаются английским переводом, который выполняет функцию лингва франка, позволяя буквально передать ивритский текст.

Использование параллельных корпусов обосновывается тем, что тексты в них передают эквивалентные сообщения. Это позволяет устанавливать соответствия грамматических категорий между ИЯ и ЯП. Именно на основе этих соответствий можно выявить значение категории времени в обоих языках.

Учитывая это, основной целью нашего исследования является определение степени сходства между значениями категории времени в русском и иврите путем изучения того, как “переносные” употребления временных форм в ИТ передаются в ТП.

2. Категория времени в русском языке и иврите: гипотеза

Вместо создания каталога темпоральных функций, мы предложим альтернативный, ориентированный на знак, анализ употребления времен в русском языке и иврите. Несмотря на принадлежность обоих языков к разным языковым семьям (славянской и семитской соответственно), они делят одни и те же грамматические системы, связанные с восприятием событий¹ говорящим и/или пишущим (далее адресантом) в момент речи и/или письма. Оба языка имеют относительно простые временные системы, включающие прошедшее, настоящее, и будущее время.² Эта аналогия в инвентаре временных форм может предполагать сходство их грамматических значений. Основываясь на инвариантных значениях, постулируемых для каждого времени

---

¹ Здесь и далее имеется в виду событие в широком смысле, охватывающее действия, процессы, состояния или собственно события в узком смысле.

² В русском языкознании категория времени часто анализируется совместно с категорией вида, выступая контекстуальной рамкой или призмой, через которую проявляется значение вида. Подробнее см. (Forsyth; Князев; Маслов; Падучева; Золотова, “Аспекты изучения”; “Категория времени”; Золотова и др.). Иврит имеет в своем распоряжении перифрастическое (сложное) прошедшее время, состоящее из прошедшего времени вспомогательного глагола-связки *lhiot* ‘быть’ и настоящего времени соответствующего смыслового глагола. За недостатком места мы не рассматриваем здесь эти темы в подробностях, за исключением случаев, когда это необходимо для понимания использования времени в ИТ и ТП.

глагола в двух временных системах, данное межъязыковое исследование рассмотрит примеры “переносного” употребления временных форм в ИТ и ТП в нашем параллельном корпусе.

Следуя подходу Тобина (Tobin “Modern Hebrew Tense”; “Space, Time”; “The ‘Future’ Tense”) к анализу времен в иврите, мы утверждаем, что категория времени глаголов в русском языке и иврите представляет собой семантическое сочетание двух грамматических систем, связанных с пространственно-временно-экзистенциальным и чувственно-опытным восприятием событий в момент речи и/или написания (Tobin, “The ‘Future’ Tense” 464). Значение или семантическое содержание первой системы связано с обобщением опыта адресанта или группы людей (в представлении адресанта), а именно, *было ли событие пережито, прочувствованно или осознанно адресантом к моменту речи или написания* (см. Tobin, “The ‘Future’ Tense” 467). Тобин (Tobin “Space”; “The ‘Future’ Tense”) называет эту дейктическую систему System of Experience (Система опыта). Мы предлагаем называть ее ‘Системой пережитого опыта’. Полагаем, что и в русском языке, и в иврите данная система имеет два инвариантных значения:

- (a) *Пережитое* означает, что событие было пережито, прочувствовано или осознанно адресантом.
- (b) *Непережитое* означает, что событие не было пережито, прочувствовано или осознанно адресантом.

Таким образом, значение *Пережитое* неизменно связано с морфологией настоящего и прошедшего времени, тогда как значение *Непережитое* связано с морфологией будущего времени в русском языке и иврите. В контексте настоящего времени важно отметить, что значение *Пережитое* охватывает как события, непосредственно отнесенные к моменту речи, так и регулярно или нерегулярно повторяющиеся события, а также общие истины, выходящие за рамки настоящего момента. В случаях, когда настоящее время используется для описания события без его отнесенности к моменту речи, адресант ссылается на свой пережитый опыт, подчеркивая, что данное регулярное или обобщенное событие является актуальным или действительным и в момент речи в силу своей регулярности или обобщенности. То же относится и к использованию прошедшего времени, посредством

которого адресант не указывает на прошедшее событие, а скорее выражает свой пережитый опыт, вне зависимости от того, произошло ли данное событие или нет (см. Sangster 38).

Якобсон (Jakobson, *Russian and Slavic Grammar* 6), говоря о претерите (как он называет прошедшее время) в русском языке, утверждает, что эта форма выражает, по сути, не конкретное время, а лишь разрыв непосредственной связи между субъектом и действием. Бондарко (“Система глагольных времен” 31) в комментариях работы Исаченко утверждает, что значением разобщенности процесса с моментом речи обладают не только форма прошедшего, но и будущего времени, тогда как значение настоящего времени указывает на непосредственную связь между субъектом и выполняемым действием (“Темпоральность” 24). В отличие от прошедшего и будущего времен, можно утверждать, что в значении настоящего времени отсутствует дистанция между обозначаемыми событиями и их восприятием адресантом в момент речи и/или написания. Другими словами, настоящее время подразумевает, что события находятся в пространственной, временной или экзистенциальной близости к адресанту. Учитывая это, мы постулируем вторую систему, с которой сочетается категория времени в русском языке и иврите и которая позволяет отделить настоящее время от прошлого и будущего в обоих языках. Тобин (Tobin, “Space”; “The ‘Future’ Tense”) называет эту систему Space-Time-Existence System (Система Пространства-Времени-Существования), семантическое содержание которой связано с локализацией события относительно его восприятия адресантом в момент речи и/или написания (см. Tobin, “The ‘Future’ Tense” 466). В русском языке и в иврите Система Пространства-Времени-Существования также имеет два инвариантных значения:

- (a) *Близкое* означает, что событие находится в пространственно-временнo-экзистенциальной близости к адресанту и связано с морфологией настоящего времени в русском языке и иврите;
- (b) *Удаленное* означает, что событие находится на пространственно-временнo-экзистенциальном расстоянии от адресанта и связано с морфологией прошедшего и будущего времени в русском языке и иврите.

Таким образом, основываясь на предложенных сочетаниях грамматических систем, морфология времени в русском языке и иврите может быть представлена следующим образом:

- (а) настоящее время в русском языке и иврите одновременно означает *Пережитое, Близкое*;
- (б) прошедшее время в русском языке и иврите, включая прошедшее совершенное и несовершенное в русском, а также прошедшее и перифрастическое (сложное) прошедшее в иврите одновременно означают *Пережитое, Удаленное*;
- (с) будущее время в русском языке и иврите, включая будущее несовершенное и совершенное в русском, а также непосредственно будущее в иврите одновременно означают *Непережитое, Удаленное*.

Из вышесказанного следует, что использование морфологии времени в обоих языках определяется интерпретацией события адресантом относительно его/ее “здесь и сейчас” в момент речи и/или написания, а не исключительно реальным временем его реализации (хотя использование категории времени часто отражает реальное время события).

3. Коммуникативные стратегии “переносного” употребления категории времени в ИТ и ТП

Содержательное различие в морфологии времени используется как в ИТ, так и в ТП для различных коммуникативных целей, которые обычно называются коммуникативными стратегиями в теории КШЛ (см. Diver, “Theory”; García; Reid, *Verb and noun*). Под коммуникативными стратегиями мы понимаем регулярное, стандартизированное или идиоматическое сочетание конкретного значения с другими значениями для передачи определенных сообщений. Постулирование коммуникативных стратегий представляет собой тенденцию к соответствию и систематическому использованию языковых знаков. Эта тенденция является результатом “давления”, которое социальная группа оказывает на своих членов в направлении стандартизированного использования (Diver, “Theory” 78), что в итоге улучшает общение. Одна из коммуникативных стратегий, заключается в том, что времена глаголов используются для отражения объективных отношений в реальном времени как в ИТ, так и в ТП. Мы проанализируем примеры использования мор-

фологии времени в ИТ и ТП для передачи “переносных” значений, демонстрируя иные коммуникативные стратегии, обусловленные постулированными инвариантными значениями.

3.1 Использование настоящего “исторического”

Пример (1) демонстрирует так называемое стилистическое или эмоционально-экспрессивное использование настоящего времени для описания прошлых событий, как если бы они наблюдались в ‘момент речи’ (Forsyth 150).

- (1) *В тридцать седьмом в Улан-Баторе **идем** мы по улице с товарищем. Время обедать. На углу - китайская столовая. **Заходим. Смотрю** меню: китайские пельмени.* (Шаламов 145)

*bi-shnat shloshim u-sheva, be-ulan-bator; ‘ani **holekh** ‘im khaver be-rekhov. ‘arukhat tsohoraim. ba-pina – mis’ada sinit. **nikhnasim.** ‘ani **bodeq** ‘et ha-tafrit: kisanim siniyim.* (Šalamov 150)

In thirty-seven, in Ulan Bator, I **am walking** with a friend down the street. Lunchtime. On the corner – a Chinese restaurant. We **are entering**. I **am checking** the menu: Chinese dumplings.

Как в ИТ, так и в ТП, настоящее время, означающее *Пережитое*, *Близкое*, используется для наиболее волнующих событий, которые эмоционально затрагивают адресанта и изображаются так, как будто они разворачиваются у нас на глазах.

3.2 Использование настоящего времени для описания будущих событий

В примере (2) настоящее время используется для описания запланированных будущих событий. Значение *Пережитое*, *Близкое* настоящего времени и более широкой контекстной информации позволяет адресанту представить будущее как происходящее в настоящем и, тем самым, выразить уверенность в том, что описываемое событие обязательно произойдет.

- (2) *‘ani **nikhneset** ‘akshav la-mita ve-**mistovevet** la-qir; she-tukhal lehistader beintaim.* (Oz 75)

Я сейчас ложусь и поворачиваюсь к стенке, чтобы ты смог устроиться на ночь. (Оз 54)

I **am getting** now into the bed and **turning** to the wall so you can bed down in the meantime.

3.3 Использование будущего времени для описания событий в настоящем

Будущее время в сочетании с отрицанием и нереферентным субъектом в форме 2 л. ед. ч. может использоваться для выражения невозможности выполнения действия в момент речи, как показано в примере (3).

- (3) *Мы ели в полной темноте - барачные бензинки освещали карточное поле, но, по точным наблюдениям тюремных старожил, ложки мимо рта не пронесешь. (Шаламов 51) [= не можешь пронести]*

'akhalnu be-khashekha mukheletet, be-'od menorot ha-benzin meivot 'et sade miskhaq ha-qlafim, 'akh al-smakh nesyonam ha-meduyak shel vatikei-kele – ha-kaf lo takhti 'et ha-pe. (Šalamov 15) [= lo yekhola lehakhti]

We ate in total darkness, while the gasoline lamps illuminated the card playing field, but based on the precise experience of prison old-timers – the spoon **will not miss** the mouth.

В данном примере импликация событий в настоящем возникает из-за того, что семантика невозможности выполнения действия не предполагает конкретной локализации во времени. Используя будущее время со значением *Непережитое, Удаленное*, адресант допускает повторение подобных событий, подчеркивая их обыденный характер.

3.4 Императивное употребление будущего времени

В русском языке и особенно в иврите будущее время может использоваться для выражения просьб и пожеланий вместо императива, как в примере (4). Императив используется для

побуждения к действию, что актуально для событий, которые еще не произошли. С этой точки зрения, у будущего времени, означающего *Непережитое*, *Удаленное*, есть семантическое сходство с императивом. Однако, в рамках этой императивной стратегии, будущее время не обладает той же степенью побудительной силы, что императив. Использование будущего времени предпочтительно в тех случаях, когда немедленное или точное выполнение просьбы, приказа или требования не имеет первостепенного значения (см. Tobin, “The ‘Future’ Tense” 476).

- (4) «*После **зайдешь***», — сказал Иван Петрович. — *Направишь. А теперь вот колун... И потом **сложишь**, только не в коридоре, а прямо в квартиру тащи.* (Шаламов 147)

“*akhar-kakh tikanēs,*” amar ivan petrovitsh, “*ve-
teyasher et ha-masor. beintayim qakh garzen... kshe-
tesayem, terakez et ha-’etsim le-’arema, ‘aval lo ba-
misdaron – qakh otam yashar la-dira.* (Šalamov 153)

“Then you **will come in**,” said Ivan Petrovich, “and **straighten** the saw. In the meantime, take an axe... When you are done, you **will gather** the wood into a pile but not in the hallway – take it straight to the apartment.”

В иврите предпочтительным выбором для отрицательных просьб или запретов является использование будущего времени, введенного словом ‘*al* (‘не’), как в *примере* (5). В русской литературе аналогичное использование будущего времени считается более характерным для разговорного языка (см. [РГ] 619–620, 634).

- (5) *la-rekhov geula ‘al tered, ki sham mitrotsetsim nehagim britim mi-makhane shneler.* (Oz 22)

На улицу Геула ты не поедешь, там всегда носятся британские шоферы из лагеря “Шнеллер”... (Oz 19)

You **will not go down** to Geula Street, because it is too full of the comings and goings of the British drivers from the Schneller Barracks.

В этих сообщениях адресант имеет наименьший контроль над реализацией своего запроса или команды, как указано в работе Тобина (Tobin, “The ‘Future’ Tense” 479). Эта характеристика соответствует постулированному значению будущего времени *Непережитое, Удаленное*.

4. Заключение

Подводя итог, мы показали, что изучение взаимного соответствия переводов на основе знаково-ориентированного подхода КШЛ способствует нашему пониманию даже таких типологически далеких языков, как русский и иврит.

Литература

- Altenberg, B. & Granger, S. Recent trends in cross-linguistic lexical studies. In Altenberg, B. & Granger, S. (Eds.) *Lexis in Contrast. Corpus Based Approaches*. John Benjamins, 2002. Pp. 3–48.
- Diver, W. Theory. In Contini-Morava, E., Goldberg, B. S. & Kirsner, R. S. (Eds.), *Meaning as Explanation: Advances in Linguistic Sign Theory*. Berlin: Walter de Gruyter, 1995. Pp. 43–114.
- Forsyth, J. *A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge University Press, 1970.
- García, Erica C. *The Role of Theory in Linguistic Analysis: The Spanish Pronoun System*. North Holland, 1975.
- Jakobson, R. *Russian and Slavic Grammar: Studies 1931-1981*. Berlin: Walter de Gruyter, 1984.
- Malmkjær, K. Love thy neighbour: Will parallel corpora endear linguists to translators? *Meta: Translators' Journal*, vol. 43(4). Pp. 534–541. <https://doi.org/10.7202/003545ar>.
- Oz, Amos. *Sumkhi*. Am `Oved, 1978.
- Reid, W. *Verb and noun number in English: A functional explanation*. Longman, 1991.
- Šalamov, Varlam. *Sipurei Kolyma*. Translated by Roy Chen, Yedioth Ahronoth, 2005.
- Sangster, R. B. *Reinventing Structuralism: What Sign Relations Reveal about Consciousness*. De Gruyter Mouton, 2013.
- Saussure, Ferdinand de. *Course in General Linguistics*, edited by Charles Bally, Albert Sechehaye, and Albert Riedlinger. Translated by Roy Harris. Éditions Payot & Rivages, 1916. Duckworth, 1983.
- Tobin, Y. Modern Hebrew Tense: A Study of the Interface of Objective and Subjective Spatio-temporal and Perceptual Deictic Relation. *Temporalsemantik: Beiträge zur Linguistik der Zeitreferenz*, edited by Veronika Ehrich, and Heinz Vater, Niemeyer, 1988. Pp. 52–80.
- Tobin, Y. Space, Time and Point-of-view in the Modern Hebrew Verb. *From Sign to Text: A Semiotic View of Communication*, edited by Yishai Tobin, John Benjamins, 1989. Pp. 61–92.
- Tobin, Y. The ‘Future’ Tense in Modern Hebrew: From Sign to Text. *Folia Linguistica*, vol. XXIV/3–4, 1990b. Pp. 457–512.
- Tobin, Y. *Invariance, Markedness and Distinctive Feature Analysis: A Contrastive Study of Sign Systems in English and Hebrew*. John

- Benjamins, 1995.
- [РГ]. *Русская грамматика*, под ред. Наталия Юльевна Шведова. Т. 1. Наука, 1980.
- Бондарко, А.В. Система глагольных времен в современном русском языке. *Вопросы языкознания*, 3, 1962, С. 27–37.
- Бондарко, А.В. Темпоральность. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*, под ред. Александр Владимирович Бондарко, Наука, 1990, С. 5–58.
- Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., и Сидорова. М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Российская Академия Наук, Институт Русского Языка им. В. В. Виноградова, 2004.
- Золотова, Г.А. Аспекты изучения категории глагольного времени. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, Т. 34(3), 1975, С. 248–258.
- Золотова, Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста. *Вопросы языкознания*, Т. 3, 2002, С. 8–29.
- Князев, Ю. П. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. Языки славянских культур, 2007.
- Маслов, Ю. С. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. Языки славянской культуры, 2004.
- Оз, Амос. *Сумхи. Пантера в подвале*. Перевод Виктор Радуцкий, 2П, 2015.
- Шаламов, Варлам. *Собрание сочинений. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты*. Книжный Клуб Книговек, 2013. Первоначально опубликован в 1954.

МЕТАТЕКСТ КОММЕНТАРИЕВ В ОНЛАЙН-КОМЬЮНИТИ: ЭТИКА ЮМОРА В ЯЗЫКОВЫХ ОЦЕНКАХ*

Дускаева Л. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Иванова Л. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Доклад посвящен исследованию метатекста комментариев пользователей онлайн-комьюнити, которые вовлекаются в научно-популярный диалог средствами комического. Исследование речевой активности пользователей в сообществе, разоблачающем лженауку, показывает, что ироничные смыслы в метатексте комментариев рождаются из совокупности смыслов, в основе которых возражение в виде недоверия, недоумения, удивления, пренебрежения и осуждения. Демонстрируя нелепость лженаучных течений, смех в метатексте комментариев развивает онлайн-диалог, стимулирует к рефлексии.

Ключевые слова:

возражение, научно-популярный, юмор, комическое, ирония, метатекст, онлайн-комьюнити, этика юмора, языковая оценка, ирония.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации».

COMMENTS' METATEXT IN THE ONLINE COMMUNITY: ETHICS OF HUMOR IN LANGUAGE ASSESSMENTS¹

Duskaeva L. R.

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Ivanova L. Y.

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Abstract:

In research, the comments' metatext in online community is analyzed where subscribers are involved in popular science dialogue by the means of comic. A study of the speech activity of users in the community exposing pseudoscience shows that ironic meanings in the comments' metatext are born from a set of meanings based on objection in the form of distrust, bewilderment, surprise, neglect and condemnation. Demonstrating the absurdity of pseudoscientific trends, laughter in the metatext of comments develop an online dialogue and stimulates reflection.

Keywords:

objection, popular science, humor, comic, irony, metatext, online community, ethics of humor, language assessment

---

¹ The study funded by the Russian Science Foundation. Grant No. 22-18-00184 "Speech practices of objection and ways to overcome them in popular science media communication".

До сих пор на периферии научных исследований остается исследование роли смехового начала в научном диалоге, хотя первоначальный анализ использования средств выражения юмора в ходе передачи реакции возражения высветил перспективность такого анализа (см., например: Лебединская 2022). В исследовательской литературе в медиакоммуникации выделены разные этические формы юмора – злая насмешка (Gasek 2021), глумление (Щеглова, Прокофьева 2020), стеб (Cingerová, Dulebová 2021), издевка (Duskaeva, Ivanova 2021), пранк (Дускаева, Щеглова 2020), троллинг (Дускаева, Коняева 2017) и т.п. В докладе остановимся на рассмотрении юмора в научно-популярном диалоге. В использовании юмора кроется стремление насмешника “возразить”, отвергнув объект осмеяния как носителя антинаучной позиции.

Ранее в коллективном исследовании ученых нескольких славяноязычных стран *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication* (2021) был представлен метод анализа комических практик, выявленных в комментариях пользователей сети, а именно: выяснены факторы формирования деонтической модальности юмористического медиадискурса, которые рассматриваются в трехступенчатом диалогическом цикле. Первой ступенью цикла выступает то сообщение, которое передает информацию о мишени юмора (протоситуации). Юмористическое коммуникативное действие (вторая ступень) направлено против той этической аномальности, проявившиеся в протоситуации. Третья ступень – этическая оценка юмора со стороны аудитории. Средством оценки выступает способность смеха высвечивать порочные, в чем-то нелепые чужие речевые поступки, которые стремятся представить в лучшем свете. Своим смехом субъект колет, язвит, подзуживает, издевается, подстрекает, усмехается или забавляется. Иными словами, отражая аномальность чьих-то действий, юмор подпитывается критическим, возражающим взглядом на них. Как было выяснено в монографии о сетевом речевом этикете (Duskaeva 2021) и последующих исследованиях (Щеглова 2023), в ходе коммуникации отдельные речевые действия участников получают коммуникативную и этическую оценки в комментариях. В научно-популярной коммуникации комментарии пользователей образуют метатекст, который содержит информацию об отношении говорящего к предмету речи или к третьим лицам. Рассмотрим, как смехоречевая реакция в отношении представителей лженауки

встраивается в метатекст комментариев.

Научно-просветительская работа в современной коммуникации ведется не только в виде распространения проверенных знаний, но и в виде возражения ложным и антинаучным утверждениям. В качестве противодействия лженауке создаются независимые объединения и официальные организации профессионалов, такие как российский научно-просветительский форум «Ученые против мифов» (эл. ресурс: <https://uch.pm>) и Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Как отмечают популяризаторы науки, одним из наиболее эффективных средств противодействия антинауке выступает юмор. Так, просветитель А. Соколов говорит, подчеркивая юмористический характер своих проектов, призванных просвещать по принципу «от противного», т.е. с помощью развенчания ошибочных представлений: «Развивается просвещение, но и пропагандисты всяческого мракобесия тоже не спят и активнее используют разные каналы и формы коммуникации с публикой. Поэтому расслабляться нельзя. Мы боремся с этим явлением, в том числе учредили премию «Почетный академик ВРАЛ» за выдающийся вклад в распространение антинаучных и псевдонаучных идей» (Forbes.ru. 24.02.2021).

Для анализа избран YouTube-проект «Прожектор лженауки»², в выпусках которого используется юмор для критики антинаучных идей. Автор и ведущий А. Соколов посвящает видеоматериалы известным лженаучным теориям и последовательно объясняет, в чем состоит их фейковость. Позиция лжеученых в видео представляется в виде комических скетчей, в которых сам же автор, переодевшись и загримировавшись, нарочито упрощенно или гипертрофированно абсурдно «защищает» ложную позицию. Например, в видео «Мумии гуманоидов Наска: большая афера» показан персонаж, поверивший в подлинность мумий-гуманоидов. Его излишняя доверчивость высмеивается: *«Вы поймите, подделка такого уровня немыслима! Да и кто может меня с моим чутьем, с моим опытом обмануть?.. Что, настоящий шотландский виски за 300 рублей, скидка заканчивается через пять минут, срочно заказываю два, нет, три ящика!»* Наивность персонажа подчеркивается с помощью его речевых реакций на заведомую ложь (манипуляцию в рекламном объявлении), что, очевидно,

² <https://www.youtube.com/playlist?list=PLatxnvKxleL7j0ntm8A3ALvf87PffGke>

должно экстраполироваться на всех последователей ложных идей.

Комментарии поддерживают возражение, направленное против ненаучных подходов и теорий, причем юмористический подход получает:

1) развитие юмористической линии в метатексте, которое происходит как вербальными средствами, так и с помощью эмодзи:

@vombatbombat409

Да, это вам не кыштымский гуманоид Алешенька.

Оценочная частица *это вам не*, введена после слова-предложения подтверждения. Обычно частица выражает похвалу, но, обращенная в данном случае к заведомо несуществующим объектам (*кыштымский гуманоид*), является метатекстовым показателем (поскольку дана оценка речи) нелепости сказанного.

@user-ri3rr1up5f

Алешенька вообще-то андроид гуманоидов, звездных войн! Метатекстовое замечание уточнения вводится в реплику не для реального уточнения информации, сколько для поддержки речевой игры, усиливает оценку нелепого.

@user-fl7bt7un8i

8 летний я с серией книг из журнала по почте про тайны и загадки планеты: не может быть 🤖

В метатекстовом замечании, высказанном в серьезной тональности, на иронию, передающей противоположный сказанному смысл, указывает только эмодзи обливающегося слезами.

@user-of1tq2kp9n

Уверен, что Александра наняли инопланетяне, чтобы он прикрывал их темные делишки своими умными видео и конференциями

На ироничное возражение в комментарии указывает только нелепость утверждения *наняли инопланетяне*, а также контекстуальная антонимичность *темные* – *умные*.

@user-zp9gj1cf5n

Коллекционер и черный копатель в исполнении Соколова – это тот КВН, которого мы так и не дождались)

На ироничное отношение к сказанному, вызвавшему недоверие, указывает аллюзия, созданная упоминанием КВН (телепередачи шуток, смеха, веселья) и знак улыбки).

@user-mk6zy9mg7y

Доброе время суток! Мне кажется, что неправильно вы

называется))) Есть же "изгоняющие" демонов из людей), правильно было бы называться изгоняющие Рен Ти Ви и иже с ними из людей))))), это шутка конечно!!!

Реплика продолжает начатую игру высмеивания того, что явно не вызывает доверия. Игра продолжается трансформацией идиом, метатекстовым указателем *это шутка конечно*, а также многократно повторенным эмодзи-знака улыбки.

Подхватывая игру, предложенную автором, пользователи продолжают шуточное рассуждение о правдивости фейка, а затем вводят в метатекст слова, указывающие на присутствие в их речи юмора: *Сарказм если что))*; *Все написанное - лютый сарказм! :)*; *P.s. это если что сарказм ((((☹️☹️); Наука с юмором - наше всё!*

2) продолжение в осуждении последователей лженауки. Оно может быть представлено в воссоздании их ироничного портрета, в перечислении абсурдных суждений, в выражении недоумения. В следующем примере ироничное отношение к увлеченным лженаучными течениями звучит как разоблачение:

@user-fh4qp9fd4m

Была у меня знакомая семья в году так 2008-м. Он – заслуженный военный на пенсии, она – заслуженный учитель на пенсии. Тоже всё какие-то энергообручи делали с кем-то. Сам видел образцы, но не тестил) В инвестконторы по типу "ммм" деньги вкладывали и т.д. Типичные фанаты xPEH-TV. Были знакомые похлеще, один прям упоротый старовеер-экстремист, как говорится перун, марун и вся фигня..., а забавно, что его знакомые всякие гадалки, "потомственные ведуньи", энергомаги и другая херомантия... столько лет прошло, а он в той же теме, при том что профессия у него основная - техническая, он в СССР родился и выучился. Но обряды, видимо, прибыльные, промывает лохов. Помню, Этакая коммуналка у одного собственника. И таких примеров гора. Накопилось за годы.

Ироничное разоблачение составляет взаимодействие нескольких смыслов:

а) недоверия – выражено единицами неопределенности (какие-то энергообручи, делали с кем-то, его знакомые всякие...), ироничным обыгрыванием наименований – учреждений (инвестконторы по типу «ммм»), телеканала (xPEH-TV) с сомнительной репутацией,

б) отзвук удивления и недоумения содержится в

контекстуальной антитезе характеризующего типа (*Он – заслуженный военный на пенсии, она – заслуженный учитель на пенсии. Но образовательный и социальный статус этих людей противоречит нелепости их действий: Тоже всё какие-это энергообручи делали с кем-то. В инвестконторы по типу «ммм» деньги вкладывали и т.д. Типичные фанаты xPEH-TB), при том что профессия у него основная - техническая, он в СССР родился и выучился;*

в) пренебрежения – выражается в наименованиях тех, чье поведение кажется неадекватным: *перун, марун и вся фигня..., гадалки, «потомственные ведуньи», энергомаги и другая херомантия;*

г) осуждения: *упоротый старовер-экстремист, в квартире у него (как и у другого знакомого фаната, но рпц) тогда было как в старой дедовской квартире, где всё навалено, ободранные стены, лампы работают через одну, затёртые линолеумные полы с трещинами и пошарканными следами от обуви;*

д) осмеяния: *а забавно, что ...*

е) рефлексивах как показателях метатекста (*как говорится*).

В кратких комментариях возможны высмеивающие метатекстовые рефлексивы:

@franzhummel241

Через месяц после публикации ролика количество дизлайков составляет 1,88%. Считаю это репрезентативной выборкой, показывающей количество рептилоидов среди нас.

Как видим, возражение выступает в качестве опровержения, когда оно насыщено разнообразными смыслами, формирующими иронию: недоверие, недоумение и удивление, пренебрежение и осуждение. Анализ материала показал, что в демонстрации нелепости лженаучных течений смех играет значительную роль. Выражая разные чувства в диалоге (недоумения, удивления, осуждения), смех обнажает социальные противоречия и аномалии, а вместе с тем делает зримым, с одной стороны, отсутствие ценности предмета речи, с другой стороны, подчеркивает высокую социальную значимость истинного знания.

Думается, смех способствует утверждению высокой роли познания мира в том случае, когда гиперболизацией противоречия заостряется внимание на нарушениях культурных норм и вскрывается бесперспективность и смехотворность отступлений от них. Тем самым смешное способствует очищению общества,

утверждению социального оптимизма. Смех устанавливает истинные ценности через раскрытие смешного в мнимом, неестественном, лживом, несправедливом. Так смешное выступает оружием культуры, позволяющим адекватно оценивать пошлость и низость, вскрывать невежество, неосведомленность, кичливость, мешающие научному прогрессу.

Литература

- Дускаева Л.Р., Щеглова Е.А. Восприятие комического текста-бранка в диалоге сетевого общения: постановка проблемы // *Медиалингвистика*. 2020. Т.7. № 2. С. 238–249. DOI: 10.21638/spbu22.2020.207.
- Коняева Ю.М. Глумление как деструктивная форма троллинга в медиатексте // *Век информации*. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 56-го международного форума: в 2 томах. Т. 1. СПб., 2017. С. 37–38.
- Лебединская Е.Ю. Ирония как возражение в научно-популярных сетевых медиатекстах: основные механизмы // *Диалог-спор в научно-популярной коммуникации*: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю.М. Коняева. СПб.: Медиатапир, 2022. 184 с.
- Щеглова Е.А. Этикетность женского сетевого дневника // *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. №1. С. 87–103. DOI: 10.21638/spbu22.2023.105.
- Щеглова Е.А., Прокофьева Н. А. Глумление как форма «антиповедения» в современном медиадискурсе // *Язык, право и общество в координатах массмедиа*: сб. мат. III Международ. науч. конф. (Москва, ИЗИСП, 25–26 сентября 2019 г.) / под ред. И. В. Анненковой, Л. Р. Дускаевой. М.: ИЗИСП, 2020. С. 483–486.
- Cingerová N., Dulebová I. Uštipačnosť' and correctness in Slovak online humour // *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication* (1st ed.). Ed. L. Duskaeva. Abingdon - NY: Routledge, 2021. Pp. 127–138.
- Duskaeva, L. (Ed.) *Speech Etiquette in Slavic Online Communities*. Cham : Palgrave Macmillan Cham, 2021. 301 p.
- Duskaeva, L. (Ed.) *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication* (1st ed.). Abingdon - NY: Routledge, 2021. Pp. 127–138.
- Duskaeva, L., Ivanova L. Humour as izdevka (gibe) // *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication* (1st ed.). Ed. L. Duskaeva. Abingdon - NY: Routledge, 2022. Pp. 59–76.
- Gasek B. Humour as a provocation of kpina (mockery) and wyszydanie (derision) in the Polish political segment of Twitter // *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication* (1st ed.). Ed. L. Duskaeva. Abingdon - NY: Routledge, 2022. Pp. 97–111.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО ДЕЛОВОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Зорина Е. С.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Мызникова Я. В.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

В статье описывается опыт работы с языковым материалом для создания двух учебных пособий: «Деловой русский язык на каждый день» и «Государственный русский язык для эффективной коммуникации» (рабочее название). Обучение особенностям функционирования современного русского языка предполагает обучение речевым жанрам той или иной сферы функционирования. Основной проблемой при определении принципов презентации повседневной речи в пособиях является соблюдение баланса между необходимостью предлагать сложный лексический и грамматический материал деловой сферы и сферы функционирования русского языка как государственного и важностью акцентирования внимания на конструкциях и лексике, типичных для повседневного общения.

Ключевые слова:

учебное пособие, деловой русский язык, русский язык как государственный, повседневная речь

**PRESENTATION OF EVERYDAY SPEECH
IN THE TEXTBOOKS FOCUSED
ON THE BUSINESS RUSSIAN LANGUAGE
AND NATIONAL LANGUAGE
(LINGUISTIC ASPECT)**

Zorina E. S.

St. Petersburg State University
St.-Petersburg, Russia

Myznikova J. V.

St. Petersburg State University
St.-Petersburg, Russia

Abstract:

The article deals with the experience of working under the two textbooks: «Business Russian for Everyday» and «The State Russian Language for the effective communication» (working title). The main aspect of teaching the modern Russian Language in its functioning is to form the communicative competences. The main goal herein is to show the features and the variety of everyday speech in different speech genres. The question of choosing and presentation of everyday speech in the textbooks is the subject for discussion. It is worthwhile to keep the balance between the presentation of the lexical and grammar material of the business and national language and focussing on the everyday speech peculiarities.

Keywords:

textbook, business language, national language, everyday speech, the Russian language

Вопрос о государственном русском языке и его статусе имеет сегодня принципиальное социальное и просветительское значение. Об этом свидетельствует, во-первых, особый интерес к данной сфере у специалистов самых разных областей, а также широкое обсуждение понятий «государственный русский язык» и «русский язык как государственный» и близких понятий: «деловой язык», «язык государства», «официально-деловой стиль современного русского литературного языка». Здесь следует отметить деятельность Института проблем государственного языка СПбГУ, цель создания и деятельности которого – комплексное междисциплинарное исследование проблем государственного русского языка РФ. Из последних значимых событий – Круглый стол на XV Конгрессе МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 12–16 сентября 2023 г.) «Проблемы лингвистического анализа юридически значимых текстов», который привлек специалистов из сферы образования, юриспруденции, бизнеса, государственной службы; и круглый стол «Русский язык – язык правотворчества в СНГ» в рамках Международной конференции «Русский язык – основа интеграционного диалога в регионе СНГ» (Санкт-Петербург, 26–27 октября 2023 г.). Во-вторых, потребность в создании учебных пособий, ориентированных на разную аудиторию: государственные служащие, бизнесмены, юристы, студенты и школьники – в которых предлагаются методические разработки, направленные на освоение норм официально-делового стиля современного русского литературного языка и на формирование лингвистических компетенций использования русского языка как государственного. Такие учебные пособия создаются в Санкт-Петербургском государственном университете, что дает возможность поделиться опытом.

Безусловно, разработка пособий требует совместной работы юристов и лингвистов, определения точек соприкосновения юриспруденции и языкознания, решения целого ряда прагматических аспектов, поиска компромиссов и определения границ каждой научной и практической области. Такая работа требует времени и взаимного уважения, однако уже сегодня можно поделиться рядом практических методических наблюдений. Речь идет о двух учебных пособиях. Одно из них уже успешно используется – «Деловой русский язык на каждый день».¹ Важно

---

¹ Деловой русский язык на каждый день: учеб.-метод. пособие / отв. ред. Л.Б. Волкова. Т.И. Попова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.

отметить, что пособие получило положительную обратную связь от широкой аудитории, несмотря на то, что целевой аудиторией предполагались иностранные граждане с уровнем владения русским языком ТРКИ-1 и выше. Второе пособие имеет рабочее название «Государственный русский язык для эффективной коммуникации». Материалы пособия проходили апробацию в 2022/2023 учебном году. Целевая аудитория пособия – учащиеся российских учебных заведений среднего и среднего специального образования (а также все, кто желает повысить свою языковую и коммуникативную компетенцию в сфере использования русского языка как государственного).

Позволим себе представить наблюдения практического и методического характера, связанные с созданием пособий. Первым принципиальным вопросом является определение понятий «государственный язык» и «деловой язык». В законе Российской Федерации определение понятия «государственный русский язык» связано со сферами его функционирования. Функциональное определение понятия имеет здесь юридическое и лингвистическое значение: русский язык в статусе государственного обслуживает те сферы деятельности граждан Российской Федерации, где использование русского языка имеет юридическое значение и регламентируется законом.

Методический, дидактический и лингвистический аспекты подготовки показали необходимость освещения только тех сфер, с которыми могут быть знакомы или в рамках которых могут самостоятельно действовать учащиеся средних и средних специальных учебных заведений. Вторым моментом здесь является необходимость выбора речевых жанров (устных и письменных), на примере которых будут выработаны соответствующие коммуникативные компетенции обучающихся. Таким образом, целесообразный список сфер и жанров оказался следующим:

1. Взаимоотношения органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан РФ:

1) Подготовка и составление следующих текстов:

- резюме и портфолио (ситуация: прием на работу, собеседование);
- заявления о приеме на работу и автобиография (ситуация: взаимодействие с отделом кадров);
- подготовка заявления в апелляционную комиссию (общение

с апелляционной комиссией (очная апелляция/консультация)).

2. Деловая переписка (электронная и мессенджеры; комментарии на сайтах):

1) с учителем/руководителем/наставником/начальником и коллегами;

2) с государственными органами, в том числе обращения на сайтах;

3) с некоммерческими и коммерческими организациями: спортклуб, библиотека и т.п. (ситуация: общение с сотрудниками ресепшн, отделом продаж; библиотекарем).

3. Оформление документов, устанавливающих права гражданина. Оформление: договора, доверенности, права собственности и вступление в наследство; написание объяснительной записки.

4. Реклама:

- составление текстов различных объявлений (особое внимание уделяется вопросу о нелитературных средствах и агрессии в рекламе)

5. Язык СМИ:

1) блогосфера;

2) подкасты, радио;

3) школьные газеты, информационные листы, репортажи

6. Язык культурно-просветительских, зрелищных мероприятий:

1) тексты ведущих для школьных и студенческих концертов, капустников, выступление на различных конкурсах.

Для работы над пособием, посвящённым деловому русскому языку, в основу определения ситуаций, в которых иностранец, живущий и/или работающий в России, может испытывать затруднения в понимании или порождении текстов в рамках официально-делового стиля, так же положен критерий актуальности. Однако здесь фокус несколько смещен в сторону прагматики типичных ситуаций, например: взаимодействие с миграционным контролем, получение разрешения на работу, регистрация брака, приобретение бытовой техники, получение услуг на почте, составление деловых писем и т.д.

Сложность выбора собственно языкового материала связана как с широтой и неоднозначностью аспектов внимания в пособиях, так и с необходимостью придерживаться принципов

коммуникативности, наглядности и познавательности. Во-первых, термины официально-делового стиля, употребления которых требуют как сферы функционирования государственного языка, так и ситуации общения в рамках деловых отношений, представляют собой особую группу лексики, специфика которой заключается в том, что:

- термины не имеют синонимов (нельзя заменить термины на лексику разговорного стиля с целью упростить материал);

- термины могут состоять из двух и более слов, что значительно увеличивает объем лексического материала, например: *согласие на обработку персональных данных; заявление на регистрацию заключения брака* и т.д.);

- не является методически правильным предлагать сокращенные варианты терминологических сращений в качестве единственного варианта, например: *регистрация по месту жительства – регистрация*;

- термины имеют четко атрибутивное значение - возможность понять значение термина из контекста отсутствует, например: *закрепленный за школой участок территории; справка Форма 9*.²

Во-вторых, в числе активно используемых грамматических конструкций официально-делового стиля есть такие, которые не используются больше ни в одном функциональном стиле современного русского литературного языка, например: *В связи с проведением строительных работ на участке от улицы Широкой до пересечения улиц Зимней и Ботанической, а также в связи с затрудненным движением в часы-пик, Морской проезд открыт для проезда в обе стороны* – детерминативные конструкции большого объема с производными предлогами. Следует отметить, что тексты официально-делового стиля могут вызывать затруднения при чтении и понимании и у специалистов. В определенной степени «усложнение» наблюдается и в устной форме деловой коммуникации. В связи с этим, в основу подбора и презентации языкового материала, как для пособия по деловому русскому языку, так и для учебника по государственному русскому языку, была положена повседневная речь носителей русского языка. В обучающих целях создаются «конструкты», которые,

---

² Зорина Е. С., Косарева Е. В. Из опыта создания учебно-методического пособия «Деловой русский язык на каждый день»: от замысла к воплощению // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. Сборник научных трудов VII Международной научно-методической конференции. Санкт-Петербург: Национально минерально-сырьевой университет «Горный», 2019. С. 256–261.

с одной стороны, отражают особенности и характерные черты повседневной речи носителей русского языка в той или иной ситуации, а, с другой, выполняют обучающую функцию, то есть содержат весь необходимый для формирования коммуникативных компетенций у обучающегося материал как лексический, так и грамматический. Внимание также уделяется знакомству с различными речевыми жанрами.³

В качестве примера приведем фрагмент диалога «Ах, эта свадьба» (тема «Регистрация заключения брака»), который начинается с контактоустанавливающей части, так как обучение этикетным формулам является важным на предполагаемом уровне владения русским языком:

Айгуль: Привет! Прости, я немного опоздала. Задержалась на работе.

Марат: Привет, дорогая! Ничего, я так и понял. Что закажем?

Айгуль: Я буду салат, кофе и булочку с корицей. А ты?

Марат: А я возьму пиццу и тоже кофе. Сейчас закажу.

Айгуль: Да, спасибо!

Марат: А я тебя сегодня очень ждал.

Айгуль: Да? А что такое?

Следующая часть диалога вводит лексику и конструкции по теме урока:

Марат: Я хочу попросить твоей руки! Хочу сделать тебе предложение: быть моей женой. Вот кольцо, которое я выбрал для тебя...

Айгуль: Марат! Это так трогательно! Я так счастлива! Кольцо великолепное! Как ты угадал, что мне понравится такое?

Марат: Я очень старался. Ты согласна?

Айгуль: Да, конечно!

Марат: Теперь нам надо пойти и подать заявление.

Айгуль: Да! А как это сделать, ты знаешь?

Марат: Мы можем подать на портале Госуслуг. Помнишь, я тебе говорил, что я там зарегистрировался. Или записаться к регистратору, чтобы в очереди не ждать потом. Как ты хочешь?

Айгуль: Я думаю, надо записаться, пойти в ЗАГС и там

---

³ Карасик В. И., Бейлинсон Н. С. Речевой жанр и речевое действие // Ученые записки Российского государственного университета, 2010. № 1. С. 123–126.

заполнить заявление. А потом отметить это!

Марат: Хорошо, я согласен. Когда можем пойти?

Айгуль: Как работает наш **отдел ЗАГСа?** Ты узнавал?

Марат: Конечно! Вечером во вторник и четверг; среда и суббота – утром.

Айгуль: Давай попробуем **записаться на вторник!**

Марат: Сейчас посмотрю, есть ли **свободное время для записи.** Да, есть, вторник через неделю в 10.30. У тебя во вторник выходной? Пойдем?

Айгуль: Да! А какие документы нам нужны?

Следующая часть диалога выстраивается с учетом особенностей повседневной спонтанной речи носителей языка, поэтому в диалоге появляются характерные усеченные конструкции, инверсия (объект обсуждения выносится на первое место), несогласованные определительные конструкции:

Марат: Паспорта и **квитанция об оплате госпошлины.** *Я до вторника оплачу.* Еще надо решить, хотим ли **мы торжественную церемонию регистрации** или **обычную.**

Айгуль: Отлично! *Думаю, торжественную.* Будет красиво! Как хорошо, что ты все узнал. А в субботу можно пригласить мою маму в гости. Она будет рада! *А твоим родителям позвоним.*

Марат: Да, здорово! Я все узнал заранее, потому что *Миша недавно женился, я с ним работаю, я тебе говорил, помнишь?*

Завершающая часть диалога содержит важные для темы урока слова и сочетания, но фокус внимания смещается в сторону презентации особенностей спонтанной речи, что находит свое пунктуационное оформление (многоточия, восклицательные и вопросительные знаки):

Айгуль: Да. И что?

Марат: Он из Молдавии, поэтому они могли **зарегистрировать брак** только во **дворце бракосочетаний,** и нужны были еще документы.

Айгуль: А, понятно. Спасибо тебе! Я так счастлива!

Марат: И я! Ты теперь моя **невеста!**

Айгуль: Теперь надо думать о **свадьбе!** Что бы ты хотел?

Марат: Не знаю... Ну, праздник какой-то...

Айгуль: Ты что?! Какой-то... Надо выбрать стиль, **платье, фату,** букет и костюм, ресторан или кафе, меню, украшения,

ведущего, список гостей... Столько всего!

Марат: Да? Я как-то и не подумал... Я готовился к сегодняшнему дню. Думаю, у тебя лучше получится все это выбрать и решить.

Айгуль: Нет, только вместе с тобой. Ты же жених!

Марат: Ах, эта свадьба! Ну, конечно!

Безусловно, данный диалог является обучающим, однако, именно диалоговая форма предполагает презентацию лексического материала урока и широкого спектра особенностей неподготовленной повседневной речи носителей русского языка. С целью введения лексического материала урок начинается с небольшого текста «Мы решили пожениться!». Текст является повествованием, написанным от первого лица. Перволичное повествование открывает возможность презентовать ряд конструкций, характерных для повседневной речи, например: *«Когда мы придем в ЗАГС, мы заполним заявление и подадим его регистратору. В отделении ЗАГС может быть очередь на подачу заявлений. Это серьезное дело!»*

Для формирования необходимых письменных коммуникативных компетенций в уроке представлен образец документа «Заявление о заключении брака» и бланк для самостоятельного заполнения обучающимися.

Еще более сложной является задача отбора языкового материала для формирования компетенций, связанных с русским языком как государственным. Во-первых, пособие ориентировано на носителей русского языка (в первую очередь), поэтому важным является познавательный аспект и расширение общего кругозора (рассказы о персоналиях, событиях, традициях и т.п.).

Во-вторых, необходимо определить ряд терминов и научить пользоваться ими, в частности, учащиеся должны знать такие термины (и понятия), как *дееспособность, договор, доверенность, нотариус*. В задачи входит освоение обучающимися элементарных особенностей официально-делового стиля, например, правильного использования имен, фамилий и отчеств, учитывая тот факт, что в официальных документах здесь не может быть орфографических вариантов. Обучение письменной речи предполагает знакомство с документами: доверенность, заявление и объяснительная записка. Здесь важно обратить внимание на различия спонтанной речи и письменной: не *«потому что плохо себя почувствовал»* – а *«в связи*

с плохим самочувствием»; не *«попал в аварию по пути на работу»* – а *«в связи с дорожно-транспортным происшествием»*.

В-третьих, многие ситуации знакомы учащимся, например: переписка с учителем и коллегами по кружкам, проектным группам, волонтерской работе по электронной почте или в мессенджерах; составление текстов различных объявлений, текстов для школьных газет, социальных сетей школы; подготовка текстов для ведущих различных школьных мероприятий.

Например, в разработке для сферы *«Язык культурно-просветительских, зрелищных мероприятий»* предлагаются задания на определение степени серьезности мероприятия: *«Распределите поводы и темы мероприятий: 1) очень серьезные; 2) серьезные; 3) образовательные и просветительские; 4) развлекательные; 5) поздравительные: День Победы (праздник 9 Мая), концерт для младших школьников по случаю начала учебного года, поэтический батл в рамках олимпиады по литературе, физкультурный квест «Быстрее, выше, сильнее!», презентация группового проекта по программированию, концерт для выпускников, учителей и родителей, новогодний капустник и дискотека, отчетный концерт театральной и вокальной студии, научный квест для учеников 5-6 классов «Мир науки», конкурс по краеведению «Мой город – лучший город на Земле» и т.д.*

Следующие задания связаны с логикой последовательности номеров в концертной программе. В этом задании вводится термин *«подводка»* (небольшой текст, который произносят ведущие, перед непосредственным объявлением номера, подводка настраивает зрителей на восприятие номера). И здесь целесообразным представляется введение материала повседневной речи данного речевого жанра. В задании предлагается подобрать подводки к разным номерам школьного мероприятия: песенный номер; представление жюри; слово директора школы; приглашение Дедушки Мороза; фольклорный номер; танцевальный батл; вручение дипломов; грамот; видеоролик о каком-либо событии школьной жизни и т.п. Для выбора предлагаются следующие тексты, которые соответствуют функции речевого жанра, но при этом не лишены черт, характерных для спонтанной речи:

1. Мы рады приветствовать участников конкурса, которые сейчас готовятся и волнуются за кулисами, однако наше мероприятие не состоится и без них. Профессиональное,

- справедливое, мудрое жюри! Аплодисменты! Итак, представляю членов жюри!
2. А сейчас мы предлагаем всем проснуться и улыбнуться: наш ансамбль «Споем-ка» исполнит забавные и бодрые частушки!
  3. Песня – наш «верный друг навсегда». Музыка и песни помогают нам в сложных ситуациях, развлекают, бодрят, сопровождают в путешествиях. Но особое значение для нас имеют песни, которые исполнялись в годы Великой Отечественной Войны. Эти песни невозможно слушать без слез на глазах. Открываем вторую часть нашего концерта – «Песни военных лет».
  4. Всем привет! Начинаем наш танцевальный батл! Жюри на месте, участники готовы. Приветствуем участников!
  5. Уважаемые зрители! Слово предоставляется директору школы Ивановой Анне Семёновне! Встречаем!
  6. Мы продолжаем наш отчетный концерт и следующий номер представят воспитанники творческой студии «Земляника». Они споют песню, которую сочинил ученик 7 А класса Андрей Смирнов. Руководитель студии Анисимова Инна Сергеевна. Ваши аплодисменты!
  7. Для вручения дипломов участников ежегодного конкурса творческих проектов приглашается завуч нашей школы Анастасия Сергеевна и победители и призеры конкурса. Анастасия Сергеевна, пожалуйста!
  8. Наш праздник подходит к концу. Концерт получился замечательный! Но это еще не все! Ученики 10-го класса подготовили видеоролик о своем участии в финале Всероссийской олимпиады школьников! Внимание на экран!

Подбор языкового материала для учебных пособий, связанных с данными областями функционирования современного русского языка, как кажется, должен проводиться с учетом двух аспектов: 1) необходимостью обучить специфике официально-делового функционального стиля и особенностям функционирования государственного русского языка и 2) важностью сформировать коммуникативные компетенции на примере повседневной речи носителей русского языка.

Литература

- Волкова, Л. Б. Деловой русский язык на каждый день: учеб.-метод. пособие / отв. ред. Л. Б. Волкова. Т. И. Попова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. 214 с.
- Зорина Е. С., Косарева Е. В. Из опыта создания учебно-методического пособия «Деловой русский язык на каждый день»: от замысла к воплощению // *Актуальные проблемы гуманитарного звания в техническом вузе. Сборник научных трудов VII Международной научно-методической конференции*. СПб, Национально минерально-сырьевой университет «Горный», 2019. с. 256–261
- Карасик В. И., Бейлинсон Н. С. Речевой жанр и речевое действие // *Ученые записки Российского государственного университета*, 2010. № 1. С. 123–126.

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ С УСТУПИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ И НЕСТАНДАРТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ*

Колосовская Т. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Работа выполнена в рамках таких направлений лингвистики, как коллоквиалистика и грамматика конструкций. В центре внимания находятся глаголы, которые в разговорном дискурсе и в рамках определенной конструкции приобретают не свойственное им значение уступки и становятся контекстуальными синонимами: <Р – N₁ *отдыхает / нервно поёживается / ходит/курит в сторонке / грызет ногти/локти* и под.>. Несмотря на невысокую частотность многих из рассматриваемых единиц, они остаются интересными для лингвистического анализа, а также в аспекте преподавания РКИ и практики перевода – именно в силу возникающего в рамках этой конструкции нестандартного для них значения.

Ключевые слова:

Коллоквиалистика, грамматика конструкций, нестандартное значение слова, сравнительно-оценочная конструкция.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

FREQUENCY OF USE OF RUSSIAN VERBS WITH CONCESSIVE SEMANTICS AND NON-STANDARD MEANING

Kolosovskaya T. L.

St. Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract:

The work was carried out within the framework of such areas of linguistics as colloquialism and construction grammar. The focus is on verbs that in colloquial discourse and within a particular construction acquire a non-standard meaning of concession and become contextual synonyms: <P – N₁ otdy`xaet / nervno poyozhivaetsya / xodit/kurit v storonke / gry`zet nogti/lokti, etc.>. Despite the low frequency of many of the units under consideration, they remain interesting for linguistic analysis, as well as in the aspect of teaching Russian as a foreign language and translation practice, precisely because of the non-standard meaning arising within this construction.

Keywords:

Colloquialistics, grammar of constructions, non-standard word meaning, comparative-evaluative construction.

Целью настоящей работы является анализ частотности употребления ряда русских глаголов с семантикой ‘уступки в результате сравнения’ и нестандартным контекстным значением.

В отдельных коммуникативных ситуациях в русской речи активно функционирует сравнительно-оценочная конструкция <P – N₁ V_f>, где P – первый объект сравнения, N₁ – второй объект, который сравнивается с P, а V_f – та самая спрягаемая глагольная форма, которая приобретает в рамках этой конструкции новое, «несловарное», значение. Конструкция рассматриваемого типа подвергается синтаксической фразеологизации, предполагающей «сложный диахронический процесс, сущность которого состоит в асимметрическом сочетании слов, когда план выражения, образованный по законам синтаксиса, не соответствует семантической целостности плана содержания» (Кайгородова 1999: 30–31). Семантику данной конструкции в результате можно описать так: ‘N₁ отступает перед P (уступает ему в чем-то), понижая свою неспособность соперничать с ним’.

- 1) *Генадий Мутасов (P) стал актером, главный любительский артистический дебют 2012, что творится в мире, Чарли Шин (N₁) и Джуд Лоу (N₁) отдыхают озабочено покуривая, но технику речи надо ставить это не колонки в гламурных журналах писать, и быть редактором фунтом, председателем, по рекламным бюджетам* (http://m.livejournal.com/read/user/villa_lobos/27925 // villa_lobos, 2013);
- 2) *СХ-5 (P) – мягкий и покладистый автомобиль, он заботится о том, чтобы пассажиров не утрясло, и вдобавок негромкий. Причем настолько, что по уровню шума в салоне сразу кладет на лопатки ближайших конкурентов. Уже и такие короли сегмента, как Volkswagen Tiguan (N₁) или Kia Sportage (N₁), тихо топчутся в стороне, искоса поглядывая на эту Mazda. Автомобиль абсолютно лишен агрессии* (В. Гаврилов. Самурай XXI века: продолжение лонг-теста Mazda CX-5 // РБК Дейли, 2012.10).

В результате поиска материала для исследования был найден ряд глаголов, которым в соответствующем контексте присуще **оценочное сравнительное значение**: *грызть (локти, ногти), кусать (локти, ногти), курить, отдыхать, плакать, поёживаться, переминаясь, стоять, топтаться, утирать (слёзы), ходить*. В

рамках рассматриваемой конструкции все эти глаголы становятся синонимами. Контексты (1) и (2) демонстрируют эту синонимию.

Чтобы понять, насколько оценочное значение является общеупотребительным для данных глаголов, заглянем в классические толковые словари и проведем семантический анализ всех рассматриваемых единиц, так как лексикографическое описание помогает говорящему «приобрести при помощи лексики языка шанс расширить возможности выражения своих интенций и обнаружить дополнительные варианты их формулировки и аргументации, может быть, даже изменения» (Буренкова 2015: 86).

Поиск глаголов производился в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС), «Словаре русского языка» в 4-х томах (МАС), «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (БТС), «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Рассмотрим основные значения для каждого глагола, найденного в этих источниках¹.

Грызть – 1) крепко сдавливая зубами, раздроблять что-либо твердое; раскусывать; 2) *перен. разг.* Постоянно докучать придирками, бранью, упреками; 3) *перен. разг.* Терзать, мучить, тревожить (о мыслях, чувствах и т. п.).

Кусать – 1) ранить, вонзая зубы, сдавливая зубами; 2) захватывая, сдавливая зубами, отделять небольшие куски чего-либо; откусывать; 3) *также без доп. разг.* Вызывать ощущение жжения, раздражать кожу (о крапиве и некоторых других растениях или о ветре, морозе).

◇ **кусать (себе) локти** – досадовать, сожалеть о непоправимом, потерянном.

Куриль – 1) *также без доп.* Втягивать в себя через рот и выдыхать дым какого-либо вещества, преимущественно табака; 2) также чем. Сжигать какое-либо вещество, дающее пахучий дым; 3) *устар.* Добывать посредством перегонки.

Отдыхать/отдохнуть – 1) провести некоторое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом; 2) *разг.* Полежать, поспать, сном восстановить свои силы.

Плакать – 1) проливать слезы (от горя, боли и т. п.); 2) *перен.* Горевать, сожалеть по поводу чего-либо; 3) *перен.* Издавать

¹ Толкование глаголов представляет собой симбиоз значений из перечисленных толковых словарей. Каждое новое значение начинается с цифры.

протяжные, тоскливые звуки; 4) *перен. разг.* Запотев, покрываться каплями влаги (о стеклах); 5) (*только прощ.*) *разг.* Оказываться не осуществленным (о чем-либо ожидаемом, желаемом).

Поёживаться – слегка, время от времени ежиться.

Переминаясь – 1) *разг.* Измяться (целиком или о всем, многом); 2) (обычно со словами: „с ноги на ногу“). Переступить с одной ноги на другую, оставаясь на месте; 3) *разг.* Делать нерешительные, неопределенные телодвижения (переступить с ноги на ногу) от растерянности, смущения и т. п.

Утирать/утереть – 1) *разг.* Вытирая, удалить что-нибудь жидкое (слезы, пот) или сделать кого-что-нибудь сухим; 2) *перен.* Обставить, обогнать.

Стоять – 1) быть на ногах в вертикальном положении, не двигаясь с места (о людях, животных); 2) выполнять какую-либо работу, заниматься каким-либо делом, связанным с пребыванием в таком положении; 3) располагаться, размещаться где-либо (на постой, стоянку, отдых); 4) *разг. устар.* Снимать квартиру, комнату, номер в гостинице и т. п.; 5) занимать какую-либо позицию, защищая или обороняя ее (о воинских частях); 6) *перен.* Защищать, отстаивать кого-, что-либо, держать чью-либо сторону; 7) *разг.* Не скупиться, не жалеть чего-либо; 8) *перен.* Иметься, быть в наличии; 9) быть укрепленным, установленным на каком-либо основании, опоре, держаться на чем-либо; 10) быть, сохраняться, удерживаться; 11) держаться, быть на каком-либо уровне.

Ходить – 1) обладать способностью, быть в состоянии двигаться, ступая ногами, делая шаги (о человеке и животном); 2) *разг.* Выступать в поход против кого-либо, нападать на кого-либо, вступать в бой с кем-либо; 3) быстро двигаться по какой-либо поверхности; 4) (обычно со словами: „из рук в руки“, „по рукам“). Переходить, передаваться от одного к другому; 5) колыхаться, дрожать, трястись; 6) *обл.* Скисая, бродить, подниматься; 7) *прост. устар.* Иметь какую-либо стоимость, цену; 8) за кем-чем. Ухаживать за кем-, чем-либо, заботиться о ком-, чем-либо; 9) *прост.* Быть кем-либо, состоять в каком-либо звании, должности; 10) носить что-либо, быть одетым во что-либо; 11) находиться, пребывать в каком-либо состоянии, настроении и т. п.; 12) делать ход в игре; 13) *разг.* Отправлять естественную потребность (испражняться, мочиться).

Видно, что в лексикографическом описании большинства глаголов отсутствует *семантика сравнения и уступки* на фоне

этого сравнения, лишь глагол *утереть* не входит в данный список, так как в нем есть нужный оттенок значения:

Утирать/Утереть – *перен., прост.* Обставить, обогнать. *Утереть нос кому-нибудь* (Ожегов, Шведова 1999).

Кроме классических толковых словарей были взяты и словари неформальной лексики, отражающие более современный пласт слов со значениями, которые несут в том числе и стилистическую окраску. Поиск осуществлялся в следующих словарях: В.В. Химик «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи», В.С. Елистратов «Словарь русского арго», Л.П. Крысин «Толковый словарь русской разговорной речи», Г.Н. Скляревская «Толковый словарь русского языка конца XX века», Г.Н. Скляревская «Толковый словарь русского языка начала XXI века», Е.С. Отин «Все менты – мои кенты...».

В результате анализа данных словарей было найдено лишь несколько словарных статей, описывающих нужные глаголы, большая же часть единиц в словнике отсутствует (см. табл. 1).

Таблица 1
Наличие глаголов в словарях неформальной лексики

Глагол	Химик 2004	Елистратов 2000	Крысин 2017	Скляревская 2001	Скляревская 2017	Отин 2006
<i>Грызть</i>	-	-	-	-	-	-
<i>Кусать</i>	-	-	+	-	-	-
<i>Куриль</i>	-	-	-	-	-	-
<i>Отдыхать</i>	+	+	-	-	-	-
<i>Плакать</i>	+	-	-	-	-	-
<i>Поёживаться</i>	-	-	-	-	-	-
<i>Переминаться</i>	-	-	-	-	-	-
<i>Стоять</i>	+	-	-	-	-	-
<i>Топтаться</i>	-	-	-	-	-	-
<i>Утирать</i>	-	-	-	-	-	-
<i>Ходить</i>	+	-	-	-	-	-

Из всех глаголов только у единицы *отдыхать* в словарях неформальной лексики выделяется нужное для анализа значение, проявляющееся в рассматриваемой оценочной конструкции: 1) кроме *прош. насмешл. жарг.* ‘значительно уступать кому-л. в чем-л.’ (Все, «Зенит» не догонишь, остальные могут *отдыхать*) (Химик 2004: 402), 2) ‘кто-л. не может состязаться в чем-л. с кем-л.’ (Немцы сняли «Достучаться до небес» (фильм) – Тарантино

отдыхает! (Елистратов 2000: 303–304).

Таким образом, все приведенные глаголы имеют два и более значения из-за присутствующей в них «уступительной» семантики, при этом сема сравнения и оценки в целом не является общеупотребительной. Из-за наличия нескольких толкований у каждой единицы проследить частотность употребления определённого глагола с конкретным значением не представляется возможным, хотя можно установить общую частотность каждого отдельного глагола.

Для этого анализа был взят «Частотный словарь современного русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова. Он содержит список слов, при которых указывается, с какой частотой они встречаются в тексте и в каких текстах. Для того чтобы показатели были более достоверными, нужен большой объём данных, который можно было бы обработать. «Целью создания данного словаря было предложить пользователям достаточно представительный базовый словник современного русского языка, который можно использовать и адаптировать для разнообразных целей» (Ляшевская, Шаров 2009: 3), поэтому словарь построен на материале Национального корпуса русского языка.

На этом этапе обработке подверглось большое количество текстов, хотя и представлены они в словаре в неравномерном соотношении разных жанров (см. табл. 2).

Таблица 2

*Соотношение текстов разных функциональных стилей
(жанров) в частотном словаре*

Функциональный стиль	Доля, %	Объем подкорпуса, токены	Объем подкорпуса, орф. слова	Кол-во текстов
Художественная литература	39,04	45 150 317	35 150 521	2 418
Публицистика	42,22	48 818 173	39 739 644	27 390
Другая нехудожественная литература, в т. ч.: - учебно-научная - официально-деловая - электронная коммуникация - цджно-богословская - реклама - бытовая - производственно-техническая	16,96	19 618 518	15 478 151	7 495
Устная непубличная речь	0,88	1 017 568	758 407	1 005

Другое (в т.ч. смешанный стиль)	0,90	115 642 044	827 580	61
Итого	100	115 642 044	91 954 303	38 369

Сложнее всего ситуация с устной непубличной речью, которая является объектом изучения коллоквиалистики. Объём этого подкорпуса слишком мал по сравнению с подкорпусом другой нехудожественной литературы. Невзирая на это, общий объём всех текстов приближен к 40 тысячам и включает практически миллион орфографических слов. Словарь является самым достоверным показателем частоты употребления единиц в русском языке в данный момент времени.

Обратим внимание на ранговое распределение всех найденных глаголов в зависимости от показателя частоты леммы на 1 миллион употреблений F (ipm) (см. табл. 3).

Таблица 3

Ранговый список лемм в НКРЯ

Глагол	Rank	ipm	Художественная литература			Публицистика		
			50-60 гг.	70-80 гг.	90-00 гг.	50-60 гг.	70-80 гг.	90-00 гг.
<i>Стоять</i>	224	419.3	959.6	789.2	1 & 4	10.4	10.6	5.5
<i>Ходить</i>	342	296.6	458.5	462.2	15.0	4.5	7.7	4.5
<i>Плакать</i>	1165	103.9	202.2	210.6	117.2	35.6	47.7	37.5
<i>Курить</i>	1834	65.5	117.5	115.1	49.0	72.6	59.8	43.7
<i>Отдыхать</i>	2646	42.9	50.9	53.0	163.3	96.4	81.1	63.2
<i>Грызть</i>	7980	10.4	16.7	22.5	-	-	-	-
<i>Топтаться</i>	8115	10.2	17.4	21.9	7.6	0.0	1.5	0.8
<i>Кусать</i>	9101	8.5	11.9	16.0	694.0	397.3	433.6	237.9
<i>Утирать</i>	15852	3.8	7.1	10.5	21.7	7.4	5.1	4.7
<i>Переминаться</i>	17275	3.3	8.3	6.5	7.5	3.0	0.7	1.5
<i>Поёживаться</i>	-	-	-	-	377.2	391.4	376.0	243.9

Из таблицы видно, что самыми употребительными являются глаголы *стоять* и *ходить*. Объяснить это можно тем, что у этих единиц больше всего общеупотребительных значений. Наименее употребительным является глагол *поёживаться*, который вовсе отсутствует в ранговом списке, включающем первые 20 тыс. лемм.

Если сконцентрировать внимание на жанровом распределении текстов, в которых присутствуют данные лексемы, то можем наблюдать следующую картину (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение частотности лемм по жанровой характеристике в НКРЯ

Глагол	Художественная литература	Публицистика	Другая нехудожественная литература	Устная речь
<i>Грызть</i>	19.0	-	-	12.6
<i>Кусать</i>	-	-	-	13.9
<i>Курить</i>	116.8	38.0	25.1	107.1
<i>Отдыхать</i>	50.2	45.5	25.2	108.4
<i>Плакать</i>	180.0	64.1	28.4	102.1
<i>Переминаться</i>	-	-	-	-
<i>Поёживаться</i>	-	-	-	-
<i>Стоять</i>	756.4	253.9	86.5	236.9
<i>Топтаться</i>	21.0	-	-	-
<i>Утирать</i>	-	-	-	-
<i>Ходить</i>	409.1	255.0	166.6	1254.9

Во-первых, стоит отметить, что устная речь и художественная литература содержат большее число подобных глаголов. Здесь встречаются семь из одиннадцати рассматриваемых глаголов (63,6 %). Во-вторых, показатели частотности для единиц в устной коммуникации довольно высокие по сравнению с публицистикой и другой нехудожественной литературой, что подчёркивает значимость некоторых глаголов в повседневной речи даже при небольшом объёме текстов устного подкорпуса.

Особого внимания требуют показатели частотности словоформ в НКРЯ (см. табл. 5).

Таблица 5

Частотность словоформ в НКРЯ

Глагольная форма	F (ipm)
Грызть	-
Кусать	-
КуриТЬ / курил / курили / курут	16.3/13.4/6.2/6.4
Отдыхать / отдохнуть	12.7/18.1
Переминаться	-
Плакать / плакал / плакала / плакали / плачет / плачут	16.7/14.3/17.4/6.7/15.8/5.2
Поёживаться	-
Стоять / стоял / стояла / стояли / стояло / стоят	38.4 / 144.5 / 80.8 / 83.9 / 16.7 / 54.9
Топтаться	-
Утирать	-
Ходить / ходил / ходила / ходили / ходит	62.5/51.1/25.0/40.3/34.1

При поиске словоформ частотными оказываются глаголы *куриТЬ*, *отдыхать*, *плакать*, *стоять*, *ходить*. Кажется, что это именно те единицы, которые определенно способны выражать значение оценки и сравнения в примерах НКРЯ, так как в синтаксической конструкции <P – N1 Vf > слот Vf обычно выражен не инфинитивом. Приведем в заключение еще несколько контекстов с рассматриваемыми глаголами в составе сравнительно-оценочной конструкции:

- 3) *В минувший уик-энд уроженец Ульяновска (P) «организовал» в Подмосковье такой детективчик с погоней, что сценаристы фабрики грёз (N₁) могут нервно **грызть** локти* (В. Петрова. Пациент подмосковной больницы угнал машину «Скорой» // Комсомольская правда, 2007.05);
- 4) *Но сделано это довольно лихо – смонтировано, снято это настолько на широкую ногу и настолько броско, вызываяще, что, конечно, всем **нашим блокбастерам российским** (N₁) нужно просто нервно **стоять** в углу, когда они увидят, с каким это ритмом сделано... Именно форсаж (P), так сказать, действительно сбивающий с ног (С. Тыркин. Бразильская премьера фильма «Форсаж 5»: Там не только гоняют на автомобилях, но и грабят банк // Комсомольская правда, 2011.04);*

- 5) Герой книги – рекламщик *Октав* <...> приезжает в Россию в поисках нового лица модной косметической компании. И находит его в лице 14-летней *Лены* (P), которая выдает себя за чеченку, чтобы, вы не поверите, у нее было больше шансов попасть в мировой модельный бизнес. Короче, *Кейт Мосс* (N₁) и *Наоми Кэмпбелл* (N₁) тихо *плачут* в стороне (М. Чижиков. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет... // Комсомольская правда, 2007.11);
- 6) Удивительно качественная кожаная отделка и хорошо продуманный интерьер создают атмосферу уюта и комфорта. Мягкая подвеска справляется с глубокими ямами, а яркий внешний облик привлекает внимание с первого взгляда. А значит, *Mini Cooper SD Countryman* (N₁) уже нервно *переминается* в сторонке. Правда, цена у *Range Rover Evoque* (P) значительно выше (В. Гаврилов. Тест-драйв дизельного Range Rover Evoque Coupe // РБК Дейли, 2012.03).

При не самых больших общих показателях частотности использования глаголов в устной коммуникации или полного отсутствия единицы (*поёживаться*) в заключение можно отметить, что такой результат лишь подчёркивает важность изучения слов с оценочно-сравнительным значением. Это необходимо не только для того, чтобы объяснить и облегчить процесс восприятия и понимания русского языка для зарубежных студентов, но и для разъяснения носителям языка теоретического и практического фундамента, который составляет значимую функциональную базу для последующего успешного формирования коммуникативной компетенции.

Литература

- БАС* – *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышева. Л.: Изд-во: АН СССР, 1948-1965. 1360 с.
- БТС* – *Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Буренкова С.В. К вопросу о параметрах лексикографического описания // *Вестник Сибирского ин-та бизнеса и информационных технологий*. НОУ ВПО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий». 2015, № 1 (13). С. 86–91.
- Елистратов В.С. *Словарь русского арго*. Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
- Кайгородова И.Н. *Проблемы синтаксической идиоматики* (на материале русского языка). Астрахань: Изд-во АГУ, 1999. 94 с.
- Крысин Л.П. (ред.). *Толковый словарь русской разговорной речи*. Вып. 2. К – О. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. 860 с.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А. *Частотный словарь современного русского языка* (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
- МАС* – *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (Дата обращения: 03.02.2022).
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ) // <https://ruscorpora.ru/new/>. / Дата обращения: 15.01.2023.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Отин Е.С. *Все менты - мои кенты... (Как образуются жаргонные слова и выражения)*. М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2006. 384 с.
- Скляревская Г.Н. (ред.). *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*. М.: Астрель, Аст, 2001. 894 с.
- Скляревская Г.Н. (ред.). *Толковый словарь современного русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. М.: Эксмо, 2017. 1136 с.
- Химик В.В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. СПб.: Норинт, 2004. 708 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ВЕЖЛИВОСТЬ, ГИПЕРВЕЖЛИВОСТЬ, РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ)

Ложкина В. А.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

В докладе рассматривается современная тенденция в развитии категории вежливости в русском языке. В качестве материала выбрана гиперкорректная речевая формула < *можно пожалуйста + *Inf/Acc* >, которая находится в активном словаре младшего поколения носителей языка. В работе описаны также особенности восприятия новой формулы вежливости представителями младшего и старшего поколения, приведены различные контексты ее употребления как в устной разговорной речи (в быту / телепередачах / сериалах), так и в социальных сетях, книгах, на форумах.

Ключевые слова:

русская разговорная речь, категория вежливости, гипервежливость, речевое манипулирование.

**MODERN TRENDS
IN THE DEVELOPMENT
OF THE CATEGORY OF POLITENESS
IN RUSSIAN LANGUAGE (POLITENESS,
HYPERPOLITENESS, SPEECH
MANIPULATION)**

Lozhkina V. A.

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Аннотация:

The report examines the current trend in the development of the category of politeness in Russian language. As a material, the hypercorrect speech formula <**mozhno pozhaluysta + Inf / Acc*>, which is in the active dictionary of the younger generation, was chosen. The features of the perception of the new formula of politeness by representatives of the younger and older generations will also be described, various contexts of use both in oral colloquial speech (in everyday life / television programs / serials), and examples of oral-written use of the formula in social networks, books, forums.

Keywords:

Russian colloquial speech, politeness, hyperpoliteness, speech manipulation.

1. Введение

Разговорная речь – динамическое и плохо предсказуемое явление. Поэтому лингвисту очень важно зафиксировать все сиюминутные изменения в речи, чтобы иметь возможность в будущем описывать и сравнивать с ними новые явления языка. Еще в конце XX века Р. Ратмайр отметила зарождение «новой русской вежливости» в сфере обслуживания (Ратмайр 2009). Так, по мнению исследователя, русский язык сменил регистр речевого этикета на повышенный, иначе говоря, русская разговорная речь приобретает сегодня черты *гипервежливости*. В настоящей работе ставится *цель* продемонстрировать на реальных примерах из разговорной русской речи эту тенденцию к чрезмерной вежливости.

2. Вежливость

В современном мире человек ежедневно взаимодействует с большим объемом информации, общается с другими людьми. Одним из залогов эффективного общения служит, в частности, *категория вежливости*. Ее составляют специальные речевые формулы, которые позволяют снизить потенциальную агрессию социума (Brown, Levinson 1987) и снизить риск *коммуникативной неудачи*¹.

С развитием и ускорением темпа общения возникают новые формулы вежливого обращения. В частности, сегодня в русской разговорной речи распространена грамматически неправильная формула <*можно пожалуйста + Inf/Acc>².

3. Гипервежливость

В русистике уже были попытки описать путь проникновения этой речевой формулы в русский язык. В частности, было выдвинуто предположение, что <*можно пожалуйста + Inf/Acc> является калькой английского выражения *May I please* (Высоцкая, Северская 2019). Появление данной формулы в русской разговорной речи ярко свидетельствует о тенденции

---

¹ В настоящей работе принимается широкое понимание *коммуникативной неудачи* как результата межличностного взаимодействия, при котором: 1) цель адресанта не была достигнута; 2) и/или в ходе коммуникации возникло нежелательное (отрицательное) эмоциональное проявление; 3) и/или между участниками коммуникации было нарушено взаимопонимание.

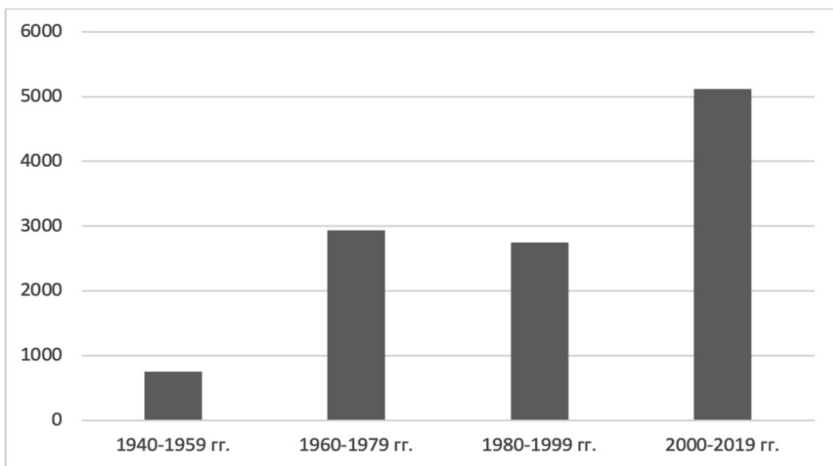
² (*) означает наличие грамматических вариантов реализации данной речевой формулы: <можно/можете/можешь/могу ли... пожалуйста + Inf/Acc>.

наращения маркеров вежливости в косвенном речевом акте³. Когда говорящий находится в «опасном» положении и рискует не получить желаемого, он обращается к таким «волшебным» словам, как *пожалуйста*. Стремление к «подстраховке» каждой просьбы маркером вежливости *пожалуйста* относится к одной из двух противоположных тенденций развития разговорной речи — «неэкономное расширение, приращение формы» (Богданова-Бегларян 2018: 26). Говорящий, обращаясь с просьбой, встает в коммуникации как бы на ступень ниже своего собеседника и поэтому стремится «сохранить лицо»⁴. *Пожалуйста* и <можно пожалуйста + Inf/Acc> помогают адресанту снизить риск коммуникативной неудачи и достичь желаемого результата.

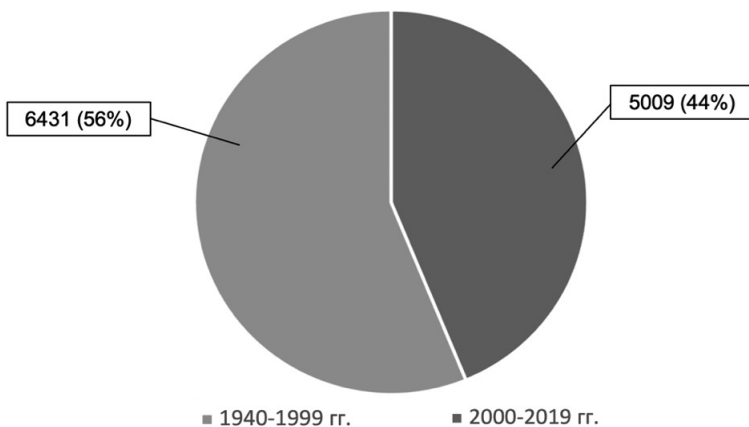
На основе данных, собранных из устного и основного подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее — УП и ОП НКРЯ), были построены диаграммы (рис. 1-4), иллюстрирующие резкое увеличение частотности употребления маркера вежливости *пожалуйста* в начале XXI в. по сравнению с XX в.

³ Классификация речевых актов — по Дж.Р. Серлю (Серль 1986).

⁴ Согласно теории П. Браун и С. Левинсона, вежливость помогает говорящему «сохранить лицо». Сама вежливость делится на *позитивную* и *негативную*. *Позитивная вежливость* выражает желание быть замеченным, потребность в признании. *Негативная вежливость* связывается со стремлением человека стать независимым, дистанцироваться от окружения. Такой человек требует, чтобы ему не навязывали мнение и не нарушали его личное пространство (Brown, Levinson 1987). Именно к негативной вежливости относятся *косвенные речевые акты*.

*Рис. 1. Количество употреблений лексемы **пожалуйста** в УП НКРЯ*

*Рис. 2. Сравнение количества употреблений лексемы **пожалуйста** в УП НКРЯ в XX в. и начале XXI в.*

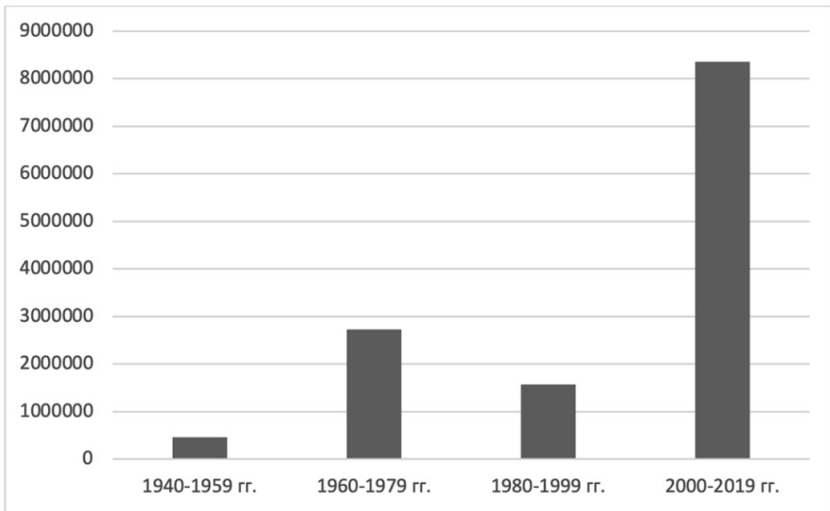

Рис. 3. Количество употреблений лексемы *пожалуйста* в ОП НКРЯ

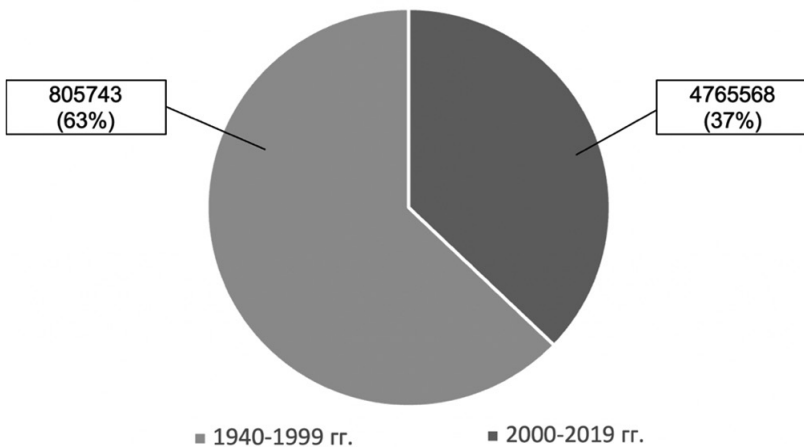

Рис. 4. Сравнение количества употреблений лексемы *пожалуйста* в ОП НКРЯ в XX в. и начале XXI в.

Разумеется, нельзя отрицать того факта, что появление Интернета повлияло на доступность и количество информации об употреблении слова *пожалуйста* в XXI в. Однако, на наш взгляд, это не только не опровергает количественные показатели НКРЯ, но и, наоборот, свидетельствует об активном распространении гипервежливости в речи молодого поколения носителей языка. Кроме того, для каждой диаграммы был рассчитан коэффициент корреляции между количеством словоупотреблений и годами (при расчете 1 массив — сумма употреблений в N-промежутке, 2 массив — медиана N-промежутка). Коэффициент составил 0.934 для УП НКРЯ и 0.832 для ОП НКРЯ. Следовательно, полученное количественное распределение словоупотреблений не случайно и действительно повышается с течением времени.

4. Сфера функционирования новой речевой формулы

Гипервежливость в косвенных речевых актах на русском языке распространена в речи как старшего, так и младшего поколения носителей языка. Однако стоит сделать уточнение, что, согласно проведенному социолингвистическому опросу⁵, старшее поколение знает о грамматической неправильности речевой формулы <*можно пожалуйста + Inf/Acc> чаще, чем молодежь, и разграничивает сферу ее употребления. Так, старшее поколение допускает вопрос с гипервежливостью в устном повседневном общении, но настаивает на соблюдении нормативности в других жизненных сферах.

Сферой функционирования гипервежливости является устная непубличная речь (бытовое общение, сфера услуг), устная публичная речь (телешоу, публичные видео в Интернете), письменная речь (речь персонажей художественных произведений, стихотворные строки) и устнописьменная речь (переписки

⁵ В опросе приняли участие 30 человек, преимущественно старше 50 лет (19 человек — 63 %), на втором месте — возрастная группа 31-50 лет (10 человек — 33 %), и, наконец, респонденты, чей возраст составляет от 18 до 30 лет, представлены самой малочисленной группой (1 человек — 3 %). Структура опроса была следующая. Первые три вопроса касались личности респондента (*Ваш возраст. / Имеете ли (или получаете) Вы высшее образование? / Имеете ли (или получаете) Вы филологическое образование?*). Следующие два пункта были посвящены выбору наиболее правильного и наиболее вежливого высказывания (среди вариантов ответа одно содержало гиперкорректную речевую формулу). Далее респондентов просили ответить на вопрос, используют ли они фразы с <можно/можешь/можете пожалуйста...> в повседневной речи и если используют, то в каких ситуациях. Затем носителям языка предлагалось определить частоту и сферу употребления (устное / письменное общение) данной речевой формулы и после этого указать знакомые им ее реализации. Последний вопрос был посвящен прагматике компонента *пожалуйста* в структуре гиперкорректной формулы. Подробное описание опроса см. в статье автора «Гиперкорректность как прием речевой манипуляции в русской разговорной речи» (*Ложкина* 2022: 99-100).

пользователей в социальных сетях). В таблице ниже приведены примеры употребления речевой формулы <*можно пожалуйста + Inf/Acc> в различных социальных сферах и ситуациях. Материалом служит пользовательский подкорпус, включающий 300 контекстов, датированных 2002-2023 гг.

Таблица

Примеры употребления гипервежливой формулы в разных социальных сферах и коммуникативных ситуациях

Сфера функционирования	Год	Контекст
Устная непубличная речь: обращение к кассиру, к водителю автобуса	2020-2022 гг.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Здравствуйте! Можно до Балтийского пожалуйста.</i> • <i>А можно выйти пожалуйста?</i>
Устная публичная речь: телешоу	2022 г.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Дорогой Дедушка Мороз, можно, пожалуйста, сделать так, чтобы...?</i> • <i>Я бегу от этой истории уже 3 года. Можно оставить меня, пожалуйста, в покое?</i>
Устно-письменная речь: переписка в социальных сетях ⁶	2020-2021 гг.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Можно пожалуйста у когонибудь одолжить сухой шампунь?</i> • <i>А можно прийти пожалуйста 📍</i>
Письменная речь: прозаические и стихотворные тексты	2015-2019 гг.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>А можно, пожалуйста, поесть ваших фруктов?</i> [А. Якубовская «Вова Сладколадкин и волшебный компьютер», 2015] • <i>А можно мне, пожалуйста, проблем?</i> [Ю. Сокерина стихотворение «А можно мне, пожалуйста, проблем?», 2019]

Одно из самых ранних употреблений формулы <*можно пожалуйста + Inf/Acc> в собранном пользовательском подкорпусе датируется 2002 годом:

- *Простите, можете принести стакан воды, пожалуйста?* [ориг. *Could I have a glass of water, please?* реж. Дэвид Линч, сериал «Твин Пикс», перевод ≈ 2002 г.]

Тенденция к наращению маркеров вежливости в

⁶ Авторская орфография и пунктуация сохранена.

косвенных речевых актах становится своеобразным правилом в некоторых сферах жизни общества (например, в сфере услуг), регламентируемых устоявшимися, строгими нормами этикета. Занимательными представляются примеры употребления гипервежливости в случаях, на первый взгляд, не требующих чрезмерной речевой осторожности (например, обращение студента к однокурсникам).

Речевое манипулирование

Младшее поколение носителей языка склонно использовать маркер вежливости *пожалуйста* в любых просьбах, вне зависимости от формы общения и адресата. Таким образом, гипервежливость в речи молодого поколения становится особым приемом *речевого манипулирования*. Следует уточнить, что имеется в виду неосознанное речевое манипулирование, при котором говорящий не стремится своими действиями нанести вред адресату, обмануть его или принудить исполнить требование. Интересную типологию форм реализации речевой манипуляции предлагает К.Ф. Седов (Седов 2005: 99–102):

- 1) продуктивная / непродуктивная;
- 2) **вербальная** / невербальная;
- 3) осознанная / **неосознанная**;
- 4) и др.

В лингвистике существует несколько точек зрения относительно манипулятивного характера этикетных формул. Так, политолог С.Г. Кара-Мурза считает, что этикетные формулы нельзя назвать манипулированием, потому что они всего лишь выражают уважение к собеседнику и служат приметой удачной коммуникации (Кара-Мурза 2001: 18). Думается, однако, что стремление к удачной коммуникации не исключает манипулятивного характера высказывания. Об этом пишет, в частности, А.Ю. Панасюк: за счет общепринятых этикетных формул человек удовлетворяет свою потребность в удачной коммуникации (Панасюк 2022: 160–163). Следовательно, этикетные формулы можно считать разновидностью манипуляции. Наконец, Г.А. Копнина придерживается третьей точки зрения: если в этикетной формуле присутствуют манипулятивные характеристики, то она является средством воздействия на человека, а если таких черт нет, то не является (Копнина 2012).

Мы же высказываем мнение, что гипервежливость в

современной русской разговорной речи является приемом речевого манипулирования. Для проверки данной гипотезы в марте 2023 года был проведен социолингвистический опрос среди студентов (в основном были представлены города Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Москва и Краснодар). Всего в эксперименте приняли участие 53 человека⁷ в возрасте от 18 до 30 лет. Все они являлись студентами и имели / получали высшее образование. Большая часть опрошенных (91 %) – филологи.

Опрос состоял из двух частей. В первой части респонденты были введены в три коммуникативные ситуации, иллюстрирующие разные уровни социального взаимодействия (включая устное и устно-письменное общение):

- 1) письменное обращение к преподавателю с просьбой прислать список литературы;
- 2) переписка с однокурсниками в социальной сети в Интернете и просьба поделиться научной монографией;
- 3) реальное общение с официантом в кафе – просьба принести кофе.

Для каждой ситуации была составлена сетка ответов, включающая возможные варианты формулировки просьбы, а также частота, с которой отвечающий использует эту формулировку в своей речи.

Ниже представлены шкалы приоритетности в выборе формулировки в предложенных ситуациях (рис. 5-7). Показательно, что наиболее популярными оказались варианты с гипервежливостью, а наименее приоритетными — просьбы, не подкрепленные маркерами вежливости.

---

⁷ Следует сказать, что в опросах не проводилась гендерная дифференциация респондентов, поскольку в ходе наблюдения и сбора материала выяснилось, что пол говорящего не влияет на присутствие или отсутствие в его речи гиперкорректной речевой формулы <*можно пожалуйста + Inf/Acc>.

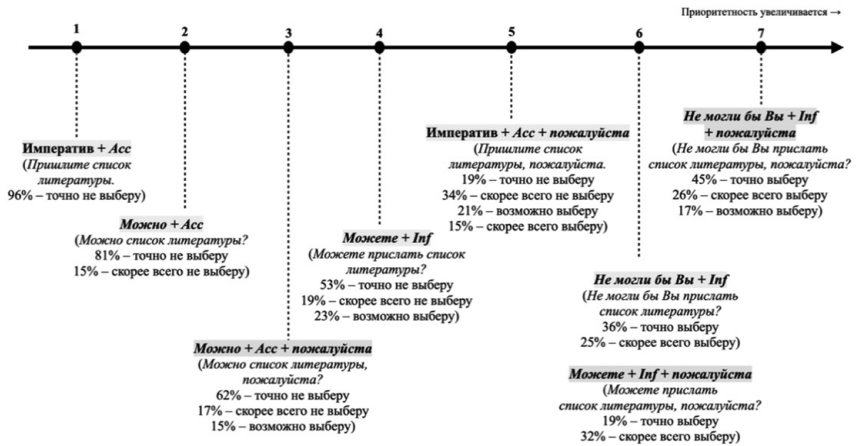

Рис. 5. Шкала приоритетности для коммуникативной ситуации 1 (письменное обращение к преподавателю)

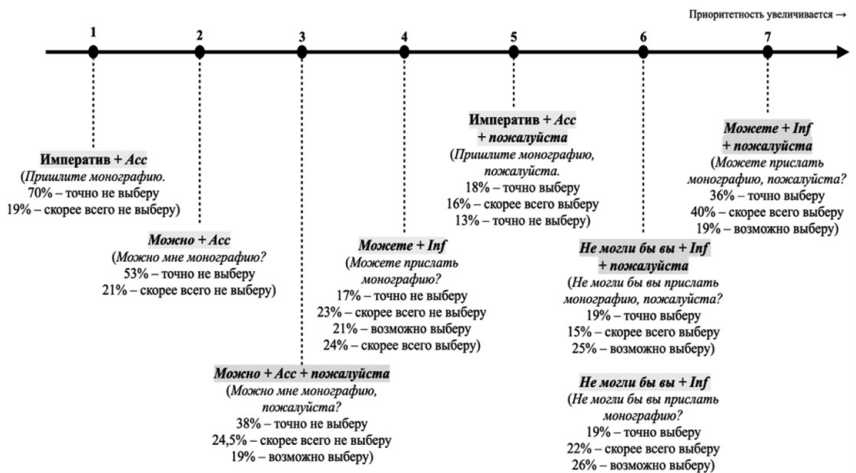

Рис. 6. Шкала приоритетности для коммуникативной ситуации 2 (устно-письменное обращение к однокурсникам в социальной сети)

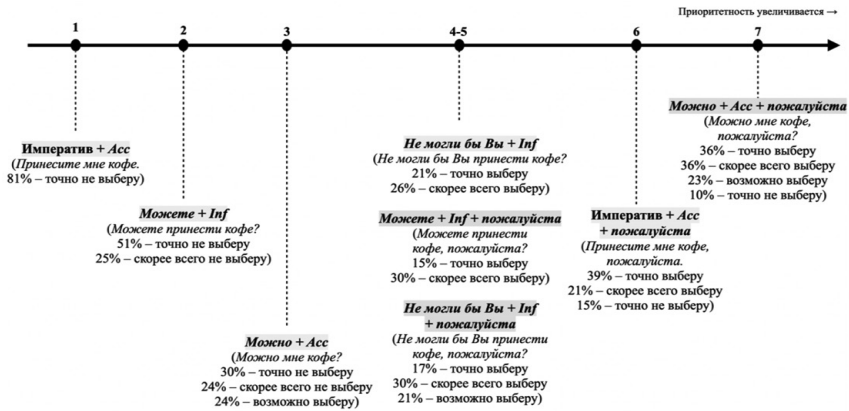

Рис. 7. Шкала приоритетности для коммуникативной ситуации 3 (устное обращение к официанту в кафе).

В переписке в социальных сетях, по нашим наблюдениям, молодые люди очень часто подкрепляют просьбу с $\langle * \text{можно пожалуйста} + \text{Inf/Acc} \rangle$ смайликом с семантикой просьбы / мольбы. Целью второй части опроса было выяснить, повлияет ли наличие / отсутствие графического компонента просьбы на решение адресата помочь адресанту. По результатам опроса, 41% респондентов отмечают, что смайлики влияют на их решение помочь просящему. Однако это решение может приниматься как в положительную, так и в отрицательную сторону, см. комментарии ниже:

- *Эмодзи смягчают тон сообщения, как во второй ситуации. Привносят эмоций, как в первой и во второй. В целом нужны как замена интонации и выражению лица, при этом указывают на принадлежность к одной социальной группе, что благоприятно сказывается на выполнении просьбы. Без них с большим процентом вероятности я бы не выполнила просьбу.*
- *Я бы выполнила просьбу и без них, но с ним ощущаю большую необходимость это сделать, как будто мое время больше ценят.*
- *Да, даже с большей охотой. Смайлики, на мой взгляд, попытка манипулировать, давать «на жалость».*

Таким образом, проведенный опрос позволил сделать следующие выводы.

1. Гипервежливость в речи молодого поколения носителей языка действительно может рассматриваться как прием речевого манипулирования. Формулировки с императивом / модальным словом, не содержащие компонента *пожалуйста*, в большинстве своем исключаются молодежью.
2. Дистанция между императивом / модальным словом и *пожалуйста* очень важна. Чем больше эта дистанция, тем менее вежливой кажется просьба. Респонденты предлагают употреблять *пожалуйста* сразу же после императива / **можно*.
3. Более того, на письме такие просьбы подкрепляются графическими элементами — смайликами с семантикой мольбы / просьбы. Это можно рассмотреть также как дополнительный элемент манипулирования.
4. Некоторые студенты знают о грамматической неправильности формулы $\langle *можно\ пожалуйста + Inf/ Acc \rangle$, но всё равно используют ее в речи.

Заключение

Современный носитель русского языка склонен употреблять в речи маркеры вежливости, в частности слово *пожалуйста*, чаще, чем его предшественники в XX веке. Особо «опасной» областью коммуникации являются косвенные речевые акты. В них говорящий осознанно наращивает регистр вежливости, чтобы избежать коммуникативной неудачи.

Таким образом, в наши дни русская разговорная речь приобретает черты гипервежливости. Проведенные опросы показали, что повышенный стилистический регистр речи стал частью повседневной нормы, а молодое поколение носителей языка чаще всего даже не подозревает о чрезмерности вежливости в подобных фразах.

Более того, гипервежливость может быть рассмотрена как прием речевого манипулирования. В косвенных речевых актах она помогает говорящему получить желаемое, потому что влияет на решение адресата помочь просящему.

Литература

- Богданова-Бегларян Н.В. Фонетический Тяни-Толкай: о двух разнонаправленных тенденциях в построении устного текста // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Фонетика*. Вып. 18 / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска М.Л. Каленчук. М., 2018. С. 22–31.
- Высоцкая И.В., Северская О.И. «Можно, пожалуйста, ...» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // *Сибирский филологический журнал*. 2019, № 3. С. 225–233.
- Кара-Мурза С.Г. *Манипуляция сознанием*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
- Копнина Г.А. *Речевое манипулирование*. 4-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2012. 170 с.
- Ложкина В.А. Гиперкорректность как прием речевой манипуляции в русской разговорной речи // *Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография*. 2022 / отв. ред. О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. 220 с.
- Панасюк А.Ю. *Как убеждать в своей правоте: Современные психотехнологии убеждающего воздействия*. М.: Дело, 2022. 312 с.
- Ратмайр Р. «Новая русская вежливость» – мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? // *Вопросы языкознания*. 2009, № 1. С. 63–81.
- Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации: Инвективное и манипулятивное функционирование языка // *Юрислингвистика 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка*. Межвузовский сб. научных статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 89–105.
- Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
- Brown, P., Levinson, S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, 1987. 360 p.

**«НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ»
ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В ЛЕКСИКЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
(К ПРОБЛЕМЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
ЛАКУНАРНОСТИ
И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ)**

Савченко А. В.

Государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй, Тайвань

Аннотация:

Среди лексики, характеризующей качества характера, ментальные способности человека, обнаруживаются слова, которые можно отнести к «национально-специфическим»: выражая в целом универсальное по своему значению понятие, они оказываются маркированными определенными коннотациями, возникающими в сознании носителей данного языка, отражают важные с их точки зрения черты характера и манеры поведения в общекультурологической системе ценностей и картине мира. В семантике подобных слов, как правило, сочетается сразу несколько качеств, объединенных общностью значения. Нередко такие лексемы представляют собой «переводческие лакуны»: они или безэквивалентны, или переводимы лишь частично, в основном описательно или же близкой по значению и смыслу характеристикой.

Ключевые слова:

славянские языки, языковая картина мира, концепт, ментальная лексика, национальный характер, качества характера.

**“NATIONALLY-SPECIFIC” PERSONALITY
TRAITS AND THEIR REFLECTION IN
THE LEXIS OF SLAVIC LANGUAGES (TO
THE PROBLEM OF INTERLANGUAGE
LACUNARITY
AND EQUIVALENCE)**

Savchenko A. V.

National Chengchi University
Taipei, Taiwan

Abstract:

Among the lexis that characterizes personality traits and mental abilities of a person, come to light words that can be classified as “nationally-specific”. They express a concept that is generally universal in its meaning, but at the same time they turn out to be marked with certain connotations that arise in the minds of native speakers of a given language, reflecting the most important from their point of view aspects of the person’s character and behavior traits in the general system of cultural values and picture of the world. The semantics of such words, as a rule, combines several qualities at once, united by a common meaning. Frequently such lexemes represent interlingual gaps (lacunae), i.e. they are either non-equivalent, or are only partially translated, mainly descriptively or with the help of a characteristic similar in meaning and sense.

Keywords:

Slavic languages, Linguistic picture of the World, concept, mental lexicon, national character, character traits.

Одним из важных семантических полей в лексическом фонде любого языка можно считать лексико-семантические группы слов, выражающих различные качества человека, в первую очередь, характеризующих его внешность и ментальные способности. Обозначая различные черты внешнего вида и свойства характера, подобные слова помогают создавать индивидуальный словесный портрет человека, складывающийся из характеристики облика и тех качеств характера, ума, личности в целом, которыми обладает индивидуум.

Говоря о лексико-семантических группах обозначенного поля, отметим, что в европейских (в т.ч. славянских) языках, в первую очередь, можно выделить «лексические универсалии», т.е. слова, обозначающие общие, наиболее распространенные свойства, качества и характеристики, которыми может обладать любой человек вообще, вне зависимости от расовой, национальной, социальной и т.п. принадлежности. При этом для ЛСГ «Внешние характеристики человека» универсальность, общность выражаемого значения в различных языках проявляется в большей степени, в то время как для лексики, отражающей различные внутренние, душевные, ментальные качества, нередко свойственно не только разнообразие, но и более усложненная семантическая, понятийная образность, в т.ч. имеющая свою национальную специфику. В отличие от слов, достаточно четко номинирующих то или иное значение, подобные лексемы как правило содержат в себе сразу несколько характеристик, создавая при этом целую палитру семантических оттенков.

Обратимся к словам, отражающим умственные, ментальные и иные качества, относящиеся к внутреннему миру человека, манерам его поведения и способностям логического мышления. Рассмотрим некоторые лексемы, которые по своему семантическому наполнению и коннотативным особенностям можно назвать композитными понятиями, заключающими в себе сразу целый ряд качеств. Некоторые из подобного рода лексем оказываются национально-специфическими, т.е. отражающими для носителя данного менталитета важные черты национального характера, манеры поведения, особенности мышления и т.д. При передаче подобных слов на другие языки, в т.ч. близкородственные славянские, нередко возникает проблема их эквивалентности, переводимости – непереводимости (resp. частичной переводимости). Даже сравнительно небольшой анализ

подобных лексем в русском языке на фоне других славянских демонстрирует интересную картину специфики ментальных качеств в системе ценностей того или иного славянского народа, открывает «панорамный вид» на «общее» и «национально-специфическое» в родственном, но при этом многообразном в культурно-лингвистическом проявлении, образе мышления и способах его вербального выражения славянском мире.

Специфическими качествами русского характера можно считать характеристики, возникшие на основе национальных русских концептов. А. Вежицкая выделяет три основные категории русской ментальности: «судьба», «тоска», «душа» (Вежицкая 1996: 33; Вежицкая 2001). С концептом *душа* связано считающееся специфическим русским свойство – *душевность* ('искреннее дружелюбие, сердечность') и характеристика человека – *душевный* – 'полный искренней доброты, теплоты, сердечности, дружелюбия'; здесь сочетается целый ряд качеств, создающих сложное семантическое единство, при этом в определенных контекстах дополнительно возникает значение 'добрый, чуткий, отзывчивый'. Такая семантическая осложненность, комплексность, композитность общего значения делает лексему лакунарной в аспекте перевода. В других языках это понятие и свойство, как правило, выражается описательно – с помощью сходных, смежных понятий, например, такими как *сердечный, приветливый, ласковый, доброжелательный, дружелюбный* и т.п., однако они не способны в полной мере отразить всю ассоциативную палитру значения русской лексемы (ср., например, пол. *serdeczny*, чеш. *srdečný*; максимально близкие по значению и смыслу лексемы укр. *душевний*, серб., хорв. *duševan* не так частотны, как в русском узусе). Примечательно, что сами русские нередко затрудняются дать четкое и исчерпывающее определение *душевности*, их понимание, что такое *душевный человек*, во многом индивидуально.

К национально-специфическим концептам можно отнести и *совесть* (Ермакова 2000: 375), что соотносится с распространенной морально-поведенческой характеристикой *совестливый человек* – 'поступающий по совести, стыдящийся делать что-либо несправедливое, неблагоприятное'. Практически аналогичную параллель находим в чешском: *svědomitý* ('добросовестный, совестливый'; от *svědomí* 'совесть'), хотя по своему значению чешская лексема все же ближе значению 'добросовестный'; в русском можно говорить о более глубоком нравственно-

философском концептуальном наполнении слова *совестливый*, что подтверждает его дефиниция в словаре С.И. Ожегова: ‘обладающий чувством нравственной ответственности перед другими, поступающий по совести’ (Ожегов 2014). Данное прилагательное-положительная характеристика в обоих языках относится, скорее, к высокому стилю, в то время как противоположная негативная номинация – *бессовестный* (‘тот, кто не имеет совести, нечестен, беззастенчив’) – более характерна для нейтрально-разговорного стиля и весьма частотна как оценочная характеристика человека в живой речи. При этом русская лексема *бессовестный* в славянских языках фактически безэквивалентна: в основном ей соответствуют близкие, но не тождественные понятия, например, чеш. *nestoudný* (‘бесстыдный; нахальный’), серб., хорв. *bezobrazan*.

Еще одним важным концептуальным понятием в русской культуре является *женственность*. Словари, как правило, трактуют это понятие следующим образом: «факт или качество наличия характеристик, которые традиционно считаются типичными или подходящими для женщины: *Длинные волосы традиционно считались признаком женственности. Цветы и кремовое кружево у платья подчеркивают женственность и нежность*» (OED). Практически сходное приведенной трактовке значение имеют чешские слова *ženskost* и *ženství*. В русском языке характеристика *женственный* – это не просто ‘с качествами, свойствами женщины’, а еще и заключенный в этом слове целый ряд важных для женщины, с т.зр. носителя русского менталитета, качеств, в частности, ‘мягкий, нежный, изящный’ (Ожегов 2014; Ожегов, Шведова 1992). При этом фактически любой представитель русской культуры может продолжить список качеств, под которыми он понимает *женственность*, и зачастую этот набор, как и в случае с *душевностью*, будет глубоко субъективным. Примечательно, что украинское *жіночість*, *жіночий* включает в себя еще одно важное понятие – *материнство*. Отметим, что аналогичные понятия есть и в других славянских языках, однако их семантическое, образно-метафорическое и функциональное наполнение будет несколько отличаться от русского (resp. восточнославянского), например, пол. *kobiecość*, серб./хорв. *ženstvenost*, в отличие от русского, в первую очередь, связано с понятием гордости и статности.

Говоря о сходных качествах, имеющих при этом некоторые отличия в семантике, а также – и в концептуальном понимании,

смысловом восприятии в разных славянских языках, интересную параллель можно обнаружить в чешском и русском языках. В чешском, особенно в его разговорном варианте, весьма частотна лексема *šikovný* – ‘ловкий, умелый’. Однако контекстуальное употребление в живой речи демонстрирует более широкий спектр значений этого слова с точки зрения семантики и прагматики. По нашему мнению, максимально близким по основной идее «ментальной оценочности» будет русское *проворный*, также обладающее своей спецификой по шкале внутренних качеств человека. Две характеристики, объединяющие чешскую и русскую лексему, – это ‘ловкость и быстрота действий’, однако для чеха на первый план здесь выходит семантический оттенок ‘умелый, сообразительный, смысленый’, в то время как для русского важнее именно скорость реакции и ловкость. В отличие от чешской лексемы, русское *проворный* в настоящее время находится на периферии поля ментальной оценочности и фактически обнаруживается в пассивном лексиконе: сегодня оно малоупотребительно. Чешскому *šikovný* по «семантическому духу» максимально близко и рус. *ловкий*; в этой связи можно обратить внимание на то, что в некоторых контекстах это русское прилагательное, в отличие от чешского, способно приобретать некоторые негативные коннотации, что особенно четко видно в семантике оценочного слова *ловкач* (‘пронырливый, изворотливый человек’), в то время как чешское употребляется как положительная характеристика, в качестве похвалы, одобрения в адрес «обладателя» данного качества. Частично в семантическом и функционально-прагматическом плане *šikovný* пересекается с разговорным *шустрый* (‘бойкий, подвижный, ловкий, проворный’). Можно провести параллель и со словом *бойкий* (‘ловкий, быстрый, расторопный; находчивый’) – данным прилагательным также можно охарактеризовать ум человека: ‘способный быстро схватывать, живой’. Отметим, что в русских лексемах *шустрый*, *бойкий* на первый план в семантическом и контекстуально-прагматическом отношении выходит сема ‘активность, подвижность’, в то время как в основе чешского слова заложена именно сема ‘способность, умение, навык’. Семантический диапазон чеш. *šikovný* значительно шире, чем предлагаемые словарями дефиниции, особенно если слово используется как характеристика девушки: *šikovná holka* – это еще и умная или же эффектная девушка, а не просто сообразительная, т.е. на первый

план уже выходят внешние данные.

Очень близким рассмотренным выше оказывается еще одно «национально-специфическое» понятие – *смекалка* (‘способность быстро понять что-л.; сообразительность; сметливость’) и качество человека – *смекалистый*. Стереотипно считается, что «русская смекалка» – это концепт, связанный исключительно с русской культурой и отражающий особенности мышления, представлений и способа действий русских (в близкородственных русскому восточнославянских языках мы не обнаружим точного аналога, например, украинское *кмітливий* – это, скорее, *сообразительный*, а не *смекалистый*, хотя это весьма близко по сути и смыслу). В основе данного качества можно выделить такие черты, как сообразительность, находчивость, остроумие, а также – как и в случае со словом *проворный* – быстрота принятия решения. Как правило, на славянские языки это концептуальное понятие и присущее ему качество передается словами, выражающими какое-либо одно из перечисленных качеств, входящих в понимание данного понятия. В чешском языке близкое по смыслу качество выражается прилагательным *bystrý*, в семантике которого заложена быстрота «ментальной», умственной реакции (Máček 1957, Rejzek 2001), в то время как этимология русского *смекалка*, *смекалистый* непосредственно связана с умственной деятельностью (Фасмер 1986, Т. II: 594). В сербском и хорватском языках можно выделить лексему *dosetljiv*, которая, в зависимости от прагматической ситуации и контекста, может выражать как значение ‘догадливый, находчивый’, так и ‘остроумный’ (RMS 2011). Подобная многоплановость семантики и вариативность значения делает такого рода лексемы лакунарными в плане эквивалентности и точности соответствия. В рассматриваемом аспекте значений приведем и польское *błyskotliwość* – *błyskotliwy*, в семантике которого заложено понятие *błysk* – т.е. вспышка, молния, и которое в зависимости от интенции говорящего может выражать в контексте целый ряд значений, в частности: ‘ловкость, сообразительность’, а в качестве прилагательного – как значения ‘ловкий, сообразительный’, так и ‘остроумный, находчивый’ (PWN).

Если для русского характерна *смекалистость*, упомянутая русская *смекалка* является частью русского национального характера, одной из черт русского менталитета, то для чешского менталитета во многом сходной по своей значимости будет *chytrost*,

а черта характера – *chytrý*. В данном случае мы сталкиваемся с типичным и довольно частым для славянских языков явлением межъязыковой омонимии: в отличие от «созвучного» русского прилагательного *хитрый*, чешское включает в себе ярко выраженную позитивную коннотацию: *chytrost* – ‘ловкость, сообразительность’, соответственно, лексема *chytrý* имеет целый спектр семантических и прагматических оттенков значения: ‘ловкий, сообразительный, умный, остроумный’, в т.ч. и ‘хитрый’, но с положительной или нейтральной оценочностью. Добавим также, что если в русском языке прилагательное *ловкий* – это положительная черта, а *ловкач* – уже, скорее, негативная характеристика, то в чешском и *chytrý*, и дериват *chytrák* – ‘хитрец, хитрюга’, но также и ‘умница’, ‘умник’ – лишены четко выраженного негативного значения, а употребляются, скорее, с оттенком иронии, шутки.

Итак, будучи в некоторых общих качественных чертах сходными, русские лексемы *ловкий*, *проворный* и чешские – *šikovný*, *chytrý* или укр. *смiтливий*, *кмітливий* все-таки отличаются от рус. *смекалистый*, которое действительно оказывается лакунарным при переводе, т.к. основная сема в значении русской лексемы – способность мыслить нестандартно, умение находить неординарное, часто парадоксальное решение, быстро и эффективно решить проблему при минимуме имеющихся возможностей и ресурсов (как в известной сказке: «сварить кашу из топора»), что органично «вписывается в русский национальный характер, которому всегда приписывалось свойство неуловимости, непознаваемости, загадочности как национально выраженное» (Желтова 2000: 881).

Одной из специфических в рассматриваемом аспекте украинских лексем является *щирий*, вариативность значений (resp. перевода) которой зависит от контекста, особенностей коммуникативной ситуации и лексической сочетаемости. Так, среди значений можно выделить как минимум три основных: 1. ‘искренний, (чисто)сердечный, душевный, радушный, откровенный’; 2. ‘настоящий, действительный, реальный’; 3. ‘усердный, старательный’ (СУМ), при этом все эти значения объединяются в ставшем фактически фразеологизированным сочетании-этнофразеологизме *щирий українець*, т.е. ‘истинный; подлинный, истый; настоящий; любящий Украину’. О специфике значения, его полисемантности можно говорить

и в случае с украинским словом *необачний* – ‘неосторожный, неосмотрительный’, но также и ‘безрассудный, опрометчивый, необдуманный’.

Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем «общечеловеческую», общеязыковую универсальность большинства качеств, близость их понимания и трактовки в разных славянских языках. В то же время, нередко обозначаемая черта представляет собой полисемичность значений, когда данное понятие, характеристика включает в себя целый спектр составляющих: сходных, смежных качеств, черт характера или ума, иных семантических оттенков. Дополнительная сложность заключается в том, что этот набор значений и семантических оттенков в отдельных славянских языках может различаться: в определенном языке на первый план выходит та или иная сема, как, например, в русском *смекалистый* – не только быстрота (ср. с чеш. *bystrý*, пол. *blyskotliwy*), но именно нестандартность решения проблемы, граничащая с парадоксальностью мышления. Лакунарность в таких случаях вызвана невозможностью точно обозначить передаваемую характеристику, однако при этом сохраняется возможность более или менее адекватного перевода или передача на другой язык этого качества, данной характеристики с помощью относительно близких понятий.

Для правильного понимания, интерпретации и передачи подобной лексики необходим комплексный учет контекстуально-прагматических, функционально-стилистических, семантических, а также иных особенностей контекста, коммуникативной ситуации, в ряде случаев включая и экстралингвистические данные, примером чего может служить украинская лексема *цирий*. В принципиальной важности реализации той или иной семы значения может проявляться национальная специфичность слова, его культурно-языковой колорит.

В заключение отметим, что подобная лексика отражает многовековой жизненный опыт определенного народа, его морально-нравственные качества и этические установки, философско-религиозные убеждения, верования, образ мышления, специфику мировосприятия и т.д. Свойственный такого рода лексемам оценочного характера более широкий семантический диапазон обуславливает синкретизм их значения, что, с одной стороны, порождает известные трудности при передаче на другой язык, когда отдельные оттенки семантики могут теряться

(вплоть до полной потери изначально заложенного смысла, ошибочного перевода) или передаваться лишь описательно ввиду семантической, функционально-прагматической лакунарности их значения. По нашему убеждению, поднимаемая в статье проблема требует комплексного изучения в рамках межславянских языковых (resp. концептуальных лингвокультурных) параллелей.

Литература

- Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М., 1996.
- Вежбицкая А. *Понимание культур через посредство ключевых слов*. М., 2001.
- Ермакова О.П. Концепты «совесть» и «зависть» в их языковом выражении // *Русский язык сегодня*: сб. ст. Вып. 1. М., 2000. С. 375–385.
- Желтова Н.Ю. Поэтика русского национального характера (теоретический аспект) // *Вестник ТГТУ*. 2004. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-russkogo-natsionalnogo-haraktera-teoreticheskiy-aspekt>. (Дата обращения: 18.09.2023).
- Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка* / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2014.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. «Азъ», 1992.
- СУМ: Академічний тлумачний словник української мови. [Электронный ресурс] URL: <http://sum.in.ua>. (Дата обращения: 18.09.2023).
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. II. М., 1986.
- Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.
- OED: Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.oed.com>. (Дата обращения: 15.10.2023).
- PWN: Słownik języka polskiego. [Электронный ресурс] URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/rubaszny;2574483.html>. (Дата обращения: 17.10.2023).
- Rejzek J. *Český etymologický slovník*. Leda, 2001.
- RMS: Rečnik srpskoga jezika. Matica srpska. Novi Sad, 2011.

«НОВАЯ» БОЛГАРСКАЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ: ЦИНИЧНЫЙ СМЕХ В ФОРУМНЫХ КОММЕНТАРИЯХ

Стоянова Е. В.

Шуменский университет
им. Епископа Константина Преславского
Шумен, Болгария

Аннотация:

В докладе рассматриваются проблемы комического в контексте новой болгарской медиареальности, важным элементом которой является сетевая коммуникация. Активными ее участниками становятся форумные комментаторы, включающиеся в обсуждение поставленных в медиатекстах вопросов. При подобном расширении дискуссионного пространства комический эффект нередко перерастает в цинизм и агрессию, обусловленные психологическим фактором и спецификой онлайн коммуникации, в частности анонимностью и ненаказуемостью участников полилога. Языковой инструментарий трансляции циничного смеха достаточно разнообразен: от вульгаризмов, жаргонизмов и просторечной лексики до окказиональной метафоры как проявления творчества и интертекстуальности.

Ключевые слова:

медиатекст, форум, цинизм, комизм, языковой инструментариум.

“NEW” BULGARIAN MEDIA REALITY: CYNICAL LAUGHTER IN FORUM COMMENTS

Stoyanova E. V.

Konstantin Preslavsky University of Shumen
Shumen, Bulgaria

Abstract:

The paper examines the problems of the humor in the context of the new Bulgarian media reality, an important element of which is network communication. Forum commentators become active participants, joining in the discussion of issues posed in media texts. With such an expansion of the discussion space, the humorous effect often develops into cynicism and aggression, due to the psychological factor and the specifics of online communication, in particular the anonymity and impunity of polylogue participants. The linguistic tools for broadcasting cynical laughter are quite diverse: from vulgarisms, jargon and colloquial vocabulary to occasional metaphor as a manifestation of creativity and intertextuality.

Keywords:

media text, forum, cynicism, humorous, language tools.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, несомненно, способствует формированию новых форм диалогичности и общения. Медиакоммуникация, воспринимаемая в широком смысле, включает в себя не только публикации в разных видах СМИ, но и медиафорумы. В контексте новой медийной реальности активным отражением социального взаимодействия представляется именно сетевая коммуникация. Социальные сети становятся неотъемлемой частью жизни современного общества. Они проникают и в медиадискурс в виде форумов, участники которых активно включаются в обсуждение различных медиатекстов. Нарастающая информатизация и медиатизация общества приводит к цифровизации медиа. Таким образом меняется локация адресата, переносимого в онлайн среду, а это, несомненно, способствует увеличению количества медиафорумов. В связи с быстрыми темпами цифровизации общества (в последнее время таким триггером стал ковид), заметно увеличивается число авторов-комментаторов медиатекстов на онлайн-платформах. Подобное комментирование на новостных сайтах представляет собой некую разновидность общения.

Коммуникация в форуме осуществляется в письменной форме, часто в виде креолизованного текста, и имеет характеристики асинхронного диалога, опосредованного сетевыми инструментами связи. Медийные форумы отличаются открытостью своей структуры, социальной разнородностью и политематичностью, они объединяют людей иногда на основе случайного принципа – заинтересованности в теме дискуссии. В отличие от других видов форумов, медийные отличаются гетерогенной социальной структурой: коммуникаторы разнородны по возрасту, полу, уровню образования и профессиональной принадлежности. Общим показателем для различных видов форумов, в том числе и медиафорума, является его организация и возможности управления или, по крайней мере, воздействия на коммуникацию. Взаимодействие форумцев осуществляется на основе принципов сетевой коммуникации, действенным инструментом которой выступает троллинг. Данный вид коммуникативной деятельности соотносится с провокацией и инициацией диалога в сетевом сообществе, а также с формой социальной агрессии. Организационная специфика сетевого сообщества базируется на анонимности речи, тем самым провоцируя безнаказанность за произносимое (точнее написанное) и усиление агрессии и цинизма.

Целью статьи является анализ средств создания циничного смеха в форумных комментариях к болгарским медиатекстам на онлайн-платформе. Циничный смех понимается как разновидность “злого” смеха по В.Я.Проппу (Пропп 1999), т.е. связанного с проявлением деструктивности в коммуникации. Актуальность проблематики определяется усиливающимся деструктивным элементом в обществе, приводящим к смещению ценностной системы.

Комизм и цинизм являются составляющими этического плана. Комизм выступает мерилем конструктивности, нравственных и духовных ценностей. Цинизм, наоборот, воспринимается в контексте деструктивности, концепта зла и предполагает отрицание традиционных ценностей человеческого бытия (Попов, Голубева, Устин 2008: 103).

На формирование деструктивности оказывает влияние переходность эпох и переоценки ценностей, шаткость, нестабильность ситуации, следствием которых и становится неудовлетворенность жизнью и неуверенность человека в завтрашнем дне. Не случайно А. Маслоу квалифицирует деструктивность в качестве вторичного феномена, связанного с неудовлетворенностью личностных базовых потребностей (Маслоу 1999: 118–122). Кроме социокультурного фактора на усиление деструктивных элементов влияет и психологические, связанные с полнотой сформированности личности.

Нарушение равновесия конструктивность – деструктивность находит свою реализацию в трансформации комизма в цинизм и агрессию в языке и поведении комментаторов. Инициация цинизма часто осуществляется троллем, создающим конфликтную ситуацию внутри сетевого сообщества и выступающим подстрекателем ссоры.

В текстах комментаторов звучит, с одной стороны, вызывающая бесцеремонность и наглость, переходящие во враждебность, как поведенческие характеристики, обусловленные анонимностью участников диалога и спровоцированные троллем, а с другой – за циничным смехом кроется пережитое разочарование, безверие и отчаянная попытка защитить себя.

Собранный материал позволяет классифицировать языковые средства создания циничного смеха в форумных комментариях к болгарским онлайн-медиатекстам следующим образом:

1. Циничный эффект создается на лексическом уровне –

лексическими средствами (вульгаризмы, жаргонизмы, разговорная, просторечная лексика, окказионализмы, в том числе и окказиональная аббревиация).

- Разговорная, просторечная лексика; с пренебрежительной коннотацией:

Тато ще бди – комментарий тексту Румен Радев: *Ще бдя страната да не се отклони от пътя* (22.01.2022 profit.bg) / букв. русск. Папенька будет следить. *Тато* – просторечн. обръщение ребенка к отцу; название государственного руководителя Тодора Живкова.

По скоро да ти свършва мандата и да отиваш в небитието комуняга мръсен. – комментарий тексту Румен Радев: *Ще бдя страната да не се отклони от пътя* (22.01.2022 profit.bg) / букв. русск. Чтоб быстрее у тебя закончился мандат и ты ушел в небытие, грязный комуняга. *Комуняга* – разг. пренебр. коммуняка, коммунист.

- Жаргонизмы

Много оредяхте гербаджийски плювалници. *Духаите го!* – комментарий тексту Румен Радев: *Ще бдя страната да не се отклони от пътя* (22.01.2022 profit.bg). / букв. Поредели ваши ряды плевалники партии ГЕРБ. *Плювалник* – жарг. неумолкающий человек

- Вульгаризмы

"Българите най-освобождаваната нация в света! След като спят зимен сън и пърдят под юрганите до гъзвовете на жените си, постоянно ще се налага да ни освобождават отвън. България е колониална държава от 32 години насам и се управлява от посланика на Американското посолство на Козяк 16" – комментарий медиатексту Дядо Иван напира да ни освобождава трети път, този път от НАТО (21.01.2022 frognews.bg). / букв. Болгары – это самая освобождаемая нация в мире. Спят зимним сном и пердят под ватными одеялами у жен под боком (у ж....), постоянно будет необходимо извне нас освободить. Болгария – это колониальная страна на протяжении 32 лет и управляется

послом американского посольства, ул. Козяк 16 (г.София).

- Окказионализмы

Трагично е състоянието на държава, в която има депутати-педераси и гербераси. – комментарий медиатексту *Спорен е въпросът какво иска Борисов и ГЕРБ – разширяване на НАТО или „платноходки и лодки“* (21.01.2022 frognews.bg) / букв. Трагическим является состояние страны, в которой есть депутаты-педерасты и герберасты (контаминация: ГЕРБ – политическая партия + педераст)

2. Циничный эффект создается на уровне креолизованного текста.

Таким образом, при современном расширении медиапространства в контексте новой болгарской медиареальности комизм принимает деструктивные формы и нередко перерастает в цинизм и агрессию, обусловленные социокультурным и психологическим факторами и спецификой сетевой коммуникации. Массовый цинизм и троллинг представляются причинами усиления циничного смеха в текстах форумных комментаторов. Языковой инструментарий трансляции циничного смеха достаточно разнообразен: от вулгаризмов, жаргонизмов и просторечной лексики до окказиональной метафоры как проявления творчества и интертекстуальности. Кроме лексических средств, создание цинизма возможно и на текстовом уровне лингвистическими и паралингвистическими средствами.

Литература

- Маслоу А. Мотивация и личность // *N.Y.: Harper & Row, 1970;*
СПб.: Евразия, 1999. [Электронный ресурс] URL: http://www.bimbad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf. (Дата обращения: 28.02.2023).
- Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. *Добро и зло в этической психологии личности*. М: Институт психологии РАН, 2008.

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР-
АППРОКСИМАТОР ВРОДЕ
(ВРОДЕ ТОГО / ВРОДЕ ТОГО ЧТО)
В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Сян Янань

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Исследование посвящено анализу употреблений в русской повседневной речи маркера-аппроксиматора ВРОДЕ (ВРОДЕ ТОГО / ВРОДЕ ТОГО ЧТО) и выполнено на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Этот маркер показывает неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, даже если с его помощью в повествование вводится чужая речь, то есть он функционирует еще и в роли маркера-ксенопоказателя. Такое исследование может способствовать лучшему пониманию тенденций развития устной речи как основной формы существования языка, а его результаты могут быть полезны в практике преподавания русского языка как иностранного и практике перевода русских художественных текстов на другие языки.

Ключевые слова:

прагматический маркер, аппроксимация, хеджирование, маркер-ксенопоказатель, повседневная речь, речевой корпус

**PRAGMATIC
MARKER-APPROXIMATOR *VRODE (VRODE
TOGO / VRODE TOGO CHTO)*
IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH: CORPOSE
RESEARCH**

Xiang Yanan

St. Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

Abstract:

The study is devoted to the analysis of the uses of the marker-approximator *VRODE (VRODE TOGO / VRODE TOGO CHTO)* in Russian everyday speech and was carried out on the material of the spoken subcorpus of Russian National Corpus. This marker shows the speaker's uncertainty about what he is talking about, even if with its help someone else's speech is introduced into the narrative, that is, it also functions as a xenomarker. Such research can contribute to a better understanding of the trends in the development of oral speech as the main form of existence of the language, and its results can be useful in the practice of teaching Russian as a foreign language and translating Russian texts into other languages.

Keywords:

pragmatic marker, approximation, hedging, everyday speech, speech corpus.

1. Введение

Язык окружает нашу жизнь, без него в нашей жизни ничего не происходит. Язык участвует во всех наших мыслях и действиях. По определению Ф. де Соссюра, язык (*la langue*) как отвлеченный, абстрактный объект «существует в коллективе как совокупность впечатков, имеющих у каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, [находятся] в пользовании многих лиц» (Соссюр 1999: 26–27).

Речь (la parole) – это «индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (*code*) языка с целью выражения своей мысли; и 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации» (там же: 21–22).

Устная речь является первичной формой существования языка в развитии человека и человечества (в онто- и филогенезе)¹. Устной речи в целом свойственны такие характеристики, как неподготовленность (спонтанность), необратимость² и некоторый автоматизм в отборе языковых средств, возникающий в условиях дефицита времени, выделяемого на обдумывание и построение высказывания³. В письменной же форме речи автор может «обдуманно отбирать языковые средства, строить высказывание постепенно, исправлять и совершенствовать текст» (Трошева 2006: 567).

В русской устной речи существует ряд специальных единиц, которые представляют значительные трудности для иностранных учащихся, в основном на уровне общения и понимания. Это языковые единицы, подвергшиеся процессу *прагматикализации*: их лексическое значение в реальных употреблениях оказалось в значительной степени ослабленным или вовсе утраченным, и на смену ему пришло прагматическое значение, или функция в речи. С учетом такой специфики их называют *прагматическими маркерами* (ПМ). В повседневном общении ПМ имеют огромное значение, поскольку помогают говорящему строить речь в соответствии с его коммуникативным намерением, а слушающему – правильно понять передаваемую говорящим информацию, включая все

---

¹ Ср.: речь «есть первое и истинное состояние языка» (Гумбольдт 1960: 69).

² Ср.: «Устная речь необратима – такова ее судьба. Однажды сказанное уже не взять назад, не приравняв к нему нового; “поправить” странным образом значит здесь “прибавить”» (Барт 1989: 541).

³ Ср.: «в реальных условиях коммуникации, в процессе естественного спонтанного диалога продуцирование текста (высказывания) происходит, по существу, в “экстремальных условиях” – при дефиците времени и отсутствии возможности тщательно продумать стратегию» (Левицкий 2011: 162).

коммуникативные нюансы.

В *коллоквиалистике* (теории разговорной речи) существует функциональная типология прагматических маркеров (Богданова-Бегларян 2021). Одним из типов ПМ являются прагматические маркеры-*аппроксиматоры* (ПМА), которые и стали объектом внимания в настоящей работе.

2. ВРОДЕ как прагматический маркер-аппроксиматор

Маркеры-аппроксиматоры показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляются, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным (Подлеская 2013). Типичными единицами такого рода являются *вроде, как бы, типа, или там* (Богданова-Бегларян 2021: 25).

Разновидностью *аппроксиматоров* является и ряд конструкций, в которых *вроде, типа* или *наподобие* выступают в роли предлога (*поезд вроде электрички, альбом типа книги, что-то наподобие лодки*) и которые иногда описывают как маркеры *нечёткой номинации* (Savchenko 2015). Предлог *вроде* является самым частотным в этом ряду: из полной выборки в 181 контекст из устного подкорпуса (УП) НКРЯ доля *вроде* составила 64 %, *типа* – 32 %, *наподобие* – 4 % (Savchenko 2015). В частотном списке из 60 ПМ русской повседневной речи *вроде* имеет ранг 23 (ПМ 2021: 55), что также говорит о его высокой употребительности в русской коммуникации. Именно маркеру *вроде* и его структурным вариантам и посвящена настоящая статья.

3. Хеджирование как стратегия построения устного высказывания

Близким к *аппроксиматору* является понятие *хеджа* (от англ. *Hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) (Lakoff 1973), т. е. использования слов (единиц) «осторожной» модальности – неопределенных местоимений или наречий, а также вводных слов, маркирующих неуверенность говорящего (*какой-то, наверное, как-нибудь*). Согласно теории *речевых актов* (РА), стратегия хеджирования направлена на ослабление иллокутивной силы высказывания, так как хеджи придают высказыванию расплывчатость, частично снимают с говорящего ответственность за сказанное и смягчают категоричность его утверждений (Fraser 2013). Можно сказать, что прагматические

маркеры-аппроксиматоры и хеджи совместно выполняют функцию снижения категоричности высказывания, подчеркивают неточность (нечеткость) использованной говорящим номинации (Сян Яньюнь 2023). Умение понимать прагматические функции таких единиц очень важно для изучающих русский язык как иностранный. Это способствует пониманию устной речи носителей русского языка и в целом эффективному общению в русскоязычной языковой среде.

4. Актуальность и цель исследования

Вопрос об аппроксиматорах давно и широко обсуждается в российской лингвистике. Однако многие подобные исследования сосредоточены в основном на материале иностранных языков. Анализ научной литературы показал, что пока практически нет исследований такого рода на материале русской повседневной речи и на прагматическом уровне. Таким образом, *актуальность* данного исследования состоит в том, что анализ основных тенденций и возможностей употребления ПМА в русской повседневной речи пока не предпринимался, но он необходим, потому что подобные единицы очень частотны.

Целью настоящей работы является анализ особенностей употребления ПМА *вроде (вроде того/ вроде того что)* в повседневном общении на русском языке. Такое описание может способствовать лучшему пониманию тенденций развития устной речи как основной формы существования языка и дальнейшему анализу в области коммуникативной лингвистики. В работе используются такие научные *методы* исследования, как метод сплошной выборки (для создания пользовательского подкорпуса материала), описательный (контекстный анализ), сопоставительный (данные словарей и устного корпуса) и количественный (простые количественные подсчеты).

5. Материал и результаты его анализа

Основным источником материала для исследования стал устный подкорпус НКРЯ. По данным этого корпуса, единица *вроде* зафиксирована в русской речи около 1886 г., пик употребительности приходится на 2008 г., и в последние десятилетия наблюдается стабильность ее употребительности. В работе проанализирована динамика употреблений ПМА *вроде (вроде того/ вроде того что)* в УП и создан пользовательский подкорпус материала. Показано,

что ПМА *вроде* представляет собой сложную полифункциональную единицу, роль которой определима только в контексте.

Анализ корпусного материала показал, что слово *вроде* обладает многими значениями, из которых пояснительное значение ни разу не встретилось в материале данного исследования. В роли ПМА данная единица особенно частотна, ср.:

- 1) *Вы знаете/ но/ наверное/ я вам посоветовала бы начать с чего-нибудь более пластичного/ аа что-то **вроде** стрейчинга/ то есть растяжки/ аа может быть/ вог.*

В контексте (1) перед *вроде* стоит неопределенное местоимение (*что-то*) и есть другие хеджи: *наверное, чего-нибудь, может быть* (в контексте подчеркнуты). Говорящий не может сразу подобрать подходящее слово для выражения своей мысли, поэтому стремится к самоисправлению. Считается, что нечеткая номинация используется в тех случаях, когда прямое название предмета неизвестно для говорящего. Говорящий может испытывать трудности при поиске нужного слова или выражения, может вообще его не знать или считать его по какой-либо причине нежелательным для употребления (ПМ 2021: 304). Объединение ПМА и хеджей в одном контексте рассматривается как частотное явление устного дискурса. Вполне вероятно, что это универсальная черта устной коммуникации, свойственная общению на любом языке.

- 2) *Вы сказали/ что сейчас **вроде** как бы государство станет более слабым/ и есть возможность/ что куда-то подвинется вся ситуация в положительную сторону.*

В контексте (2) говорящий использует ПМА *как бы* сразу после *вроде* для выражения своей неуверенности. Он не позволяет себе быть слишком категоричным и пытается с помощью этих слов снять с себя ответственность за сказанное. Маркер *как бы* намного употребительнее *вроде*, он имеет ранг 5 в частотном списке 60 базовых русских ПМ. Его IPM⁴ – 900. Употребление ПМА и хеджей еще усиливает неуверенность говорящего.

Вроде может встречаться многократно в одном высказывании, часто встраиваясь в цепочки ПМ, ср.:

- 3) *А она/ там значит/ бьёт ногой/ и что-то **вроде**/ знаешь ли/ такой там значит мелодики/ когда это значит она*

⁴ Item Per Million – показатель частоты встречаемости на миллион словоформ; рассчитан для аннотированного подкорпуса в 300 тыс. словоупотреблений, извлеченных из корпуса ОРД.

что-то изображает вроде такого общения с публикой/ но в общем/ понимаешь ли/ такая эстрадная манера/ то есть я тебе хочу сказать/ что понимаешь/ это даже/ ну/ в зале Чайковского я бы тоже бы не спела/ а вот в зале гостиница «Советская»/ спеть такой цикл/ очень даже хорошо.

Модальное значение слова *вроде* – сигнал возможной неверности высказывания. В контексте (3) говорящий дважды использует *вроде* в одном предложении, чтобы уменьшить степень категоричности высказывания. Он использует также вспомогательные прагматические средства для оформления приблизительности: контактные глаголы (ПМ-метакоммуникативы) *знаешь* и *понимаешь*, которые апеллируют к ментальности собеседника и устанавливают контакт с ним. В речи говорящего множество и других ПМ и хеджей (также подчеркнуты). Таким образом, мы можем почувствовать размышление и психологию говорящего.

- 4) *А родители на вас смотреть будут / подбадривать? – Вроде того.*
- 5) *Потом взяла первые / которые понравились и всё. Вроде / ей понравились тоже.*

С помощью ПМА *вроде* или его структурных вариантов говорящий может выразить согласие (4) или ввести в повествование чужую речь (5). Оттенок аппроксимативности (нечеткости) во всех случаях сохраняется.

6. Еще некоторые наблюдения

Интересен вопрос, почему люди так часто используют в устной коммуникации стратегию нечеткости. Существует множество исследований *уклончивости* в научных текстах, где она является просто хорошим тоном (Markkaren 1997), П. Браун и С. Левинсон указывают на ее связь с *вежливостью* (Brown, Levinson 1987), но, скорее, в императивах и комиссивах⁵, а не в утверждениях. Напротив, размытость в утверждениях нарушает принцип кооперации П. Грайса (Грайс 1985), что, впрочем, порой приносит говорящему или всей группе определенную выгоду. Можно считать, что неопределенность и нечеткость выражения

⁵ *Комиссивы* – речевые акты обязательства, обещания (*обещаю, клянусь, даю слово*), см. о типологии РА, например: Остин 1986: 119; Серль 1986: 182.

— это обычная черта повседневной речи. Некатегоричное высказывание достаточно информативно для продолжения коммуникации (Sadock 1977), но при этом поддерживается комфортная ситуация, в которой ни говорящему, ни собеседнику не нужно концентрироваться на произносимом слове. Повседневные разговоры происходят так, как будто бы мы всегда находимся в сфере неопределенности.

В «Большом русско-китайском словаре» *вроде* описывается так: «(1) [предлог] (с Род. п.) 像, 類似 (наподобие кого-, чего-л., как кто-, что-л.; подобно кому-, чему-н., сходно с кем-чем-н.) *пальто вроде моего. писать что-то вроде воспоминаний. Он вроде тебя, тоже чудака.* (2) [частица]<разг.> 似乎, 好像 (похоже, что, кажется, как будто) *Вроде так. Он вроде заболел.* (3) [пояснительный союз] (перед перечислением) 例如, 譬如, 諸如 (например) *Неделю назад они встретились. Обнялись и долго трясли друг другу руки, приговаривая ничего не значащие, но взволнованные слова, вроде: «Ну, как ты? ... да ничего ..., старый дружище ...»* (Институт словарей... 2001). Видно, что и здесь тоже не учитываются употребления *вроде* в роли ПМА. Проведенный анализ показал, что для иностранных учащихся трудным является понимание прагматических маркеров повседневной русской речи, которые не поддерживаются ни русскими толковыми, ни двуязычными словарями. Думается, что частотность этой единицы, в первую очередь в прагматическом значении, должна стать основанием для включения ее в соответствующие словари, чтобы дать иностранным учащимся более точное представление о русской устной спонтанной речи, которая занимает столь важное место в нашей жизни и коммуникации (Сян Янань 2023).

7. Выводы

Очевидно, что устная речь интересует как российских, так и зарубежных исследователей. В целом проведенный анализ показал, что в русской повседневной речи большое количество употреблений прагматического маркера-аппроксиматора *вроде* (*вроде того/ вроде того что*) лежит полностью за пределами кодифицированного языка и лексикографической фиксации. Тогда как *вроде* может использоваться для самых различных целей. И во всех случаях реализуется стратегия нечеткости (аппроксимации), основная для *вроде*. Другими словами, *вроде* используется для установления нечеткого высказывания. Другие его функции

являются частными проявлениями этой универсальной функции. Полученные в настоящей работе результаты могут быть полезны в коллоквиалистике (теоретический аспект), а также в практике преподавания русского языка как иностранного и в практике перевода русских художественных текстов на другие языки, в особенности на китайский (прикладные аспекты).

Литература

- Барт Р. Гул языка // Р. Барт. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика* / Сост., общ. ред. и вступ. статья Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 541–544.
- Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // *Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография* / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // В. А. Звегинцев. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Часть I. М.: Просвещение, 1960. С. 68–86.
- Институт словарей Центра изучения русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета. *Большой русско-китайский словарь*. Пекин: Коммерческая пресса, 2001. 2871 с. 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所. 大俄汉词典 [M]. 北京: 商务印书馆, 2001.
- Левицкий Ю.А. К вопросу о второй коммуникации // *Проблемы социо- и психолингвистики*. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Сб. статей / Отв. ред. Е.В. Ерофеева. Пермь, Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. С. 159–167.
- Остин Дж. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*: Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–131.

- Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография* / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. С. 170–195.
- Соссюр Ф. де. *Курс общей лингвистики*. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999. 432 с.
- Сян Янань. Прагматические маркеры-аппроксиматоры в лексических минимумах по русскому языку как иностранному для B2 и C1 // *XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады*. СПб., 2023. В печати.
- Трошева Т.Б. Письменная речь // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 285–287.
- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Fraser, B. Forthcoming. “A Brief History of Hedging” // *Vagueness in Language* / S. Schneider (ed.). Bingley: Emerald Publishing, 2013. Pp. 201–213.
- Lakoff, G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Journal of Philosophical Logic*. № 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. Pp. 458–508.
- Markkanen R. (ed.) *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin; New York: De Gruyter, 1997. 280 p.
- Sadock. J. Truth and Approximations // *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1977. Pp. 430–439.
- Savchenko, D.S. On Possible Functions of Xind vrode/tipa/napodobie ‘like’ Y in Russian Colloquial Speech // *Коммуникативные исследования*. 2015, № 4 (6). С. 100–108.

РОДОВАЯ ОМОНИМИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Хмелевский М. С.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Савченко А. В.

Государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй, Тайвань

Аннотация:

Лексико-грамматическая типология славянских языков представляет собой интересный научно-исследовательский лингвистический материал для анализа, изучения и описания в рамках сравнительно-сопоставительного аспекта близкородственности. Так, в настоящей статье рассматриваются наиболее иллюстративные случаи несовпадения в категории рода однокоренных лексем в славянских языках и вопросы расхождений их семантико-ассоциативного восприятия вследствие таких несовпадений. В ряде случаев данное явление мотивируется ассоциативным и культурологическим фоном в языковой картине мира той или иной нации. Такое несовпадение может быть также обусловлено особенностями концептуального восприятия носителями близких по происхождению, но разных по экстралингвистическим путям своего формирования отдельных славянских языков концептуальных понятий, которые выражают рассматриваемые в статье наиболее показательные в этом смысле лексические примеры.

Ключевые слова:

славянские языки, межславянская омонимия, грамматическая категория, категория рода, лексика, семантика

HOMONYMY AT THE LEVEL OF GENDER IN SLAVIC LANGUAGES: LEXICAL, SEMANTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECTS

Khmelevskiy M. S.

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Savchenko A. V.

National Chengchi University
Taipei, Taiwan

Abstract:

The lexical and grammatical typology of Slavic languages is of undeniable research linguistic material for analysis, study and description, taking into account various approaches to this subject-matter. This article examines the most illustrative cases of discrepancy in the category of gender of cognate lexemes in Slavic languages and issues of discrepancies in their semantic-associative perception due to such discrepancies. In a number of such cases, this phenomenon is motivated by the associative and cultural background of the given lexeme in the linguistic picture of the world of a particular nation. Such a discrepancy may also be due to the peculiarities of the conceptual perception by speakers of closely related, but separate Slavic languages in mentality as a result of extralinguistic differences of their historical development.

Keywords:

Slavic languages, inter-Slavic homonymy, grammatical category, gender category, vocabulary, semantics

Межъязыковая омонимия как собственно языковое явление, равно как и сам этот лингвистический термин, можно понимать и трактовать довольно широко. В основном, понятие омонимии применяется в аспекте лексикологии, т.е. на семантическом уровне «классическая» омонимия преимущественно рассматривает случаи совпадения слов (*resp.* словоформ), например, в написании и/или их фонетическом произношении, а нередко возникающей при этом абсолютной противоположности их лексических или стилистических значений в близкородственных языках, таких, как славянские. Так, например, русск. *черствый* и чешск. *čerstvý* (*свежий*), чешск. *zapomnět* / польск. *zapomnieć* (*забыть*) – русск. *запомнить*, польск. *uroda* / укр. *врода* (*красота*) – русск. *урод*, а чешск. *úroda* (русск. *урожай*), хорв. *vonj* / чешск. *vůně* / словацк. *vôňa* (*приятный запах, аромат*) тогда как русск. *вонь* – «*неприятный запах*», польск. *zachód* – «*запад*», но чешск., словацк. *záchod*, хорв. *zahod* – «*туалет*», словацк. *hrubý* – «*толстый*» и русск. *грубый* – «*жестокый, невежливый*» и т.п. Этот список славянских лексических омонимов можно продолжать до бесконечности, чему посвящены научные работы и лексикографические труды славистов, занимающихся этой проблематикой (Lewis 2016; Кусаль 2006; Савченко, Хмелевский 2023: 166).

Тем не менее, омонимия проявляет себя и на других уровнях языка, в том числе и на морфологическом, и, как следствие, на культурологическом. Обратимся к некоторым наиболее иллюстративным случаям реализации этой грамматической категории, где встречаются случаи лексических и стилистических расхождений. Так, морфологическая категория рода является одной из характерных для языков флективного строя. Свою прямую соотнесенность с семантикой эта категория утратила еще в праиндоевропейский период, став чисто грамматической (Карпинская 1966: 12).

В славянских языках традиционно выделяется три рода – мужской, женский и средний, разделяемые формальным признаком – флексией. В академических грамматиках рассматривается пять вариантов родовой соотнесенности: это еще слова общего рода: русск. *судья, белоручка, бродяга, пьяница, калека, сирота* и т.п., а также «двуродовые» существительные, не соотносимые с категорией рода: укр. *ледащо* (русск. *лентяй(ка)*), *свинота, бідолаха, сиротина*, серб. *budala* – «*дурак*», *propalica* – «*пропавший, опустившийся человек*» и т.п. В чешском и словацком

языках лексема *chlapík* (как и в русском *молодѐц*) грамматически, судя по форманту нулевой флексии, являются существительными мужского рода, однако при этом семантический род можно установить только исходя из контекста, поскольку лексема может быть отнесена ко всем трем родам. Причем даже сочетающееся с этим существительным прилагательное не способствует его родовой атрибуции: чешск. *ty jsi velký chlapík* – букв. «ты большой молодец» – может употребляться по отношению как к мужчине, так и к женщине, а также, напр. к ребенку чешск.: *dítě*, словацк. *dieťa*, или девушке, как в чешск. *děvče*, словацк. *dievča*, – это слова, относящиеся к среднему роду. Однако в русском языке на отнесенность к тому или иному роду будет указывать именно прилагательное: *ты большой / большая молодец*. Такая родовая соотношенность, определяемая атрибутивным словом, т.е. прилагательным, встречается далеко не во всех близкородственных славянских языках. Так, например, в украинском: *бідна сиротина, голодна бідолаха, уперта людина* и т.п. – родовые конструкции словосочетаний, которые могут употребляться по отношению к лицам обоих полов; или в сербском языке, например: *poznata lutalica* – «известный/известная бродяга» (причем отнесение к роду может уточнять в контексте только личное местоимение 3-го лица единственного числа «он/она»).

Следует отметить, что исключение из сказанного выше составляют одушевленные существительные, где флексия, по сути, является чисто морфологическим признаком формоизменения слова (Карпенко 2001: 45), тогда как непосредственно сам род выводится из их смыслового наполнения, как, например, русск. *мужчина, папа, дядя, дедушка* (логический род) или для отдельной парадигмы склонения одушевленных имен существительных мужского рода типа русск. *судья, воевода*, чешск. *turista, fotbalista* и т.п. Это касается и существительных общего рода, когда род может быть определен только контекстуально – с помощью формы определяющего существительное местоимения, прилагательного или глагола прошедшего времени, например, русск. *мой / моя коллега, мой лечащий врач пришел – моя лечащая врач пришла*. Подчеркнем, что подобная проблема характерна в основном для русского языка, тогда как во многих других славянских языках, где феминитивы являются исконными для их грамматического строя, подобный вопрос не возникает, поскольку в них функционируют стилистически равноправные пары одного существительного

мужского и женского родов, что исторически является вполне естественным явлением для разговорной речи, кодифицированным в академических грамматиках, как, например, чешск.: *kolega* (м.р.) и *kolegyně* (ж.р.), *prezident* (м.р.) – *prezidentka* (ж.р.), *kanclář* (м.р.) – *kanclářka* (ж.р.), аналогичные словообразовательные модели находим в словацком, хорватском и словенском языках. Здесь стоит упомянуть, что русская словообразовательная система также допускает образование дублетных форм в оппозиции мужского и женского родов, однако, в отличие от вышеуказанных славянских языков, они, наряду со стилистически нейтральными (*продавец – продащица, проводник – проводница, актер – актриса*), зачастую сильно стилистически маркированы и носят пренебрежительный оттенок значения, например: *докторша, секретарша, директорша, врачиха, кондукторша, бухгалтерша, шефша* и т.п.

В славянских языках различия в роде полностью совпадающих по форме и частично по звучанию слов, помимо флексии как чисто формального грамматического показателя, в ряде случаев также могут быть объяснены ассоциативным и культурологическим фоном данной лексемы в языковой картине мира того или иного славянского народа. Это несовпадение нередко может быть обусловлено разницей в концептуальном и мировоззренческом восприятии носителями отдельных славянских языков понятий, которые выражают эти лексемы, как, например: русск. *стеня, собака, Сибирь* (ж.р.) – укр. *стен, собака, Сибир* (м.р.) и наоборот: русск. *пусть*, белорус. *пуць* (м.р.) – укр. *пусть* (ж.р.), серб., хорв. *miš* (м.р.) и русск. *мышь* (ж.р.), русск. *девушка, кошка* (ж.р.), *щенок* (м.р.) – укр. *дівча, кошеня, щеня, немовля* («младенец») (ср.р.), словац. *dievča, mačiatko, kuriatko, šteniatko*, чешск. *děvče, kotě, štěně*, сербск. и хорв. *pile, tele, štene*, а также чешск. *dítě*, словац. *dieťa*, сербск. и хорв. *dete*, русск. *дутья* (или русск. разговорное *дутье*) – ср.р.

Наиболее показательные расхождения, или омонимичные родовые несовпадения, на подсознательном рецепторном уровне демонстрируют те лексемы, которые в разных славянских языках порождают различные смысловые и ассоциативные семантические ряды. Принадлежность к роду, помимо чисто лингвистических критериев, порой может быть объяснена спецификой национального мировосприятия и экстралингвистическими мировоззренческими особенностями, которые и сформировали этнокультурную картину мира. Среди наиболее показательных

примеров сказанного выделим следующие:

1) Родовая межславянская омонимия в ойконимах. Так, например, столица Франции *Paříž* (ж.р.) в чешском ментально-образном представлении, в стереотипном сознании носителя чешского языка вызывает совершенно иные, по сравнению с русским (где *Париж* мужского рода) ассоциативные коннотации, вследствие чего русский *статный, строгий, элегантный* или *вычурный Париж*, он же «законодатель мод» или «властитель вкуса», в чешском ассоциативном восприятии связывается с женским началом, в частности: *milá, krásná, útulná, příjemná Paříž*. Не зря в чешском языке встречается концептуальная шуточная фраза: *Nejkrásnější místa na světě v češtině jsou ženského rodu, jako Praha, Paříž a Vídeň* – «Самые красивые города в мире в чешском языке женского рода, как Прага, Париж и Вена», что представляет собой сложность для перевода даже на близкородственные языки (например, аналогично сербск. *Prag, Pariz, Beč* – мужского рода). Таким образом, только на данном примере мы видим, как вследствие грамматической разницы в роде у разных близкородственных народов один и тот же топоним воспринимается по-разному, зачастую порождая совершенно иные и семантически нетождественные вербальные образы, что, как следствие, отражается не только в ассоциативном сознании, но и в культуре, литературе, языке повседневного общения.

2) Аналогичный пример можно привести в связи с восприятием русского топонимического концепта *Сибирь* (ж.р.): *холодная, суровая, порой также зеленая, красивая, богатая природными ресурсами, хотя далекая, но все-таки родная, русская, Сибирь-матушка* и украинского – *Сибір* (м.р.): *чужий, суворий, далекий, жорстокий, ворожий, дикий* и т.п. На этом примере мы видим, как с лингвокультурологической точки зрения в рамках морфологической категории рода проявляется мировоззренческое представление об одном и том же топониме в его концептуальном восприятии двумя близкородственными народами, что порождает в этносознании ассоциации либо с женским началом в русском или мужским – в украинском (Беднаж 2002: 23).

Показательной в этой связи является и русская лексема *стень* и ее культурологическое восприятие, обусловленное морфологической отнесенностью к определенному роду, вызывающей в картине мира ассоциативный ряд, также связанный с женским, т.е. милым, дорогим, любимым, нежным, родным

или «материнским» началом, как, например: *широкая, любимая, родная, дорогая, бескрайняя, красивая, близкая сердцу* и т.п. Однако в украинском сознании концепт *степ* (м.р.), наоборот, вызывает ассоциации, относящиеся к априорным представлениям о мужестве, геройстве, кровавых сражениях, героической смерти и, как следствие, в отличие от русского, совсем не связанным с чем-то «нежным или милым сердцу»: укр. *степ пустий, дикий, сухой, глухий, строгий, горячий*, а прежде всего *степ – неродючий*, т.е. «неплодородный», что в украинской картине мира является негативным представлением о земле, а именно – о не имеющем отношении к женскому началу, поскольку плодородие в мифологическом и религиозно-философском сознании человека всегда связывалось именно с женским началом (Савченко, Хмелевский 2018: 121).

3) Иллюстративным примером, с точки зрения ассоциативного и образного восприятия через призму грамматической категории рода, могут послужить, например, и наименования животных. Так, русск. *собака* (ж.р.), согласно данным Ассоциативного словаря русского языка, ввиду лексико-грамматической относимости к женскому роду, в сознании носителя русского менталитета и, как следствие, в русской культуре (персонажи фольклорных, в т.ч. сказочных или песенных текстов, классической литературы и т.п.) предстает в мировоззренческом сознании русских как *друг человека; ласковая, нежная, домашняя, преданная, маленькая, хорошенькая* и т.п., тогда как в украинском языке *собака* – слово мужского рода, что предопределяет совершенно другое восприятие этого животного в украинском лингвокультурологическом сознании, в частности – и в первую очередь, оно определяется такими эпитетами, как, например: *собака злий, дикий, великий, страшенный* и т.п. (Кузнецова, Савченко, Хмелевский 2020: 49). Как в русском, так и в украинском языках лексема *собака* используется и для наименования человека, обладающего негативными качествами, однако в украинском это употребление значительно в большей степени экспрессивно усиливается именно за счет грамматической отнесенности к мужскому роду, который уже изначально вызывает маскулинные (т.е. как правило негативные) ассоциации, на уровне подсознания отсылающие к таким понятиям, как «опасность, злость, гнев, жестокость, суровость» и т.п.

4) В продолжение поднятой темы можно привести примеры

из славянских языков, где морфологический род лексемы, обозначающей животного, во многом предопределяет его традиционно народное образное и культурологическое восприятие. Так, например, русское слово *лебедь* женского рода в первую очередь вызывает у носителя русской культуры ассоциации с чем-либо прекрасным, изысканным, утонченным, что, в частности, стало основанием для возникновения таких фразеологизмов, как *лебединая походка*, *лебединая шея* – т.е. «изящная, женственная» (вспомним образ лебедя в русском фольклоре: *Премудрая лебедь-птица – красна девица*; *Марья-лебедь* или, например, превращение царевны в лебедь в «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина, а также сюжет «Лебединого озера»). В сербском же языке аналогичная лексема *labud* – это существительное мужского рода, что грамматически предопределило совершенно иное ментальное восприятие этого образа и переносное фразеологизированное употребление: сербск. *labudovi hod* – букв. «лебединая походка» – употребляется в значении «переваливающаяся походка», например, пожилой, ковыляющей или хромой женщины (Шипка 1998: 8); ср. русск. фразеологизм *утиная походка*. Таким образом, в данном случае мы видим принципиально иное семантическое наполнение: если в русском сознании *лебедь* порождает ассоциации с красотой, грацией и изяществом, то в сербском, зачастую – с некоторой ущербностью или физическим недостатком. В этом смысле и танец маленьких лебедей в балете на музыку П. И. Чайковского как культурологический феномен для адекватного восприятия образа носителем сербской культуры требует дополнительного пояснения вследствие разности в роде, которым обуславливается и разность восприятия данного символа.

5) В продолжение темы зоонимов представим еще один иллюстративный пример, связанный с различием в ассоциативном наполнении и восприятии образа «*мышь*» в русской и сербской культурах. Так, *мышь* в русском языке – женского рода, и, следовательно, в сознании носителя русского менталитета она представляется как нечто «маленькое, практически безобидное, милое» и даже «пушистое», практически «домашнее животное» (вспомним: *мышка-норушка*, *мышка хвостиком махнула*, *молчать/быть тихим как мышь*), тогда как сербская лексема *miš* мужского рода и, соответственно, выступает в качестве персонажа сербского фольклора как ассоциация с чем-то противным, жестоким или злым, а также может метафорически употребляться для наименования

любого человека с отрицательными качествами (Lewis 2016: 192). Яркое подтверждение «негативности» и связанной с ней высокой степени экспрессии находим в живой разговорной речи, в которой частотным фразеологизмом является пейоративное междометное восклицание *Jebem ti miš!* (как выражение удивления, раздражения, недовольства, злости; в этом контексте русским аналогом могло бы выступить выражение *Черт бы тебя побрал!*).

б) Упомянем также о существительных, называющих растения (фитонимы). Так, например, русская лексема *яблоко* среднего рода и, следовательно, не вызывает почти никаких вербальных (а не визуальных) ассоциаций с характеристиками человека, тогда как в сербском *jabuka* – женского рода, и, следовательно, в переносном значении этим словом можно метафорически и в качестве эпитета подчеркнуть женскую красоту: *devojka / žena je kao crvena / slatka / zlatna / rumena / zrela jabuka*. И снова мы видим, как отнесенность к тому или иному роду предопределяет разность формирования образа, ассоциативного ряда, эпитетов и метафор даже в близкородственных языках, как в примере с яблоком, где вследствие того, что слово *jabuka* в сербском и хорватском женского рода, оно часто связывается с представлением о молодой красивой девушке / женщине (Раина, Хмелевский 2019: 148). Аналогичные примеры можно найти и в прочих лексико-семантических разрядах слов, как в случае с русск. *трамвай* (м.р.) и чешск. *tramvaj* (ж.р.).

В настоящей статье мы привели лишь некоторые наиболее показательные примеры из славянских языков, когда морфологическая категория рода и ее омонимичность может обуславливать различное семантическое и образное наполнение лексем, звучащих в славянских языках приблизительно одинаково. В настоящем исследовании не затрагивается вопрос заимствований (как, например: русск. *кризис* – сербск. *kriza*, русск. *банк* – чешск., словац. сербск. *banka* и т.п.), поскольку здесь нам было важно представить влияние грамматики и, в частности, – омонимии в рамках категории рода на материале близкородственных славянских языков, а заимствованные из греческого, латинского или через посредство других европейских языков слова не мотивированы исконно славянскими корнями и поэтому они зачастую не вызывают никаких лексико-семантических ассоциаций. Отметим, что в прикладном плане, как рассмотренные выше случаи, так и оставшиеся вне поля нашего внимания примеры несовпадения

грамматического рода, представляют довольно существенную сложность не только при овладении тем или иным славянским языком, но и в плане восприятия обозначаемых этими лексемами предметов и явлений окружающей действительности, а также в аспекте переводимости и непереводимости.

Подводя итоги, подчеркнем, что род во многом влияет на образное лингвокультурологическое, ассоциативно-метафорическое восприятие обозначаемого объекта, актуализирует в сознании определенные семы значения, порождает соответствующие вербальные образы. Влияя на общее образное сознание и восприятие, грамматический и семантический род способствует возникновению определенных устойчивых образов, на основе которых часто возникают идиоматизированные сочетания и иные вербально выраженные стереотипные представления, отражаемые как в разговорной речи, так и в культуре, фольклоре, художественной литературе.

Литература

- Беднаж М. А. *Польсько-українська міжмовна омонімія*. Орле, 2002.
- Карпенко Л. Б. Особенности оформления категории рода в болгарском языке (к проблеме типологии славянских языков) // *Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания*. Москва, 2001. С. 43–46.
- Карпинская О. Г. Методы типологического описания славянских родовых систем // *Исследования по общей лингвистике*. Москва, 1966.
- Кузнецова И. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С. Влияние русской фразеологии на современный разговорный украинский язык, суржик и жаргон // *Славянская фразеология, заимствования и кальки в славянской фразеологии*. Грайфсвальд – Санкт-Петербург, 2020. С. 46–52.
- Кусаль К. Ч. *Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема*. Санкт-Петербург, 2006.
- Раина О. В., Хмелевский М. С. Фразеологическая омонимия и интерференция в аспекте преподавания РКИ в славянской аудитории // *Język rosyjski jako obsy. Dydaktyka przekładu, słowniki i pomoce naukowe / Русский язык как иностранный. Дидактика перевода, словари и учебные пособия*. Warszawa, 2019. Str. 139–152.
- Савченко А. В., Хмелевский М. С. К вопросу о межъязыковой омонимии в славянских языках: общий обзор проблематики // *Językoznawstwo. Współczesne badania, problemy ię analizy językowe*. Nr. 18. Łódź, 2023. S. 161–170.
- Савченко А. В., Хмелевский М. С. Украинские фольклорные образы-символы и их отражение в культуре, языке и фразеологии // *Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Коллективная монография*. Грайфсвальд – Санкт-Петербург, 2018. С. 118–125.
- Шипка М. *За што се каже?* Нови Сад, 1998.
- Lewis K. *Lažni prijatelji*. Zagreb, 2016.

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КОНЦЕПТА «ПУТЬ»
В ОБРАЩЕНИИ ЦАЙ ИН-ВЭНЬ
ПО СЛУЧАЮ ДНЯ ДВУХ ДЕСЯТОК
2021 ГОДА
И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕДАЧИ
НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ**

Чанг Джуй Ченг

Государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй, Тайвань

Аннотация:

В статье рассматриваются когнитивный и переводческий аспекты метафорических высказываний, извлеченных из обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2021 года. Цель статьи – проанализировать метафорические контексты, вербализующие концепт «путь», выявить фреймо-слововую систему метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ», а также рассмотреть особенности передачи указанного концепта на русский и английский языки. В результате анализа фактического материала было установлено, что метафора пути играет существенную роль в определении приоритетов социально-экономической политики и укреплении единства общества, и концепт «путь» в целом адекватно представлен в переводах, что обеспечивает равенство коммуникативного эффекта в исходном и переводном текстах.

Ключевые слова:

концепт, политический дискурс, метафорическая модель, фреймо-слововая структура, перевод.

**METAPHORICAL REPRESENTATION
OF THE CONCEPT “PATH”
IN TSAI ING-WEN’S ADDRESS
ON THE OCCASION OF DOUBLE TENTH
DAY IN 2021 AND THE FEATURES OF ITS
TRANSFER INTO RUSSIAN AND ENGLISH**

Chang, Jui-Cheng

National Chengchi University
Taipei, Taiwan.

Abstract:

Focusing on Tsai Ing-wen’s address on the Occasion of Double Tenth Day in 2021, the article analyzes the cognitive and translation aspects of its metaphorical contexts. The aim of the article is to analyze the metaphorical contexts that verbalize the concept “path”, to distinguish the frame-slot system of the metaphorical model THE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY IS A PATH, and to describe the features of transfer of concept “path” into Russian and English. As a result of this study, the author reveals that the path metaphor plays an important role in determining the priorities of socio-economic policy and strengthening the unity of society, and the concept “path” is adequately represented in translations. It ensures equality of communicative effect in the original and translation.

Keywords:

concept, political discourse, metaphorical model, frame-slot structure, translation.

Статья продолжает серию наших исследований, посвященных изучению метафоры в политическом дискурсе¹. По результатам проведенных исследований было установлено, что существенную роль в торжественных речах Цай Ин-вэнь играет метафора пути, которая используется в целях описания социально-экономического развития страны. Можно с определенной уверенностью сказать, что в речи Цай Ин-вэнь доминирующее место занимает концепт «путь». Важно изучить особенности его вербализации и в других официальных обращениях политика. В данной статье автор обращает внимание на метафорические высказывания, репрезентирующие концепт «путь» в торжественной речи Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков² 2021 года³.

Для тайваньских политических деятелей необходимым не является обращение высшему органу законодательной власти, в котором четко определяются приоритеты политики страны. В результате этого в дискурсивной практике тайваньских политиков особое место стало занимать обращение по случаю Дня двух десятков, в котором не только подчеркивается важность национальных ценностей для жителей, дается характеристика социально-экономического положения страны, выдвигаются требования к дальнейшей работе всех органов власти, но и рассматриваются перспективы отношений между странами.

В последние десятилетия *концепт* как одно из главных понятий когнитивной лингвистики не выходит из поля зрения современных исследователей. Под *концептом*, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мы понимаем «ментальное образование, которое является базовой единицей мыслительного кода человека, обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, представляет собой результат познавательной деятельности личности и общества и несет комплексную

---

¹ Чанг Джуй Ченг. Когнитивное исследование метафоры пути и военной метафоры в политическом дискурсе (на материале обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2022 года и его перевода на русский и английский языки // *Критика и семиотика*. Новосибирск, 2023. № 1. С. 85-104; Чанг Джуй Ченг. Метафорическая модель “РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЕШЕСТВИЕ” в инаугурационной речи (на материале первого обращения Цай Ин-вэнь и его официального перевода на английский язык) // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2022. № 6 (96). С. 200-210; Чанг Джуй Ченг. Метафора пути в инаугурационной речи (на материале второго обращения Цай Ин-вэнь и его перевода на русский и английский языки) // *Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России*. Тайбэй, 2021. № 31. С. 41-68.

² История Дня двух десятков берет свое начало 10 октября 1911 года, когда произошло Учанское восстание. Оно положило начало Синьхайской революции, результатом которой стало свержение самодержавия в Китае. Об истории Учанского восстания см.: Белов Е.А. *Учанское восстание в Китае*. М.: Наука, 1971.

³ 蔡英文雙十演說全文。2021。 (Полный текст обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2021 г.) [Электронный ресурс] URL: <https://www.president.gov.tw/News/26253>.

информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету»⁴.

Концепт «путь» имеет тесную связь с такими универсальными концептами, как концепты «пространство» и «время». Путь, по мнению В.Н. Топорова, «выступает как один из важнейших пространственно-временных классификаторов»⁵. Лексема *путь*, которая вербализует указанный концепт, образована от индоевропейского корня **ront-*, означающего ‘преодоление, дорога, изобилующая опасностями’⁶. В пути, как указывает В.Н. Топоров, «выделяются начало и конец. В конце пути находятся или высшие сакральные ценности мира, или то препятствие, которое, будучи преодолено, открывает доступ к этим ценностям»⁷.

Согласно методологии концептуальных исследований для выявления образных характеристик тех или иных концептов важно изучение концептуальных метафор. Методологической базой нашего исследования послужила теория метафорического моделирования. С позиции этой теории «метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить формулой: “X – это Y”. В соответствии с этой формулой фреймо-слотовая система сферы-источника служит основой для моделирования ментальной системы сферы-цели»⁸. По мнению А.П. Чудинова, в целях рассмотрения метафорической модели необходимо и выявить «типичные сценарии, отражающие наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций»⁹.

Типовой сценарий «пути» таков: путник определяет маршрут, идет по заданному направлению, преодолевает всевозможные препятствия и достигает конечного пункта. Выявленный

⁴ Попова З.Д., Стернин И.А. *Семантико-когнитивный анализ языка*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007. С. 24.

⁵ Топоров В.Н. Путь // *Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий*. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 192.

⁶ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-т. Т. 3 Муза – Сят / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986. С. 413.

⁷ Топоров В.Н. Путь // *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 352.

⁸ Чудинов А.П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. С. 70.

⁹ Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. С. 45.

сценарий в значительной степени согласуется с сутью развития страны. По мере того как развивается страна, она выбирает наиболее подходящее для себя направление развития, двигается по определенному направлению, преодолевает те или иные испытания, надеется на достижение поставленных целей. Таким образом, в политическом дискурсе развитие страны нередко концептуально осмысливается как путь.

Материалом исследования послужили метафорические контексты из обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2021 года и их переводы на русский и английский языки¹⁰. При рассмотрении метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ», функционирующей в речи Цай Ин-вэнь, выделяются следующие фреймы и слоты.

1. Фрейм «Маршрут передвижения»

Слот 1.1. «Выбор пути» (компоненты области цели: принцип развития / способ достижения цели развития)

(1) 我們走出一條…新經濟路線…

Мы приняли новый подход к экономическому развитию
<...>

We have adopted a new economic approach <...>

(2) …我想要…引進社會力，共同來尋求解決這些議題的路徑。

<...> я хочу объединить общественные силы для совместного *поиска решений этих вопросов.*

<...> *I want to draw on the dynamism of our society to look for ways to solve these issues together.*

Слот 1.2. «Направление пути» (компоненты области цели: цель развития страны)

(3) 我們走的每一步，勢必牽動世界未來的走向…

Каждый шаг будет влиять на направление развития будущего нашего мира <...>

Every step we take will influence our world's future

---

¹⁰ Текст обращения Цай Ин-вэнь на торжественной церемонии по случаю Дня двух десятков 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://doubleten.rti.org.tw/2021/ru/presidents-national-day-address-ru>; Tsai Ing-wen's Address on the Occasion of Double Tenth Day in 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/6175>.

direction <...>

- (4) 國家的能源政策該怎麼走，也是我們必須思考的問題。
 <...> *мы должны рассмотреть направление развития государственной политики в сфере энергетики.*
 <...> *we must consider the direction of our national energy policy.*

Разработка маршрута с учетом направлений закладывает основу для успешного путешествия, а устойчивое развитие страны требует прежде всего определения приоритетных направлений политики страны. В политическом дискурсе планирование развития страны нередко концептуально представляется как проектирование путешествия.

В приведенных выше контекстах используются лексемы и выражения 走出新路線 (букв. 'выйти на новый путь/маршрут'), 路徑 (букв. 'путь'), 每一步 (букв. 'каждый шаг'), 走向 (букв. 'направление'), 怎麼走 (букв. 'куда идет/ движется'), репрезентирующие концепт «путь». В их семантике выражен выбор направлений передвижения. Отсюда видно, что Цай Ин-вэнь осмысляет как развивающиеся отношения между странами, так и социально-экономическое развитие страны с помощью метафоры пути. Этот момент необходимо учитывать при переводе речи политика.

Политики в целях оказания на адресата речевого воздействия, как правило, прибегают к использованию различных образных выражений, в частности метафор, что усложняет работу переводчика как ключевой фигуры межъязыковой и межкультурной коммуникации (он выступает в роли как «первичного» адресата, так и «вторичного» адресанта информации¹¹). Сопоставим приведенные выше контексты и их переводы на русский и английский языки для выявления особенностей передачи концепта «путь» на иностранные языки.

Дословный перевод примера (1) 我們走出一條 ... 新經濟路線 ... (букв. 'Мы вышли на новый экономический путь/маршрут <...>') на русский и английский языки признан переводчиками, по-видимому, неприемлемым. В переводах используются намного

¹¹ О прагматических отношениях, возникающих в процессе перевода как межъязыковой и межкультурной коммуникации см.: Швейцер А.Д. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 146–147.

менее образные выражения *принять новый подход* и *adopt a new approach*, которые, однако, с нашей точки зрения, способны донести до «вторичного» адресата смысл оригинала.

В примере (2) ... 共同來尋求解決這些議題的路徑 концепт «путь» репрезентирован лексемой 路徑 (букв. ‘путь/маршрут’), которая в последнее время активно используется в политической речи для обозначения способа достижения целей устойчивого развития страны. Исследуемая лексема в переносном значении используется Цай Ин-вэнь в целях обозначения метода решения проблемы конституционной реформы и реализации энергетической стратегии. Смысл метафоры был переведен на русский язык без сохранения метафорического образа. Что касается перевода на английский язык, то переводчик, учитывая место концепта «путь» в речи политика, использует лексему *way* для репрезентации анализируемого концепта, и перевод адекватно передает замысел «первичного» адресанта.

Метафорический образ примера (3) 我們走的每一步，勢必牽動世界未來的走向 ... сохранен в переводах на русский и английский языки, и они в полной мере соответствуют интенции «первичного» адресанта, что способствует обеспечению коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода.

В примере (4) 能源政策該怎麼走，也是我們必須思考的問題 (букв. ‘Куда идет/движется политика в сфере энергетики – это вопрос, который мы также должны рассмотреть’) говорится о направлении энергетического развития страны. В переводах на русский и английский языки используются лексемы *направление* и *direction*, с помощью которых эксплицитно выражен смысл изучаемого контекста. В обоих переводах, по нашему мнению, адекватно передана прагматическая цель «первичного» адресанта.

2. Фрейм «Процесс передвижения»

Слот 2.1. «Движение вперед» (компоненты области цели: прогресс)

- (5) ...世界的大門已經為我們打開，我們要堅定走下去…
 <...> *нас ждет целый мир возможностей. Мы должны следовать этому пути* <...>
 <...> *a world of opportunity awaits us. We must persevere on this road* <...>
- (6) 就讓我們帶著光榮和自信前進…

Давайте будем уверенно и гордо двигаться вперед <...>
Let us move forward with confidence and pride <...>

Слот 2.2. «Этапы пути» (компоненты области цели: периоды развития)

- (7) 我們的經濟從貧窮到富裕、政治從威權到民主…一步一步
 腳印…

<...> *нам удалось пройти путь от нищеты к процветанию, от авторитарного режима правления к демократии <...> Медленными, но уверенными шагами <...>*

<...> *we have gone from poverty to prosperity, from authoritarianism to democracy <...> Slowly but surely <...>*

Рассмотрим слот «Движение вперед». В политическом дискурсе совершенствование в процессе развития страны нередко метафорически представляется как поступательное движение, поскольку движение вперед по определенному маршруту способствует достижению конечного пункта.

В приведенных выше высказываниях используются лексемы 走下去 (букв. 'идти дальше'), 前進 (букв. 'двигаться вперед'), объективирующие концепт «путь». Метафора пути используется Цай Ин-вэнь в своем обращении с целью как внушить слушателям мысль о важности сплоченности, так и пробудить у населения положительное отношение к деятельности органов власти и уверенность в дальнейшем прогрессе страны. Сопоставление контекстов и их переводов на русский и английский языки показывает, что концепт «путь» в обоих переводах передан в соответствии с замыслом «первичного» адресанта. Это способствует достижению нужного коммуникативного эффекта.

В некоторых случаях, тем не менее, проявляется индивидуальное отношение переводчиков к содержанию оригинала. Заслуживают отдельного рассмотрения пример (5) ... 世界的大門已經為我們打開，我們要堅定走下去 ... (букв. '<...> главный вход в мир уже открыт для нас, мы должны твердо/решительно идти дальше <...>') и его переводы на русский и английский языки. «Первичный» адресант подразумевает наличие пути, по которому должна следовать страна, и концепт «путь» вербализован лексемой 走下去 (букв. 'идти дальше'). В обоих

переводах же мир метафорически представляется как попутчик, который готов оказать содействие в экономическом развитии страны. В переводе на русский язык концепт «путь» передан адекватно, а в переводе на английский концепт «путь» передан объемнее, чем в оригинале: в выражении *persevere on this road* концепт «путь» репрезентируется переводчиком как совокупность трудностей, которые необходимо преодолеть. Перечисленные моменты сделали оба перевода более эмоциональными.

Далее, изучим слот «Этапы пути». В примере (7) 我們的經濟從貧窮到富裕、政治從威權到民主... 一步一腳印... (букв. 'Наша экономика [здесь должен быть предикат: продвигалась/прошла путь/перешла – Чанг. Д.Ч.] от нищеты к процветанию, политика – от авторитаризма к демократии <...> Мы шаг за шагом <...>') рассказывается об изменении политической и социально-экономической системы страны на протяжении длительного периода времени. В этом контексте концепт «путь» репрезентирован образным выражением 一步一腳印 (букв. 'один шаг один след'), означающим 'шаг за шагом, упорно, твердо'. Используя это выражение, Цай Ин-вэнь намерена натолкнуть мысль о том, что по мере развития страны необходимо преодолеть трудные, неблагоприятные периоды ее истории и упорно достичь повышения качества жизни каждого человека. С помощью метафоры пути политик образно описывает историю развития страны и оказывает на аудиторию определенное речевое воздействие. В переводах наблюдается использование приема дополнения (например, *пройти путь и медленными, но уверенными шагами; have gone и slowly but surely*). Эти дополнительные выражения позволяют сделать переводы более выразительными и доступными пониманию. Оба перевода способны обеспечить коммуникативную равноценность исходного и переводного текстов.

Итак, проведенное исследование вновь подтверждает место концепта «путь» в речи Цай Ин-вэнь, который эксплицируется с помощью метафоры. Представленный выше анализ фреймов и слотов метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ» свидетельствует о роли метафоры пути в определении перспективных направлений деятельности органов власти, в описании истории социально-экономического развития страны и, главное, в повышении уровня как консолидации общества, так и мотивации населения к достижению национальных целей

развития страны. Сопоставление оригинала и переводов на русский и английский языки показало, что в обоих переводах в значительной степени сохранены выявленные фреймы и слоты метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ», и концепт «путь» представлен достаточно полно, что позволяет донести до «вторичного» адресата смысл и эмоциональное воздействие оригинала. Вместе с тем в репрезентации концепта «путь» иногда проявлялась субъективность переводчиков, которая, однако, вовсе не влияла на точность передачи указанного концепта на иностранные языки, а наоборот, сделала переводы более экспрессивными.

Литература

- Белов Е.А. *Учанское восстание в Китае*. М.: Наука, 1971.
- Попова З.Д., Стернин И.А. *Семантико-когнитивный анализ языка*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007.
- Топоров В.Н. Путь // *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 352–353.
- Топоров В.Н. Путь // *Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий*. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 186–200.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-т. Т. 3 Муза – Сят / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986.
- Чанг Джуй Ченг. Когнитивное исследование метафоры пути и военной метафоры в политическом дискурсе (на материале обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2022 г. и его перевода на русский и английский языки // *Критика и семиотика*. Новосибирск, 2023. № 1. С. 85–104.
- Чанг Джуй Ченг. Метафорическая модель “РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЕШЕСТВИЕ” в инаугурационной речи (на материале первого обращения Цай Ин-вэнь и его официального перевода на английский язык) // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2022. № 6 (96). С. 200–210.
- Чанг Джуй Ченг. Метафора пути в инаугурационной речи (на

материале второго обращения Цай Ин-вэнь и его перевода на русский и английский языки) // *Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России*. Тайбэй, 2021. № 31. С. 41–68.

Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001.

Чудинов А.П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003.

Швейцер А.Д. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Источники

Текст обращения Цай Ин-вэнь на торжественной церемонии по случаю Дня двух десятков 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://doubleten.rti.org.tw/2021/ru/presidents-national-day-address-ru>. (дата обращения 12.06.2023).

Tsai Ing-wen's Address on the Occasion of Double Tenth Day in 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://english.president.gov.tw/NEWS/6175>. (дата обращения 12.06.2023).

蔡英文雙十演說全文。2021。 (Полный текст обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2021 г.) [Электронный ресурс] URL: <https://www.president.gov.tw/News/26253>. (дата обращения 12.06.2023).

МЕН, НММ И ДРУГИЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ МДА И НДА

Шварева Е. И.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Настоящая работа посвящена описанию дискурсивных слов *мда* и *нда*, активно функционирующих в русской повседневной речи, и их переводу в текстах художественных произведений на другие языки. Данные единицы обладают большим количеством значений ('размышление, осуждение' / 'неодобрение / недовольство', 'ирония' и др.), из-за чего их перевод на другой язык может представлять определенную сложность. В работе предпринята попытка определения лучших вариантов для перевода дискурсивных слов *мда* и *нда* в том или ином значении. Рассматриваются наиболее распространенные аналоги русских *мда/нда* в других языках (*hmm, well* и др.).

Ключевые слова:

дискурсивное слово, перевод, спонтанная речь, полисемантическая, полифункциональность.

MEH, HMM* AND OTHER DIFFICULTIES IN TRANSLATING OF RUSSIAN DISCURSIVE UNITS *MDA* AND *MDA

Shvareva E. I.

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Abstract:

The present paper is devoted to the description of discursive words *mda* and *nda*, actively functioning in Russian everyday speech, and their translation in the fiction texts into other languages. These units have a large number of meanings ('reflection, judgement' / 'disapproval / dissatisfaction', 'irony', etc.), due to which their translation into another language can be quite difficult. The paper attempts to identify the best options for translating the discursive words *mda* and *nda* in one or another meaning. The most common analogues of Russian *mda/nda* in other languages (hmm, well, etc.) are considered.

Keywords:

discursive word, translation, spontaneous speech, polysemantics, polyfunctionality.

Дискурсивные слова (ДС) *мда* и *нда* – это единицы русской речи, которые достаточно активно используются в повседневном общении. В связи с этим возрастает и частотность использования данных слов для имитации разговорной речи в текстах художественной литературы. Целью данного исследования является анализ дискурсивных слов *мда* и *нда* и их перевода на другие языки. Актуальность такой постановки задачи обусловлена тем фактом, что данные ДС не зафиксированы ни в академических, ни в двуязычных словарях, что делает их перевод на другие языки весьма затруднительным. Одной из задач настоящей работы является, таким образом, рассмотрение и оценка различных вариантов перевода *мда/нда*.

Материалом для анализа послужил 21 контекст из художественных произведений на русском языке и их параллельные переводы на английский язык. Кроме того, был проведен опрос среди носителей русского языка, владеющих английским, для получения их мнения о корректности перевода и установления возможных вариантов передачи того или иного значения *мда/нда* на английском языке.

Как уже было отмечено, значения и функции рассматриваемых ДС не описаны в академических словарях, поэтому для работы были привлечены данные из словарей неформальной лексики и различных интернет-источников, которые могут дать представление об этих единицах. К ним относятся Викисловарь (<https://ru.wiktionary.org>), «Словарь молодежного сленга» (<https://teenslang.su>), сайт молодежного жаргона (<https://xn----8sbfgflbdjhf5a1j.xn--plai/>) и некот. др.

Работа с интернет-словарями, научной литературой (см. подробнее о функциях *мда* и *нда*: Гришина 2011; Petrova 2013) и результатами опроса носителей языка позволила выявить следующие значения/функции дискурсивных единиц *мда* и *нда*: 1) ‘разочарование / сожаление / грусть’; 2) ‘осуждение / неодобрение / недовольство’; 3) ‘озадаченность / недоумение’; 4) ‘размышление’; 5) ‘ирония’; 6) ‘поддержка коммуникации’; 7) ‘хезитация’; 8) ‘утвердительная функция’; 9) ‘вопросительная функция’ (см. подробнее: Шварева 2022).

Важно отметить, что *мда* и *нда* — это дискурсивные слова, которым свойственна полисемантическая и полифункциональность, что следует учитывать и при переводе на другие языки. В настоящем исследовании был поставлен вопрос,

насколько хорошо существующие варианты переводов отражают различные значения ДС. Для решения этого вопроса был проведен небольшой эксперимент среди 12 носителей русского языка, которые знают английский язык. Респондентам было предложено оценить 3 официальных перевода (текст представлен в таблице 1) по шкале от 1 до 5.

Таблица 1

Литературные примеры переводов МДА и НДА

Оригинал	Перевод
(1) <i>Здесь все по закону, товарищ технорук. Инженер еще раз хмыкнул, но уже смущенно: – Тогда, конечно, делайте. М -мда... Все-таки интересно... Чем объяснить такое, как это выразиться, добровольное стремление к чистоте в цехе? Ведь это вы проделали в нерабочее время?</i> [Н. Островский. Как закалялась сталь (ч. 2), 1930–1934]	(1) <i>"We're not breaking any laws here, Comrade Engineer." The engineer snorted again, but he looked rather sheepish. "Then carry on, of course. Well, well. Now this is really interesting. How do you explain this... what shall we call it... this voluntary striving for cleanliness in a workshop? All done after working hours, I take it?"</i> [N. Ostrovsky. How the Steel was Tempered (pt. 2) (Rose Prokofieva, 1952)]
(2) <i>Надо сохранять верность бессмертию, надо быть верным Христу! Ах, вы морщитесь, несчастный. Опять вы ничегошеньки не поняли. – Мда, – мычал Иван Иванович</i> [Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго, 1945–1955]	(2) <i>One must be true to immortality – true to Christ. But you're frowning, my poor man. As usual, you haven't understood a word.' 'Hm,' said Ivan Ivanovich</i> [B. Pasternak. Doctor Zhivago (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, 2010)]
(3) <i>ЗИЛОВ: Скверно, Дима... Хреновый я был ему сын. За четыре года ни разу его не навестил... ОФИЦИАНТ: Н-да... ЗИЛОВ: Теперь вот повидаемся...</i> [А. Вампилов. Утиная охота, 1967]	(3) <i>ZILOV. Miserable, Dima... I was a rotten son. In four years I didn't visit him even once... DIMA. I see... ZILOV. Now, well meet...</i> [A. Vampilov. Duck hunting (Alma Law, 1996)]

Выше всего (оценка 5) респонденты оценили третий контекст: 50 % дали этому переводу наивысшую оценку, 33% – оценку 4. В данном контексте у *н-да* отмечается функция поддержки коммуникации и значение утверждения. В словаре Collins (<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>) находим: «You can say “I see” to indicate that you understand what someone is telling you» (Вы можете сказать “I see”, чтобы показать, что вы понимаете, о чем вам говорят. – *Е. Ш.*). Как синонимы отмечаются *I understand, right, uh huh, mmm*. Таким образом, в английском варианте *I see* полностью реализуется значение *нда*, приведенное в данном контексте, что отметили и респонденты. Тем не менее, здесь возможны и другие варианты перевода. Так, один респондент отметил как вариант слово *yeah*: «в последнем я бы скорее перевела как задумчивое «yeah», а так переводы норм», а другой предложил единицы *bruh* и *meh*: «Мне кажется, здесь больше подходят слэнговые устоявшиеся *bruh, meh*. Они больше выражают неодобрение, разочарование и прочие негативные эмоции».

Два других контекста были оценены ниже (см. рис. 1-2).

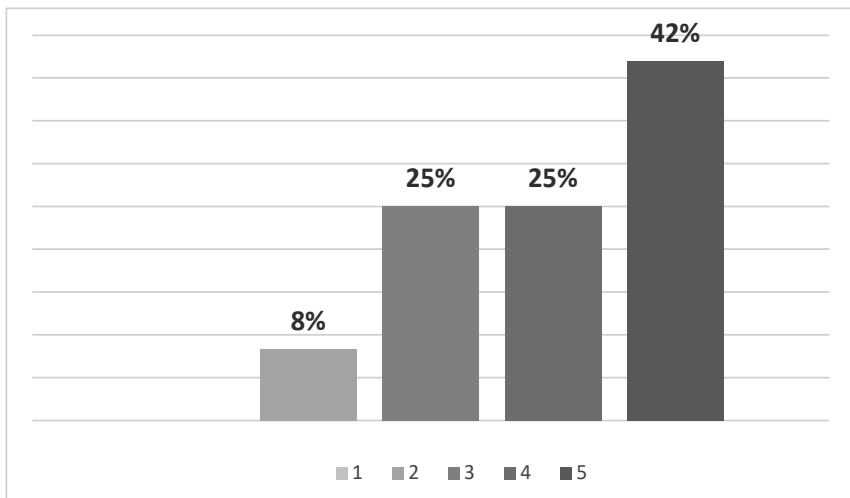

Рис. 1. Шкала оценивания контекста 1

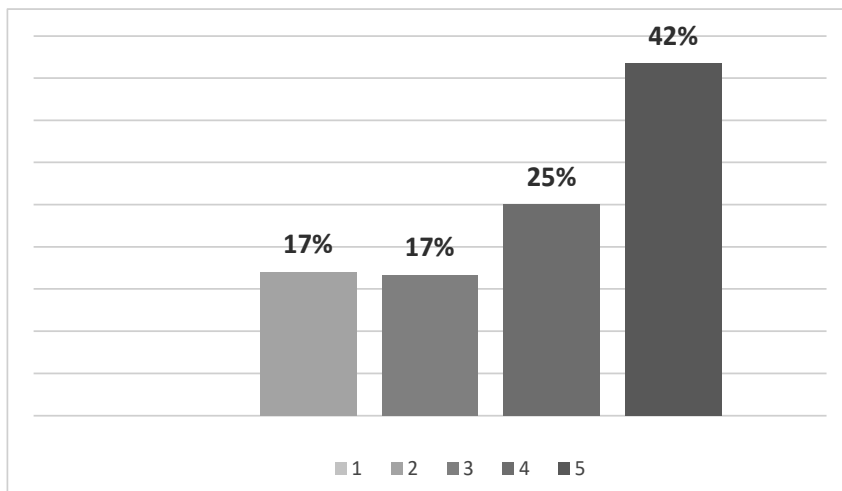

Рис. 2. Шкала оценивания контекста 2

Контекст 1 содержит единицу *м-мда* в значении размышления, что было переведено как *well-well*. Кэмбриджский словарь (<https://dictionary.cambridge.org/ru/>) дает следующее определение *well*: «Well is a discourse marker, adverb or adjective. In speaking, we often use well at the start of what we say. Its main function is to show that we are thinking about the question that we have been asked (*Well* — это дискурсивный маркер, наречие или прилагательное. В разговорной речи мы часто используем «*well*» в начале высказывания. Его основная функция – показать, что мы обдумываем заданный нам вопрос. – *Е. Ш.*):

(4) – *How was your meeting? – Well, it's difficult to say. I think they liked our presentation but I am not sure. – How long would it take to drive from Dundee to here? – Well, let me see. I'd say it would take at least three hours, if not more.*

Из этого можно сделать вывод, что слово *well* как перевод *м-мда* в значении размышления было подобрано переводчиком верно, однако его удвоение было излишним. Респонденты отметили следующее:

- «на мой взгляд, в первом варианте *well well* недостаточно передало эмоцию»;

- «в первом примере 'well, well' носит не такой задумчивый характер как "м-мда", говорящий кажется скорее сильно заинтересованным (= *curious*). Мне кажется, одного 'well...' было бы достаточно».

Таким образом, несмотря на верно подобранное слово, значение размышления в переводе было утрачено, когда переводчик решил использовать его в удвоенной форме *well-well*.

В контексте 2 *мда* полисеманлично: оно выражает значение неодобрения и функцию поддержки коммуникации. Переводчиком как эквивалент было подобрано слово *hm*. Словарь Dictionary.com (<https://www.dictionary.com/browse/hm>) отмечает, что «*hm* used typically to express thoughtful absorption, hesitation, doubt, or perplexity» (*hm* обычно используется для выражения задумчивой сосредоточенности, колебаний, сомнений или недоумения. – *Е. III*).

Кроме того, в интернете можно найти дискуссии на тему значения единицы *hm*. На вопрос «What does «hm» mean in chat?» (что хм означает в чате. – *Е. III*) были предложены такие варианты:

- «It means «I really don't care, could you stop texting?»» (Это означает: «Мне действительно все равно, не мог бы ты прекратить переписку?» – *Е. III*),
- «Probably means either they aren't interested in the topic or they're pissed at you. Either way bad vibes» («Скорее всего, это означает, что либо им неинтересна тема, либо они на вас злятся. В любом случае это плохой вайб». – *Е. III*).

Словарь слэнга (<https://slanguide.com/what-does-hm-mean/>) дает такую интерпретацию: «*Hm* means you are thinking of what to say or you are skeptical about what someone has said or done.» (*Hm* означает, что вы думаете, что сказать, или скептически относитесь к тому, что кто-то сказал или сделал. – *Е. III*). Важно отметить, что единица *hmm* определяется более категорично: словари отмечают только значение размышления. Urban dictionary (<https://www.urbandictionary.com/>): «Something somebody says when they are thinking about what you have just said. They have an opinion.. but dont want to tell you what it is» (Когда кто-то говорит, размышляя над тем, что вы только что сказали. У них есть мнение... но они не хотят говорить вам, в чем оно заключается. – *Е. III*).

Таким образом, в английском языке следует различать *hmm* со значением размышления и *hm* с оттенком неодобрения и поддержки коммуникации. Однако данное различие плохо «считывается» даже носителями языка, поэтому тем, кто лишь изучал английский язык,

оно непонятно. Этим и объясняются комментарии респондентов по второму контексту:

- «Кажется во втором контексте лучше *well*»;
- «Я думаю, что во второй ситуации, есть частичка разочарования, а *hmm* больше как задумчивость, я бы поставил *ughh* или *yuk*»;

«во втором случае немного не хватает выразительности у текста, заменила бы на 'Well,' mumbled Ivan Ivanovich».

В результате можно сделать вывод, что перевод *мда* как *hm* в данном контексте не до конца реализует функцию поддержки коммуникации и значение неодобрения, делая больше акцент на размышлении, что не соответствует задумке автора. Однако, в отличие от *well* и *yeah*, *hm* может дублировать глагол *промычать* благодаря присутствию носового согласного. Возможно, лучшим вариантом перевода в данном случае был бы вариант *m-m*, *yeah*: сохранится сонант, функция поддержки коммуникации и сама стилистика текста Б.Л. Пастернака.

Для того чтобы проверить, какие варианты перевода, по мнению носителей русского языка, больше всего соответствуют *мда/нда* в том или ином значении, респондентам было предложено перевести 5 контекстов из пользовательского подкорпуса с русского языка на английский. Для эксперимента были специально подобраны контексты, где рассматриваемые ДС реализуются в разных значениях и функциях, чтобы посмотреть, чувствуют ли носители языка эту разницу и насколько по-разному в связи с этим переводят слово. Ниже представлены данные 5 контекстов с указанием значения или функции ДС, которые были установлены в результате опроса лингвистов-экспертов.

- (5) *Впрочем, если обобщить вышесказанное, все равно не понятно, почему я сижу именно в этой аудитории, а не в другой... Мда* (Размышление, недоумение);
- (6) *Брал интервью у Игоря. Мда-а-а. Хочется по-старушечьи крякнуть: «Ну наворотил, Игорь, ну закрутил»* (Неодобрение);
- (7) *Ничтожности жалеют... – Нда-а, – задумчиво говорит учитель. Спят кузнечики в бурьяне на припеке* (Размышление);
- (8) – *Вы просто всех покорили, и я вас благодарю от имени нашего Общества! Спасибо, спасибо! – Н-да, нда, благодарю вас, – говорил прокурор, пожимая Пастухову руку* (Поддержка)

коммуникации);

- (9) После дальнего броска Василевский отбил перед собой, Хейз добил шайбу в сетку с острого угла – 1: 1. **Мда...** Хотя, конечно, удивляться смысла нет. Уж когда-нибудь американцы должны были разыграть лишнего. Коллеги негодуют.... (Разочарование).

Варианты перевода представлены в таблице 2.

Таблица 2

Переводы контекстов с МДА/НДА

5	6	7	8	9
...почему я сижу именно в этой аудитории, а не в другой... Мда.	Брал интервью у Игоря. Мда-а-а.	– Нда-а, – задумчиво говорит учитель	Н-да, нда, благодарю вас, – говорил прокурор	Мда... Хотя, конечно, удивляться смысла нет.
why i am sitting exactly in this classroom but not another one... Well.	Interview Igor. Damn it.	– Well, – said the teacher thoughtfully.	– Oh, okay, thank you, – said the prosecutor	Yeah... Although, there's no point in being surprised, after all.
why i seat in this classroom damn	i have interviewed Igor damn	ough- tell teacher	Oh goodness thank you-was said	Damn... But of course
Come on	Wellllll	Well...	Sure, sure	Well
Why am I sitting particular in this audience and not in another one... yikes	I interviewed Igor. Ughh	Hmm - thoughtfully said teacher	Yeah, yeah, thank you said prosecutor	Aww... Although, of course, there was noting to be surprised about

why am I sitting right in this classroom and not in any other one... <i>oh god.</i>	I interviewed Igor. <i>Well.</i>	<i>Yeah</i> , -- the teacher says thoughtfully.	<i>Yeah, hmm</i> , thank you, -- the prosecutor said.	<i>Wow...</i> But of course there's no point in being surprised.
why I'm sitting in this room precisely and not in any other... <i>Ugh.</i>	I interviewed Igor. <i>Umm.</i>	<i>Yeah</i> , – says the teacher wistfully.	<i>Uh-huh, uh-huh</i> , much obliged, – said the prosecutor,	<i>Ah well...</i> Although, of course, it's not surprising.
why am I sitting in this particular audience, and not in another... <i>ugh.</i>	I interviewed Igor. <i>Meh...</i>	" <i>Yeah...</i> ," the teacher says thoughtfully.	– <i>Well, yes, yes</i> , thank you," the prosecutor said,	<i>Bruh...</i> although, of course, there's no point in being surprised.
<i>Meh</i>	<i>Hmmm</i>	<i>Hmm</i>	<i>Yeah</i>	<i>Hmm</i>
why do i sit in this classroom and not in the other... <i>hmm</i>	I have interviewed Igor. <i>Weell...</i>	<i>Well</i> , – teacher says thoughtfully.	<i>Yeah, yeah</i> thank you, – prosecutor was saying	<i>Ugh...</i> Although there's no point in being surprised, of course
why am i sitting in this classroom, not the other? <i>meh</i>	Just interviewed Igor. <i>Me-h</i>	<i>Yes...</i> - says the teacher thoughtfully	<i>Yeah, well</i> , thank you so much, – the prosecutor said...	<i>Meh...</i> Well, there's no reason to be surprised
why I'm sitting in this particular audience, and not in another... <i>Damn.</i>	I interviewed Igor. <i>Yeah, yeah.</i>	– <i>Yeah</i> , the teacher says thoughtfully.	– <i>Yeah, yeah</i> , thank you, – the prosecutor said, shaking Pastukhov's hand.	<i>Well ...</i> Although, of course, there is no point in being surprised.

Эксперимент показал, что респонденты действительно чувствуют разницу между употреблением рассматриваемых дискурсивных слов и предлагают различные варианты их перевода, при этом никаких корреляций между уровнем владения английским языком и выбранным эквивалентом для перевода ДС обнаружено не было. Так, для контекстов с *мда* в значении недоумения, неодобрения и разочарования были предложены варианты *damn, meh, ugh, yeah, bruh*. Функцию поддержки коммуникации лучше всего, по мнению респондентов, передают *yeah, well, uh/oh*. Для значения размышления лучше подходят *hmm, well u yeah*. Таким образом, самым универсальным вариантом для перевода *мда/нда* в разных значениях является *yeah*, так как оно может передать как значение размышления, так и неодобрение, разочарование и функцию поддержки коммуникации.

В официальных переводах обнаруживается гораздо меньше разнообразия. Так, в 50 % случаев переводчики используют *hmm* как эквивалент *мда*, даже если в контексте реализовано значение не размышления, ср.:

- (10) *Nekros reads his verse, which consists mostly of coughs, quacks, and interjections: “boo, buck, bod, there you have God. bek, bud, bok, there you have Bach. piff, paff, pof, now you’ve got a Crotch. And that’s quite enough.” Hmmm. What can you say? Our underground intellectuals feed on this dung, this vomit, this deafening emptiness.*

В данном контексте *мда* использовалось в значении осуждения, тогда как *hmmm* передает, скорее, размышление.

Кроме того, в 20 % контекстов из пользовательского подкорпуса можно видеть слияние двух единиц – *m-m* и *yes/yeah*, что, по сути, является прямым переводом *мда*, которое было образовано при помощи соединения невербального хезитатива *м-м* и частицы *да* (см. подробнее о происхождении *мда/нда*: Шварева 2023).

- (11) *Apollon Apollonovich ran from the mirror into the corner: ‘Kolenka has surprised me: and I must admit – this behaviour of his has reassured me’ – he creased his forehead – ‘in relation to ... in relation to,’ – took his hand from behind his back (the edge of the little jacket was lowered), and drummed his hand on the table: ‘M-yes! ...’.*

Данный эквивалент позволяет более полно передать внутренние размышления героя, его внутренний спор.

Таким образом, русские дискурсивные слова *мда* и *нда* можно перевести на другие языки (в частности, на английский) множеством различных способов, однако важным является обращение внимания на конкретное значение, реализованное в контексте. Для данных ДС в значении осуждения, разочарования можно использовать *damn, meh, ugh, yeah, bruh* в зависимости от стилистики текста. Функцию поддержки коммуникации смогут передать *yeah, well* и различные междометия по типу *uh/oh*. Для значения размышления же подойдут *hmm, well* и *yeah*.

Полученные наблюдения и выводы могут быть весьма полезны в переводческой деятельности при возникновении затруднений с переводом русских дискурсивных слов *мда* и *нда* на другие языки.

Литература

- Викисловарь. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wiktionary.org>. (Дата обращения: 21.04.2022).
- Гришина Е.А. Да в русском устном диалоге // *Russian Linguistics*. 2011. № 35 (2). С. 169–207.
- Сайт молодежного жаргона. [Электронный ресурс] URL: <https://xn---8sbfqf1bdjhf5a1j.xn--p1ai/>. (Дата обращения: 21.04.2022).
- Словарь молодежного сленга. [Электронный ресурс] URL: <https://teenslang.su>. (Дата обращения: 21.04.2022).
- Шварева Е.И. Дискурсивные единицы мда и нда в русской повседневной речи и ее имитациях // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»* (Москва, 15-18 июня 2022). М.: Изд-во РГГУ, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5718/shvarevae148.pdf>.
- Шварева Е.И. Дискурсивные слова мда и нда в русской повседневной речи: происхождение и семантика // *Анализ речи: теоретические и прикладные аспекты: сборник научных статей* / Отв. ред. Л.Д. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та. 2023. С. 159–166.
- Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. (Дата обращения: 06.09.2023).
- Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. (Дата обращения: 05.09.2023).
- Dictionary.com. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dictionary.com/browse/hm>. (Дата обращения: 07.09.2023).
- Petrova, K.A. Interjections as Pragmatic and Discourse Markers in Russian and Bulgarian. // *ЕЗИКОВ СВЯТ. – ORBIS LINGUARIUM*. 2013. бр. 11, кн. 1, Благоевград, ЮЗУ, Филол. Ф-т, УИ „Н. Рилски”. С. 48–54 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/350958460>. (Дата обращения: 12.06.2022).
- SLANGUIDE. [Электронный ресурс] URL: <https://slanguide.com/>. (Дата обращения: 07.09.2023).
- Urban dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.urbandictionary.com/>. (Дата обращения: 06.09.2023).

SUBJECT AND FOCUS – A CASE STUDY FROM BULGARIAN

Eleonora Yovkova-Shii

University of Toyama
Toyama, Japan

Abstract:

This paper deals with the pragmatic role of focus, focus types and the realization of focus on the grammatical subject of the Bulgarian sentence. We discuss mainly identification focus, but some remarks will also be made in regard to other focus types. The main research question is whether there exist any properties, formal or structural, on the base of which the two focus types, i.e. identification focus and information focus, can be distinguished in the simple declarative sentence of the written Bulgarian language. Word order and the grammatical category of determinedness/definiteness will be viewed as crucial factors for the distinction. This study is mainly descriptive and will just suggest one possible explanation concerning the problem.

Keywords:

subject, focus, identification focus, information focus, syntactic realization, determinedness

1. The problem

The problem of the information structure of the Bulgarian sentence has been a subject of disputes for a long time and many works deal with this problem (Ivanchev 1957,1968; Rudin 1986; Nitsolova 2001; Krapova 2002, 2004; Tisheva&Dzhonova 2002, 2006; Tisheva 2007, 2009, 2013). Most of the previous studies, however, focus mainly on the grammatical object of the sentence, discussing problems such as topicalization, dislocation, and doubling of the grammatical object. Except for some studies (Ivanchev 1957,1968), the problem of the realization of the grammatical subject in the information structure of the Bulgarian sentence has been poorly discussed, and many questions still stay open. One such question concerns the problem of how the pragmatic roles of topic and focus are mapped on the subject. Another problem, insufficiently examined, is the distinction of the focus types (information focus and identification/contrastive focus) in the grammatical structure of the sentence.

This paper will focus on the written Bulgarian language and discuss the following questions in regard to the simple declarative sentence:

- 1) Is there a canonical position (initial/preverbal or final/postverbal) in the sentence for the focal subject?
- 2) Are there any formal or syntactic means on the base of which the focus types (identification focus, information focus, or others) mapped on the subject can be distinguished?

The reasons to deal with the written language are as follows. First, the written language has been chosen because, in comparison to the spoken language, it has been less discussed and described. Second, since the prosodic elements and the logical stress – crucial factors for the formation of the information structure of the sentence – are invalid in the written language, it would be of interest to examine whether there exist any other means on the base of which the pragmatic roles of topic and focus in the sentence can be distinguished. Third, it would be of interest to analyze how the pragmatic roles are mapped on the subject in the written language, a problem insufficiently treated in the previous studies.

Simple declarative sentences are chosen for simplicity reasons in regard to the structure and the realization of the components.

Word order will be viewed as one of the principle mechanisms for pragmatic manipulation. We will also pay attention to the grammatical

category of determinedness/definiteness whose role for the structural realization of the constituents of the sentence in Bulgarian has been poorly disputed in the previous studies and needs further examination.

The paper is organized as follows. In section 2 we define the key terms used in our analysis. Section 3 makes a brief outline of the disputes concerning the information structure of the Bulgarian sentence, its word order, and the pragmatic realization of the subject. Section 4 discusses focus and focus types, and the specific features of each focus type. Section 5 presents the analysis of this study. Section 6 provides a summary.

2. Terminology

In relation to the information structure of the sentence, different notions have been proposed for the pragmatic roles, e.g. ‘topic’ and ‘focus’, ‘theme’ and ‘focus’, ‘theme’ and ‘rheme’. In our analysis, we will prefer the terms ‘topic’ and ‘focus’, but when discussing some other studies, we will use the original terms used in those studies.

For focus types, also, different notions (‘information focus’, ‘regular focus’, ‘contrastive focus’, ‘identification(al) focus’, ‘closed focus’, ‘open focus’, ‘emphatic focus’, ‘exhaustive focus’, ‘broad focus’, ‘narrow focus’, etc.) have been proposed, sometimes even one and the same term used to describe different phenomena, or *vice versa*, different terms have been used to refer to one and the same phenomenon. We will mainly use the terms ‘information focus’ and ‘identification focus’. The connotations for our terms will be given in Section 4.

3. Information structure, word order, and subject in Bulgarian

The constituents of a sentence may be ordered according to their syntactic or pragmatic roles.

Languages possess forms and structures whose realization depends on information structural factors (Breul&Göbbel&Thiel 2010:1), and, as languages differ in the linearization of the sentence constituents, they differ also in their options for marking discourse functions (topic, focus) structurally.

Traditionally, the ordering of the constituents in the Bulgarian sentence was considered to be determined by the syntax. However, recently, it has been argued (Krapova 2004, Tisheva 2007) that it is rather pragmatic factors which trigger the constituent ordering, and Bulgarian belongs to the so-called discourse-configurational languages

which have developed a subset of syntactic means to encode discourse functions such as topic and focus. Different types of information are made by different syntactic constructions (Tisheva 2013:18), and the sentence structure is a reflection of the human thought processes. Tisheva (2013:13) claims that two main factors are responsible for the realization of the pragmatic roles, i.e. contextual boundedness and communicative dynamism.

The information structure of a sentence is the formal expression of the pragmatic structuring of a proposition in a discourse (Lambrecht 1994:5).

Slavic languages are notoriously rich in linguistic means that express or are sensitive to categories of information structure (Janinskaja 2016:707), and the information packaging is subject to interface between grammar, semantics, and pragmatics. Pragmatic roles are encoded prosodically (stress), morphologically (grammatical morphemes), syntactically (word order), or lexically (focalizers).

Bulgarian also possesses a rich system of means for encoding the pragmatic roles in the sentence. After the declension loss, word order has become the basic means for marking the elements with different pragmatic function in Bulgarian. The problem is, however, that the word order in Bulgarian is free and all theoretically possible word orders can be actually observed¹. Consequently, the constituents of the sentence can be placed in different positions. Due to the lack of case marking, at first glance, it seems surprising how the syntactic roles can be defined in sentences with free word order. As Rudin (1986:14), however, has pointed out, although the word order in Bulgarian is quite free, it is not completely so.

Bulgarian has a canonical ‘neutral’ word order SVO where the initial subject is most easily interpreted as a topic. Ivanchev (1957) calls this word order ‘objective word order’ and says that the objective word order is much more prevalently found in the written language than the spoken language, since in the written language there can be no recourse to logical stress or intonation for the signaling of ‘rheme’. In the normal situation, the linearization of the elements goes from ‘old’ (known information/topic) to ‘new’ (unknown information/focus), as in (1).

- (1) [Detzata]T [igrajat v dvora]F.
 “The children are playing in the yard.”

¹ 49 possible structures have been listed for the simple Bulgarian sentence (for the list cf. Dyer 1992:56).

Krapova (2004:1) states that word order, at least in the preverbal field (left periphery of the sentence) is to a large extent shaped by information structure requirements. Tisheva (2009:245) and Gebert (2009:315) assert the idea that in simple declarative sentences the word order achieves discourse prominence. This is the default realization of the information packaging of the Bulgarian sentence and the preferred interpretation in case of syntactic ambiguity, as in the example below.

- (2) [Lăvitzata]_S napadna [tigritzata]_O.²
“The female lion attacked the female tiger.”

Deviations from this configuration should be structurally marked. Thus, if the initial NP (*lăvitzata*) in (2) is not the subject but the object, for the sentence to be grammatical, Bulgarian requires an obligatory clitic doubling (enclitic accusative of the personal noun co-referring with the noun) for the object, as in (3).

- (3) [Lăvitzata]_O [ja]_O napadna [tigritzata]_S.
“The female tiger attacked the female lion./ (lit.) The female lion was attacked by the female tiger.”

Georgieva (1974:66-67) argues that communicative intent, functional perspective and logical stress are the factors which might influence the linearization of the constituents in the Bulgarian sentence. However, Georgieva does not mention about the differences in the sentential word order in the spoken and the written language.

Consequently, since the written language lacks the prosodic properties of the spoken language, it would be of interest to examine what are the means in the written language which can take on the role of the logical stress used in the spoken language for the distinction of the pragmatic roles.

In Bulgarian, topic and focus can be found both at sentence-initial and sentence-final positions (Tisheva 2007:389). As it was pointed out, the order of the constituents depends not on their syntactic role but on their discourse/pragmatic function (topic, focus). Thus, initial subjects need not to be topic. Again, subjects need not occupy initial position.

---

² The syntactic ambiguity is due to the fact, that, theoretically both *lăvitzata* and *tigritzata* can function as subjects or objects, since in feminine the syntactic roles cannot be distinguished on the base of the grammatical feature of definiteness (the noun phrases for both syntactic roles have one and the same form). Thus, the distinction can be made to a certain extent by the sentential position.

This fact was first discussed by Ivanchev (1957,1968) who made an attempt to describe the structure of the Bulgarian sentence in regard to the theory of the Functional Sentence Perspective (FSP). Unfortunately, his ideas stayed undeveloped further and no other study made an attempt to continue to investigate the problem treated in the Ivanchev's works.

Non-canonical word orders are derived from the basic one by means of movement operations triggered by information-structural features. The movement of the elements whose typical position is before the verb to a post-verbal position is generally viewed as focalization, while the opposite movement, i.e. the movement of the elements whose typical position is post-verbal to a pre-verbal position is regarded as topicalization (Tisheva 2013:19). Since the canonical position of the subject is pre-verbal, focalizing subjects is usually related to the movement of the subject to a post-verbal position (Tisheva&Dzhonova 2006). Krapova (2004), however, argues that the post-verbal position is the canonical position for focal subjects, and it is the verb (predicate) which undergoes movement ahead.

According to the Ivanchev's model (1957) for the pragmatic structuring of the sentence, topical and focal subjects can be placed both initially or finally (examples (4)-(7)³).

- (4) Vojnitzite **dojdoxa**.
- (5) **Vojnitzi(te)** dojdoxa.
- (6) Dojdoxa **vojnitzite**.
- (7) **Dojdoxa** vojnitzite.
"The soldiers came."

The work of Ivanchev made a great contribution to the investigations of the information structure of the Bulgarian sentence. However, some problems related to his analysis still stay open and need further investigation. First, Ivanchev did not give an explanation what is the difference of initial and final focal subjects (examples (5), (6)). Second, according to the Ivanchev's claim, initial focal subjects can be either definite or indefinite (example (5)), while final focal subjects should always be definite (example (6)), but the grounds for such claim have not been shown. Those two problems will be further discussed in our study in Section 5. Finally, it is not clear what contextual situations are relevant for the realization of final topical subjects (example (7))

---

³ Focus is given in **bold**.

and whether it is possible anyhow to distinguish in the written language the pragmatic meanings of (6) and (7), more strictly said, are there any factors on the base of which the information structures of (6) and (7) can be distinguished? In our opinion, it is hardly difficult to talk about final topical subjects in declarative sentences in the written language which lacks the prosodic factors valid in the spoken language for the distinction of the pragmatic roles, except for some cases where final topics are a result of the structural properties of the sentence (Yovkova-Shii 2022:184). Such cases are found in question sentences, as (8) below, where the subject (*italic*) can be viewed as a topic.⁴

- (8) **Šte si otide** li njakoga *novijat korona virus*? (Darik News, digital version 12.03.2020)
 “Will ever the new corona virus go away?”

In the following part of this paper we will discuss about the focal subjects in Bulgarian and try to find the answers of the questions listed in Chapter 1.

4. Focus

4.1. Defining focus

Not all sentences have topic but all sentences have a focal element and focusless sentences do not exist since all sentences have some update potential (Vallduví&Engdahl 1996:469).

Different definitions have been proposed for focus. Lambrecht (1994:213) defines focus as ‘the semantic component of a pragmatically structured proposition whereby the assertion differs from the presupposition’. Krifka (2008:247), on the base of the theory of ‘alternative semantics’ (Rooth 1985, 1992), says that ‘focus indicates the presence of alternatives that are relevant for the interpretation of linguistic expressions’ and ‘any kind of focus, contrastive or not, is assumed to evoke a set of alternatives against which the focus constituent is evaluated.’ Following Dik&Hengeveld (1997), Erteschik-Shir (2007:38) says that the focal information is that information which is most important and salient in the given communication setting, often being new, but if not new, re-emphasizing already available information.

For the purpose of our analysis, we would prefer a mixed version

---

⁴ Rudin et al (1999:546) claim that the question particle *li* is the element by which the focal element in the sentence can be checked. Consequently, the verb in this sentence (the constituent with the particle *li*) is the focus, and the rest part of the sentence (=the subject) should be viewed as the topic.

of the above mentioned definitions and say that **focus indicates the presence of alternatives that are relevant for the interpretation of linguistic expressions, and expresses the most important and salient information in the proposition which is usually new or, if not new, re-emphasizes already available information.**

4.2. Focus types

Different studies categorize different types of focus and, as already mentioned, different terms ('information focus', 'regular focus', 'contrastive focus', 'identification(al) focus', 'closed focus', 'open focus', 'emphatic focus', 'exhaustive focus', 'broad focus', 'narrow focus', etc.) have been proposed sometimes even for one and the same phenomenon, and *vice versa*, one and the same term has been used to describe different focus phenomena. In our analysis, we will distinguish and compare mainly two types of focus, i.e. identification focus and information focus⁵. Kiss (1998) argues that the distinction of these two types is of great importance since they differ syntactically as well as semantically.

There is a general tendency to distinguish between the information focus and contrastive (identification) focus. Information focus is commonly thought of as that part of the utterance that introduces new (non-presupposed) information into the discourse, e. g. by providing an answer to a *wh*-question. A single constituent of the sentence or the whole sentence can function as information focus.

(9) **Who** came?
A **girl** came.

(10) **What happened?**
A **girl** came.

Contrastive (identification) focus, on the other hand, is necessarily associated with a contextually determined set of alternatives for which the predicate holds potentially (Zubizarreta 1998:6). It is identified as the exhaustive subset of this set for which the predicate phrase actually holds (Kiss 1998:245). Contrastive focus is said to be a new information

---

⁵ For Bulgarian, we claim that 'identification focus' and 'contrastive focus' exist separately and should be distinguished. The ground for such claim is based on the observations of Green-Jaggar (2003) who argue that not all contrastive foci give rise to implicatures of exhaustiveness. Also, our analysis will show that in Bulgarian identification focus is always contrastive but contrastive focus need not be identificational.

focus that receives contrastive interpretation (Neeleman&Vermeulen 2012:5).

Different studies treat these two focus types in a different way. The differences in the points of view are due to differences in the languages discussed.

It has been said that identification focus is not uniform across languages. Again, it has been claimed (Kiss 1998:245-246) that information focus is present in every sentence but not every sentence contains identification focus. The question is, however, whether these two focus types are grammatically realized in different ways across languages and can be distinguished anyhow, namely, are there any reliable cues for the identification of information focus and identification focus?

For instance, it has been argued for a range of languages that contrastive foci must be marked in a special way by means of special prosodic, or syntactic, or morphological means, which set them formally apart from mere information foci (Vallduví&Vilkuna 1998). Prosodic evidence from intonation languages, however, suggests that contrastive focus is not fully independent of information focus, as contrastive focus differs only gradually in intonation from information focus (Hartmann 2008, and references therein). Similarly, Krifka (2008) argues that contrast is simply a pragmatic feature, and ‘regular focus’ (i.e. information focus) and contrastive focus are not distinguished. In contrast, evidence from languages such as Hungarian or Finnish, in which contrastive elements are realized in a particular syntactic position, suggests the opposite (Kiss 1998, Vallduví–Vilkuna 1998). Discussing the situation in Hungarian, Kiss (1998:247) claims that information focus and identification focus (in Kiss’s terminology) are associated with distinct structural positions.

Krifka (2008) argues that there is little reason – neither from a formal nor from a functional perspective – for distinguishing between contrastive focus and information focus with regard to the notion of contrast, and, says that the distinction between the two focus types should be rather captured in terms of the notions of ‘open focus’ (open set of alternatives: information focus) *vs.* ‘closed focus’ (restricted/closed set of alternatives: selective information focus⁶). Krifka states that the question ‘What do you want to drink, tea or coffee?’ doesn’t seem to be more contrastive than an answer to the non-restricted

---

⁶ The contrastive/identification focus.

question ‘What do you want to drink?’, referring to the first as closed focus and the latter as open focus. (ibid:258-259). Zimmermann (2008:351) argues something similar, saying that it is impossible to predict the presence or absence of a contrastive marking on a focus constituent just on the basis of its inherent properties, or its immediate discourse function as an answer, correction, etc. Rather, the presence or absence of a special grammatical marking depends on the specific discourse requirements at a specific point in the discourse. These are influenced by the intentions of the speaker and his/her assumptions about the knowledge state(s) of the hearer(s). Consequently, contrastive focus and information focus are not fundamentally different as far as the underlying semantics is concerned.

In our analysis on Bulgarian, we will discuss mainly the information and identification focus, the latter to be distinguished from contrastive focus, and claim, as stated in footnote 5, that the identification focus is contrastive and exhaustive in meaning (excluding some or all relevant alternative referents to the focused element (Skopetas&Fanselow 2010:170)), while information focus can be contrastive but not exhaustive due to its operation within an open set of alternatives.

The main problem we will discuss is whether information focus and identification focus are realized grammatically or syntactically in a different way in the structure of the Bulgarian sentence in relation to the subject, and, if it is possible in any way to distinguish these two types of focus in the written language.

5. Subject and focus in Bulgarian

As already mentioned, Bulgarian has a free word order with a canonical linearization of SVO for the elements in the simple declarative sentence which has been preferred in case of ambiguity. All the constituents in this structure, however, can move and every constituent can become a topic or a focus. As Tisheva (2013:9) has pointed out, the movement of the elements whose typical position is before the verb to a post-verbal position marks the new information, i.e. the focus in the sentence. *Vice versa*, the movement of the elements whose typical position is after the verb to a pre-verbal position marks the old information, i.e. the topic in the sentence. Again, the movement of the elements whose typical position is after the verb to a pre-verbal position has different discourse functions for expressing different kind of information.

Different semantic and pragmatic nuances are expressed through sentential element rearrangements. The most natural pragmatic structure is the structure where the initial subject is the topic at the same time. It has been said (Ivanchev 1957) that the basic requirements for a subject to be a topic are initial position and determinedness, as in example (1).

Subjects, however, can be both definite and indefinite. Definite subjects are marked by inflecting the morpheme of the definite article and post-fixing it to the stem of the noun, as in *grad-ăt* ‘the city’. The definite article possesses long and short forms by which the syntactic roles (subject/object) are distinguished but this formal distinction exists only in the singular masculine (*grad-ăt/ grad-ă*). For feminine, neuter, and plural, one and the same form is used for both syntactic roles⁷ (*žena-ta/ žena-ta* (fem. sg.) ‘woman’, *dete-to/dete-to* (neut. sg.) ‘child’, *ženi-te/ ženi-te* (pl.) ‘women’).

Indefiniteness is expressed by the bare (non-ricled) form of the noun (*grad*), or by adding the numeral *edin* ‘one’⁸ to the noun.

Ivanchev (1957:504), Stankov&Ivanova (1989:20) claim that indefinite subjects can become topics also⁹, but only when they occupy initial position and are accompanied by *edin*, as below.

- (11) [Edna krasiva žena]_T pee. / *Pee [edna krasiva žena]_T. (example from Ivanchev 1957)

“A beautiful woman is singing.”

- (12) [Edno dete]_T vleze i sedna./* [Dete]_T vleze i sedna. (example from Stankov&Ivanova 1989)

“A child came in and set.”

In our opinion, as we suggest later, *edin* functions in the above examples as a ‘representative marker’, introducing a new referent into the discourse, and the phrases with *edin* are better to be viewed as the focal elements in the sentences rather than topics.

---

⁷ See also footnote 2.

⁸ The status of *edin* as an indefinite article has been greatly disputed, and we will avoid mentioning to *edin* as an indefinite article.

⁹ The question whether the forms with *edin* are topic or not is tightly connected to the definition of topic and to the problem to whom the information is ‘given’. If topic is defined as it has been proposed by Hockett (1958), or Reinhart (1981) as ‘aboutness’ or ‘topic-to-be’, then it is possible to state that the forms with *edin* are topics. In relation to ‘familiarity’ (considered to be one of the properties of ‘definiteness’), which has been given as one of the criteria in the distinction of definite and indefinite forms, Nicolova (2008) argues that the forms with *edin* in Bulgarian are used when the referent is familiar to the speaker, but unfamiliar to the hearer.

Thus, topical subjects are necessarily definite. Again, the normal syntactic position for topical subjects is initial (i.e. preverbal), however, as displayed in example (8), syntactic structures with final topical subjects either exist.

Focal subjects can be non-articled (indefinite) and articulated (definite). Again, they can be placed either initially or finally. Consequently, here arise the following two questions: 1) how is it possible to distinguish topical and focal subjects, and 2) how is it possible to distinguish the different foci types in the written Bulgarian language? The first question has already been treated in a previous study (Yovkova-Shii 2022), and here we will focus only on the second question.

As already mentioned, Krapova (2004) claims that the normal focus position is after the verb, and initial focal subjects are a result of movement of the final subject to preverbal (initial) position.

Tisheva&Dzhonova (2006), Tisheva (2007, 2009) take a rather different position, talking only of subject right dislocation in case of focalization. According to Tisheva&Dzhonova (2006), the subject right dislocation is the case of ‘real’ movement. To support their idea, they give the following examples with pronominal antecedents (underlined parts) of the focalized subjects.

(13) E, tǎj sa te, momčētata.

“So, it is they, the boys.”

(14) Toj ŝte dojde **bašta** ji.

“He, her father will come.”

In this study we will not discuss the process of movement/dislocation of the subject, but just analyze the pragmatic functions of the initial and final subjects.

We will start the discussion with some remarks on contrastive focus. Although this type of focus is not the main concern of our analysis, it would be necessary to make some brief remarks about this focus type.

As already mentioned, we distinguish contrastive focus and identification focus in Bulgarian. The main reason for the distinction is that, first, contrastive focus nouns can be both indefinite and definite (examples (15), (16), (17)), while identification focus nouns, as discussed later, are necessarily definite, and second, identification focus

is exhaustive in meaning (excluding all relevant alternatives), while contrastive focus (in our interpretation) need not be exhaustive.

(15) **Máž (a ne žena)** kara kolata.

“A man (not a woman) is driving the car.”

(16) **Mážät (a ne ženata)** kara kolata.

“The man (not the woman) is driving the car.”

(17) **Snjag** vali, **a ne dážd**.¹⁰ (example from Dyer 1992:45)

“It is snowing, not raining.”

As can be seen from example (17), and footnote 10, when the contrastive meaning is made explicit by all the contrasted constituents, the contrasted elements can occupy different positions (initial, final), since the meaning of contrast is made explicit by mentioning all the members of the contrast, and thus it is not a problem to recognize the meaning of contrast wherever the contrastive focus subjects are placed. However, when the contrast is implied by a single member, as in (15), (16), the contrastive focal subject is better to occupy initial position. As it will be mentioned later, identification focus is also usually realized sentence initially. Probably this syntactic property (initial position) is one of the features which relates the contrastive and identification focus. To support our idea, let us refer to the next examples (18, 19). Both of them mean “A war started”. Again, in both sentences, the subjects are more naturally interpreted as the focal parts. Are, however, these two sentences different pragmatically? One possible interpretation is, (18) to be viewed as either information focus (WHA), answering a *wh*- question *Kakvo započna?* “What started?”, or as all-new focus, answering the question *Kakvo stana?* “What happened?” (*Započna vojna*. “A war started.”), while for (19), when interpreted irrespectively of a *wh*- question,¹¹ a contrastive focus interpretation (*Vojna, (a ne...) započna*. “A war, not a...started.”) should be more natural.

(18) Započna **vojna**.

(19) **Vojna** započna.

---

¹⁰ The same contrastive meaning can be expressed by ‘Vali **snjag, a ne dážd**.’

¹¹ Compare with example (20) where the statement is preceded by a *wh*- question.

Information focus usually presupposes a *wh*- question. The opposite, i.e. the answer to a *wh*- question is necessarily an information focus, however, is not true, because, as Shimoji (2018:90) has argued, WHQ evokes a set of alternatives but it cannot entail the exclusion of any subset of alternatives since the alternative is not yet specified by definition. Also, as it has already been mentioned, there is little reason – neither from a formal nor from a functional perspective – for distinguishing between contrastive focus and information focus with regard to the notion of contrast, and, thus, the possibility to interpret the subject in (20, B) as a contrastive focus (*Dete, a ne vāzrasten se davi* “A child, not an adult, is drowning.”) cannot be denied.

Information focus, thus, can be defined as the domain of new (non-presupposed) information, i.e. the new part in the sentence describing what has been said about the topic, or as the information of the sentence that makes contribution to the hearer’s knowledge store (Vallduví 1992). Information focus nouns in Bulgarian can be non-definite (examples (18), (20)) as well as definite. Bare subject nouns, however, are most easily interpreted as the constituent expressing information focus. Again, as shown, bare subject nouns can occupy initial or final position. Bare noun subjects can express contrastive or information focus, but as it has already been mentioned, when the sentence occurs without any previous context, information focal subjects occupy more often final position in the sentence (example (18), (21)), while initial focal subjects indicated by bare nouns are more easily interpreted as contrastive focus (examples (19), (20)).

- (20) A: **Koj** se davi?
 “Who is drowning?”
 B: **Dete** se davi.¹²
 “A child is drowning.”

- (21) Čakaše ni **dālāg pāt**.
 “A long journey was waiting for us.”

Janinskaja (2016) claims that the VS(O) structure in Bulgarian is used to express ‘broad focus’ (=information focus). The observation of Janinskaja is not wrong, but, as shown, SV(O) structures, also, can express information focus, and, thus, information focus subjects need

¹² Without the *wh*- question, this sentence, can function also as all-new information (*Dete se davi*).

not come finally (or, post-verbally).

Subject nouns with *edin* can also function as information focus due to the function of *edin* as a ‘presentative marker’.

(22) Imalo edno vreme **edin kral**. Kraljat[T] imal dvama sina.¹³
“Once upon a time there lived a king. The king had two sons.”

(23) **Edna žena** se odдели ot grupata.
“A woman left the group.”

Information focus subjects can also be definite. As Dyer (1992:121) points out, though it has been claimed that definite forms mark usually the ‘theme’, definite forms may in fact be ‘rhematic’, either. Dyer, however, points out only expressions of uniqueness (generic nouns) with the article¹⁴, but as example (24) shows, non-generic definite subjects can also function as information focus.

(24) A: **Koj** plašta za ekskurzijata?
“Who pays for the excursion?”
B: **Firmata** plašta.
“The company pays.”

In relation to the fact that definite forms naturally qualify the old (known) information¹⁵, it could be claimed that contrastive and information focal subjects, besides their function to express non-presupposed (new for the hearer) information, when definite, can express also already available information which is new only at the moment of the speech.

Finally, let us discuss the identification focus and its realization in the sentence. The problem of identification focus is poorly discussed in the previous studies, and just few works (Krapova 2002, 2004; Tisheva&Dzhonova 2002) mention about this type of focus in

---

¹³ The function of ‘presentative marker’, i.e. introducing a new referent into the discourse, becomes explicit by the second sentence where *kraljat* becomes the old/known information and turns into a topic.

¹⁴ Dyer treats generic subjects as ‘rheme’, giving the following example from Stojanov (1980:37) with a definite subject.

Ex.) **Fizikata** e edna ot nai-starite nauki za prirodata.
“Physics is one of the oldest sciences about nature.”

¹⁵ There exists a general correspondance between old information and definiteness. This tendency is related to the fact that the old information is the information which can be identified, and since, as it has been pointed out (Lyons 1999), identification is one of the features of determinedness, these parts of the sentence which are old or known will exhibit greater degree of semantic, and formal determinedness than those which are new.

Bulgarian. Quoting Zubizarreta (1998:6), Krapova (2004:3) states about contrastive focus¹⁶ that it is necessarily associated with some contextually determined set of alternatives for which the predicate holds potentially, by pointing out the unique member (or subset) of that set for which the predicate actually holds. Again, Krapova (op. cit.) states that this type of focus conveys new information only indirectly: by emphasizing the information the speaker typically brings forward a (potentially) novel quality or property of what is being talked about.

On the basis of Krapova's claim, we would like to suggest that one of the invariant properties of the identification focus in Bulgarian is determinedness/definiteness. Indefinite forms cannot express identification focus. Thus, the subject in (25) can function as identification focus, while the subjects in (26) and (27) cannot.

(25) **Deteto na Marija** sčupi vazata.

“Marija's child broke the vase. / It was Marija's child who broke the vase.”

(26) **Dete**¹⁷ sčupi vazata.

“A child broke the vase.”

(27) **Palavo dete** sčupi vazata.

“A naughty child broke the vase.”

Our claim is supported by the claim of Skopeteas&Fansalow (2010) who say that ‘identificational focus’ is more likely to induce focus marking than ‘non-identificational focus’ (=information focus)¹⁸.

Tisheva (2013:24) argues that, besides ‘old’ information (or, the topic), the definite article can be used to mark ‘new’ information, which, however, is already available to the hearer and the hearer thus just re-emphasizes (updates) at the moment of the utterance the information which he/she already possesses.

As we displayed about contrastive and information focus, the contrastive focus is more naturally related to the left periphery of the

¹⁶ In the previous studies about focus in Bulgarian, the term ‘contrastive focus’ is usually used for what we call identification focus.

¹⁷ *Dete* in this sentence can express contrast, and this subject can also be interpreted as contrastive focus (*dete, a ne vāzrasten* ‘a child not an adult’), however, it cannot function as an identification focus since the indefinite form cannot express exhaustiveness.

¹⁸ As we displayed already about the information focus in Bulgarian, there exist cases where the noun phrase expressing information focus is definite, but this is not the default situation in the case of the information focus.

sentence while information focus occupies easily the right periphery of the sentence. We will show that identification focus, like contrastive focus, is most naturally related to the left periphery of the sentence. Similarly, Krapova (2004) argues that ‘contrastive’ (=identification) focus is related with the left periphery of the Bulgarian sentence. Janinskaja (2016:707), also, says that non-final foci are narrow and/or contrastive. Identification focus is, in fact, usually realized in the sentence-initial position, however, this position should not be considered absolute. The structural property, i.e. sentence-initial position of identification focal subjects, however, can be viewed as an evidence for their semantic/pragmatic similarity (i.e. availability of the information) with the topic. This semantic/pragmatic similarity is also reflected in formal similarities (determinedness/definiteness). Although determinedness is not a decisive factor in the information structuring of the sentence (Fesenmeier 2009:233), as Vaseva-Kadankova (1980:119-120) has pointed out, the actual division of the sentence, namely, the functional sentence perspective, can be realized also by the article. Ivanchev (1957)’s study, also displays that there is a relationship between sentential word order and determinedness/definiteness. Namely, sentence proceeds from the information which already has been designated to the information which has been specified to a lesser degree.

Dyer (1992:57) claims that determinedness is an important factor in the construction of SVO structures in Bulgarian. Based on his claim, it could be said that identification focal subjects which are definite most naturally occupy initial position in the sentence.

While contrastive and information focal subjects can express not only non-presupposed, but also already available information, identification focus (in our interpretation) can express only already available (from the context, discourse, situation) information about the unique member of that set. The definite property of the information focus is due to the fact that this type of focus does not indicate ‘brand new’ information but rather updates already available information, a semantic property which it shares with the topic. Identification focus points to the unique member of a closed set of alternatives already available (known) to the hearer eliminating the rest of the alternatives. The necessity for updating can be explained by the following claim of Zimmermann&Onéa (2011:1665):

‘[T]he notion of contrast¹⁹ refers to the fact that a particular focus content, or a particular speech act containing a focus, or a particular focus-background partition, is unexpected for the hearer from the speaker’s perspective, and may thus create problems for the successful update of the common ground: since unexpected facts, or discourse moves, are more difficult to accept or accommodate, the speaker will often try to facilitate the hearer’s plight of adjusting her background assumptions accordingly, which is a precondition for successful update. One possibility for the speaker to direct the hearer’s attention, and to facilitate the task of shifting the background assumptions, is to use a non-canonical, i.e., a structurally more complex sentence that comes with additional grammatical marking in form of, for instance, a particular intonation contour, syntactic movement, a cleft structure, or the insertion of morphological markers.’

The following remark of Zimmermann (2008:348) can be added to the above mentioned remarks of Zimmermann&Onéa.

‘[C]ontrastivity should be best viewed as a discourse-semantic phenomenon with grammatical reflexes, perhaps exempting Hungarian: contrastivity in this sense means that a particular focus content or a particular speech act containing a focus is unexpected for the hearer from the speaker’s perspective.’

As it was argued, in the spoken language, prosodic factors, i.e. logical stress, are of great importance for the distinction of the pragmatic roles in the sentence. In the written language, however, prosodic factors are invalid. Instead, other means have been used to distinguish the pragmatic roles.

Besides the means we discussed above, some lexical means have been also pointed out as important factors in the distinction of the focus types. König (1991) and Dryer (1994) use similar frameworks for their investigations and say that focus particles (focalizers) like *only* and *even* are involved in the semantic interpretation of the narrow focus (in our terminology, the identification focus). For Bulgarian, Nicolova (2001) analyzes the adverb *samo* ‘only’ and claims that this lexeme may function as exclusive focus particle, overtly marking the focus element in the information structure of the sentence (i.e. the narrow focus).

---

¹⁹ Zimmermann&Onéa talk about ‘contrastive focus’.

Unfortunately, Nicolova's analysis does not focus on the subject and her observations concern other constituents of the sentence, mainly objects and predicates.

It has been said that cleft sentences are one of the mechanisms for marking focus. Cleft sentences signal the exhaustive interpretation of the contrastive/identification focus which in-situ focus lacks.

In relation to clefting, we will examine the Bulgarian focus particle *imenno* 'exactly' which has similar semantic functions with the cleft sentences, and test the difference between the information and identification focus using this particle. We will argue that information focus cannot occur with *imenno* (example (28)), while identification focus can occur with this focalizer (example (29)). The inconsistency (ungrammaticality) with *imenno* of (28), expressing information focus, is due to the fact that information focus works within an open set of alternatives for which the property of exhaustiveness expressed by *imenno* is inappropriate. However, without a *wh*- question, in situations where *firmata* can be interpreted as the exhaustive member of a closed set of alternatives (i.e. the process is exclusion of the non-correct referents by indicating the correct one), the co-occurrence is possible (example (29)).

- (28) A: **Koj** plašta za ekskurzijata?
"Who pays for the excursion?"
B: *Imenno **firmata** plašta.
"Exactly the company pays."

- (29) closed set {n1=firmata, n2=otdelăt, n3=učastnitzite}²⁰
B: Imenno n1=**firmata** plašta za ekskurzijata.
"Exactly the company pays for the excursion."

It is difficult to talk about universal strategies for focus encoding. Again, even within a single language it is difficult to indicate a single strategy for marking focus. Bulgarian is not an exception.

In the spoken language, prominence is the main mechanism for distinguishing the pragmatic roles. In the written language, however, prominence is not valid. As our analysis displayed, word order and the grammatical category of determinedness/definiteness can be taken as reliable, but not absolute, strategies to differentiate the two focus types

---

²⁰ This is one possible closed set with three members, namely, 'the company', 'the division', 'the participants'.

– information focus and identification focus.

6. Summary

In this paper we discussed the problem of the information structure of the Bulgarian simple declarative sentence in relation to the realization of the focus on the subject, accentuating on the distinction of information focus and identification focus. The analysis displayed that structural (sentential position) and grammatical (determinedness/definiteness) factors are involved in the distinction of these two types of focus but the distinction is rather pragmatic, realized in the context.

Thus, both information focus and identification focus can occupy either initial or final position in the sentence, however, identification focus is more naturally sentence-initial, while information focus is more naturally sentence-final.

Again, both the information and identification focus can express already available information. This information is already available, through the context or the situation, to the hearer and is just re-emphasized or updated at the moment of speech. In this aspect, they share similarities with the topic.

However, these two foci have also different semantic properties. One of the semantic differences between the information and identification focus is that, while the information focus can express non-presupposed information (and this is the main semantic-functional property of this type of focus), identification focus cannot.

Again, information focus and identification focus display formal differences in that the information focus nouns can be both definite and indefinite, while identification focus nouns are necessarily definite. The definiteness property and the semantics of ‘availability of information’ of the identification focus makes it closer to the topic than information focus. That similarity with topic is the factor for identification focus subjects to occupy usually sentence-initial position, a specific syntactic feature of the topic.

Finally, identification focus is contrastive and exhaustive, thus identifying the unique member of a closed set of alternatives. The property of exhaustiveness is what distinguishes this type of focus from contrastive focus, which we consider to be a separate focus type in Bulgarian. On the other hand, information focus can be contrastive, but never exhaustive, since it functions within an open set of alternatives.

The features of the information focus and identification focus in Bulgarian are summarized in Table 1.

Table 1

focus type	type of information expressed	set of alternatives	sentential position	±article
information	non-presupposed/ available	open set	final/initial	±article
		does not point out any unique member		
identification	available	closed set	initial/final	±article
		points out (identifies) the unique member		

The distinction of the pragmatic roles of the subject in the written Bulgarian language can be made to a certain extent on the base of syntactic and formal features but such factors are not absolute, and the distinction between topic and focus, on the one hand, and focus types, on the other hand, is principally pragmatic, realized mainly in the context and through the intuition of the native speakers. Thus, the distinction is more relative than absolute.

References

- Breul, C., Göbbel, E. & Thiel, A. Introduction. In C. Breul, E. Göbbel (Eds.), *Comparative and Contrastive Studies on Information Structure*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 1–14
- Dik, S. & Hengeveld, K. *The Theory of Functional Grammar. Part II: Complex and Derived Constructions*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1997.
- Dryer, M. The Pragmatics of Focus-Association with only. (Unpublished paper delivered at the 1994 Annual Meeting of the Linguistic Society of America), 1994.
- Dyer, D. *Word Order in the Simple Bulgarian Sentence: A Study in Grammar, Semantics and Pragmatics*. Amsterdam-Atlanta, 1992.
- Erteschik-Shir, N. *Information Structure*. Oxford: University Press, 2007.
- Fesenmeier, L. On Two Functions of Verb-Subject Order in Old Italian. In *Information Structure and Its Interfaces*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 229–265.
- Gebert, L. Information structure in Slavic languages. In L. Mereu (Ed.), *Information structure and its interfaces*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 307–322.
- Georgieva, E. *Slovo red na Prostoto Izrečenie v Bălgarskiya Knizhoven ezik* [The word order of the simple sentence in the Bulgarian written language]. Sofija: Bulgarian Academy of Sciences, 1974.
- Green, Melanie & Jaggard, P. M. Ex-situ and in-situ focus in Hausa: Syntax, semantics and discourse. In Jacqueline Lecarme (Ed.), *Research in Afroasiatic Grammar 2 (Current Issues in Linguistic Theory)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2003. Pp. 187–213.
- Hartmann, K. Focus and emphasis in tone and intonation languages. In Anita S. (Ed.), *The Discourse-potential of Underspecified Structures: Event Structures and Information structure*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 389–412.
- Hockett, Ch. F. *A course in modern linguistics*. New York: Macmillan, 1958.
- Ivanchev, S. Nablyudenija vărhu upotrebata na členu v bălgarskiya ezik [Observations of the usage of the article in the Bulgarian language]. *Bălgarski Ezik*, VII, No.6, 1957. Pp. 499–524.
- Ivanchev, S. Problemi na aktualnoto členenie na izrečeniето [Problems

- of the actual division of the sentence]. *Slavjanska filologija*, vol.10, 1968. Pp. 39–53.
- Janinskaja, K. Information structure in Slavic. In C. Féry & S. Ishihara (Eds.), *Information structure*. Oxford: University Press, 2016. Pp. 709–732.
- Kiss, K. Identificational focus versus information focus. *Language* 74, 1998. Pp. 245–273.
- König, E. *The Meaning of Focus Particles*. London and New York: Routledge, 1991.
- Krapova, I. On the Left Periphery of the Bulgarian sentence. University of Venice Working Papers in Linguistics vol. 12, 2002. Pp. 107–128.
- Krapova, I. Word order in topic-focus structures in the Balkan languages. *L'Europa d'oltremare. Contributi italiani al IX congresso internazionale dell'association internationale d'etudes du sud-est Europeen*, Tirana, 30 agosto-3 settembre 2004. Romania Orientale 7 XVII, 2004. Pp. 139–161.
- Krifka, M. Basic notions of information structure. *Acta Linguistica Hungarica* 55, 2008. Pp. 243–276.
- Lambrecht, K. *Information structure and sentence form*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Lyons, C. *Definiteness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Neeleman, A. & Vermeulen, R. *The Syntax of Topic, Focus, and Contrast. An Interface-based Approach*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2012.
- Nicolova, R. Za kontrastnija fokus s častitsi v bălgarskija ezik [On the contrastive focus with particles in Bulgarian]. *Săvremenni Sintaktični Teorii* [Contemporary syntactic theories]. Plovdiv: Plovdivsko universitetsko izdatelstvo, 2001. Pp. 76–85.
- Nitzolova, R. *Bălgarska gramatika. Morfologija*. Sofija: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Oxridski”, 2008.
- Reinhart, T. Pragmatics and linguistics: an analysis of sentence topics. *Philosophica* 27, 1981. Pp. 53–94.
- Rooth, M. *Association with Focus*. PhD Dissertation, University of Massachusetts, Amherst. Graduate Linguistics Student Association (GLSA), Amherst/MA. 1985.
- Rooth, M. A theory of focus interpretation. In *Natural Language Semantics* 1, 1992. Pp. 75–116.
- Rudin, C. *Aspects of Bulgarian syntax: Complementizers and wh-constructions*. Columbus: Slavica Publishers, 1986.

- Rudin C., Kramer, C., Billings L. & Baerman, M. Macedonian and Bulgarian *li* questions: Beyond syntax. In *Natural language and linguistic theory*. Netherland: Kluwer Academic Publishers, 1999. Pp. 541–586.
- Shimoji, M. Information structure, and focus-marking hierarchies in Ryukyuan languages. *Gengo Kenkyu* 154, 2018. Pp. 85–121.
- Skopetas, S. & Fanselow, G. Focus types and argument asymmetries: a cross-linguistic study in language production. In Breul, C. & Göbbel, E. (Eds.), *Comparative and Contrastive Studies on Information Structure*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 169–197.
- Stankov, V. & Ivanova, M. Za opredelenite imenni sintagmi izrazjavašti spetsifičnost/ne spetsifičnost [On the definite noun synagms expressing definiteness/indefiniteness]. *Bălgarski ezik* No.1, 1989. Pp. 14–27.
- Stojanov, S. *Gramatičeskata Opredelenost v Bălgarskija Ezik*. Sofija: Norodna Prosveta, 1960.
- Tisheva, Y. On right dislocation and marginalization in Bulgarian. In *Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages*. Frankfurt am Main: Peter Lang International Verlag der Wissenschaften, 2007. Pp. 389–397.
- Tisheva, Y. Za slovorednite modeli na băgarskoto prosto izrečenie [On the word order models of the Bulgarian simple sentence]. *Otgovornostta pred Ezika* [Responsibility for language] 3, 2009. Pp. 244–255.
- Tisheva, Y. *Pragmatični Aspekti na Ustnata Reč* [Pragmatic aspects of the speech]. E-izdanie na Tsentăr za Semiotični i Kulturni Izsledvanija, 2013.
- Tisheva, Y. & Dzhonova, M. Information structure and clitics in treebanks. *Proceedings of the First Workshop on Treebanks and Linguistic Theories*. Sozopol, 2002.
- Tisheva, Y. & Dzhonova, M. Starijat “nov” topik [The old “new” topic]. In: *Slavistika i Obštstvo* [Slavic studies and society], comp. M. Mladenova, I. Monova. Sofija: Heron press, 2006. Pp. 231–237.
- Vallduví, E. *The Informational Component*. New York: Garland, 1992.
- Vallduví, E. & Engdahl, E. The linguistic realization of information packaging. *Linguistics* 34, 1996. Pp. 459–519.
- Vallduví, E. & Vilkuina, M. On rheme and kontrast. In P. Culicover, P. & McNally, L. (Eds.), *The Limits of Syntax*. New York: Academic Press, 1998. Pp. 79–106.

- Vaseva-Kadankova, I. Nablyudenija vǎrxu ednorodnite časti na izrečienieto s ogleđ na aktualnoto členenie [Observations on the Homogeneous Parts of the Sentence in Relation to the Actual Division]. In: *Sbornic Praci Filosofskê Fakulty Brênskê Univerzity*, 1980. Pp. 119–129.
- Yovkova-Shii E. Informatzionna struktura na bǎgarskoto izrečienieto s ogleđ na podloga [Information structure of the Bulgarian sentence in relation to the subject]. *Izvestija na Instituta za Bǎlgarski Ezik* 35, 2022. Pp. 176–193.
- Zimmermann, M. Contrastive focus and emphasis. *Acta Linguistica Hungarica* 55, 2022. Pp. 347–360.
- Zimmermann, M. & Onéa, A. Focus marking and focus interpretation. *Lingua* 121, 2011. Pp. 1651–1670.
- Zubizarreta M. L. *Prosody, Focus and Word Order*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1998.

中文詞組「用 + 工具名詞」與波蘭文 相應形式之對比分析

鄧鈞一 *

居里夫人大學
盧布林，波蘭

摘要：

工具名詞是表示動作進行時所使用的工具名稱。這類名詞普遍存在於每一個語言，並因各語言不同的語法特徵而有不同的表達方式。中文主要以詞組「用 + 工具名詞」表達工具語義功能，而波蘭文一般以名詞的工具格形式呈現該語義功能。

本分析將審視帶有詞組「用 + 工具名詞」的句子語義結構，描述動作進行時施事（動作執行者）、受事（承受動作的對象）和工具（用以執行動作的器具）之間不同類型的依存關係，並根據各種依存關係討論中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文裡相應的語法手段。

研究發現施事、受事和工具間的依存關係決定「用 + 工具名詞」能否對應於波蘭文的工具格形式。只有當句子的語義結構表示「工具受到施事完全的控制，且工具直接作用於受事並造成受事的狀態改變」的時候，「用 + 工具名詞」的語義功能才會以波蘭文的工具格表達，反之，將以工具格以外的語法形式呈現。因此，要掌握中文詞組「用 + 工具名詞」正確的波蘭文表達方式，必須理解句子語義結構中施事、受事和工具間的依存關係。

關鍵詞：

對比分析、工具名詞、語義結構、波蘭文

---

* 波蘭盧布林居里夫人大學國際政治關係學系助理教授。

THE CONTRASTIVE ANALYSIS OF CHINESE PHRASE “YONG+INSTRUMENTAL NOUN” AND ITS COUNTERPARTS IN POLISH

Deng Jyun-Yi*

Maria Curie-Skłodowska University
Lublin, Poland

Abstract:

Instrumental nouns are the names of instruments used to perform action. Such nouns are a universal linguistic phenomenon and the way they are expressed varies from language to language. The Chinese phrase “yong+instrumental noun” is mainly used to indicate the semantic function of a noun which denotes an instrument of action. In contrast to Chinese, the Polish instrumental case typically marks the same semantic function.

This analysis closely examines the semantic structure of the sentences with the phrase “yong+instrumental noun” and describes different kinds of relationship between agent (an doer of the action), patient (an object affected by the action) and instrument (a tool used to perform an action). The Chinese phrase “yong+instrumental noun” and its Polish corresponding forms are discussed in terms of each relationship between agent, patient and instrument.

This study shows that the relationship between agent, patient and instrument determines whether the Chinese phrase “yong+instrumental noun” can correspond to the Polish instrumental case. Only when the semantic structure of sentences shows that “the instrument is under the complete control of an agent and it directly acts on a patient and causes a change of state in a patient”, the semantic function of the phrase “yong+instrumental noun” can be expressed by the Polish instrumental case, otherwise it will be expressed by other grammatical forms.

---

* Assistant professor, Department of International Political Relations, Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Poland.

Therefore, in order to become familiar with the Polish equivalents of the Chinese phrase “yong+instrumental noun”, one must understand the relationship of agent, patient and instrument in the semantic structure of a given sentence.

Keywords:

contrastive analysis, instrumental noun, semantic structure, Polish

一、前言

工具名詞 (instrumental noun) 是具有工具語義功能 (以下簡稱工具功能或工具角色) 的名詞, 表示動作進行時使用的器具。工具名詞普遍存在於每個語言, 並因各語言的語法特徵不同而有不同的表達形式。工具功能在中文裡主要由詞語「用」和工具名詞構成的詞組呈現, 如句子「媽媽用刀削蘋果」中的詞組「用刀」。波蘭文的工具功能一般則透過工具格的形式表達, 如 *nóż* (刀) 的工具格單數形式為 *nożem*, 當它與動詞 *obierać* (削) 連用時, 工具格名詞 *nożem* 就有「用刀」的語義。

根據語言的型態分類, 中文是一種缺乏詞形變化的孤立語 (Li i Thompson 1981:10–11)。中文裡每個單音節字詞皆為單獨的詞素 (morpheme), 可表達詞彙意義或是語法功能。由於欠缺名詞的詞尾變化, 中文主要以詞序和語法詞彙表達句法語義的功能。值得一提的還有現代中文詞語的「兼類」和「多功能」現象 (Zajdler 2005:18–19)。「兼類」表示同一個詞彙分屬不同的詞類。例如詞彙「到」可以當作動詞 (他到家了); 「到」也可作為介詞, 伴隨謂語動詞 (他到學校去了)。「多功能」指的是同一個詞彙在句中有不同的句法功能。例如名詞「台灣」可以是主語 (台灣很美), 或是定語 (這是台灣地圖), 也可以充當地點狀語 (台灣有多少人?)。

與中文相比, 波蘭文是典型的屈折語, 具有十分豐富的詞型變化系統 (Grzegorzczkova 2007:187–88), 其中涉及名詞變化的語法範疇稱為「格」(przypadek)。波蘭文的格系統區分成七個: 主格 (mianownik)、屬格 (dopełniacz)、與格 (celownik)、賓格 (biernik)、工具格 (narzędnik)、方位格 (miejscownik) 以及呼格 (wołacz)。有格變化的詞類除了名詞, 還有形容詞、數詞、代詞和形動詞 (Dubisz 2002:196)。格由詞彙本身的詞尾變化標記, 帶有詞尾變化的詞語可顯現它與其他句子成分的語法關係。例如句子 *Dawid kupił Janowi rower* (大衛給約翰買了腳踏車), *Dawid* (大衛) 是主格, 表示主語; *Janowi* (約翰) 是與格, 表示間接賓語; *rower* (腳踏車) 是賓格, 表示直接賓語。變換詞尾往往會導致句義改變, 例如句子 *Dawid kupił rower Jana* (大衛買了約翰的腳踏車) 傳達的訊息與前一句完全相異, 因為 *Jana* (約翰的) 為屬格, 代表腳踏車是約翰的物品。

雖然中文和波蘭文在語言形態上有莫大的差異，但這兩個語言都有一套語法手段來表達句子成分間的語義關係。因此，就語法功能的角度而言，中文的詞序、語法詞彙和波蘭文的格範疇是可以進行對比分析的。

中文詞組「用+工具名詞」與波蘭文的工具格同為表達工具功能的主要手段，然而，兩者並非存在一對一的對應關係，因為有些情況下波蘭文只能以工具格以外的語法手段呈現中文詞組「用+工具名詞」的語義功能。對此，透過跨語言的對比分析，可以探討哪些語義條件決定中文詞組「用+工具名詞」的波蘭文表達方式，並可幫助波蘭文學習者使用適當的語法結構來表達工具功能。

二、文獻探討

2.1 工具名詞

「工具名詞」來自 Fillmore (1968; 1969; 1971) 提出的語義角色理論，是研究語義結構的學者經常探討的一個主題。Fillmore 的工具名詞具有十分廣泛的意義，他在「論格」一書中將工具名詞視為「動作或狀態的起因，可以是具體事物或自然力量」，例如「他用鑰匙開門」、「風吹開了門」這兩句的「鑰匙」和「風」都是工具名詞 (Fillmore 1968:24, 27)。在其他著作中 Fillmore (1969:116, 1971:42) 則將工具名詞描繪成「導致某事件的直接原因或精神刺激」，例如「噪音使我懼怕」的「噪音」具有工具功能。

由於 Fillmore 對工具名詞的解釋過於廣泛，所以為了明確界定這個概念，許多學者認為應該考量工具角色和其他語義角色間的關係。Shroyer (1969:80)、Chafe (1970:152)、Huddleston (1970:504) 和 Givón (1984:143) 指出工具與施事（動作執行者）之間的關聯性，強調包含工具角色的語義結構（以下簡稱工具結構）也同時隱含施事。除了施事與工具的關係，Jackendoff (1990:142) 和 Palancar (2002:32) 也提到受事（承受動作的對象）與工具間存在一定的互動，並指出施事使用的工具會作用於受事並導致受事發生變化。因此，綜合上述學者的見解，工具角色在語義結構中與施事和受事有一定程度的互動。

提倡動詞中心論的 Chafe (1970) 也對工具名詞進行深入的分析。Chafe (1970:10, 97, 165) 認為動詞是句子語義結構的核心成分，

可以決定名詞的語義角色。他依照動詞的語義特徵將動詞區分成四類：

- a. 狀態動詞 (state verb)：說明性質和情況
- b. 動作動詞 (action verb)：說明身體和精神的活動
- c. 過程動詞 (process verb)：說明狀態的變化
- d. 動作過程動詞 (action-process verb)：說明身體和精神的活動以及狀態的變化

根據 Chafe(1970:164) 的理論，名詞的工具角色主要由動作過程動詞支配，儘管此類動詞並不一定需要工具名詞的伴隨。動作過程動詞必須帶有兩個語義角色，一個是施事，另一個則是受事。Chafe 的理論強調名詞的語義角色和動詞間具有密不可分的關係，他的分析顯示工具名詞存在與否取決於動作過程動詞，而帶有動作過程動詞的工具結構必然會出現施事和受事。

主張施事必然出現於工具結構的學者指出，表示自然力量的名詞不具有工具功能，因為自然力量無須透過外力就可進行動作。Chafe (1970:109) 賦予自然力量「施事」的語義角色，提出自然力量具備「能力」(potent) 特徵，讓它能獨自執行動作。不同於 Chafe，Huddleston (1970:503–504) 和 Nilsen (1973:53, 120) 將自然力量的語義角色界定為「力量」(force)，而 Alexiadou 和 Schäfer (2006:40) 以及 Jezek 和 Varvara (2015:51) 則賦予其「致使者」(causer) 的語義角色。值得一提的是，根據 Shroyer (1969:28) 的看法，當自然力量被某個事件發起者使用時，這類名詞就可具有工具功能。然而，這樣的情況在現實中並不存在。把自然力量當作工具運用的情節屬於超自然現象，一般只會出現在宗教典籍或神話故事。

Fillmore (1969:116, 1971:42) 將事件的直接原因或精神刺激視為工具名詞的看法也受到學界熱烈的討論。對於無須動作執行者就能自行運作且能改變客體狀態的事物，Chafe 認為此類事物和自然力量一樣都屬於施事，因為都具有「能力」特徵。根據 Chafe (1970:114) 的解釋，*The explosion awakened Michael* (爆炸驚醒了麥克) 此句中的 *explosion* (爆炸) 是動作的發起者，因此具有施事的語義功能。如同 Chafe 一樣，Alexiadou 和 Schäfer (2006:42, 46) 以及 Jezek 和 Varvara (2015:49) 也否定工具包括精神刺激或事件原因的解釋。然而這些學者表示精神刺激或事件原因的名詞可

視為「致使者」(causer)，因為精神刺激或事件原因能不依賴動作執行者而作用於客體，但它們並不像施事具有自由意志。

Fillmore 和 Chafe 等學者對於工具角色的討論引起了漢語語言學家的興趣。研究漢語工具名詞的學者強調工具名詞具有「不變性」和「具體性」兩項語義特徵(徐杰 1986b; 李臨定 1988:78–95; 魯川等 1994; 傅語賢 1994:179; 陳昌來 1998)。「不變性」指的是工具名詞代表的事物在動作完成後不會成為客體的一部份，而「具體性」則是指事物實際存在，並可觸摸到。若輔助動作的事物在實現動作後成為客體的一部份，那代表該事物的名詞具有「材料」的語義角色；若動作進行時使用的是方法、技術等抽象概念，那表示抽象概念的名詞具有「方式」的語義角色。

總結而論，Fillmore 提出的工具角色在經過東西方學者的討論後有了比較明確的定義。Chafe 分析工具名詞時運用的動詞中心論十分具有說服力，有助於判斷名詞是否具備工具角色。文獻中多次提及的工具、施事、受事間的關係以及工具名詞的語義特徵也值得作為研究工具名詞的方法。

2.2 工具名詞的表達方式

中文通常以「用」來標記名詞的工具功能(陳昌來 1998:23; 李臨定 1985:29; Tang Tingchi 1972:152; 徐杰 1986a:107; 徐默凡 2003:7; 朱景松 1992:346)¹。除了「用」以外，表達工具功能的還有動詞「拿」(周奎宜 2007:32; Law 1996:202; Lehmann 2005:57; Li 1971:31; 李臨定 1985:39; 徐杰 1986b:125; 朱景松 1992:351)和介詞「以」(李臨定 1985:29; 徐杰 1986b:125)，但這兩個詞彙在使用上有較多的限制。與「拿」搭配的工具名詞只能表示「握在手上的物品」，而介詞「以」構成的詞組常出現在書面語。

相較於中文，波蘭文一般以工具格作為表達工具名詞的語法手段，但 Krasnowolski (1909:82–83)、Klemensiewicz(1937:181)、Heinz(1965:86)、Grochowski(1975:46, 1973a:18, 1973b:324–25)、Buttler(1976:170)、Milewska (2003:150)、Anusiewicz (1978:160–61)

¹ 漢語學者對於詞組「用+工具名詞」中「用」的詞性看法不一。湯廷池(1977:78)、范繼淹(1984:247)、王書貴(1984:19)、李臨定(1985:25)、徐默凡(2003:7)和石毓智(2006:169)等認為該詞組與謂語動詞一同出現時，「用」應看成介詞。但 Teng (1975:40–41)、Li & Thompson (1981:367)等則認為無論「用」是否與其他動詞一同出現，「用」都屬於動詞。本文不細究「用」的詞類歸屬，並將「用」視為一種標記工具功能的詞彙手段。

和 Czerwińska (1997:38) 等學者認為工具名詞也會出現在介詞結構。根據 Krasnowolski (1909:82–83) 和 Klemensiewicz(1937:180–81) 的例子，表達工具功能的介詞結構可以由 *z*、*na*、*przez*、*w*、*o* 等介詞構成。特定的介詞結構取決於動詞的句法搭配，如動詞 *strzelać*（射）需要搭配介詞 *z* 及屬格名詞。除了工具格和介詞結構外，Grochowski (1973b:324–25) 指出動詞 *używać*（使用）也可標記名詞的工具功能，但該動詞意謂著施事執行動作時具有刻意性。

由於波蘭文有數種表達工具名詞的語法手段，因此以中文詞組「用 + 工具名詞」作為對比基礎時，波蘭文的對應形式可以是工具格、介詞結構或動詞詞組。這種一對多的對應情況以及波蘭文使用工具格或其他語法形式的語義條件將是本文分析的重點。

三、研究方法

本文採用單向對比分析，以中文為出發語，波蘭文為目標語，探究中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文裡可對應的語法形式。工具名詞的分析將在中文和波蘭文句子的語義結構上進行，藉由觀察施事、受事和工具在動作進行時相互作用的方式來歸納出這三個語義角色間不同類型的依存關係，並根據各種依存關係討論中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文的相應形式。希望此分析能讓波蘭文學習者了解工具名詞的表達方式取決於句子的語義結構，而且只有在特定的語義結構中才能使用工具格表達工具功能。

本分析採用 Chafe 的動詞中心論來蒐集帶有中文詞組「用 + 工具名詞」的句子。根據 Chafe 的理論，工具角色由動作過程動詞指派，而該類型動詞需要施事和受事兩個語義角色伴隨，因此除了工具名詞外，帶有「用 + 工具名詞」的句子必須要有作為謂語的動作過程動詞以及施事和受事名詞。施事、受事和工具名詞將以下列定義作為判別標準：

施事名詞：代表有能力運用某種物體進行動作的人或動物。

受事名詞：代表具體客體，受到動作執行者使用的器具作用後產生狀態的變化。

工具名詞：代表動作執行者使用的器具並作用於另一個具體客體。

本文採用的對比語料是單向翻譯對等語料，蒐集原文為中文，

譯文為波蘭文的句子。中文例句來自中央研究院漢語平衡語料庫 4.0 版，並選擇「生活」、「文學」兩個主題作為搜尋範圍。由於該語料庫無法以「語義功能」作為搜尋句子的條件，因此以「用」當作關鍵詞搜尋語句²。篩選句子的標準在於檢視語義結構中的施事、受事和工具三個語義角色是否符合上述的定義。合格的語句一共有 214 句，所有例句都由作者翻成波蘭文，再由具有中文翻譯執照的波蘭母語者校對檢查流暢度，最後收錄成為本文分析的語料。中文詞組「用 + 工具名詞」和波蘭文相對應的形式將以粗體表示；此外，部分例句以 (...) 表示省略的詞語。

語料分析的步驟如下：首先審視每個句子的語義結構，就施事對工具以及工具對受事的作用方式確定這三個語義角色間的依存關係。接著將各個句子劃分到特定類型的依存關係。最後討論在各類依存關係中詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文的表達方式。

四、語料分析

從帶有「用 + 工具名詞」的句子中可區分出三種依存關係。第一種依存關係在於工具受到施事完全的控制，且工具直接作用於受事。第二種依存關係是動作進行時工具受到施事支配，雖然工具沒有直接和受事接觸，但會以間接的方式作用於受事。第三種依存關係則是動作進行時工具不會受到施事的控制，但仍會使受事的狀態改變。

就上述三種依存關係和句子數量而論，214 句的語料中有高達 174 個句子屬於第一種依存關係。這 174 句中有 169 句的中文詞組「用 + 工具名詞」對應的是波蘭文的工具格名詞，其餘 5 句的「用 + 工具名詞」在波蘭文裡則以介詞詞組 (3 句) 或賓格名詞 (2 句) 的形式表達。隱含第二種依存關係的句子有 12 個，其中 11 句的「用 + 工具名詞」可對應於波蘭文的介詞詞組，只有 1 句是對應波蘭文動詞 *użyć* (使用) 構成的動詞詞組。至於第三種依存關係，語料中一共有 28 句，當中所有的中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文的對應形式皆為介詞詞組。

以下各節將分別討論上述施事、受事和工具間的三種依存關

² 搜尋時必須將「用」的詞類設定為介詞，如此語料庫才能出現帶有「用 + 名詞」的詞組以及謂語動詞的句子。

係以及中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文的表達形式。

4.1 第一種依存關係

第一種依存關係表示在動作執行的過程中工具受到施事完全的控制，且直接作用於受事。如前所述，語料中有 174 個句子隱含此種依存關係。多數句子 (169 句) 的中文詞組「用 + 工具名詞」可對應於波蘭文的工具格名詞。這個現象可藉由以下例句說明。工具「紙巾」*ręcznik* (1)、「鐵棒」*żelazny drąg* (2)、「橡皮筋」*gumka recepturka* (3) 在動作執行者的手中，完全受其控制。動作的結果讓工具直接接觸並作用於客體「手」*ręce* (1)、「石頭」*kamienie* (2)、「一家人」*członkowie rodziny* (3)。有些句子不一定會傳達受事狀態改變的訊息，例如從例句 (3) 只得知一家人被橡皮筋射，但不清楚受事「一家人」的狀態有何種變化。工具對受事造成的變化不一定可從句中得知，這類訊息在不影響句子完整性的情況下是可以省略的。

(1)

左手沖沖右手洗洗，再用紙巾擦乾淨 (...).

Umyć obie ręce i wytrzeć **ręcznikiem papierowym** (...).

(2)

當他們走到一條山路時，忽然飛來很多石頭。(…) 力太郎用鐵棒將石頭打碎。

Kiedy dotarli do górskiej drogi, nagle poleciało w ich stronę mnóstwo kamieni. (...) Rikitaro rozbił kamienie **żelaznym drągiem**.

(3)

一家人 (...) 被團團圍住，然後任隨頑皮的小孩用橡皮筋射 (...).

Członkowie rodziny (...) zostali otoczeni, a niesforne dzieci strzelały do nich **gumkami recepturkami** (...).

第一種依存關係中也可觀察到受事因為工具的作用改變了位置。此種因果關係可透過「接送」*podwozić i odbierać* (4)、「載」*zawozić* (5)、「送」*przywieźć* (6) 等描述運輸行為的動詞呈現。施事操控載運工具，藉其執行動作。另一方面，受事的位置則因

為載運工具的移動產生了變化。例句中承受位移變化的是「我」*ja* (4)、「他」*on* (5)、「我們」*my* (6)，而供施事使用並讓受事位置改變的工具是「摩托車」*skuter* (4)、「小貨車」*mała furgonetka* (5)、「飛機」*samolot* (6) 等載運工具。

(4)

我返鄉任教的四年，他疼惜我中午騎車往返辛苦，總是用**摩托車**接送我。

Przez cztery lata, odkąd wróciłam jako nauczycielka do rodzinnych stron, zawsze podwoził i odbierał mnie **skuterem**, żebym nie musiała w południe męczyć się na rowerze.

(5)

爸爸總是用**小貨車**載著他來回，幫他整理服裝道具 (...).

Tata zawsze zawozi go tam i z powrotem **małą furgonetką**, porządkuje mu kostiumy i rekwizyty (...).

(6)

封翎恍然道：「難怪軍方不肯用**飛機**送我們來。」

Feng Ling powiedział nagle: nic dziwnego, że wojsko nie chce przywieźć nas **samolotem**.

某些施事使用的工具在作用於受事的過程中會被消耗掉，如下三句的「肥皂」*mydło* (7)、「過濾水」*przefiltrowana woda* (8)、「熱開水」*zagotowana i gorąca woda* (9)。施事執行「洗」*myć* (7)、「澆涼」*schłodzić* (8)、「沖」*sparzyć* (9) 等動作時，作為受事的「手」*ręce* (7)、「四季豆」*fasolki* (8)、「杯身」*czarki* (9) 的狀態有了變化。

(7)

防堵腸病毒的最佳範例是預防勝於治療，所以建議孕婦進食前，務必用**肥皂**洗手。

Najlepsza recepta na ochronę przed enterowirusami to: zapobieganie jest lepsze niż leczenie. Dlatego radzimy kobietom w ciąży, aby przed jedzeniem koniecznie myły ręce **mydłem**.

(8)

將四季豆川燙後撈起，隨即用**過濾水**澆涼。

Po przegotowaniu w gorącej wodzie wyłowić zielone fasolki, po czym schłodzić je **przefiltrowaną wodą**.

(9)

在熱水器下，我**用熱開水**沖著杯身 (...)。

Pod boilerem sparzyłem czarki **zagotowaną, gorącą wodą** (...).

從一些例句中可以觀察到工具不只能對受事造成某種改變，也會在動作完成後附著在受事上，但卻不會成為受事的一部份。這類工具和受事間非典型的依存關係是由「紮」*wiązać*、「包」*owijać*、「蓋」*zakrywać*、「塞」*zapchać*、「黏」*kleić*、「噴灑」*spryskiwać*、「釘」*zabić*等動詞決定的。伴隨於上述動詞的工具名詞在波蘭文是以工具格呈現，這個語言現象可以藉由例句(10)、(11)、(12)說明。「橡皮筋」*gumka recepturka* (10)、「圍巾」*szalik* (11)、「白布」*biała tkanina* (12)等工具分別讓「紮頭髮」*wiązać włosy*、「包頭」*owijać głowę*和「蓋器皿」*zakrywać pojemnik*等動作得以完成，這些物品在動作結束後就留在「髮」*włosy* (10)、「頭」*głowa* (11)、「器皿」*pojemnik* (12)等客體的表面。

(10)

愛明留一頭及肩長髮，**用橡皮筋**紮起來。

Aiming ma długie, sięgające ramion włosy, wiąże je **gumką recepturką**.

(11)

他們**用圍巾**包住這顆頭 (...)。

Oni owinęli głowę **szalikiem** (...).

(12)

賣吃食的小攤上，小販**用白布**細心蓋住盛著食物的器皿，因為這裡的風沙太大 (...)。

Na stoisku z jedzeniem sprzedawca skrupulatnie zakrywa pojemniki z potrawami **białą tkaniną**, ponieważ silny wiatr niesie tu dużo piasku (...).

少數句子（語料中只有3句）的謂語動詞和工具名詞之間並無直接的語義關係，但構成特定動作的行為中包含了幾個涉及工具使用的動作，例如「吃」這個動作除了「吞食」外還由數個動作組成。雖然使用的工具實際上是參與另一個未被提及的動作，但卻存在於構成一連串動作的行為中。這類型的工具名詞在波蘭

文是以工具格的形式出現。以下句子可以說明這個語言現象。例句 (13) 的動作「吃」*jeść* 可理解成「吞食」，且這個動作並不涉及「刀叉」*nóż i widelec* 的使用，但這兩個餐具卻能輔助施事分別完成「切」和「固定」食物的動作。而例句 (14) 和 (15) 的動作「畫畫兒」*malować* 的實際工具是畫筆，但作為身體部位的「腳」*stopa* 讓動作執行者得以穩住畫筆。動詞與工具名詞的組合，如例句 (13) 的「用刀叉吃」*jeść nożem i widelcem* 以及例句 (14)、(15) 的「用腳畫畫兒」*malować stopą* 都屬於簡化的表達方式。儘管上述簡化的語言結構並未顯示動詞和工具名詞之間的直接關係，中文和波蘭文還是可以容許這樣的表達方式。

(13)

吳清友**用刀叉**吃明蝦的俐落優雅，恐怕連女士都要自嘆不如。
Wu Qingyou je krewetki **nożem i widelcem** tak elegancko, że chyba nawet panie mogą westchnąć z podziwu.

(14)

他雖然**是用腳**畫畫兒，但是畫得很好 (...).
On świetnie maluje, chociaż maluje **stopą** (...).

(15)

用腳畫畫兒的法國名畫家有一天參加一個宴會 (...).
Malujący **stopami** słynny francuski malarz pewnego dnia wziął udział w bankiecie (...).

包含第一種依存關係的句子中只有 5 句的中文詞組「用 + 工具名詞」無法以波蘭文的工具格名詞表達工具功能，而是以其他句法結構呈現，儘管這些中文句子的語義結構顯示工具受到施事控制並直接作用於受事。這個語言現象可藉由其中兩個句子說明。例句 (16) 中用來完成「咬」這個動作的工具是「牙齒」，目的在於固定住「棉線」。但「用牙齒咬」的動作在波蘭文句子裡是以動詞 *trzymać* (固定) 搭配介詞詞組 *w zębach* (在牙齒中) 表示，也就是 *trzymać w zębach* (固定在牙齒中)，因此中文句子裡作為工具的「牙齒」在波蘭文的語義結構中成了動作進行的地方。

至於例句 (17) 的「手帕」是用來包覆「傷口」，故在執行「按」的動作時可視為工具。然而「用手帕按住傷口」的行為在波蘭文裡是以動詞 *przyłożyć* (使 ... 貼近) 表達，也就是 *przyłożyć*

chusteczkę na ranę (將手帕貼近傷口)。波蘭文句子裡的 *chustka* (手帕) 在句法上是動詞的直接賓語，語義上具有受事的角色，因為該物體在動作的過程中改變了位置，而 *rana* (傷口) 則是動作指向的目標。

(16)

挽面師傅靠著一條細棉線和少許白香粉，一手纏繞棉線，另一端用牙齒咬著 (...)。

Mistrzowie dawnej sztuki depilacji używali bawełnianej nitki i niewielkiej ilości pudru. Na jedną dłoń nawijają nitkę, drugi koniec **trzymają w zębach** (...).

(17)

警察趕緊用手帕按住傷口 (...)。

Policjant natychmiast przyłożył do rany **chustkę** (...).

4.2 第二種依存關係

第二種依存關係在於工具受到施事的控制，雖然動作進行時中工具無法直接接觸受事，但會以間接的方式作用於受事。在這樣的情況下，波蘭文的工具名詞無法以工具格的形式出現。語料中含有第二種依存關係的句子一共有 12 句，名詞的工具功能在波蘭文裡主要以介詞詞組「*z* + 屬格名詞」、「*przez* + 賓格名詞」或「*na* + 方位格名詞」表達 (11 句)，或以動詞詞組「*użyć* (使用) + 名詞」呈現 (1 句)。

例句 (18) 中施事用以執行「射擊」動作的工具為「自動手槍」。對波蘭文的動詞 *wystrzelić* (開槍；發射) 而言，工具名詞 *automatyczny pistolet* (自動手槍) 必須與介詞 *z* 一同出現，也就是 *wystrzelić z pistoletu automatycznego* (本意為「從自動手槍發射」)，這個結構表明進行射擊動作時子彈的發射位置是自動手槍。由於射擊過程中工具與受事並無接觸，因此波蘭文的工具名詞不能以工具格的形式出現。與波蘭文的工具格相比，不論語義結構中的工具和受事是否直接接觸，中文的工具功能還是會以詞組「用 + 工具名詞」表示。

(18)

他 (...) 終而幻想：自己用自動手槍，向摩理斯開了六槍，當場斃了這個老傢伙！

Koniec końców (...) zaczął fantazjować, że sześciokrotnie wystrzeli do Morisa z **automatycznego pistoletu** i zastrzeli tego gagatka na miejscu.

如同前一個例子，句子 (19) 的工具「放大鏡」*lupa* 在動作進行時不會碰觸到受事。動詞「看」*czytać* 是形容以眼睛閱讀的動作，然而「放大鏡」*lupa* 在整個視覺動作中只是額外的輔助工具，與受事「陳獨秀傳」*biografia Chen Duxiu* 並無實際接觸。在這個情況下，波蘭文的工具名詞無法以工具格的形式出現，因此若以動詞搭配工具格名詞 *przeczytać lupą 來表示「用放大鏡看」的動作，那麼工具格名詞 *lupą* 將是錯誤的形式。

(19)

他一定要用**放大鏡**看一遍《陳獨秀傳》，不看完死了也不閉眼睛。

Na pewno przeczyta biografię Chen Duxiu **przez lupę**, nie zmruży oka, dopóki nie skończy książki.

例句 (20) 的動詞「挑」含有「使用肩膀擔起東西」的意義，所以通常名詞「肩膀」不會與動詞一同出現。句中伴隨此動詞的工具名詞是「扁擔」，這個工具讓施事能輕易將受事「隨身物品」扛在肩上。無論是對中文的動作「挑」而言，或是對波蘭文的動作 *nosić* (提) 來說，「扁擔」都是間接工具，並無直接作用於受事。因此，波蘭文的名詞 *nosidla* (扁擔) 無法以工具格表達工具功能，與動詞 *nosić* (提) 一同出現時，該名詞只能與介詞 *na* 連用，也就是 *nosić na nosidlach* (在扁擔上提)，但在波蘭文的語境中 *nosidla* (扁擔) 成了物品懸掛的地方。

(20)

他請參加者換上草鞋，用**扁擔**挑著自己的隨身物品，走一圈魚路古道 (...).

On poprosił wszystkich uczestników o założenie słomianych sandałów, noszenie wszystkich swoich rzeczy **na nosidlach** i przejsście jednego okrążenia starą drogą Yulu (...).

如果語義結構中的工具與受事沒有接觸，那麼波蘭文除了以介詞詞組表達工具功能外，也會以動詞詞組「*użyć* (使用) + 屬格

名詞」表達，如例句 (21) 的動詞詞組 *użyć podpórki bilardowej* (使用架桿器)³。在這個句子裡，打者在薄球時使用的架桿器並無碰撞到球，而架桿器只是讓選手易於擊打母球⁴。比賽時真正與球接觸的工具是球桿。

(21)

決賽中第二局濱西進攻時 (...), 她**用架桿器**薄球, 結果被裁判判犯規。

W drugiej rundzie finału podczas ataku (...) Binxi **użyła podpórki bilardowej** do ścięcia i w rezultacie sędzia uznał to za faul.

4.3 第三種依存關係

第三種依存關係顯示施事使用的工具可獨立作用於受事，因此當動作進行時，工具不太需要施事的介入。語料中有 28 個句子隱含此類型的依存關係，所有的中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文裡的對應形式皆為介詞詞組，包括「介詞 *w*+ 賓格名詞」、「介詞 *w*+ 方位格名詞」以及「介詞 *na*+ 方位格名詞」。

例句 (22) 的「網子」*siatka* 和例句 (23) 的「雞籠」*klatka na kury* 是動作的工具，分別用來捕捉「鴿子」*gołąb* 和「鯉魚」*karp*。例句 (22) 的情境是獵人撐開了網子，並放置某處（例如放在樹上），然後等待鴿子飛入網中。例句 (23) 也有類似的手段，捕魚的人在田裡放了籠子當作陷阱吸引魚群游入。此處，動作執行者是以消極的方式使用捕捉動物的器具（如固定於某處的陷阱），在這種情況下，波蘭文的動詞 *schwytać* (捕) 和 *złapać* (捉) 需要「介詞 *w* + 賓格名詞」的結構來表達工具名詞，就如例句 (22) 的 *schwytać w siatkę* (用網子捕) 和例句 (23) 的 *złapać w klatkę na kury* (用雞籠捕)。然而，當動作執行者手持網子追捕鴿子時，工具名詞「網子」*siatka* 在波蘭文裡就會以工具格的形式出現，也就是 *złapać siatką* (用網子捕)。雖然中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文的對應形式可以是工具格名詞或例句 (22)、(23) 中的介詞詞組，但「用 + 工具名詞」無法在工具的使用方式上表明細微的差異。相較於波蘭文的工具格名詞和上述的介詞詞組，帶有「用 + 工具名詞」的語義結構中並無積極使用和消極使用工具

³ 例句 (21) 的 *użyć* (使用) 是謂語動詞，而介詞詞組 *do ścięcia* (薄球) 補充說明動作的目的。

⁴ 薄球是撞球運動中使用的擊球技巧。架桿器是打者用來支撐球桿以便出桿打擊距離較遠的母球之器材。

的區別。

(22)

根據估算，一個獵人**用網子**一天就可以網住 5000 隻旅鴿。

Według wyliczeń, jeden myśliwy w ciągu dnia mógł schwytać w **siatkę** 5000 gołębi wędrownych.

(23)

沈從文**用雞籠**在水田裡捕到肥鯉魚 (...).

Shen Congwen w polu ryżowym złapał w **klatkę na kury** tłustego karpia (...).

有一部份的工具名詞表示烹調用具。這類型的工具，如同上述的「網子」和「雞籠」，通常不需要施事積極的使用就能引起受事的變化。這些工具在烹飪食物時能獨立運作，因此根據徐默凡 (2003:50–51) 的分類可以劃分為非典型工具。屬於烹調用具的包括例句 (24) 的微波爐 *mikrofalówka*、例句 (25) 的電鍋 *garnek elektryczny* 以及例句 (26) 的果汁機 *sokowirówka* 等廚房家電用品。這些名詞的工具功能在波蘭文裡都是以「介詞 *w* + 方位格名詞」的結構表達，也就是 *w mikrofalówce* (24)、*w garnku elektrycznym* (25)、*w sokowirówce* (26)。

(24)

用微波爐炒青菜，可保顏色青綠 (...).

Smażąc warzywa w **mikrofalówce**, zachowujemy ich zielony kolor (...).

(25)

先將不易煮熟的糙米、小麥、薏仁、黃豆、毛豆洗淨，**用電鍋**蒸 20-30 分鐘。

Najpierw umyć składniki wymagające dłuższego gotowania, czyli brązowy ryż, pszenicę, łzawnicę, soję zwyczajną i soję zieloną, następnie gotować na parze w **garnku elektrycznym** przez 20–30 minut.

(26)

父親常起一大早，把前一天泡好的黃豆**用果汁機**榨碎。

Ojciec często wstawał wcześniej rano i miksował w **sokowirówce** namoczone dzień wcześniej nasiona soi.

前段提到的家電用品都沒有受到施事直接的控制，執行烹調的動作時只要將食物放進電器並打開開關。這樣的工具名詞在波蘭文裡總是以「介詞 *w* + 方位格名詞」的結構表達，對廚具來說也是如此，如例句 (27) 的 *garnek* (鍋子) 和例句 (28) 的 *dzbanek* (茶壺)。

(27)

麵條先用另一鍋子煮熟備用 (...).

Makaron najpierw ugotować **w oddzielnym garnku** i odstawić (...).

(28)

用小茶壺泡茶，茶味特別甘醇芳香。

Herbata parzona **w małym dzbanku** jest szczególnie smaczna i aromatyczna.

值得一提的是，就廚房家電用品之類的工具名詞而言，波蘭文會因為家電使用方式的差異而使用不同的表達方式。如果使用直立式的攪拌機執行攪拌的動作，那波蘭文會採用「介詞 *w* + 方位格名詞」的結構，如 *miksować w mikserze* (用攪拌機攪拌)。但假如是用手持式攪拌機攪拌，波蘭文會選擇工具格的形式，也就是 *miksować mikserem* (用攪拌機攪拌)。

除了上述的介詞結構，波蘭文還會使用由介詞 *na* 搭配方位格名詞的結構。例句 (29) 的「裁縫車」*maszyna do szycia* 是固定式的機具，使用時不太需要動作執行者的支配就能獨立運作。由於縫製過程中衣服是放在桌台上，因此在波蘭文裡是以介詞 *na* 和方位格名詞 *maszynie do szycia* (裁縫車) 構成的詞組來表示工具功能。

(29)

從小到大，媽媽用這部裁縫車替我們縫衣服 (...).

Przez całe dzieciństwo mama szyła nam ubrania **na maszynie do szycia**.

4.4 小結

帶有中文詞組「用 + 工具名詞」的句子語義結構包含施事、受事和工具三個語義角色，且這些語義角色之間因為個別動詞的

語義特徵不同而有三種依存關係。第一種依存關係在於工具需要施事積極參與動作，且工具直接作用於受事（如「用鐵棒打碎」*rozbić żelaznym drągiem*）。第二種依存關係顯示動作進行時工具受到施事控制，但由於工具無法實際接觸受事，所以只能間接作用於受事（如「用槍射」*strzelać z pistoletu*）。第三種依存關係在於動作進行時雖然工具不受施事的控制，但仍會改變受事的狀態（如「用網子抓」*łapać w siatkę*）。

從隱含第一種依存關係的句子中可以觀察到中文詞組「用 + 工具名詞」與波蘭文的工具格在功能上相互重疊。174 個例句中有高達 169 句的中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文裡規律的以工具格名詞表達。這個規則在極少數的句子中出現了例外，因為有 5 個句子的中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文裡是以介詞詞組或賓格名詞的形式出現的。這 5 句的中文動詞和波蘭文動詞在意義上有所不同，中文句子的動詞含有使用工具的語義，而相對應的波蘭文動詞則欠缺該語義。

在含有第二和第三種依存關係的句子中，詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文的對應形式皆為工具格以外的語法形式。包含這兩種依存關係的句子一共有 40 句，其中高達 39 句的中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文都以介詞結構表示：「介詞 *z* + 屬格名詞」（如「用槍射」*strzelać z pistoletu*）、「介詞 *w* + 賓格名詞」（如「用網子抓」*łapać w siatkę*）、「介詞 *w* + 方位格名詞」（如「用鍋子煮」*gotować w garnku*）或「介詞 *na* + 方位格名詞」（如「用裁縫車縫」*szyc na maszynie do szycia*）。介詞結構的選擇取決於特定動詞的語義特徵和句法搭配。只有 1 個句子的中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文裡無法以介詞詞組表示，只能以動詞詞組「*użyć*（使用）+ 屬格名詞」表達工具功能。

上述的語料分析顯示中文詞組「用 + 工具名詞」的語義功能在波蘭文裡有不同的語法手段來標記，如工具格、介詞詞組和動詞詞組。這些表達工具功能的方式無法在波蘭文裡隨意使用。選用特定的語法形式與句子的語義結構、動詞的句法特徵有密切的關聯。

五、結語

本文以句子的語義結構為基礎討論中文詞組「用 + 工具名詞」在波蘭文裡相應的形式。語料來自中央研究院漢語平衡語料庫 4.0 版，從中一共蒐集到 214 個帶有「用 + 工具名詞」的例句，並翻譯成波蘭文進行分析。

研究結果表明動作過程動詞是工具結構的核心。該類型動詞的語義特徵決定施事、受事和工具三個語義角色的依存關係，並影響工具名詞在波蘭文裡的表達方式。只有當動詞表示的動作允許施事完全支配工具，而且讓工具可以直接作用於受事時，工具名詞才能在波蘭文的語句中以工具格的形式出現，反之工具名詞只能以其他非工具格的語法手段表示。因此，使用波蘭文表達工具功能時，理解動詞構成的語義結構是生成正確語句的關鍵因素。

本分析屬於單向對比，探討中文詞組「用 + 工具名詞」的工具功能在波蘭文以哪些語法形式體現。未來可以進行中、波兩語的雙向對比研究，以工具功能為對比基礎，全面且深入的探討該語義功能在這兩個語言中的表達方式。

參考文獻

- 王書貴。〈工具主語句〉，《語言學論叢（第十三輯）》。1984。頁 15–24。
- 石毓智。《語法化的動因與機制》。北京：北京大學出版社，2006。
- 朱景松。〈與工具成分有關的幾種句法格式—兼談加工製作義動詞“價”的分析〉，《安徽師範大學學報：人文社會科學版》。1992，第 3 期，頁 346–56。
- 李臨定（1985）〈工具格和目的格〉，《語法研究和探索（三）》。北京：北京大學出版社，1985。頁 24–43。
- 李臨定。《漢語比較變換語法》。北京：北京中國社會科學出版社，1988。
- 周奎宜。《漢語連動句研究》，碩士論文，政治大學語言學研究所。2007。
- 林金錫、舒兆民。《漢語語言學講義》。台北：新學林出版社，2008。
- 范繼淹。〈多項 NP 句〉，《中國語文》。1984，第 1 期，頁 239–251。
- 徐杰。〈“工具”範疇和容納“工具”範疇的句法結構（續）〉，《華中師範大學學報：哲學社會科學版》，1986b，第 6 期，頁 125–36。
- 徐杰。〈“工具”範疇和容納“工具”範疇的句法結構〉，《華中師範大學學報：哲學社會科學版》。1986a，第 5 期，頁 105–15。
- 徐默凡。《現代漢語工具範疇的認知研究》，博士論文，華東師範大學。2003。
- 陳昌來。〈漢語語義結構中工具成分的性質〉，《世界漢語教學》。1998，第 2 期。頁 22–26。
- 傅雨賢。《漢語語法學》。廣東：廣東高等教育出版社，1994。
- 湯廷池。《國語變形語法研究》。台北：臺灣學生書局，1977。
- 魯川、林杏、王玲玲。《動詞大詞典：人機通用》。北京：中國物資出版社，1994。

- Alexiadou, A. & Schäfer, F. 2006. Instrument Subjects Are Agents or Causers. In D. Baumer, D. Montero & M. Scanlon (Eds.), *Proceedings of the 25th West Coast conference on formal linguistics: WCCFL 25*. Somerville: Cascadilla Press, 2006. Pp. 40–48.
- Chafe, L. *Meaning and the Structure of Language*. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Fillmore, J. The Case for Case. In E. Bach & R. T. Harms (Eds.), *Universals in Linguistic Theory*. Washington: Georgetown University Press, 1968. Pp. 1–88.
- Fillmore, J. Types of Lexical Information. In F. Kiefer (Ed.), *Types of Lexical Information*. Dordrecht: D. Reidel, 1969. Pp. 109–37.
- Fillmore, J. Some Problems for Case Grammar. In R. J. O’Brien (Ed.), *Linguistics: developments of the sixties - viewpoints for the seventies: report of the twenty-second annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Studies*. Washington: Georgetown University Press, 1971. Pp. 35–56
- Givón, T. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co, 1984.
- Huddleston, R. 1970. Some Remarks on Case-Grammar. *Linguistic Inquiry* 1(4). 1970. Pp. 501–511.
- Jackendoff, S. *Semantic Structures*. Cambridge; London: The MIT Press, 1990.
- Jezeq, E. & Rossella, V. Instrument Subjects without Instrument Role. *Proceedings of the 11th Joint ACL-ISO Workshop on Interoperable Semantic Annotation (ISA-11)*. Association for Computational Linguistics. 2015. Pp. 46–54.
- Law, P. A Note on the Serial Verb Construction in Chinese. *Cahiers de Linguistique - Asie Orientale* 25(2). 1996. Pp. 199–233. doi: 10.3406/clao.1996.1450.
- Lehmann, C. *Typological Studies in Participation*. Berlin: Akademie Verlag, 2005.
- Li, Charles N. & Thompson, Sandra A. *Mandarin Chinese a Functional Reference Grammar*. Berkeley, Calif: University of California, 1981.
- Li, Ying-che. *An Investigation of Case in Chinese Grammar*. South Orange, N.J.: Seton Hall University Press, 1971.
- Nilsen, L. *The Instrumental Case in English; Syntactic and Semantic Considerations*. The Hague: Mouton, 1973.
- Palancar, L. *The Origin of Agent Markers*. Berlin: Akad.-Verl, 2002.

- Shroyer, T. G. *An Investigation of the Semantics of English Sentences as a Proposed Basis for Language Curriculum Materials*. The Ohio State University, 1969.
- Tang Tingchi. *Case Grammar in Mandarin Chinese*. In edited by C. T. Tang, Z. Dong & A. Y. T. Wu (Eds.), *Papers in linguistics in honor of A.A. Hill*. Taipei: Rainbow Bridge Book, 1972. Pp. 147–78.
- Teng, Shou-hsin. *A Semantic Study of Transitivity Relations in Chinese*. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Anusiewicz, Janusz. *Konstrukcje analityczne we współczesnym języku polskim*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
- Buttler, Danuta. *Innowacje składniowe współczesnej polszczyzny: (walencja wyrazów)*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1976.
- Czerwińska, Izabela. O łączliwości i znaczeniu przyimka ‘za pośrednictwem’. *Poradnik Językowy*. 1997. S. 34–42.
- Dubisz, Stanisław, ed. *Nauka o języku dla polonistów*. Warszawa: Książka i Wiedza, 2002.
- Grochowski, Maciej. *Środek czynności w strukturze zdania: narzędzie, substancja, material*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975.
- Grochowski, Maciej. Semantyczne pojęcie narzędzia – próba interpretacji. *Język Polski LIII* (1), 1973a. S. 16–22.
- Grochowski, Maciej. Tekstowa realizacja semantycznego pojęcia narzędzia. *Język Polski LIII* (5). 1973b. S. 324–330.
- Grzegorzczkova, Renata. *Wstęp do językoznawstwa*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
- Heinz, Adam. *System przypadkowy języka polskiego*. Kraków, 1965.
- Klemensiewicz, Zenon. *Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej*. Kraków: Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1937.
- Krasnowolski, Antoni. *Systematyczna składnia języka polskiego*. Wydaw. M. Arcta Warszawa, 1909.
- Milewska, Beata. *Przyimki wtórne we współczesnej polszczyźnie*. Gdańsk: Wydawn. Uniwersytetu Gdańskiego, 2003.
- Zajdler, Ewa. *Gramatyka współczesnego języka chińskiego: składnia i semantyka*. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Dialog, 2005.

Литературоведение

ЭКФРАСИС КАК ОСТРАНЕНИЕ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ИСКУССТВОМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

Автухович Т. Е.

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь

Аннотация:

На материале экфрастических включений в произведениях В. Набокова «Венецианка», А. Королева «Быть Босхом» и Э. Лимонова «Мои живописцы» прослеживается изменение эстетических принципов на протяжении XX-XXI вв. Показывается, что метафора «вхождения в картину», иронически переосмысленная в рассказе В. Набокова, находит выражение в начале XXI в. в виде отказа от традиционного представления об искусстве как второй реальности и сдвиге к «новому реализму» как не опосредованному культурной традицией осмыслению действительности. Экфрасис выступает как форма остранения эстетических изменений.

Ключевые слова:

экфрасис, остранение, граница, «вхождение в картину», эстетические изменения

EKPHRASIS AS THE REMOVAL OF THE BORDER BETWEEN ART AND REALITY

Avtukhovich T. Je.

Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus

Abstract:

Based on the material of ekphrastic inclusions in the works of V. Nabokov “The Venetian”, A. Korolev “To Be Bosch” and E. Limonov “My Painters”, the change of aesthetic principles during the XX-XXI centuries is traced. It is shown that the metaphor of “entering the picture”, ironically reinterpreted in V. Nabokov’s story, finds expression at the beginning of the XXI century in the form of a rejection of the traditional idea of art as a second reality and a shift to “new realism” as an understanding of reality not mediated by cultural tradition. Ekphrasis acts as a form of elimination of aesthetic changes.

Keywords:

ekphrasis, estrangement, border, “entering the picture”, aesthetic changes

Известно, что условный мир произведения создает иллюзию реальности. Однако в переходные эпохи граница между фикциональным миром и миром действительности переосмысливается, что связано с формированием новой эстетики.

Одной из ведущих тенденций в литературе и искусстве XX в. является кризис вымысла и сближение с действительностью, что выразилось в нарастании документального начала во всех жанрах. Эта тенденция отразилась в типологии экфрасических включений в тексты произведений. Экфрасис как разновидность «текста в тексте» позволяет «дискредитировать (или наоборот – постулировать) те или иные “языки”, т. е. системы моделирования мира»¹. Это означает, что экфрасис выполняет функцию остранения, заставляя читателя обратить внимание на «сделанность» произведения, задуматься над странностью сюжетно-композиционной конструкции, сопоставить явленные в тексте различные семиотические языки. Целью такого герменевтического затруднения является не только «выведение читателя из автоматизма восприятия», но и «удивление миру», его «обостренное восприятие, внимательное проникновение в жизнь»². Г. Тульчинский пишет, что в поздних работах В. Шкловского «остраннение предстает <...> универсальной концептуальной операцией творческого сознания, лиминальности»³, где лиминальность – переходное состояние между двумя стадиями развития, когда изменяется система ценностей и структурирование смыслового хаоса в космос происходит на новых основаниях. Экфрасис, таким образом, выступает маркером эстетических изменений в системе оппозиций реальный – фиктивный, подлинный – искусственный.

К. Гинзбург, характеризуя две традиции бытования остранения в истории литературы, указывает на разные цели и результаты использования приема: «В обоих случаях (речь идет о традициях Лабрюйера и Л. Толстого с одной стороны и г-жи де Севинье и М. Пруста с другой. – Т.А.) перед нами попытка изобразить вещи как увиденные впервые. Но две эти попытки ведут к весьма различным результатам: в первом случае – к моральной и социальной критике,

¹ Фарино Е. *Введение в литературоведение*. СПб.: издательство РПГУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 379.

² Шкловский В. Б. *Тетива. О несходстве сходного*. М.: Советский писатель, 1970. С. 230–231.

³ Тульчинский Г.Л. Остраннение // *Проективный философский словарь: Новые термины и понятия*. СПб.: Алетей, 2003. С. 286.

во втором – к импрессионистической непосредственности»⁴; «импрессионистическую непосредственность» Пруста Гинзбург рассматривает как «новые художественные эксперименты», которые «призваны обеспечивать противовес предзаданным формулам изображения действительности»⁵ и тем самым вскрывают «эпистемологические следствия» разных способов познания действительности. Это значит, что в литературе XX в. автор, прибегая к экфрасису как способу остранения привычного, в большей степени озадачивается вопросом, правильно ли мы понимаем мир, в какой степени наше восприятие искусства как вечного образца и идеала соответствует постоянно изменяющемуся миру.

Выступая способом остранения исчерпавшей себя традиции, экфрасис в тексте не только апеллирует к культурному шлейфу, стоящему за описываемым произведением искусства, но и актуализирует реминисцентное «эхо», восстанавливая бесконечный диалог о ценностях. В экфрасисе, таким образом, проявляется самопознающая и авторефлексивная природа искусства, где, по словам Н.Т. Рымаря, любое изображение (и визуальное, и вербальное) в силу своей направленности на обозначение в «чувственной поверхности вещи» «сущностной природы изображаемого объекта» всегда обременено преднайденными культурными смыслами⁶. Однако «отношение к смыслу всегда диалогично. Само понимание уже диалогично»⁷, пространство культуры и человеческое сознание постоянно пребывают в состоянии изменения, а экфрасис как «текст в тексте» оказывается отражением «движущейся эстетики», в центре которой стоит вопрос об отношении искусства и действительности. Именно эта проблема стала ключевой в XX в.

Пересмотр эстетических представлений начался в конце XIX в. и в 10-20-е годы XX в. приобрел характер дискуссии. Как показала Е.В. Антошина, в основе экспериментов в литературе и искусстве этого периода лежало переосмысление платоновской традиции и восходящей к ней апологии категории вымысла и

---

⁴ Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // *Новое литературное обозрение*. 2006. № 80. С. 25.

⁵ Гинзбург К. Там же. С. 27.

⁶ Рымарь Н.Т. Незримое в зримом. Изоляция и смыслопорождение в эстетическом событии // *Миргород*. 2018. № 2 (12). С. 102.

⁷ Бахтин М.М. *1961 год. Заметки* // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 5. М.: Русские словари, 1997. С. 332.

воображения в эстетике романтизма и неоромантизма/символизма, которой противостояли поиски объективного мира; по мнению исследователя, эта дискуссия определила своеобразие сюжета рассказа В. Набокова «Венецианка»⁸. Особый интерес в контексте нашей статьи представляет экфрасис картины «Венецианка», которая якобы принадлежит кисти итальянского художника XVI в. дель Пьомбо, но на самом деле представляет собой подражание/стилизацию его же картины «Молодая Римлянка» – эту подделку сделал талантливый художник Франк, изобразив на ней свою любовницу Морийн и продав через старого реставратора Магора, мужа Морийн, своему отцу-коллекционеру как подлинную картину дель Пьомбо. Описания картины, созданной героем, соотносятся с двумя зеркалами: в сознании читателя и автора – с реальной картиной дель Пьомбо, когда читатель должен обратить внимание на то, что на подделке появляется отсутствующий в оригинале микросюжет – тропинка за окном, ведущая в горы (отмечено Никё⁹), а автор осуществляет эстетическое самоопределение; в сознании персонажей – с «реальностью» вымышленного мира. Так намечается сопоставление двух реальностей – реальности действительного мира в его историческом прошлом XVI в., когда дель Пьомбо написал свою картину, и реальности фикциональной в современном мире, когда Франк создает картину-подделку; роль «контрагента», связующего звена, в этом взаимодействии играют картина дель Пьомбо и ее имитация, полотно Франка, а механизмом осмысления проблемы, репрезентирующим многостороннюю эстетическую дискуссию в рассказе, выступает поэтика взгляда, видения мира и восприятия искусства.

Пересечение точек зрения персонажей на искусство и действительность выявляет кризисное состояние культуры, когда произведения искусства становятся предметом престижного коллекционирования (полковник), объектом «анахронического» восхищения как форма ухода от действительности (Симпсон, Магор), отрицания в пользу «живой жизни» (Франк). За этим диапазоном взглядов стоит набоковское осознание кризиса искусства как способа познания абсолютного Непознаваемого.

Наибольший интерес как показатель смены эстетических ориентиров представляет ситуация вхождения в картину: Симпсон,

⁸ Антошина Е.В. Рассказ В.В. Набокова «Венецианка»: происхождение сюжета // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 452.

⁹ Никё М. «Венецианка» Набокова, или Чары искусства // *Звезда*. 2000. № 10. С. 203.

экзальтированный и недовольный повседневной рутинной жизнью юноша, силой воображения проникает в картину «Венецианка», надеясь таким образом вступить в контакт с идеальным воплощением Морийн. Этому событию не дается однозначное истолкование, в результате читатель остается в недоумении, привиделось ли оно герою во сне (психоаналитическая мотивировка), имело ли место реальное исчезновение границы между действительностью и картиной (мистическая трактовка) или Франк изобразил друга в карикатурном виде на своей картине из чувства мести (реалистическая интерпретация).

Ситуация заслуживает комментариев.

Во-первых, в литературе романтизма был популярен сюжет оживающего портрета или мистического проникновения изображенного на картине лица в реальный (фикциональный) мир. Однако в 1920-е годы, почти одновременно, в разных странах появляются произведения Э. Блэквуда, А. Чаянова, В. Набокова, в которых обыгрывается противоположная ситуация – вхождения в картину¹⁰; инверсия сюжета является показателем переосмысления границы между искусством и действительностью: если для романтизма, генетически связанного с идеями Платона, было важно показать взаимопроницаемость реального мира действительности и мира, созданного воображением художника (это представление в свою очередь восходит к архаическим магическим практикам), а значит, утвердить онтологический статус воображаемого мира, то для XX в., и это явлено уже в рассказе Набокова, характерна ироническая игра с традицией, разрушение претензий искусства на создание идеального мира как подлинного. Поэтому сюжет вхождения в картину потенциально чреват развенчанием платоновской концепции мимесиса как отражения мира идеальных сущностей, а значит, проблематизацией скрытой за полотном реальной жизни.

Во-вторых, уже в рассказе Набокова присутствует мотив, который получит развитие в литературе и культуре XXI вв. В обширном ряду интертекстуальных отсылок¹¹, иронически развенчивающих литературную традицию, есть упоминание о детали биографии дель Пьомбо, который был неравнодушен к возлюбленной Рафаэля Маргерите Лути, прозванной Форнарина.

---

¹⁰ См. об этом в статьях М. Никё, Е. В. Антошиной.

¹¹ См.: Автухович Т.Е. «Венецианка» В. Набокова: литературные и эстетические контексты // *Мир в слове. Слово в мире*: Вып 4. Гродно: ЮрСаПринт, 2023.

Уйдя в монастырь, дель Пьомбо распутничал, «со вкусом бражничал и писал посредственные сонеты», – сообщает Симпсону полковник¹². Так творчество Рафаэля, который воплотил не отличавшуюся благочестивым поведением Маргериту как идеал чистой красоты в «Сикстинской мадонне», и творчество дель Пьомбо, воссоздавшего ее образ на картине «Форнарина», которая очевидно перекликается с его же «Молодой Римляжкой», в контексте эстетической проблематики рассказа выступают как пример идеализации действительности в духе Платона. Биографический контекст иронически подсвечивает ситуацию вхождения Симпсона в картину, поскольку изображенный на ней идеальный мир далек от реальности, в которой жил и творил художник; авторской иронией объясняется и появление в картине «синих силуэтов в капюшонах, с фонариками»¹³, увиденных героем в ожившей реальности полотна дель Пьомбо: проникновение живого человека в застывший на полотне воображаемый мир одновременно оживляет пространство картины и «умерщвляет» героя – игра метафорами подчеркивает нетождественность сотворенного художником и реального мира. Разное восприятие «Венецианки» героями рассказа, а также иронически обыгранная ситуация вхождения Симпсона в картину остраивает и литературную традицию, и изменившуюся действительность, и закрепленную в традиционной эстетике модель визионерского видения мира.

Принципы иронического остраивания границы между искусством и действительностью, явленные в рассказе «Венецианка», получили развитие в литературе XXI в. В романе А. Королева «Быть Босхом» (2004) экфрасис картин Босха, прежде всего его картины «Корабль дураков», выполняет функцию зеркала, с одной стороны, иронически остраивающего абсурдную советскую действительность 70-х гг. прошлого века, о которой вспоминает автор, с другой стороны, открывающего возможность через истолкование символической образности картины проникнуть в историческую реальность. Так в романном повествовании взаимоотражаются недавнее автобиографическое прошлое автора и фикциональный мир его «романа-химеры» о Босхе; реальный Бишкиль и извлекаемый авторским воображением, словно Помпей

¹² Набоков В. Венецианка // *Звезда*. 1996. № 11. С. 29.

¹³ Набоков В. Там же. С. 39.

из-под лавы времени, Хертогенбос; молодой лейтенант, филолог-интеллектуал, и бесстрашный исследователь ада Босх, который, в отличие от своих современников Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеланджело, не создавал возвышенную грезу о человеке, а обнажал скрытую в нем демоническую сущность; оба, и молодой лейтенант, и загадочный художник, о жизни которого остались лишь отрывочные сведения, открывают иной мир, скрытый за официальным мифом.

Параллелизм / зеркальность конструкции романа акцентирует историческую концепцию писателя, согласно которой история – порочный круг зла, воспроизводящий и в то же время увеличивающий количество человеческих грехов; во все времена, подчеркивает Королев, искусство создавало идеализированный образ мира, и в этом отношении запрет на изображение нечисти, побуждавший современников считать Босха служителем дьявола, соотносится с преследованием инакомыслящих в СССР; слова о Босхе («<...> сдирание кожи с видимости становится главной страстью Иеронима: видеть истину – значит свежевать человека»¹⁴) характеризуют и героя, и автора романа, для которого проникновение в «босхианский ад» становится способом эстетической авторефлексии.

А. Королев, несомненно, читал рассказ Набокова, опубликованный в 1996 г.: упоминание об исчезнувшем жителе Хертогенбоса, которого домочадцы обнаруживают на картине Босха, отсылает к истории Симпсона; процитированные выше слова о Босхе являются парафразом, возможно, бессознательным, метафорической детали из набоковского рассказа, где Магор дважды снимает кожуру с яблока; менее очевидна, но возможна полемическая установка в выборе художника: если Набоков обращается к картине и творчеству дель Пьомбо как выразителя идей высокого Возрождения, то А. Королев предлагает прочтение картин Босха, который идеи Возрождения оспаривает; соответственно если для Набокова вхождение героя в картину и ее описание – возможность иронической рефлексии над наличием идеального мира и пародийной игры с известным сюжетом, то для Королева важно истолкование загадочной символической образности Босха и вхождение в реальность, породившую ее. Для А. Королева картина Босха представляет интерес как окно

---

¹⁴ Королев А. Быть Босхом // *Знамя*. 2004. № 2. С. 65.

в историческую действительность и возможность остранить современность, чтобы таким образом решить вопрос о правде в искусстве. Не случайно, в отличие от Набокова, у которого эстетическая дискуссия скрыта в подтексте, Королев вводит в роман своего рода трактат о роли вымысла, воображения, о чтении/общении с искусством как метафорической смерти и прикосновении к небытию как способе экзистенциальной рефлексии.

Логичным, хотя эпатажным по форме, завершением поворота к действительности и отрицания культурной традиции в начале XXI в. является книга Э. Лимонова «Мои живописцы» (2018). В книге имеет место своего рода «самоликвидация» экфрасиса как истолкования шедевров живописи, при этом очевидной становится функция экфрасиса как остранения, парадоксального и непредвзятого видения. «Жирные младенцы <...> лоснящиеся как резиновые пупсы»¹⁵ на картинах Беллини; «ноги Мадонны начинаются под грудью» на картине делла Франческо¹⁶; «горячие, животастые и сисястые дамы <...> отличные передвижные обогреватели»¹⁷ Рубенса – в характеристиках картин представлено отрицание романтического преклонения перед искусством, ему противопоставляется быт без Бытия, эстетика курьезного и скандального, информация о скрытой за полотнами истории жизни художников и реальности, породившей их картины. Это новый, характерный для XXI в. вариант вхождения в картину, в ее затекстовое пространство; это взгляд человека, надевшего «зощенковские очки» (термин А. Жолковского¹⁸), благодаря которому известные картины предстают в непривычном, странном ракурсе. При этом стоит помнить, что как слово зощенковских героев это изображенное слово, не тождественное авторскому, так и у Лимонова остраняющий взгляд на культуру прошлого свидетельствует об эпистемологическом кризисе: его эссе о художниках дают представление о том, как изменялось представление о красоте, как параллельно с отрицанием мира Иного происходило открытие реального мира, сопровождавшееся массовизацией искусства, что в свою очередь означало постановку вопроса о правильности понимания мира (Лимонов сочувственно

¹⁵ Лимонов Э. *Мои живописцы*. СПб.: Питер, 2018. С. 26.

¹⁶ Лимонов Э. Там же. С. 33.

¹⁷ Лимонов Э. Там же. С. 62.

¹⁸ Жолковский А. «Пушкинские места» Льва Лосева и их окрестности // *Звезда*. 2008. № 2. С. 217.

цитирует слова Редона, который стремился «подчинить невидимый мир логике видимого мира»¹⁹); парадоксальное восприятие искусства фиксирует поворот к повседневности, предощущение нового языка, ориентированного на реальность безыдеального мира. В контексте сказанного закономерным представляется то, что, в отличие от А. Королева, который, опираясь на скудные сведения о Босхе, предлагает реконструкцию жизни и творчества художника для решения актуальных эстетических проблем, Э. Лимонов ограничивается информацией из Википедии, которую приводит, превращая свою книгу в своего рода синтез путеводителя и записок о путевых впечатлениях.

Таким образом, сопоставление экфрасисов в текстах В. Набокова, А. Королева и Э. Лимонова дает представление о динамике эстетических представлений на протяжении XX-XXI вв., о пересмотре границы между искусством и действительностью и повороте к видимому миру.

---

¹⁹ Лимонов Э. *Мои живописцы*. С. 98.

Литература

- Автухович Т.Е. «Венецианка» В. Набокова: литературные и эстетические контексты // *Мир в слове. Слово в мире*: Вып. 4. Гродно: ЮрСаПринт, 2023. С. 3–14.
- Антошина Е.В. Рассказ В.В. Набокова «Венецианка»: происхождение сюжета // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 452. С. 5–20.
- Бахтин М.М. 1961 год. Заметки // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 5. М.: Русские словари, 1997. С. 329–363.
- Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // *Новое литературное обозрение*. 2006. № 80. С. 9–29.
- Жолковский А. «Пушкинские места» Льва Лосева и их окрестности // *Звезда*. 2008. № 2. С. 215–228.
- Королев А. Быть Босхом // *Знамя*. 2004. № 2. С. 7–91.
- Лимонов Э. *Мои живописцы*. СПб.: Питер, 2018. 224 с.
- Набоков В. Венецианка // *Звезда*. 1996. № 11. С. 26–41.
- Никё М. «Венецианка» Набокова, или Чары искусства // *Звезда*. 2000. № 10. С. 201–205.
- Рымарь Н.Т. Незримое в зримом. Изоляция и смыслопорождение в эстетическом событии // *Миргород*. 2018. № 2 (12). С. 101–116.
- Тульчинский Г.Л. Остраннение // *Проективный философский словарь: Новые термины и понятия*. СПб.: Алетейя, 2003. С. 285–286.
- Фарино Е. *Введение в литературоведение*. СПб.: издательство РПГУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
- Шкловский В.Б. *Тетива. О несходстве сходного*. М.: Советский писатель, 1970. 376 с.

МИР ЦИРКА В РАССКАЗАХ Д. В. ГРИГОРОВИЧА, Д. Н. МАМИНА- СИБИРЯКА И И. И. ЯСИНСКОГО

Волегов А. В.

Государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй, Тайвань

Аннотация:

Цирковое представление – это яркое и своеобразное социально-эстетическое явление. В своей гротескно-условной синтетичности оно не только копирует элементы социальной стратификации, но и является своеобразной попыткой стать для зрителей моделью всего Мироздания. Именно поэтому, когда в 1880-е – 1890-е гг. к тематике жизни цирка обращаются такие разные писатели, как Д. В. Григорович («Гуттаперчевый мальчик»), Д. Н. Мамин-Сибиряк («Сусанна Антоновна») и И. И. Ясинский («Спящая красавица»), это позволяет проследить трансформацию составляющих художественного мышления в русской прозе от реализма к предмодернизму.

Ключевые слова:

Внутренний мир героя, проза, художественное мышление, реализм, предмодернизм.

**A CIRCUS LIFE IN THE SHORT
STORIES BY D. V. GRIGOROVICH,
D. N. MAMIN-SIBIRYAK
AND I. I. YASINSKY**

Volegov A.

National Chengchi University
Taipei, Taiwan

Abstract:

A circus show is an unusual social and aesthetic phenomenon. In its conventionally-grotesque syntheticity, it not only copies social stratification, but is also revealed as a kind of attempt to become a model of the entire Universe. That is why, when in the 1880 – 1890-ies such different writers as D. V. Grigorovich (“The Gutta-Percha Boy”), D. N. Mamin-Sibiryak (“Susanna Antonovna”) and I. I. Yasinsky (“Sleeping Beauty”) turn to the theme of circus life, this allows us to trace the transformation of aesthetic intellection in Russian prose from Realism to pre-Modernism.

Keywords:

The inner life of hero, prose, aesthetic intellection, Realism, pre-Modernism.

Д. В. Григорович, Д. Н. Мамин-Сибиряк и И. И. Ясинский – яркие представители русской прозы 1880-1890-х гг. Для нас их творчество интересно в плане общих закономерностей трансформации психологизма в рассказах этого периода; важен интерес этих прозаиков к изображению пограничных состояний во внутреннем мире человека, восприятию логически необъяснимых явлений, к мотивам страданий, болезни, смерти. И у всех трех авторов есть герои, связанные с очень специфическим по своим качествам миром цирка. С одной стороны, цирк – это модель стратификации жизни, с другой, – мир своеобразного искусства, и, как всякий вид искусства, это дает подчас человеку возможность подняться над обыденной грубостью.

Творчество писателей, с одной стороны, следовало в своей основе традициям русского реализма: было тесно связано с достижениями психологизма Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, с другой, – в нем присутствует (хотя и в разной степени) поиск новых художественных средств для изображения внутреннего мира человека приближающегося «конца века».

В последние десятилетия у литературоведов сложилось представление об этой художественной эпохе как о процессе, границы которого (временные и терминологические) достаточно условны¹. В целом, «конец века» – это богатая, но крайне неоднородная и противоречивая по художественным и идейным концепциям эпоха.

Произведения трех писателей делают наглядной изменения а изображении внутреннего мира человека от социальной обусловленности в качестве доминанты к новому уровню свободы от штампов и предсказуемости, что предвещало принципы модернистского художественного мышления.

Рассказ Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» написан в 1883 году. Из рассказа мы узнаём о цирковой жизни; в самом начале автор подробно описывает атмосферу за кулисами цирка после утреннего представления в первые дни Масленицы. Рассказ в значительной, *но не в полной мере* следует социально-критическим традициям. В этом смысле примечателен интерес к не совсем обычным героям. Возможно, именно благодаря этому эмоциональная составляющая

---

¹ Грякалова Н.Ю. *Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо*. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. С. 10–11, 20–21, 25.

произведения очень сильна и никого не оставляет равнодушным.

Автор описывает судьбу маленького сироты Пети, восьмилетнего воспитанника циркового акробата Беккера. Анна, мать Пети, служила кухаркой. Это была обычная крестьянка, живущая каждодневными заботами, поэтому нрав у нее был не особенно добрый. Ей приходилось часто менять место из-за неаккуратности и невнимательности. Отец Пети вначале работал швейцаром, потом его призвали на военную службу, а спустя некоторое время Анна получила известие о его гибели. У кухарки с малолетним сыном началась тяжелая жизнь: никто не хотел брать ее на работу. Положение еще больше усугубилось, когда Анна вышла замуж. Отчим сразу люто возненавидел Петю и «грозил утопить его в проруби». Вскоре мать умерла, оставив Петю на попечение прачки Варвары., которая жила по соседству с цирковыми артистами. И вот однажды она привела испуганного Петю к грубому и жестокому Беккеру на осмотр: «акробат обещал взять его на воспитанье в случае, когда он окажется пригодным». Заметив природную гибкость мальчика, он согласился взять его себе в качестве ученика.

Жизнь Пети у Беккера была совсем несладкой: «Петя никак не мог привыкнуть к своему хозяину, которого очень боялся, но «особенно тяжело стало ему, когда началось ученье». Главная трудность для Пети заключалась в том, что в процессе выполнения сложных акробатических трюков его «лицо должно было сохранять самое приятное, смеющееся выражение»².

И вот Петя – воздушный акробат. Оказалось, он обладает от природы поразительной гибкостью, за что получил прозвище, ставшее псевдонимом: «гуттаперчевый» (от слова «гуттаперча» — тягучая смола, похожая на каучук). Он становится звездой цирка. Но при этом он абсолютно беззащитен и бесправен. Беккер – самовлюбленный силач, бесчувственный и поэтому жестокий человек. В его подчинении и находится мальчик; он вынужден выступать даже больным и обессиленным.

Только клоун Эдвардс, чуткий и сострадательный, – один из немногих, кто добр к Пете и пытается о нем заботиться. Эдвардс – настоящий любимец публики, но, к сожалению, сейчас, накануне последнего дня Масленицы, у него уже начинается «тоскливый период», запой.

² Григорович Д.В. *Избранное*. М.: Современник, 1983. С. 504.

Параллельно изображается и другая история. В Петербурге живет, ни в чем не нуждаясь, семейство графа Листомирова. Старшая дочь графа, восьмилетняя Верочка, – добрая, чуткая, очень ранимая ровесница Пети.

Следует описание детских комнат в доме у графа. Там множество игрушек и книг. «Пестрые английские раскрашенные тетрадки и книжки, кровати с куклами, картинки, комоды, маленькие кухни, фарфоровые сервизы...»³

Кроме Веры, в семье Листомировых еще двое летей: болезненная Зина, которая младше Верочки на два года и Павел – мальчик пяти лет; все называют его Пафом, он любимец родителей.

На масленичной неделе тетя Соня, сестра матери, пообещала отвести детей в цирк за прилежное поведение. Разыгравшаяся метель ставит под угрозу поход в цирк, и Верочка очень нервничает. За завтраком детям сообщают, что родители все-таки разрешили поехать на представление. Верочка хватается афишку и читает названия номеров. В качестве коронного номера заявлено выступление «гуттаперчевого мальчика».

Дети находятся в радостном возбуждении, поскольку давно мечтают об этом.

Все в восторге, даже пухленький и флегматичный Паф пытается на четвереньках неловкими движениями подражать загадочной звезде – «гуттаперчевому мальчику»⁴

И вот кульминация – они отправляются на представление, где будет выступать Петя и с нетерпением ждут начала. По обычаю вечернее представление открывает клоун Эдвардс, затем выступают наездники, жонглеры, дрессировщики и канатоходцы.

И вот, наконец, на арену выходят Беккер и Петя.

Выполняя номер на длинном шесте, удерживаемом Беккером, мальчик демонстрирует различные трюки, но во время выполнения самого сложного из них вдруг не может удержаться и падает с большой высоты. «Внезапно что-то сверкнуло и завертелось, сверкая в воздухе; в ту же секунду послышался глухой звук чего-то, упавшего на арену... Несколько человек подхватили что-то и, пригибаясь, спешно стали выносить к портьеру ...»⁵

Трагедия, разыгравшаяся на глазах Верочки, глубоко потрясает ее. «Несмотря на всеобщую суету, многим бросилась в глаза

---

³ Там же. С. 506.

⁴ Григорович Д.В. Избранное. С. 517–518.

⁵ Там же. С. 525.

хорошенькая белокурая девочка в голубой шляпке и мантилье; обвивая руками шею дамы в черном платье и истерически рыдая, она не переставала кричать во весь голос:” Ай, мальчик! Мальчик!!”»⁶. Весь вечер она рыдала, но, наконец, уснула, окруженная заботой близких.

А в это время во внутреннем коридоре цирка лежит «ребенок с переломленными ребрами и разбитою грудью». Изредка из темноты появляется сутулая фигура пожилого клоуна, который приходит проведать умирающего.

На следующее утро в афишах цирка выступление гуттаперчевого мальчика более не значилось: его «уже не было на свете»...⁷

Повесть Д. В. Григоровича взывает к сопереживанию, умению понять боль и горе другого человека, не оставаться равнодушным при виде жестокой несправедливости.

Вернемся к проблеме изображения автором традиционного социального противопоставления. В рассказе оно проявляется даже в том, что герой, став звездой, ощутив себя, пусть на миг, выше окружающей его грубости, умирает в худших даже, чем у животных, условиях: у тех есть хотя бы клетки... А у него фактически нет даже имени...

Несмотря на традиционность, казалось бы, замысла, *не* социальное неравенство является основой конфликта в рассказе. И среди тех, кто окружает Петю, и в семье графа Листомирова присутствует другой конфликт – между грубостью и *душевной тонкостью*, которая, как ни странно, дает силы противостоять злу и хамству. Это способность личности сопереживать и противостоять трагическим противоречиям жизни.

Сочетание пронзительного социального конфликта и интерес писателя к художественному осмыслению природы душевной сложности личности показывает его новаторство.

Героя, которого также все называют «гуттаперчевый мальчик», мы встречаем и в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сусанна Антоновна» (1893). Сусанна Антоновна – семилетняя дочь артистов, которые возвращаются с гастролей вместе с цирковой труппой на пароходе в третьем классе.

Дочь называет своих родителей не иначе, как «Валечка,

⁶ Там же. С. 525

⁷ Григорович Д.В. Избранное. С. 527.

уродливая обезьяна» и «Антоша». Сусанна рано повзрослела и впитала всё самое худшее из своей среды: обрела черты циничности, наглости в ненасытном желании манипулировать окружающими ради достижения своих примитивных желаний.

- Кого ты больше любишь: отца или мать?
- Трудно сказать, а в сущности, все равно. Валечка ужасно глупа...
- Какая Валечка?
- Мать. Она ненавидит меня и называет подколотной змеей. Антоша добрее, но у него тоже заяц в голове...⁸.

Это она уже сейчас считает своей успешностью. Однако это не делает ее счастливой. Девочка хотела бы простой детской дружбы с «гуттаперчевым мальчиком». Но от такой «дружбы», вовлеченный поневоле в ее подлые интриги, мальчик испытывает только душевные страдания. Мамин-Сибиряк не столько даже в традиционно-реалистической манере, сколько в натуралистической, золаистской, опирающейся на изображение вариантов «человека-зверя», показывает на примере театрально-циркового сообщества, как социализованность в позитивистски понимаемом обществе, вовсе не является критерием успеха.

И такая «игра» – не признак интеллекта; в эти жестокие игры может играть даже семилетний ребенок...

Победитель – тот, кто задает ядовитые вопросы, критикует, обвиняет и в конце концов обесценивает другого. А в слабой позиции – тот, кто оправдывается и доказывает обратное, пытается реабилитировать и реабилитироваться. Жертва выдает важную информацию и становится всё более уязвимой...

Вот и в рассказе такая жертва – отец девочки, комик Антоша, кончает жизнь самоубийством...

В комментариях к рассказу И. С. Дергачев пишет: «Другие дети, как Сусанна Антоновна из одноименного рассказа, теряют не здоровье и жизнь, а нравственную цельность. Впитывая навыки, привычки, цинизм актерской среды, впрочем, лишь в увеличенном виде воспроизводящей такие же качества «среднего человека»

---

⁸ Мамин-Сибиряк Д.Н. *Рассказы разных лет*. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1985. С. 201.

вообще, Сусанна Антоновна даже в пробуждающейся детской любви к «гуттаперчевому мальчику» старательно повторяет уродливые формы отношений, усвоенные ей. Мальчика с детства калечили физически – Сусанну Антоновну точно так же калечили нравственно. Ответственность налагается не на родителей – они сами несчастны, – но на всю общественную систему, мир, чуждый истинной гуманности»⁹.

Следует сказать, что рассказ (который, что примечательно, первоначально назывался «Антоша», по имени несчастного отца маленькой героини¹⁰ занимает особое положение в сборнике «Детские тени», который оказал большое влияние на раннюю русскую символистскую прозу, в частности, на Ф. К. Сологуба. И это при том, что Мамин в то время ощущал себя в русле традиций натурализма Золя. По словам М.М. Павловой, «Несмотря на тематическую близость, вполне очевидно, что рассказы о детях Сологуба и Мамина-Сибиряка принадлежат к разным художественным направлениям. Автора «Детских теней» интересуют в духе позитивистского натуралистического дискурса социальные несовершенства и наследственные болезни, вследствие которых умирают дети, но не проблема смерти в ее метафизическом плане. «Тени» Сологуба подчиняются «декадентскому» дискурсу, в котором интерес к болезни и смерти инициировался вопросом о смысле человеческого бытия»¹¹.

С точки зрения трансформации понимания личности героя очень значительна фигура И. И. Ясинского как литератора, стоявшего у самых истоков «нового искусства» в России¹².

Уже в ранних рассказах, (например, «Наташка», (1879)), интерес к социальной обусловленности характера сменяется у Ясинского самоценностью образов прекрасного сновидения, которое видит юная героиня.

Эти детали еще больше разработаны в большом рассказе «Спящая красавица» (1883).

Рассказ начинается с того, что странствующий фокусник, «магик», доктор Тириони (Павел Климентьич Курицын) с женой

⁹ Дергачев И.С. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д.Н. *Рассказы разных лет*. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1985. С. 391.

¹⁰ Там же. С. 397.

¹¹ Павлова М.М. *Писатель-инспектор. Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников*. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 179.

¹² Мицк З.Г. «Новые романтики» (К проблеме русского пресимволизма) // *Блок и русский символизм: Избр. труды: в 3 кн.* СПб.: Искусство, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 163.

Марилькой и сыном Сеней приезжает в провинциальный городок и пытается организовать представление в клубе. В первой части, когда выступление готовится, забитая Марилька присутствует как бессловесная тень. Накануне представления Сеня тяжело заболевает, Марилька не может ассистировать, как обычно. Магик отправляется на представление, а Сеня умирает на глазах у Марильки. В этой сцене сразу задан бытийный, а не социальный контекст происходящего.

Зрители же с детским нетерпением ждут представления, где заявлен коронный номер – «Спящая красавица»: молодая женщина (магик нашел легкомысленную девицу, которая согласилась быть ассистенткой), якобы под действием гипноза, должна заснуть и парить в воздухе.

Неожиданно за кулисами появляется Марилька. На вопрос фокусника о сыне она произносит, потупляясь:

– Ему лучше... он спит.

Лицо у ней было бледнее, чем если бы она набелилась.

– Кто досмотрит без тебя Сеню?

– Досмотрят¹³.

Шоу имело большой успех (детальное описание фокусов занимает несколько страниц). Мотив интереса к паранормальному (хотя фокусы – лишь цирковой трюк), детское ожидание чуда создает «двойную перспективу». Но во время представления «Спящей красавицы» Марилька теряет сознание, ее не могут разбудить.

– Доктора! – кричал магик.

Явился доктор. Он стремительно нагнулся к Марильке и стал слушать у ней сердце.

– Обморок... – проговорил доктор, – не тревожьтесь...

Когда брызнули водой на ее лицо, она глубоко вздохнула. Первая фраза, которую произнесла Марилька, увидев доктора, была:

---

¹³ Ясинский И.И. *Полное собрание повестей и рассказов: в 4 т.* СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. Т. 4. С. 127.

– Сеня умер!..
Магик вздрогнул¹⁴.

После смерти Сени характер героини совершенно меняется. Прежде забитая и безвольная, она проявляет силу характера и мудрость. Окружающие это чувствуют.

Сцены сновидений становятся все более развернутыми и детальными.

Но ни разу не снился ей Сеня. Сны у ней были черные. Тянулись какие-то бесконечные запутанные коридоры, и тени без очерка носились по ним. А она бежала среди этой бесформенной толпы, по этому лабиринту, гонимая неопределенным страхом, или в тоске ломая руки. С ней часто случались обмороки. Ей стоило пристально посмотреть на одну точку, и она впадала в полузабытье.

Каждый раз, как она изображала «Спящую красавицу», у ней бывали припадки, которые доктора называли катаlepsией¹⁵.

А жизнь странствующего фокусника продолжается. Еще одним кульминационным событием становится сцена их встречи с говорящим скворцом. Во время пересадки на дилижанс они отдыхали под деревом и вдруг услышали голосок, который доносился... из травы.

Эта ласковая хроменькая птичка в первый раз заставила Марильку улыбнуться. Нахохлившись, птичка вдруг закричала:

– Шпачка кормить! Кормить шпачка! Кормить! Кормить!

У молодой женщины сердце забилося от испуга и от какого-то неопределенного суеверного чувства¹⁶.

Как позднее выяснилось, этот скворец сбежал от своего хозяина, капризного мальчика из соседнего дилижанса. Но

¹⁴ Там же. С. 132–133.

¹⁵ Ясинский И.И. *Полное собрание повестей и рассказов: в 4 т.* СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. Т. 4. С. 139–140.

¹⁶ Ясинский И.И. *Полное собрание повестей и рассказов: в 4 т.* Т. 4. С. 142.

Марильке и ее мужу кажется, что это некий знак от их умершего сына. Разумеется, и это иллюзия. Но почему эта иллюзия способна дать так много сил? Ведь следование несложным правилам циничного окружающего мира было бы проще и полезнее. Эти странные события придают жизни Марильки цель и делают ее наполненной (при видимой бессмысленности с точки зрения позитивистского мышления, как замечает рассказчик).

Марильке не казалось, что она больна. Мир, который она создала в самой себе, был лучше мира, который она знала до сих пор, и ей снились чудные сны! Она видела себя свободной, красивой, нарядной девушкой, которая гордится своей чистотой¹⁷.

Не потому ли иллюзия так сильна, что она соответствует неким законам, но законам не этого мира? Несмотря на трагичность внешних обстоятельств, удивительна внутренняя уверенность героини в их преходящем характере перед лицом знаков мира «иног»!

...Воля ее умирала. Но когда она не спала, в ее ясных глазах читалось чувство какого-то удовлетворения...¹⁸.

Ментальные, казалось бы, ошибки, расстройство, патология делают героиню сильной, способной противостоять ужасам уродливой жизни.

В финале, когда должны погибнуть и Марилька, и бедный ее скворец, героиня видит последний сон. Перед ней пронесится поезд. Вначале она видит себя стоящей на платформе, но неожиданно оказывается уже в проходе вагона третьего класса. Среди пассажиров она узнала «человека с приветливой улыбкой». Это был Иисус. Она узнала его, потому что среди обычных пассажиров он был «...босой и одет, как нищий. На коленях у него сидел Сеня; мальчик был в одной рубашечке; он смеялся и держал в ручках шпачка»¹⁹.

Следует отметить, что подобные мотивы Мамин-Сибиряк

---

¹⁷ Там же. С. 148.

¹⁸ Ясинский И.И. Полное собрание повестей и рассказов: в 4 т. Т. 4. С. 146.

¹⁹ Там же. С. 150.

также разрабатывал (например, в рассказах «Враг», «Папа», «Коробкин» и других, вошедших в сборник «Детские тени»; на границе между попыткой позитивистского объяснения и достоверным показом влияния «мира иного»), что станет обыденным для русской символистской прозы²⁰.

Литература

- Григорович Д.В. *Избранное*. М.: Современник, 1983. 528 с.
- Грякалова Н.Ю. *Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо*. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. 384 с.
- Дергачев И.С. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д.Н. *Рассказы разных лет*. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1985. С. 386–394.
- Мамин-Сибиряк Д.Н. *Рассказы разных лет*. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1985. 400 с.
- Миц З.Г. «Новые романтики» (К проблеме русского пресимволизма) // *Блок и русский символизм: Избр. труды: в 3 кн.* СПб.: Искусство, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 162–174.
- Павлова М.М. *Писатель-инспектор. Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников*. М.: НЛЮ, 2007. 512 с.
- Созина Е.К. Массовая литература 1880-х годов и творчество Альбова // *Типология литературного процесса* (на материале русской литературы XIX – начала XX веков): межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1990. С. 90–103.
- Ханзен-Лёве А. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
- Ясинский И.И. *Полное собрание повестей и рассказов: в 4 т.* СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. Т. 4. 555 с.

²⁰ Ханзен-Лёве А. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*. СПб.: Академический проект, 1999. С. 27.

**«ВИДЕНИЕ», А НЕ «УЗНАВАНИЕ»:
«ОСТРАНЕНИЕ» В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ
В. М. ГАРШИНА**

Канарская Е. И.

Независимый исследователь
Барселона, Испания

Аннотация:

Статья посвящена анализу «остранения» в тех произведениях В.М. Гаршина, где изображение военного опыта выводит читателя за границы автоматизированного восприятия и возвращает ему страх войны, в повседневной жизни «съедаемый», по В.Б. Шкловскому, привычным узнаванием. Показано, что в военной прозе писателя «остранение», преследуя традиционную цель – обнажить природу объекта и подвергнуть его критике, осуществляется с помощью совокупности новаторских приёмов, тяготеющих к поэтике импрессионизма и отражающих изменение базовых принципов воссоздания действительности.

Ключевые слова:

Гаршин, Шкловский, остранение, литературный импрессионизм, военный рассказ

**“VISION”, NOT “RECOGNITION”:
“DEFAMILIARISATION”
IN MILITARY PROSE BY V. M. GARSHIN**

Kanarskaia E. I.

Independent researcher
Barcelona, Spain

Abstract:

The article is devoted to the analysis of “defamiliarisation” in those works by V. M. Garshin, where the depiction of military experience takes the reader beyond the boundaries of automatic perception and returns to him the fear of war, which, according to V. B. Shklovsky, is “eaten up” in everyday life by habitual recognition. It is shown that in the writer’s military prose “defamiliarisation,” pursuing the traditional goal of exposing the nature of an object and subjecting it to criticism, is carried out using a set of innovative techniques that tend to the poetics of impressionism and reflect a change in the basic principles of reconstructing reality.

Keywords:

Garshin, Shklovsky, “defamiliarisation”, literary impressionism, military story

В знаменитой статье «Искусство как прием» В.Б. Шкловский пишет о том, что повторенное несколько раз восприятие становится автоматизированным, приобретает характер «узнавания», что ведет к потере «видения» объекта: «автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны»¹. На преодоление данной автоматизации и направлено «остранение», предполагающее непривычный подход к изображению, который возвращает реципиенту остроту взгляда. При этом В.Б. Шкловский не дает исчерпывающего перечня приемов, с помощью которых реализуется «остранение». Приводя примеры, исследователь обращается к случаям, когда автор «не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай – как в первый раз происшедший»², к эвфемизмам в эротических текстах, к загадкам, к средствам поэтического языка. Очевидно, данный список может быть продолжен: «остранению» служат также «пародирование», «педалирование», фиксация и подчеркивание какой-либо детали, меняющей обычные пропорции³ и другие приемы, позволяющие осуществить желаемый семантический сдвиг.

Рассматривая вопросы о связи «остранения» с целями автора и с той литературной традицией, к которой он принадлежит, К. Гинзбург приходит к выводу о существовании двух типов «остранения»: первый, имеющий просветительскую, рациональную природу и нашедший воплощение в творчестве Л.Н. Толстого, «служит средством прорвать привычную наружность явлений, чтобы выйти к более глубокому пониманию реальности» и подвергнуть ее критическому разбору; второй, более характерный для литературы XX века, напротив, имеет целью «сохранить свежесть наружной оболочки явлений, защитить эту оболочку от вторжения идей», дать вещи в их «импрессионистической непосредственности», предъявить читателю «ряд разрозненных и противоречащих друг другу фрагментов, составляющих головоломку или загадку»⁴.

Представляется, что в военной прозе В.М. Гаршина (1855 – 1888), создаваемой в период перехода от «традиционного»

¹ Шкловский В. О теории прозы. М.: Издательство «Федерация», 1929. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 259, 260, 80.

⁴ Гинзбург К. Остранение: предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006. № 4(80). С. 9–29. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/ostranenie-predystoriya-odnogo-literaturnogo-priema.html?ysclid=llkynrkkeb17313068>. (Дата обращения: 17.07.2023).

реализма, уверенного в осмысленности жизни и возможности ее нормализации посредством критики, к новым литературным течениям, передающим «ощущение сложности, непонятности жизни в целом, ее трагизма»⁵, два названных типа «остранения» сосуществуют.

Так, в идейном отношении, в том числе в своем восприятии войны, В.М. Гаршин, подобно Л.Н. Толстому, ощущал, «как трудно жить, когда вся жизнь построена на насилии и несправедливости, ... когда самое ужасное – война и казни – признано естественным и необходимым делом»⁶, и осознавал неправильность привычных вещей, стремился «разбудить совесть каждого и заставить всех прислушаться к голосу своей совести»⁷.

Вместе с тем, при сходстве гуманистических и социально-критических идей, с точки зрения применяемого художественного метода военная проза Гаршина обладает существенным своеобразием по сравнению с реалистическими произведениями своего времени. В контексте настоящей работы интерес представляет подход, предложенный Питером Генри (Peter Henry), который называет Гаршина «первым русским писателем-импрессионистом»⁸. Представляется, что приемы, которые перечисляет Генри как присущие импрессионизму: подробность изображения субъективных впечатлений; акцентирование одной, часто «маловажной» детали; отсутствие структурной иерархии в подаче фактов; использование синекдохи, метонимии; фрагментарность, недосказанность и большое количество неопределенных конструкций; отсутствие всезнающего повествователя, неуверенный стиль повествования, – могут быть использованы и рассмотрены как приемы «остранения».

Данное предположение подтверждается в ходе анализа произведений В.М. Гаршина, изображающих войну и воинскую службу: рассказов «Четыре дня» (1877), «Трус» (1879), «Денщик и офицер» (1880), «Из воспоминаний рядового Иванова» (1882) и очерка «Аясларское дело» (1877). Наибольшей концентрации проявления «остранения» достигают в рассказе «Четыре дня»;

⁵ Гуревич А.М. Динамика реализма (в русской литературе XIX в.): Пособие для учителя. М.: ГИТИС, 1994. С. 72.

⁶ Порудоминский В. Гаршин. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 193.

⁷ Порудоминский В.И. Грустный солдат, или Жизнь Всеволода Гаршина. – М.: Книга, 1986. С. 91.

⁸ Henry, Peter. К вопросу об импрессионизме в русской художественной прозе: В.М. Гаршин, А.П. Чехов как представители малопризнанного жанра // *Genologické studie*. II, K počtĕ profesora Franka Wollmana. Vyd. I. Brno: Masarykova univerzita, 1993. С. 133–134.

опираясь в первую очередь на его текст, перечислим наиболее характерные для военной прозы Гаршина «остраняющие» приемы, как ранее известные, так и новаторские.

Прежде всего, автор вводит особого субъекта «видения». Произведения «Четыре дня», «Трус», «Из воспоминаний рядового Иванова» объединяет образ рассказчика, биографически и духовно близкий автору (в «Аясларском деле» фигуры автора и рассказчика сливаются): это молодой человек «гаршинской закваски», «вольнопределяющийся», отправившийся на войну под влиянием высоких моральных принципов и чувства личной ответственности, желающий разделить с народом его судьбу и ради этого готовый пожертвовать собой. Все рассказчики сталкиваются с войной впервые – именно поэтому их взгляд «остранен».

Другим носителем «остраненного» взгляда на войну в произведениях Гаршина является народ – солдаты, оказавшиеся на службе помимо своей воли. В рассказе «Денщик и офицер» авторское внимание сфокусировано на человеке из народа, крестьянине Никите Иванове, которого с обезличивающим равнодушием «забрили» в солдаты, вынудив оставить нуждавшуюся в нем семью. Несмотря на все различия между ним и «вольнопределяющимися» рассказчиками «Четырех дней» и «Из воспоминаний рядового Иванова», Никита носит ту же фамилию, что ставит его в один ряд с героями, способными увидеть реальность «остраненно», вне принятых условностей ее восприятия. Играя роль «дикаря» (фигура, традиционная для «остраняющего» изображения), оказавшегося в незнакомом для него мире военной службы, Никита не может освоить «премудрость сдваиванья рядов»⁹ и «велемудрую науку» «словесности» в силу их пустоты, отсутствия подлинного содержания – по этой причине невыносима для него и служба денщиком у прапорщика Стебелькова, несовместимая с понятным герою плодотворным трудом.

Далее, большую роль в создании «остраняющего» эффекта в военной прозе Гаршина играет субъективность изображения, характеризующая стратегию создания и восприятия мира художественного произведения и достигаемая с помощью совокупности приемов, соотносимых с поэтикой импрессионизма.

---

⁹ Здесь и далее произведения В.М. Гаршина цитируются по изданию: Гаршин В.М. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 438 с.

Во-первых, автор обращается к особым формам организации повествования. Моментальному вовлечению читателя в мир персонажа, его приобщению к эмпирическому, эмоциональному и интеллектуальному опыту героя способствует то, что во всех рассматриваемых произведениях, кроме «Денщика и офицера», автор прибегает к повествованию от первого лица, а в рассказе «Четыре дня» – также к такой форме внутренней речи, как «прямой внутренний монолог» (его использование подробно анализируется в статье Владимира Туманова¹⁰), исключая посредника-повествователя между читателем и сознанием рассказчика. В результате «повествовательное начало... сменяется прямым показом «внутреннего человека»»¹¹ – раненного на поле боя солдата, четыре дня лежащего рядом с убитым им противником. Приобщение к боли, растерянности, сожалению и отчаянию, а также к наблюдениям и выводам умирающего в полной мере возвращают читателю упомянутый В.Б. Шкловским «страх войны».

Во-вторых, Гаршин использует связанные приемы фрагментарности изображения и устранения привычных логических связей и иерархии в подаче фактов. Так, в начале «Четырех дней» герой припоминает прошедшее сражение, картина которого создается при помощи монтажа зрительных, слуховых, тактильных образов, сменяющихся со скоростью движения рассказчика: «Я помню, как мы бежали по лесу, как жужжали пули, как падали отрываемые ими ветки, как мы продирались сквозь кусты боярышника». Между воспринятыми объектами не устанавливается обычной логической связи, однако может возникать связь субъективно-ассоциативная: «Сквозь опушку показалось что-то красное, мелькавшее там и сям. Сидоров, молоденький солдатик первой роты..., вдруг присел к земле и молча оглянулся на меня большими испуганными глазами. Изо рта у него текла струя крови». Герой не акцентирует причинно-следственную связь между событиями, а лишь фиксирует последовательность «кадров», объединенных красным цветом турецких фесок и цветом крови, текущей изо рта «солдатика». Военное столкновение предстает бессмысленным хаосом

¹⁰ Tumanov, Vladimir. *Ecce Bellum - Garshin's 'Four Days'* // Peter Henry et al Eds. *Vsevolod Garshin at the Turn of the Century*. Oxford: Northgate Press, 2000. P. 127.

¹¹ Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. *Очерки психоэтики русской литературы XVIII – XIX веков*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 341.

случайных образов и фактов, которые возбужденное, спутанное сознание воспринимает как однопорядковые; одним из таких фактов становится выстрел в героя, а другим – убийство феллаха, изображенные не через зрительные, а через неясные, тревожные звуковые образы, на осмысление которых не остается времени.

В-третьих, важными приемами являются подробное изображение впечатлений персонажа и «укрупнение» отдельных деталей. В «Четырех днях» после ранения героя движение сменяется статикой, пространство сужается до окруженного кустами клочка земли, а время замедляет движение, давая возможность рефлексии. Воспринимаемая реальность распадается на ряд «крупных планов»¹². Детали, которые раньше оставались вне фокуса, разрастаются до масштабов нового мира героя: это и проявления простой, естественной жизни природы, текущей параллельно страшным событиям человеческой жизни, и постепенно разлагающийся труп убитого Ивановым солдата, детализированное описание которого обнажает уродливую сущность войны, и яркие детали, выхваченные и преломленные сознанием рассказчика, имеющие одновременно конкретное и условно-символическое значения. В других произведениях Гаршин также часто прибегает к акцентированию какой-либо детали, которая за счет неожиданности средств описания или контекста заставляет «остраненно» посмотреть на изображаемое: такой деталью является, например, «кусоч черного мертвого мяса», который «вырезали и выбросили, как тряпку» («Трус»), – в данном случае автор, описывая гангрену, маркирует непрочность здоровья и красоты человеческого тела, подвергая шокирующей деэстетизации не ранение или гибель на войне, а смерть вообще.

В-четвертых, субъективности изображения способствуют отсутствие всезнающего повествователя и порождаемая им неопределенность воспринимаемой художественной реальности. Приведенный выше эпизод сражения из «Четырех дней» интересен также тем, что в нем появление турок, благодаря использованию метонимии и неопределенному местоимению «что-то», дано как «загадка»: «Сквозь опушку показалось что-то красное, мелькавшее там и сям». Аналогичный прием метонимического переноса, создающий эффект недосказанности, встречаем, например, в «Аясларском деле»: «Темные фигуры с красными головами,

---

¹² Там же. С. 346.

шедшие на нас, падали, но все-таки шли».

После ранения Иванов, испытывая тяжелые физические и нравственные страдания, вновь воспринимает окружающую реальность и только что произошедшее как неизвестное, первый раз увиденное, а неопределенные («...я вижу что-то темное и большое, лежащее шагах в пяти от меня... Это – труп или раненый») и вопросительные («Смутно понимаю я, что ранен в обе ноги. Что ж это такое? Отчего меня не подняли? Неужели турки разбили нас?») конструкции придают всему рассказу характер «отгадывания». При этом пространство непонимания и неясности постепенно расширяется от предметно-фактического до экзистенциального, где герой задает «проклятые» вопросы: «За что я его убил?» «Чем же он виноват?», «И чем виноват я, хотя я и убил его? Чем я виноват?», которые остаются открытыми. Интересно, что в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова», где герой своим происхождением, отношениями с сослуживцами и даже фамилией напоминает рассказчика «Четырех дней», ситуация неопределенности разрешается полным отказом Иванова от любых частных или философских вопросов, подчинением «неведомой тайной силе», заставляющей тысячи людей идти на смерть; тем не менее, война для него остается «кровавой бойней». Ни в том, ни в другом случае автор также не дает окончательных ответов, как бы приглашая читателя к продолжению их поиска.

Завершая обзор характерных для военной прозы Гаршина приемов «остранения», следует сказать об особой организации системы персонажей, основанной на их со- и противопоставлении при сохранении центральной роли рассказчика.

Так, в рассказе «Четыре дня» Иванов сопоставляется, в первую очередь, с убитым им человеком, а их прежнее положение противников оказывается фикцией, следствием противоестественности военного столкновения. Сложное взаимодействие двух персонажей может быть охарактеризовано с помощью категории «точка зрения в плане психологии» (Б.А. Успенский). Восстанавливая предполагаемую биографию феллаха, сострадавая ему, Иванов как будто на время «перенимает» его точку зрения, смотря «остраненно» на самого себя: «Когда он хотел уйти, какой-то маленький человечек, которого он мог бы убить одним ударом своего черного кулака, подскочил и воткнул ему штык в сердце», – здесь сцена из первого воспоминания рассказчика («Он был огромный толстый турок, но я бежал прямо на него, хотя я

слаб и худ») увидена с противоположной стороны, со стороны его жертвы, но в обоих случаях подчеркнута странность, нелогичность произошедшего.

Тот же прием «смещения» точки зрения Гаршин использует и в «Трусе», где герой как бы становится на место своего умирающего друга Кузьмы («Я припомнил его жизнь, неудачи и радости, как будто бы они были моими») и окончательно убеждается в бесценности человеческой жизни, и в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова», где царский смотр изображается сначала с точки зрения Иванова, воодушевленного и одурманенного почти экстатическим общим порывом отдать жизнь по воле царя и за него, а затем – с точки зрения императора, который видит перед собой «людей своей бедной страны, бедно одетых, грубых солдат».

Осмысление смерти феллаха заставляет героя «Четырех дней» «остраненно» посмотреть не только на недавнее сражение, но и на более отдаленное прошлое: на прежнее представление о войне, на отношение к близким и к обществу. Героический образ воина, подсказанный стереотипным восприятием, при столкновении с реальностью оказался не более достоверным, чем лицемерные слова «о геройстве, любви к родине и прочих таких вещах» тех, кто называл его, отправляющегося на войну, «юродивым», – той части общества, которой теперь герой идейно противопоставлен. «Ослепленность идеею», желание рассказчика жертвовать собой привело лишь к боли – его матери и возлюбленной, убитого солдата, его самого.

В рассказе «Трус» герой, напротив, еще до того, как оказаться на фронте, видит войну «остраненно» и в своем отношении к ней противопоставлен многочисленным обывателям: как и сам Гаршин, рассказчик не терпит общественного равнодушия, подменяющего страшную правду войны утешительной ложью статистических сводок. За официальными данными о потерях – таким же фиктивным языком, стирающим живую реальность, как наука «словесности» в «Деншике и офицере», – герою открываются апокалиптические картины массовой гибели («Двенадцать тысяч... Эта цифра то носится передо мною в виде знаков, то растягивается бесконечной лентой лежащих рядом трупов...»). Цифры «реляций» для него распадаются на смерти конкретных людей, соизмеримые с личной трагедией – смертью его друга. После сообщения о смерти Кузьмы заметки героя, отправившегося на войну, обрываются, и повествование ведется от третьего лица, причем художественная

реальность как будто обретает несколько измерений: читатель узнает о смерти в бою одного «вольноопределяющегося» и видит смерть другого, пришедшего на его место, но при этом остается неизвестным, был ли кто-то из них автором заметок или нет. Таким образом, в рассказе выстраивается череда смертей, и любой из этой цепочки через систему взаимных сопоставлений связан с автором, который не погиб на войне, но страдал вместе с каждым погибшим. Столь безвыходный трагизм финала заставляет задавать сложные вопросы, которые неизбежно возникают при переходе от «узнавания» войны к ее «видению».

Подводя итог, можно сделать вывод, что в своей военной прозе В.М. Гаршин предлагает читателю по-новому увидеть и даже пережить вместе с героем травматичный военный опыт, который становится основой для экзистенциально значимых вопросов, остающихся без ответа. Используя «остранение» для разоблачения подлинной страшной сущности, неправильности войны и связанных с ней явлений, писатель прибегает к особым, новаторским художественным приемам, знаменующим начало нового этапа развития литературы.

Литература

- Henry, Peter. К вопросу об импрессионизме в русской художественной прозе: В.М. Гаршин, А.П. Чехов как представители малопризанного жанра // *Genologické studie*. II, K počtĕ profesora Franka Wollmana. Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 1993. Pp. 129–149.
- Tumanov, Vladimir. Ecce Bellum – Garshin’s ‘Four Days’ // Peter Henry et al Eds. *Vsevolod Garshin at the Turn of the Century*. Oxford: Northgate Press, 2000. Pp. 127–145.
- Гаршин В.М. *Сочинения*. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 438 с.
- Гинзбург К. Остранение: предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006. № 4(80). С. 9–29. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/ostranenie-predystoriya-odnogo-literaturnogo-priema.html?ysclid=llkynrkkeb17313068>. (Дата обращения: 17.07.2023).
- Гуревич А.М. *Динамика реализма (в русской литературе XIX в.): Пособие для учителя*. М.: ГИТИС, 1994. 86 с.
- Порудоминский В.И. *Грустный солдат, или Жизнь Всеволода Гаршина*. М.: Книга, 1986. 285 с.
- Порудоминский В. *Гаршин*. М.: Молодая гвардия, 1962. 304 с.
- Шкловский В. *О теории прозы*. М.: Издательство «Федерация», 1929. 265 с.
- Эткинд Е.Г. *«Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психоэтики русской литературы XVIII – XIX веков*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 448 с.

**ОСТРАНЯ НЕОБЫЧНОЕ:
КНИГА В. ШКЛОВСКОГО
«ГОРНАЯ ГРУЗИЯ»**

Гречко В. М.

Токийский университет
Токио, Япония

Аннотация:

Виктора Шкловского соединяли с Грузией многочисленные биографические и творческие связи. Здесь можно отметить и работу на киностудии «Госкинопром Грузии», где снимались фильмы по его сценариям, и сотрудничество с издательством «Закавказская книга», в котором печатались книги Шкловского, и его контакты с представителями грузинской интеллигенции. Доклад представляет эту «кавказскую линию» в творчестве Шкловского, уделяя особое внимание его книге «Горная Грузия» (1930). Наряду с историческим контекстом создания книги в докладе рассматриваются особенности художественного стиля Шкловского, в частности черты, связанные с «литературой факта», а также специфика использования приема остранения при описании экзотических реалий кавказского региона.

Ключевые слова:

Виктор Шкловский, «Горная Грузия», литература факта, остранение

**ESTRANGING THE STRANGE:
V. SHKLOVSKY'S BOOK
"MOUNTAINOUS GEORGIA"**

Gretchko V. M.

The University of Tokyo
Tokyo, Japan

Abstract:

Viktor Shklovsky had numerous biographical and artistic ties with Georgia. This includes his work at the Georgian State Film Studio, where films based on his scripts were produced, his cooperation with the Transcaucasian Book publishing house, which printed Shklovsky's books, and his contacts with Georgian intellectuals. The present paper introduces this "Caucasian line" in Shklovsky's work, focusing on his book "Mountainous Georgia" (1930). Along with the historical context of the book's creation, the paper examines the specific features of Shklovsky's artistic style, in particular those related to the "literature of fact", as well as the specifics of the use of estrangement in describing the exotic realities of the Caucasus region.

Keywords:

Viktor Shklovsky, "Mountainous Georgia", literature of fact, estrangement

Виктора Шкловского соединяли с Грузией многочисленные персональные и творческие связи. Особенно интенсивно они прослеживаются в период второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. О причинах такой предрасположенности Шкловского к Грузии можно говорить особо, отметим лишь, что здесь выделяются как биографически-личностные, так и культурно-политические аспекты. Известно, что Шкловский был связан дружескими узами с многочисленными представителями грузинской интеллигенции, такими как Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Гарегин Бебутов и др. (Шкловский 1966: 549; Бебутов 1985). В короткий период независимости Грузинской республики с 1918 по 1921 гг. столица Грузии Тбилиси становится прибежищем для многочисленных представителей творческой интеллигенции, спасающихся от ужасов революции и гражданской войны в России. Особенно важным грузинский период явился для поэтов-футуристов, основавших в Тбилиси группу 41°, которая стала значительной вехой в истории русского авангарда.

После оккупации Грузии в феврале 1921 г. московское правительство прилагает значительные усилия для интеграции Грузии в советское культурное пространство. В республику направляются многочисленные «писательские бригады», призванные восстановить доверие грузинской интеллигенции к России и установить в грузинской писательской среде советскую систему ценностей. Для того чтобы продемонстрировать, что грузинская культура – конечно, в ее советском варианте – на равных принимается в «семью народов», в Москве проводятся декады грузинской культуры и прочие культурные мероприятия.

Именно в этом контексте нужно рассматривать многочисленные творческие контакты Шкловского с грузинскими культурными институциями, установившиеся на рубеже 1920-30 гг. Здесь следует прежде всего отметить его работу на киностудии «Госкинопром Грузии». Эта киностудия, основанная в 1921 г. как киносекция при Наркомпросе Грузинской ССР, являлась одной из старейших и наиболее успешных советских киностудий. На ней работали такие мастера, как классик грузинского театра Котэ Марджанишвили, режиссеры Николоз Шенгелая, Михаил Чиаурели, Михаил Калатозов и др. В конце 1920-х гг. Шкловский несколько раз приезжает и подолгу живет в Грузии, сотрудничая с этой киностудией и занимаясь в основном написанием сценариев для фильмов грузинских режиссеров. Так появляются фильмы

«Молодость побеждает» (1928, режиссер Михаил Геловани), «Овод» (1928, режиссер Котэ Марджанишвили), «Американка» (1930, режиссер Лео Эсакиа).

Еще одним направлением работы Шкловского на Кавказе было сотрудничество с издательством «Закавказская книга» («Заккнига»). Возглавлял это издательство, основанное в 1922 г., Борис Иванович Корнеев (1896-1958). Во время независимости Грузии он редактировал издававшийся в Тбилиси журнал «Куранты» и газету «Искусство», являвшиеся центром притяжения для литераторов, ориентированных на различные направления авангарда и модернизма. В первые годы советского правления он пытался сохранить этот курс, насколько это было возможно в новых условиях. С издательством активно сотрудничали Владимир Маяковский, Кирилл Зданевич, Семен Кирсанов и сам Виктор Шкловский, у которого там вышло сразу несколько значительных публикаций. Атмосфера духовной общности, роднившая близкое к авангарду крыло литераторов с этим издательством, хорошо чувствуется в строках, записанных Шкловским в альбом Борису Корнееву: «Привет Тифлису и Заккниге – нашему консульству» (Бебутов 1985).

Нужно заметить, что интенсивные творческие контакты Шкловского с грузинскими культурными институциями были обусловлены не только случайными личными связями. Они вписываются в общий контекст эволюции авангардных течений в постреволюционный период. На рубеже 1920–1930-х гг., когда в советских метрополиях художественное пространство, загоняемое в узкие рамки официально одобренного курса на социалистический реализм, все более сужалось, на национальной периферии все еще оставались свободные ниши для творческих экспериментов и поиска индивидуальных способов выражения. Во многих национальных республиках, прежде всего на Кавказе и в Средней Азии, возникает феномен, который Нариман Скаков охарактеризовал как «Культура полтора» («Culture one and a half»), то есть переходная стадия между авангардом и соцреализмом, когда в глазах советского руководства экспериментальные формы искусства получали свою легитимацию и право на жизнь как проявления «экзотизма» и «национальной специфики» (см. Скаков 2020).

Такова была культурно-политическая ситуация, на фоне которой Шкловский в 1929 г. совершает свое путешествие по

высокогорному грузинскому региону Хевсуретия. Шкловский отправился туда с творческим заданием собрать материал для фильма об этом регионе, который планировалось снять на киностудии Госкинопром Грузии. Его сопровождал оператор, занимавшийся кинодокументацией путешествия, и переводчик. Материалы, собранные Шкловским, не получили сценического выражения, однако они легли в основу книги его путевых очерков «Горная Грузия», которую издательство «Молодая гвардия» опубликовало в Москве в 1930 г.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. путевые заметки и очерки получают особое значение в контексте дискуссии о литературе факта, развернувшейся вокруг ЛЕФа. В ходе этой дискуссии был подвергнут ревизии один из основных столпов, на которых держится литература вообще – ее фиктивный характер, художественный вымысел. С точки зрения критиков ЛЕФа, эпоха социалистического строительства требовала подачи «факта», документирующего изменения, происходящие в стране.

Отрицание вымысла имело следствием и изменение представлений о литературной форме – если вымысел потерял свое значение (по метафорическому замечанию Шкловского, «организм читателя вакцинирован вымыслом» [2020: 129]), то и основанный на вымышленных ситуациях сюжет не может быть более конструктивным приемом, организующим линию повествования. Однако в таком случае остро встает вопрос о том, чем его заменить. В качестве одного из решений этой проблемы критики ЛЕФа предлагают использовать последовательность документальных эпизодов, организованных внешне мотивированными факторами, в качестве которых наиболее естественным образом напрашиваются пространственные или временные перемещения. Так, Шкловский отмечает:

Теперь возникает вопрос, чем заменить в фактической прозе сюжет. Элементарнейшей заменой является метод передвижения точки рассказывания, пространственное в путешествии или временное в мемуарах. Здесь у нас чистый интерес к материалу и условный метод перехода от факта к факту. (Шкловский 2020а: 232)

Таким образом, путевой очерк становится одним из наиболее излюбленных жанров ЛЕФа. Ситуация путешествия с постоянной

сменой места естественным образом создает связующую нить повествования, заменяющую сюжет.

Хотя Шкловский принимал активное участие в дискуссии о литературе факта и регулярно публиковался в левовской печати, его позицию в этом вопросе нельзя назвать последовательной. Такие основные понятия левовской эстетики, как «факт» или «производственность», являются для него не самоценными величинами, а скорее вспомогательными средствами, позволяющими оптимизировать писательскую технику и позитивно воздействовать на литературный процесс.¹ Понимание важной, но все же служебной роли этих факторов отразилось и на художественном стиле самого Шкловского.

В результате образуется сложный баланс между фактологической, демонстративно упрощенной подачей материала и традиционными литературными приемами, которые художественно обрабатывают и «усложняют» текст, делая его более эстетически насыщенным. Так, в книге его путевых очерков «Горная Грузия» можно выделить целый ряд черт, характерных для литературы факта.

Прежде всего это касается прямой передачи фактической информации, часто подкрепляемой точными цифрами и фотографиями. Говоря о хевсурской породе низкорослых коров, Шкловский отмечает:

Удой от 15 до 50 кружек в сутки.

На сельскохозяйственной выставке в Тифлисе в 1924 году корова-хевсурка, имея живой вес 128 кило, давала удоя молока 16 кило, 2 кило в сутки при процентном содержании жира 6 процентов. (42)²

Сюда же примыкают конкретные описания производственных процессов, сопровождаемые обилием деталей:

Сено спускают с гор так. На трехугольных плетенках

---

¹ Так, касаясь вопроса о вовлеченности писателя в производственный процесс, Шкловский подчеркивает: «Литературное произведение не происходит от другого литературного произведения непосредственно, а нужно ему еще папу со стороны. Писатель должен иметь вторую профессию не для того, чтобы не умирать с голода, а для того, чтобы писать литературные вещи» (Шкловский 2020б: 195).

² Здесь и далее цитаты из книги «Горная Грузия» даются по изданию: Шкловский 1930. В скобках указаны номера страниц.

складываются высокие узкие стога. Плетенки связываются между собою, как поезд. Зимой, когда ляжет снег, двое становятся: один в голове этого поезда, другой в хвосте. Они берут концы веревок в руки и начинают скатывать его в долину. (63)

В синтаксическом отношении литература факта, отрицающая «литературные излишества» и ориентирующаяся на газетный очерк, характеризуется короткими фразами и абзацами, небольшими эпизодами с подзаголовками, а также обилием неполных предложений и эллипсисов. Эти черты можно отметить и в книге Шкловского:

Лошадь не хочет итти.
В сущности, я с ней согласен.
Корочка снега жесткая, гулкая.
Перешли все же. Едем дальше. Тропинка. (24)

Перед домом маленькая веранда. Над домом чердак. (10)

Отрывистый «телеграфный» стиль фактологического описания создает атмосферу эмоциональной дистанцированности, которая передает взгляд отстраненного наблюдателя, заинтересованного лишь в передаче фактов и событий, а не их оценке. Так, драматический эпизод, в котором один из сопровождавших Шкловского в горах проводников чуть не сорвался в пропасть, описывается в исключительно сухой манере:

Тропинка. Георгий впереди. Тропинка поворачивается.
И вдруг раздается тихий голос Георгия:
- Не идите сюда, здесь совсем нехорошо. Пройти вперед нельзя.
Стою перед чужим хвостом. Подымаюсь, вытягиваюсь, чтобы увидеть, в чем дело. Дождь смыл тропинку. Доктор вел лошадь и сорвался с осыпи.
Он висит сейчас на поводу своей лошади. Жеребец сидит на хвосте, задрал голову и упираясь передними ногами в самый край обрыва. (24)

Разделение на небольшие эпизоды с быстро меняющейся

перспективой в сочетании с отсутствием видимой эмоциональной вовлеченности создает кинематографический эффект быстрой смены кадров, напоминающих документальное кино:

Горы здесь рыхлые и высокие. Камень слоится и крошится.
Бежит река. (21)

Спускаемся. Прогалина. В прогалине лежит снег.
Доктор объясняет. (24)

Таким образом, в путевых очерках Шкловского о горной Грузии можно обнаружить достаточно стилистических и композиционных черт, которые роднят их с литературой факта. Однако тут же нужно отметить, что книга Шкловского вовсе не перегружена перечислением конкретных данных, цифр и описанием производственных процессов. Как уже было упомянуто выше, факты рассматривались Шкловским скорее как инструмент для организации повествования, т. е. как один из приемов «делания» литературы. Кроме того, большинство отмеченных особенностей стиля были присущи прозе Шкловского еще до развития концепции литературы факта: короткие фразы, монтажный характер композиции, некоторая эмоциональная дистанцированность стороннего наблюдателя составляют хорошо узнаваемый рисунок стиля раннего Шкловского.

Наряду с этим, в книге «Горная Грузия» Шкловский широко использует литературные приемы, являющиеся излишествами с точки зрения сухой подачи фактов, но хорошо вписывающиеся в традиционное понимание «литературности». Это относится прежде всего к различным тропам, которые Шкловский, несмотря на кажущуюся сухость стиля, использует охотно и умело.

Так, книга начинается с развернутого (ситуативного) сравнения,³ охватывающего почти всю первую страницу, за которым стоит метафора: жизнь хевсуров – это нетающий доисторический лед, вечно лежащий на дне озера (3). Шкловский, как опытный литератор, привлекает внимание читателя эффектным литературным приемом, очевидно противоречащим эстетике коротких сухих фраз литературы факта.⁴

---

³ Подробнее о ситуативных сравнениях, рассмотренных преимущественно на материале произведений А. Платонова, см. Нонака 2019.

⁴ Кроме того, лежащее в основе этой метафоры утверждение фактически неверно – лед, как

Широко представлены и другие тропы и фигуры:

– олицетворяющие метафоры:

Вода бежит все громче, она сперва шепчет, потом начинает разговаривать, потом она шумит, как толпа, и кончает свой бег восклицаниями водопада. (45)

– литоты:

Хевсурская дорога шириной в четыре пальца. (38)

– анафоры и параллелизм:

В горах человек маленький и слабый.
В горах лето коротко и туманно.
В горах Кавказа не вызревает хлеб... (6)

– ирония:

Полянка длиною равна площади Свердлова в Москве, но вдвое уже. Это место знаменито в Хевсуретии, его простор воспет во многих песнях. Через эту полянку хевсуры всегда скачут. И думают, вероятно: – Чорт вас возьми, степи, как вы хороши! (18)

– необычные сравнения:

Хевсур всегда ходит со щитом, как в Москве люди ходят с портфелем. (13)

Мулы по способу стоять похожи на венский стул. (17)

На дороге появляются огромные гранитные валуны. Долина ими завалена, как загромождены бывают лестницы

известно, легче воды. Так называемый «донный лед», иногда образующийся в результате сложных физических процессов, не лежит на дне постоянно, а периодически всплывает на поверхность. Также и другую «фактическую информацию», представленную в книге Шкловского, следует воспринимать с осторожностью. См. характерное замечание грузинского автора: «Анекдотический ляпсус допустил и современный писатель Виктор Шкловский в брошюре “Горная Грузия”, изданной в 1930 г., договорившись до нелепого утверждения о том, что якобы “преследуя врага, хевсуры обыкновенно снимают брюки, считая, что они мешают”. Такого рода “открытия” могут быть объяснены тем, что, очевидно, автор пытался производить исследования без достаточной подготовки, не зная грузинского языка и хевсурского диалекта, пользуясь услугами переводчиков-проводников, тоже недостаточно владевших в свою очередь русским языком» (Элашвили1956: 5).

учреждений столами, когда какой-нибудь отдел переезжает из одного этажа в другой. (38)

Нельзя не заметить, что подобные сравнения обладают явно выраженным острающим эффектом. Однако это остранение особого рода, в известном смысле его можно было бы назвать «анти-остранение». Остранение часто мотивируется введением характерной ситуации «человека не на своем месте», о которой неоднократно говорит Шкловский (см., например, Шкловский 1983). Ситуация путешествия естественным образом ставит человека в необычные для него условия, создавая органический фон для разного рода описаний из острающей перспективы. Однако изображение экзотических мест и культур обращает перспективу остранения в том виде, как оно описано в программной статье Шкловского (1917). Если в «Искусстве как прием» остранение изображается как средство, позволяющее устранить автоматизм восприятия знакомых вещей, делая их незнакомыми, то в ситуации путешествия по экзотическим странам наоборот, незнакомые, экзотические вещи и явления описываются через знакомые читателю понятия (мечи как портфели и т. д.). Тем не менее, в результате достигается похожий эффект: от столкновения столь противоположных элементов читательское внимание задерживается, вызывая эстетическое переживание. Таким образом, решающим для достижения эффекта остранения оказывается не вектор (от знакомого к необычному или обратно), а контраст – изображение какого-либо явления одновременно в двух семиотических рядах, находящихся в обычном сознании в двух разных концептуальных системах.

Таким образом, стилистический анализ путевых очерков Шкловского о Грузии показывает, что, хотя в своих официальных выступлениях Шкловский находился в русле тенденции, подчеркивающей значение «литературы факта», практика его литературного творчества далеко выходила за ее рамки. В книге «Горная Грузия» в результате сложного взаимодействия стилистических и композиционных компонентов достигается баланс между прямой фактографией, элементами официального дискурса и характерными для Шкловского художественными «приемами». Хотя в своих текстах он использует достаточно документально-фактических элементов и производственных деталей, они остаются у него в рамках разумного и не приобретают

самодовлеющего значения. Даже в период конца 1920-х – начала 1930-х гг., на пике новолетовской эстетики, Шкловский оставляет достаточно места для характерного для него подхода, рассматривающего художественное произведение как нечто «сделанное», и использует различные приемы, направленные на «затрудненное восприятие», вписывающиеся в его концепцию отстранения.

Литература

- Бebutov Г. Встречи на всю жизнь: из воспоминаний о Викторе Шкловском // *Литературная Грузия*. 1985. № 8. С. 181–194.
- Гречко В. Между утопией и ‘Realpolitik’: Марр, Сталин и вопрос о всемирном языке // *Russian Linguistics*. 2010. № 34. С. 159–172.
- Нонака С. Ситуативное сравнение в «Чевенгуре» // *Сокровенные тропы: Поэтика стиля Андрея Платонова*. Белград: Логос, 2019.
- Скаков Н. Культура полтора // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 1(161). С. 104–123.
- Шкловский В. Искусство как прием // *Сб. по теории поэтического языка*. Вып. II, Петроград. 1917. С. 3–14.
- Шкловский В. *Горная Грузия*. М.: Молодая гвардия, 1930.
- Шкловский В. *Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записки*. М.: Советский писатель, 1966.
- Шкловский В. *Тетива. О несходстве сходного* // В. Шкловский. *Избранное в 2-х томах. Том 2*. М.: Художественная литература, 1983.
- Шкловский В. Тогда и сейчас // *Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа* [Переиздание 1929 г.]. М.: Захаров, 2020. С. 129–130.
- Шкловский В. К технике внесюжетной прозы // *Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа* [Переиздание 1929 г.]. М.: Захаров, 2020а. С. 229–234.
- Шкловский В. О писателе и производстве // *Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа* [Переиздание 1929 г.]. М.: Захаров, 2020б. С. 194–199.
- Элашвили В. *Париакоба. Хевсурское фехтование*. Тбилиси: Грузмедгиз, 1956.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ОСТРАНЕНИЯ В. Б. ШКЛОВСКОГО

Зайцева И. П.

Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова
Витебск, Беларусь

Аннотация:

В статье лирические произведения современных авторов В. Павловой и М. Бородицкой аспектно рассматриваются с позиций теории остранения, разработанной В.Б. Шкловским в начале XX столетия для постижения своеобразия художественной речи и осмысления психологии творчества в принципе.

В частности, показано, как обращение к теории остранения способствует более глубокому осмыслению такого феномена, как поэтическое речевое мышление, воплощаемого в лирических дискурсах в различных формах и разновидностях.

Ключевые слова:

остранение, лирическое стихотворение, авторское мировидение, поэтическое речевое, мышление, метафора, паронимическая аттракция, этимологическая фигура

**INTERPRETATION
OF MODERN LYRICAL TEXT
IN THE ASPECT OF THE STRANGERING
THEORY OF V. B. SHKLOVSKY**

Zaitseva I. P.

Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus

Abstract:

In the article, the lyrical works of contemporary authors V. Pavlova and M. Boroditskaya are respectively considered from the standpoint of the strangering theory developed by V. B. Shklovsky at the beginning of the 20th century to comprehend the originality of artistic speech and comprehend the psychology of creativity in general.

In particular, it is shown how an appeal to the strangering theory contributes to a deeper understanding of such a phenomenon as poetic speech thinking, embodied in lyrical discourses in various forms and varieties.

Keywords:

strangering, lyrical poem, author's worldview, poetic speech, thinking, metaphor, paronymic attraction, etymological figure

Понятие «остранение» (и сосуществующий с ним вариант «остраннение»¹, поскольку это обозначение семантически соотносимо с понятием *странности* (*странный, странно*), введённое в терминологическую систему филологической науки более 100 лет назад, принадлежит В.Б. Шкловскому, который впервые употребил его в книге «Воскрешение слова» (1914), а позднее, в статье «Искусство как приём» (1917) дал этому понятию развёрнутое описание.

Опираясь на идеи своих предшественников, прежде всего А.Н. Веселовского и А. А. Потебни (и отчасти их переосмысливая), а также на некоторые положения представителей русской формальной школы (Г.О. Винокура, Р.О. Якобсона, Л.П. Якубинского), одним из наиболее активных деятелей которой был он сам, исследователь рассматривал искусство в тесной и связи с особенностями человеческой психологии. В.Б. Шкловский акцентирует внимание на различии восприятия человеком окружающих его предметов и явлений в процессе практического общения и при постижении их сквозь призму различных видов искусства, в том числе и искусства словесности. «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, – рассуждает он, – то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. Так, уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки; если кто вспомнит ощущение, которое он имел, держа в первый раз перо в руках или говоря в первый раз на чужом языке, и сравнит это ощущение с тем, которое он испытывает, проделывая это в десяти тысячный раз, то согласится с нами.»²

Искусство же призвано, по мнению В.Б. Шкловского, выводить сознание человека из автоматизма восприятия: «И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством. **Целью искусства является дать ощущение вещи,**

¹ Примечательно, что оба варианта орфографического оформления этого термина сохраняются и на современном этапе развития научного знания (и филологического, и междисциплинарного) – ср., в частности, его подачу в ряде терминологических источников: «**ОСТРАННЕНИЕ** – термин, введённый в русскую поэтику В. Шкловским ...» (*Кеятковский А.П. Поэтический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 188); «**ОСТРАНЕНИЕ (ОСТРАННЕНИЕ)** – феномен художественной речи, который может быть истолкован по-разному. ...» (*Сквородников А.П. Остраннение (остранение) // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 382*).

² Шкловский В.Б. Искусство как приём // Шкловский В.Б. *О теории прозы*. М.: Федерация, 1929. С. 11–12.

как видение, а не как узнавание; приёмом искусства является приём «остранения» вещей и приём затруднённой формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлён; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» (выделено мною. – И. З.)³.

На современном этапе научного знания введённый в научный оборот В.Б. Шкловским термин продолжает функционировать, однако толкование его, с одной стороны, безусловно расширилось, с другой стороны, приобрело бóльшую конкретность и в ряде случаев – бóльшую развёрнутость в отдельных научных областях. Так, в словаре-справочнике «Эффективное речевое общение» (2014) отмечено три значения, в которых данный термин может быть употреблён в настоящее время: «**ОСТРАННЕНИЕ (ОСТРАНЕНИЕ)** – феномен художественной речи, который может быть истолкован по-разному. 1. Приём художественного изображения предметного мира, служащий преодолению автоматизма восприятия знакомых вещей и явлений, представляемых как незнакомые и впервые увиденные. С точки зрения теории риторического приёма остраннение, в таком понимании, может быть истолковано как стилистически мотивированное отклонение от нормативного (среднестатистического) восприятия и нейтрального описания той или иной реалии. Остраннение в таком случае достигается отклонением от обычного, бытового предметного описания за счёт изменения ракурса изображения, чередования или совмещения различных точек зрения, замены прямого наименования предмета его косвенным описанием и т. д. ...

2. Более широкое понимание остраннения предполагает возможность разного рода девиаций в предмете художественного изображения, в т. ч. изменение пропорций и масштабов, внешнего облика и внутренней структуры, перемещения объекта описания из сферы неживой природы в сферу живой и наоборот и другие манипуляции. ...

3. Д.Д. Ивлев отмечает, что остраннение толковалось «как всеобщий и универсальный закон искусства, обнаруживающийся на всех уровнях художественной структуры ...»⁴.

³ Там же. С. 13.

⁴ Сквородников А.П. Указ. соч. С. 382–383.

В связи с поставленной в настоящей публикации целью – наблюдение за обращением к приёму остранения авторов-женщин, представляющих современную лирическую поэзию, наиболее значимым оказывается первое из приведённых значений, в котором детальнее, нежели в других истолкованиях, представлено *коммуникативно-лингвистическое* осмысление рассматриваемого термина.

Характерный для *поэтического языка* (понимаемого в концепции В.Б. Шкловского как художественная речь в принципе, противопоставляемая языку прозаическому, т. е. речи, для которой приоритетны цели практического характера) феномен остранения очевидно соотнесён с такой особенностью интеллектуальной деятельности художников слова, как *поэтическое речевое мышление*.

И.Я. Чернухина, в работах которой феномен поэтического речевого мышления получил наиболее системное и развёрнутое описание, полагает, что, оценивая речемыслительную деятельность такого рода с семантико-образных позиций, можно разграничить её на три конструктивно-семантических типа: *семемный*, *семно-семемный* и *семный*, – которые дифференцируются по характеру воплощения зачина мысли в речи ⁵. Из перечисленных типов при создании словесно-художественного произведения наименее предполагает отклонения от узуального использования единиц языка *семемный* тип, который «соотносится с использованием в поэтической речи общепринятых (узуальных) слов и нормированной грамматики. В стихотворениях такого рода тропы имеют стёртый характер, лишены яркой индивидуальности, ассоциации слов стандартны» ⁶. Два иных типа, напротив, предполагают разного характера «обновления» используемого в произведении языкового материала – показа его в необычном ракурсе и т. п., что достигается обращением к ряду приёмов, так или иначе выводящих адресата из автоматизма восприятия.

Для современной женской лирики, которую представляют Марина Бородицкая, Инна Кабыш, Юнна Мориц, Вера Павлова и другие авторы, по нашим наблюдениям, более характерен *семно-семемный* тип интеллектуальной деятельности автора, проявляющийся в «в ослаблении корреляции «семема – лексема –

---

⁵ Чернухина И.Я. *Поэтическое речевое мышление*. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1993.

⁶ Баженова Е.А. Поэтическое речевое мышление // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 299.

представление», в результате чего слово приобретает способность десемантизироваться, а также получает дополнительные семы.»⁷ При этом продуктивным способом создания образа в стихотворениях данного типа является *метафора*, что подтверждается и анализом поэтических текстов в ряде наших работ⁸.

Однако наибольшего эффекта использование приёма остранения достигает, по нашим наблюдениям, в тех случаях, когда метафоризация (как правило, носящая очевидные черты авторской индивидуализации) сочетается в лирическом тексте с другими приёмами и способами создания образности, которые в той или иной мере ориентированы на выведение из читательского восприятия автоматизма. Перечень таких явлений весьма обширен – см., в частности, их перечисление в приводимой ранее цитате из определения остранения А.П. Сковородниковым; в толковании приёма остранения (остраннения) А.П. Квятковским содержатся отсылки к таким приёмам создания образности, как *симвора*, *перифраз*, *сравнение* и т. п.⁹ Таким образом, на достижение эффекта остранения может – при определённых установках автора – «работать» практически любой из образно-выразительных приёмов, к которым обращаются авторы лирических и словесно-художественных произведений в принципе.

Рассмотрим некоторые из примеров, подтверждающих высказанные положения.

В одном из стихотворений Марины Бородинской («Интернет – это просто большой интернат...») находим:

Интернет –
 это просто большой **интернат**:
 в нём живут одинокие дети,
 в нём живут одарённые дети
 и совсем несмышлёные дети.
 А ещё в нём живут

⁷ Баженова Е.А. Указ. соч. С. 299–300.

⁸ См., например: Зайцева И.П. Актуализация потенциальных качеств слова в процессе поэтического речевого мышления // *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды*. 2018. № 1 (63). Харьков, 2018. С. 12–19; Зайцева И.П. О своеобразии поэтического речевого мышления в современной женской поэзии (на материале творчества Марины Бородинской) // *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции (Владимир, 24–26 сентября 2019 года), посвящённой 90-летию проф. А.Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области*. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 152–157.

⁹ Квятковский А.П. *Поэтический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966.

кровожадные,
беспощадные,
злые, опасные дети,
которым лучше бы жить
на другой планете (выделено мною. – И. З.)¹⁰.

В приведённом фрагменте лирического текста ключевым компонентом (и в семантическом, и – как выяснится из последующего развёртывания текста – в композиционном плане) является начальная метафора: *Интернет – ... интернат*, носящая явные черты авторской индивидуальности. При этом метафоризация сопровождается стилистическим приёмом, квалифицируемым как *парономазия (парономасия)*, одной из разновидностей которого является «установление окказиональных смысловых связей между близкозвучными, но этимологически не родственными словами – **паронома́зами**»¹¹. Более точно для сферы художественной речи (поэтического языка) данный приём определён В.П. Григорьевым, обозначившим его как *паронимическая аттракция*, являющаяся, по мнению Л.В. Зубовой, распространением фонетических подобий на семантику слов, что сближает этот феномен, с одной стороны, с *поэтической этимологией*, так как здесь имеются элементы переосмысления, с другой стороны – с *аллитерацией* (чисто звуковыми повторами, звукописью)¹². Сколько-нибудь полная характеристика феномена остранения, воплощённого в приведённом фрагменте лирического текста, возможна, с нашей точки зрения, лишь при учёте всех использованных автором для этого приёмов в их *взаимодействии*. В данном случае приём паронимической аттракции существенно усиливает значимость авторской метафоры, «оттеняя» несходство входящих в неё компонентов. Многозначное обозначение «интернат» («Большой академический словарь русского языка» отмечает 3 его значения, среди которых ‘общежитие для учащихся при учебном заведении’ и ‘среднее, обычно специализированное учебное заведение для детей и подростков, в котором учащиеся живут, находясь обычно на

---

¹⁰ Боролицкая Марина. Стихи // *Юность*. 2014. № 12. С. 51.

¹¹ Сковородников А.П. Парономазия (парономасия) // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник* / под ред. А.П.Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 426-427.

¹² Зубова Л.В. *Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект*. Л.: Издательство Ленингр. ун-та. 1989.

государственном обеспечении'¹³) известно русскому языку с 1886 года¹⁴ как заимствование «из франц. *internat*, восх. к лат. *internus* ‘внутренний’»¹⁵. Обозначение «Интернет», имеющее в настоящее время единственное значение – ‘интернациональная (международная глобальная) информационная компьютерная сеть, позволяющая пользователям персональных компьютеров связываться друг с другом для приёма и передачи текстовой и изобразительной информации’ – также является заимствованием: «Из англ. *Internet* < *inter(national)* ‘международный’ + *net* ‘сеть’»¹⁶. Оно пришло в русский язык значительно позже: по имеющейся на сегодня информации, оно впервые зафиксировано «Толковым словарём русского языка конца XX в. Языковые изменения» (1998) под редакцией Г.Н. Скляревской¹⁷. Таким образом, входящие в метафору компоненты в их языковых значениях семантически чрезвычайно дистанцированы друг от друга, на фоне чего их звуковое сходство (в произношении слова отличаются лишь одним звуком) воспринимается более отчётливо. Все перечисленные приёмы, нашедшие отражение как в отборе словесного материала, так и в его организации, безусловно, способствуют воплощению в лирическом тексте феномена остранения, осмысливая прочно вошедшее в современную жизнь понятие «Интернет» в явно нестандартном ракурсе.

Оригинально воплощается феномен остранения в лирике Веры Павловой, что можно наблюдать в приводимых далее фрагментах из её стихотворений:

1) *Века закроются как веки,
сомкнутся веки как века,
и реки слёз, и крови реки
свои затопят берега* («Века закроются как веки...»);

2) *Чело от волос до век,
до нижних: се человек.*

¹³ *Большой академический словарь русского языка* / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 7. И–Каюр. М.–СПб.: Наука, 2007. С. 324.

¹⁴ Там же. С. 325.

¹⁵ *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 303.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения* / Под ред. Г.Н. Скляревской. РАН. Институт лингвистических исследований. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. С. 273.

*А ниже, от век до плеч,
им овладевает речь («Чело от волос до век...»)*
(Везде выделено мною. –И. З.)¹⁸.

В примере 1 необычный ракурс понятий, сопоставляемых в составе двух художественных сравнений – *века* и *веки* достигается комплексом использованных автором приёмов, в числе которых *паронимическая аттракция* (этимологически это близкозвучные слова восходят к разным основам¹⁹, хотя абсолютно совпадают в одной из грамматических форм: *веки* (форма множ. числа от *веко* и устаревшая форма множ. числа от *век*) и *хиазм* – перекрёстное расположение параллельных членов в двух смежных предложениях одинаковой синтаксической формы)²⁰ (*века ... как веки; веки как века*).

В примере 2 воплощение феномена остранения реализуется на основе формирования в лирическом контексте одной из разновидностей такого стилистического приёма, как *этимологическая фигура*²¹, отчасти сближающегося паронимической аттракцией. В данном случае этот приём состоит в расчленении слова на составные компоненты (*человек* – *чело* + *век* (*и*), в результате чего «обнажается» внутренняя форма слова, разбиваемого на части: «**ЧЕЛОВЕК** ... вероятно, сложение *čelo (рус. *чело*) и *vekъ)²².

Таким образом, семно-семемный тип поэтического речемышления, присущий представительницам современной лирики, который в значительной степени ориентирован на создание в стихотворении оригинальных, отмеченных чертами авторской индивидуальности образов, органично связан с феноменом остранения как характерным свойством художественной речи (поэтического языка). Способы и приёмы воплощения этого феномена весьма разнообразны и обуславливаются как многими факторами словесно-художественного плана, так и особенностями личности автора (к примеру, своеобразием мировидения поэта). Проанализированные фрагменты свидетельствуют, что эффект

¹⁸ Павлова Вера. *Стихи из журнальных публикаций разных лет*. [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/vera-pavlova-stihi-iz-zhurnalnyh-publikacij-raznyh-let>. (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁹ «**ВЕК** ... Др.-рус. *въкъ* 'век, увечье', «**ВЕКО** ... Др.-рус. *въко*, укр. *віко* 'веко, крышка'» (Толковый словарь русского языка с включением ... С. 70).

²⁰ Квятковский А.П. Указ. соч. С. 326.

²¹ Сковородников А.П. *Этимологическая фигура // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник* / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 769.

²² Толковый словарь русского языка с включением ... С. 1085.

остранения достигается в современной поэзии при обращении к комплексу изобразительно-выразительных средств и способов: сочетания тропов и стилистических фигур, которое в каждом конкретном случае определяется своеобразием индивидуально-авторской манеры.

Литература

- Баженова Е.А. Поэтическое речевое мышление // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 296–301.
- Большой академический словарь русского языка* / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 7. И–Каюр. М.–СПб.: Наука, 2007.
- Бородицкая Марина. Стихи // *Юность*. 2014. № 12. С. 51.
- Зайцева И.П. Актуализация потенциальных качеств слова в процессе поэтического речевого мышления // *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды*. 2018. № 1 (63). Харьков, 2018. С. 12–19.
- Зайцева И.П. О своеобразии поэтического речевого мышления в современной женской поэзии (на материале творчества Марины Бородицкой) // *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект*. Материалы XIII Международной научной конференции (Владимир, 24–26 сентября 2019 года), посвящённой 90-летию проф. А.Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 152–157.
- Зубова Л.В. *Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект*. Л.: Издательство Ленингр. ун-та. 1989.
- Квятковский А.П. *Поэтический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Павлова Вера. *Стихи из журнальных публикаций разных лет*. [Электронный ресурс] URL: <http://modernpoetry.ru/main/vera-pavlova-stihi-iz-zhurnalnyh-publikacij-raznyh-let>. (Дата

обращения: 25.07.2023).

Сковородников А.П. Остраннение (остранение) // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник* / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 382–384.

Сковородников А.П. Парономазия (парономасия) // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник* / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 426–427.

Сковородников А.П. Этимологическая фигура // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник* / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 769.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Скляревской. РАН. Институт лингвистических исследований. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1999.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.

Шкловский В.Б. Искусство как приём // Шкловский В.Б. *О теории прозы*. М.: Федерация, 1929. С. 7–23.

Чернухина И.Я. *Поэтическое речевое мышление*. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1993.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭПАТАЖ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЭТА АЛЕКСАНДРА МИРОНОВА

Николаева Е. К.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Александр Миронов (1948–2010) – один из самых ярких представителей поэтического андеграунда Ленинграда 1970–1980-х годов, член литературной группы Хеленукты. Стилистическая контрастность фрагментов текста, лингвистический эпатаж продемонстрирован в статье на примере стихотворений второго периода творчества поэта, которые отличаются наличием явной и прямой социальности, отстраненной фиксацией примет реальности, употреблением стилистически сниженной (вплоть до бранной) лексики на фоне слов высокого стиля.

Ключевые слова:

постмодернизм, хеленуктизм, сниженная лексика, смешение стилей

LINGUISTIC PROVOCATION IN ALEXANDER MIRONOV'S POETRY (LATE PERIOD)

Nikolaeva E. K.

Sankt-Petersburg State University
St.Petersbug, Russia

Abstract:

Alexander Mironov (1948–2010), a notable member of the group “Khelenukty”, was one of the most brilliant representatives of underground poetry in Leningrad during 1970–80’s. The paper examines contrast of styles as a poetic device employed by Mironov in the second period of his activity: these fragments are characterized by direct and implicit social angle, detachment in depicting reality, and use of highly colloquial (at times, obscene) words next to lofty language.

Keywords:

postmodernism, helenuctism, highly colloquial words, mixture of styles

Александр Николаевич Миронов (1948–2010) принадлежит к поколению ленинградских/ петербургских поэтов, чей творческий путь начался на Малой Садовой.¹ Некоторые из этих поэтов литературного андеграунда стали, по выражению научного сотрудника Кембриджского университета Джозефин фон Цитцевиц, классиками русской литературы последнего двадцатилетия XX века. К этим поэтам она относит и Александра Миронова, которому посвятила целую главу «Христианство и абсурд» в своей книге о ленинградской поэзии 1974–1980 (Zitzewitz 2016: 83–111.). В настоящее время (судя по количеству публикаций о творчестве А.Миронова) уже можно говорить о том, что этот поэт начинает занимать приличествующее ему место в истории современной поэзии (см. библиографию Николаев 2015: 621; Конаков 2020). На сегодняшний день вышли в свет три поэтических сборника: «Метафизические радости» (1993), «Избранное» (2002), «Без огня» (2009). Но его произведения стали широко известны в неофициальной культуре значительно раньше благодаря публикациям в самиздатских и эмигрантских журналах, сборниках и антологиях. Еще в 1981 г. (задолго до выхода первого сборника) он становится одним из первых лауреатов премии Андрея Белого.²

В круг поэтов Малой Садовой он вошел 16-летним юношей, будучи уже автором нескольких пронзительных стихотворений, демонстрирующих мастерское владение техникой стихосложения, мелодикой стиха, приемами звуковой игры. Так, многие бывшие «малосадовцы» и почитатели его творчества до сих пор могут прочесть наизусть его стихотворение «Рожала жена каторжанина..», также как и написанное несколько позже – «Перепелка»:

Ты ж моя

ТЫ Ж МОЯ

перепёлочка!

(Из детской колыбельной)

Этот детский наплыв, эти хлебные дни,

нескончаема зимняя порка...

¹ Малая Садовая – улица в центре Санкт-Петербурга, где с 1964 года до середины 70-х годов в кафетерии Елисеевского магазина собирались неофициальные молодые литераторы, избравшие путь «внутренней эмиграции».

² Премия Андрея Белого – литературная премия в СССР и современной России. Первая неподцензурная премия в советский период. Учреждена в 1978 году редакцией ленинградского самиздатского литературного журнала «Часы».

Раскачай мой содом, по садам проведи,
перепёлка моя, перепёлка!
Переплывь мою кровь, купола моих строк,
проколи меня песней до боли...
Я потом отплачу – это только залог –
отрицанье бессмысленной бойни
Отплачу и уйду, возвращусь в свой содом
не по травам – по острым осколкам.
Что-то глеет во тьме – это сад твой сожжён,
перепёлка моя, перепёлка³

Мы привели это стихотворение, чтобы на фоне него показать, какие серьезные, «сущностные» изменения произошли в поздней поэзии Миронова в конце XX – в начале XXI в. Во вступительных словах к разделу «Временника “Новой Камеры хранения”» (М., 2007), посвященному поэзии Александра Миронова, О. Юрьев писал отметил: «Есть два поэта, оба бесконечно любимые. Обоих зовут Александр Николаевич Миронов. И это один и тот же человек. Первому поэту когда-то (в 70–80-е годы прошлого века) диктовали его стихи некие эфирные по тонкости звука и материи существа – пускай не жители Эмпирея, но из племени духов несомненно. Второй – с начала 90-х годов и по сей день – пишет их сам, человеческой, дрожащей от ярости и страха рукой» (Юрьев 2007: 60):

Хотел бы я жрать бесплодных и страшных самок,
построить себе родовой и вонючий замок,
клыки наточить, воспитать детей.
 (“Тело почти чужое – какой-то скрипач на крыше...”)⁴

Эти изменения своего мироощущения поэт описал и продемонстрировал в стихотворении «Жизни перетирается нить» (1993 г.), первая часть которого представляет собой медитативный текст, свойственный творчеству автора, передающий его размышления о жизни и смерти:

Жизни перетирается нить,

---

³ «Без огня». 2009. С. 11.

⁴ «Избранное». 2002. С. 351.

Тают цветы письма в голубом конверте.
 Хочется где-то как-то поговорить
 с кем-то о чем-то от лица самой смерти.
 Хочется нежную ее вплести
 В тщетную ткань стихопренья,
 Залатать все дыры ею, снести
 ужас беспомощного его говоренья

Постепенно нарастает раздражение автора, и текст-размышление обрывается обличительными отсылками к квазисимволам 90-х гг.: (парламент, фронда, трехцветный флаг, красный флаг). На фоне библейских аллюзий появляется стилистически сниженная лексика, слова из уголовного жаргона: «фуфлю», «пахан» (а далее – даже обценная лексика):

Как парламент сменяет фронду, когда неслышно как
 Хам,
 наготу отца родимого открывая,
 к родовому древу крадется пахан
 то с трехцветным фуфлом, то с флажком первомая⁵

Исследователи поэзии Миронова характеризуют эти резкие изменения в тематике и стилистике его творчества как появление явной и прямой социальности: отстраненная фиксация примет реальности, использование бытовизмов, стилистически сниженной (вплоть до бранной) лексики на фоне «высокого штиля».

Так, в стихотворении «Праздник Троицы» (1996) горько иронически описано присутствие правительственных лиц на праздничных богослужениях, вошедшее в обычай с начала 1990-х:

Кто отец ваш? Какой-нибудь Ельцин-Лебедь,
 жопоносный Гайдар, словно три в одном или вместе –
 все стоят со свечами: угадай, а кто из них – нелюдь?
 Патриарх живоносный, обнимающий все очами?⁶

Здесь наблюдается четко выраженная стилистическая

⁵ Там же. С. 314–315.

⁶ Там же. С. 333.

контрастность фрагментов текста: бранный окказионализм «жопоносный», просторечное «нелюдь», и вдруг поразительная по красоте строка, построенная на использовании лексики высокого стиля, архаизмов «очи», «живоносный», т.е. носящий в себе жизнь. Таким способом автор описывает царящую в обществе и в его душе дисгармонию: церковь – Бог – и бывшие атеисты, все годы советской власти боровшиеся с религией. Тема сотрудничества власти и церкви вообще очень болезненно воспринималась поэтом:

вот и откровенья экономических сутр
а рядом с ними как на иконе
морда священника в законе
благословляющая скотский хутор.⁷
(«Слегка тронулось спуская пар время...», 1987)

Состояние раздражающей поэта дисгармонии общества, времени, в котором придется жить, передано здесь сочетанием разностилевой лексики (простор. «морда», книжн. «икона», «священник», угол. «в законе»), и в конечном итоге – отсылкой к сатирической повести-притче Джорджа Оруэла «Скотный двор».

Л.В. Зубова, исследуя язык современной русской поэзии, отмечает, что полистилистика, которая выступает не только как смешение литературных стилей, но и как стилистическая контрастность фрагментов текста (как в вышеописанных примерах) – это явление общее для всех направлений постмодернизма. По ее наблюдениям, контраст в произведениях постмодернизма «выступает либо как отражение дисгармонии, либо, напротив, как ценностное уравнивание всего сущего, как средство устранить оппозицию между высоким и низким» (Зубова 2000: 14).

Примечательно, однако, что сам Александр Миронов никогда не считал себя постмодернистом, резко и раздраженно выступая против этого течения в стихах последнего периода своего творчества. Он оставался верен Хеленуктизму – течению, которое возникло в 1966 году в литературной среде Малой Садовой. Иронический манифест «Вступительная статейка Хеленуктов» была написана Владимиром Эрлем, который и привел в сентябре 1964 г. 16-летнего Миронова на Малую Садовую, познакомившись

---

⁷ Там же. С. 289.

с ним в Публичной библиотеке, и Дмитрием Макриновым. Группа исповедовала эстетику абсурда, во многом сближаясь с обэриутами. По словам Вл. Эрля, «В основе литературного метода Хеленуктизма лежало сочетание несовместимых речевых оборотов – возвышенных фраз и намеренного просторечья, канцелярских штампов и ненормативной лексики, обыгрывание расхожих словесных клише, пародирование общеизвестных литературных произведений» (Эрль 2011: 99). С. Савицкий отмечает в качестве предтечь Хеленуктов Козьму Пруткова, капитана Лебядкина и т. п. (Савицкий 1998: 218). Н. Николаев называет ироикомическую традицию XVIII в. – отсюда, по его мнению, естественность архаизмов в текстах Хеленуктов (Николаев 2016: 375). Гораздо позднее в своих воспоминаниях Вл. Эрль признался, что они во многом «изобретали велосипед», идя более или менее от тех же истоков, что и обэриуты, но на момент возникновения Хеленуктизма основатели были в основном знакомы только со стихами раннего Н. Заболоцкого, опубликованными в его однотомике в «Библиотеке поэта» в 1965 г. и с детскими (и немногочисленными «взрослыми») стихами Д. Хармса, которые ходили в самиздате; поэтому многое из того, что уже существовало в русской (и европейской) культуре, им приходилось придумывать заново. Я не случайно остановилась на этом периоде творчества А. Миронова, так как понимание его приверженности Хеленуктизму позволяет «расшифровать», «прочитать» то стихотворение, о котором пойдет речь дальше. Оно было написано в 1999 г., но впервые опубликовано лишь в 2012:

Постмодернизм — хоть имя дико,
но мне не тешит слух оно.
Течёт безумное пятно
озорно, лая, безъязыко.
И ты, папанин*, всё один,
как бог, как червь и гражданин.
Папанин, попа модернизма,
жди, жизнь войдёт ещё, как клизма
в твой постмодернистский ад.
Пока ты жив, гони назад
лесбийскую, слепую суку:
сказал: кукую — не кукуй,
воруй на Весте Ист, воруй,

и чтоб ни йоты там, ни звуку.⁸

Это небольшое стихотворение переполнено интертекстуальными отсылками, литературными аллюзиями, явными и скрытыми. Прием пародирования общеизвестных произведений присутствует здесь в полной мере. Миронов смешивает произведения писателей XVIII, XIX, XX вв. Начинает с трансформированной, пародированной цитаты Вл. Соловьева, ставшей эпиграфом к «Скифам» А.Блока: «Панмонголизм! Хоть имя дико, Но мне ласкает слух оно.», причем в аллюзии Миронова несколько слоев: ведь это выражение в трансформированном виде присутствует в ироническом манифесте Хеленуктизма в форме: «Хеленуктизм! Хоть имя дико». В следующей строфе он использует всего лишь осколки, два компонента («озорно» и «лая», причем второй осовременен и превращен в деепричастие) знаменитого крылатого выражения «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй», употребленное в этой форме Радищевым в качестве эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву» и обретшее благодаря ему «крылатость». Хотя восходит это выражение к «Тилемахиде» В.К.Тредиаковского, а в своей предыстории имеет античные корни. Интересно, что в современном русском языке это самое известное выражение XVIII в. Поэт Ю. Шерман дает целую серию вариантов этого крылатого выражения в стихотворении «Чудище обло. Введение в современную Россию», где оно представлено как универсальная модель описания современной жизни, при этом – описания удручающе негативного (Николаев С. 2010: 432).

Литературно-языковая игра Миронова продолжается совмещением несовместимого: он ставит в один ряд слово «безъязыко», уводящее нас к «Облаку в штанах» В. Маяковского («улица корчится безъязыкая – ей нечем кричать и разговаривать») и, на первый взгляд, отрицающее значение слова «лая». Но, возможно, автор тем самым передает бессодержательность, пустоту высказываний постмодернистов (без языка невозможно говорить членораздельно). В следующей строфе цитата из оды – торжественного произведения, написанного высоким стилем! – «Бог» Державина: «Я царь – я раб – я червь – я бог!» Ср. у Миронова: «как бог, как червь и гражданин». А «гражданин» – это,

---

⁸ Александр Миронов. Поздние стихотворения // *НЛО*. 2012. № 3 (115). С.298.

похоже, уже из стихотворения Н.А.Некрасова «Поэт и гражданин». Автор высмеивает «гражданскую» позицию постмодернистов, точнее, ее отсутствие. Не случайно, сопоставительный союз «и» соединяет слова «червь» и «гражданин», отождествляя эти слова-характеристики. Каждое слово-цитата, каждый компонент крылатого выражения влечет за собой весь набор культурных коннотаций целого выражения или текста произведения-донора.

Слово «папанин» сопровождается авторской звездочкой/ссылкой с объяснением «комплекс Эдипа» (папанин – папа – папаша – папаня), отсюда возникает аллюзия к фамилии известного советского полярника И.Д.Папанина, при этом автор подчеркивает созвучие его со словом «попа» – ирония, вполне в духе Хеленуктизма. Таким образом, постмодернизм в отличие от Хеленуктизма описан как чудище озорно, как папанин, то есть воплощение Эдипова комплекса, вождедеющего стать вровень с настоящим искусством (модернизмом) и в этом его противоестественность, поскольку он является еще и тем, что находится сзади самого модернизма. И этот постмодернизм еще дождется того, что Жизнь (как некая реальность) как клизма войдет в его постмодернистский ад (т.е. зад).

Против постмодернизма он выступает и в одном из последних своих стихотворений 2000-х гг. «Проведешь на народной природе свой розовый час...»:

В небесах словно мини-акулы летят и летят
 пост и пост модернисты, валютой случайной пузырятся
 из Парижа в Моздок, это их вертоград-зоосад,
 это их небеса, что на них призирают и зырятся.⁹

В этом отрывке наглядно представлена стилистическая контрастность фрагментов текста: 1) объединение в одно сложное слово библейского «вертоград» – «црк. сад, особ. плодовый; виноградник» вертоградный, садовый; вертоградарь муж. садовник (Даль 1978: т.1, 183), «вертоград сладости» (Иезек. гл.36, ст.5) – это Эдем, сад эдемский (Церковно-славянский словарь 1993: 72) и «зоосад», т.е. сад зверей, зверинец – слово, в метафорическом употреблении характеризующее сборище неприятных, странных людей: «Вы только взгляните на наши балы в собрании! Это же

⁹ Там же. С. 302.

не балы, а зверинец! А чего стоит эта боязнь приехать первым!» [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003).] (НКРЯ: дата обращения 30.04.2019); 2) употребление в одной строке «призирать» и «зыриться», восходящих к одному корню, но первое – церковнославянского происхождения: «призирать, призреть на что, на кого, взглянуть, бросить взор со вниманием, с участием, сочувственно, милосердно. Призирайте на нужды ближнего своего» (Даль 1980: т.3, с.414); а второе – просторечное, диалектное. Налицо явная тавтология, являющаяся здесь средством выражения презрительного отношения к постмодернистам. Возможно, выбор именно этих слов обусловлен и наличием у них паронимов «презирать кого, что» и «зариться на кого, что».

Чем было вызвано такое резкое неприятие постмодернизма? На литературную арену в начале 1980-х гг. вышло третье поколение писателей, про которое М.Эпштейн написал: «Это усталая литература. Черный юмор, абсурд, сюрреалистический акт, футуристический шок – все это когда-то восставало против: среды, сытости, разума, благополучия ... В нашей последней литературе за предел равен равнодушию» (Эпштейн 1991: 218). Эти писатели опирались на западный постмодернизм, который предоставил им ультрасовременную аргументацию отрицания. В свободе от религии, культуры, профессионализма – «в первобытности», по выражению В.Курицына, они видели условие создания новой литературы (Иванов 2003: 581). Видимо, против выхолощенности такого постмодернизма и выступал А.Миронов, который не мог оставаться равнодушным даже в самые тяжелые для себя времена. Для него обязательна связь времен в литературе, непрерывность (континуальность) литературного процесса. Жозефина фон Цитцевиц, писала, что Миронов – исторически ориентированный поэт, который восстанавливает прерванные связи с литературным наследием предыдущих поколений (Zitzewitz 2016: 83).

Литература

Zitzewitz Josephine von. *Poetry and the Leningrad. Religious-Philosophical Seminar 1974-1980. Music for a Deaf Age*. Great Britain: Modern Humanities Research Association and Routledge, 2016.

- Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т.1. М.: Изд-во «Русский язык», 1979.
- Дьяченко Д. *Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений)*. М., 1993.
- Зубова Л.В. *Современная русская поэзия в контексте истории языка*. М., 2000.
- Иванов Б.И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе 1950-е – 1980-е годы // Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е. *Литературная энциклопедия*. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Конаков А. *Материальные основания эпохи «застоя»: Александр Миронов как поэт архаики, смерти и нефти* // # 22 [Транслит], 2020. [Электронный ресурс] URL: <http://www.trans-lit.info/materialy/22/aleksej-konakov-materialnye-osnovaniya-epohi-zastoya>. (Дата обращения 02.04.2022).
- Курицын В. Постмодернизм: новая первобытная культура // *Новый мир*. № 2, 1992.
- Миронов А. *Избранное: Стихотворения и поэмы. 1964–2000*. СПб., 2002.
- Миронов А. *Без огня*. М., 2009.
- Миронов А. Поздние стихотворения // *НЛО*. 2012. № 3 (115). С.298–303.
- Николаев Н. Александр Миронов: «В этом лепете, который стрекочет словами, весь вопрос...» // *Особняк: Литературный альманах*. Выпуск 4. М., 2016. С.361–402.
- Николаев Н. Миронов Александр Николаевич // *Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энцикл. словарь*. В 3 томах. СПб., 2015. Т.2 (Е-О). С.621–622.
- Николаев С. «Чудище обло...» // *Русская судьба крылатых слов*. СПб.: Наука. С.423–433.
- Савицкий С. Хеленукты в театре повседневности // *НЛО*. 1998. № 2 (30). С.210–259.
- Эпштейн. М. После будущего, о новом сознании в культуре // *Знамя*. 1991, №1. С.217–231.
- Эрль В. *С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов*. СПб., 2011. С. 99.
- Юрьев О. [Вступительные слова к разделу, посвященному поэзии Александра Миронова] // *Новая Камера хранения. Временник стихотворного отдела за 2004–2006 гг.* М., 2007. С. 60.

МОДУСЫ ОСТРАНЕНИЯ В РОМАНЕ ВИКТОРА ЕРОФЕЕВА «ХОРОШИЙ СТАЛИН»

Сабо Т.

Печский Университет
Печ, Венгрия

Аннотация:

В статье рассматривается, каким образом совмещаются в постмодернистском автобиографическом романе Виктора Ерофеева «Хороший Сталин» толстовская и прустовская манеры воспоминания, и, вместе с тем, модусы *остранения*, характерные для познания мира у этих писателей.

Ключевые слова:

К. Гинзбург, В. Ерофеев, «Хороший Сталин», толстовский и прустовский модусы остранения

**MODES OF ESTRANGEMENT
IN VIKTOR EROFEEV'S NOVEL
"GOOD STALIN"**

Szabó T.

University of Pécs
Pécs, Hungary

Abstract:

The article examines how Tolstoy and Proust's manner of recollection and the modes of estrangement in their work are combined in Victor Erofeev's postmodern autobiographical novel "Good Stalin", both of which are characteristic of how the two writers make sense of the world.

Keywords:

C. Ginzburg, V. Erofeev, "Good Stalin", modes of estrangement by Tolstoy and Proust

Итальянский историк Карло Гинзбург, рассмотрев предысторию феномена остранения, пытается расширить его контекст в большей мере, чем это делал в свое время В. Шкловский. Как утверждает Гинзбург в статье «Остранение: Предыстория одного литературного приема», прием остранения в творчестве Л. Толстого восходит к философским размышлениям Марка Аврелия, наследие которого писатель воспринимал через призму французского Просвещения. Согласно мнению Гинзбурга, «...интеллектуальная традиция, преломившаяся в прозе Толстого, может быть в логическом пределе сведена к поиску истинного причинного начала как противоядия от ложных представлений. Это тот самый поиск, который мы в чистой форме видели у Марка Аврелия. [...] В рамках этой традиции остранение служит средством **прорвать привычную наружность явлений**, чтобы выйти к более глубокому пониманию реальности».¹

Кроме указания на наследие Марка Аврелия как на первоисточник феномена остранения в широком (философском) смысле, Гинзбург выделяет еще один способ остранения, противоположный толстовскому и не упомянутый Шкловским. На основе определенных фрагментов романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» Гинзбург приходит к выводу, что его автор, так же как и Толстой, пытается изображать явления как впервые увиденные. Однако задача Пруста заключается именно в **сохранении «свежести наружной оболочки явлений**, защитить эту оболочку от вторжения идей, изобразить вещи, обращаясь к сфере восприятия, еще не зараженной никакими причинными объяснениями»² – в чем легко угадывается воздействие современного Прусту импрессионизма.³ В итоге получается, что «две эти попытки [остранение у Толстого и у Пруста] ведут к весьма различным результатам: в первом случае – к моральной и социальной критике, во втором – к импрессионистической непосредственности».⁴ При этом, отмечает Гинзбург, в работах обоих авторов явно проявляется установка на «естественность».

---

¹ Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // *НЛО*. 2006. (4). [Электронный ресурс] URL:<https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/ostranenie-predystoriya-odnogo-literaturnogo-priema.html?ysclid=lmdiyatatog235660011>.

² Там же.

³ Гинзбург в своей статье упоминает также современную Прусту тенденцию выстраивать неоднозначными романские отношения между автором и повествователем в литературных произведениях. Родоначальником этого приема Гинзбург считает Достоевского (на которого ссылается и сам Пруст), в первую очередь его роман «Бесы».

⁴ Там же.

Виктор Ерофеев в своем эссе «Пруст и Толстой» (1978) видит существенную общую черту в творчестве двух писателей в «установке художественного сознания на воспоминание».⁵ Он сопоставляет функцию памяти в творчестве обоих писателей и приходит к выводу, что тогда как для Толстого «воспоминание предполагает не только восстановление прошлого, но и – что самое важное – нравственную его оценку, [...] основная характеристика прустовской памяти – произвольность. [...] В воспоминании Пруст восстанавливает потерянный, прежний взгляд на мир, но не с тем, чтобы подвергнуть его моральному суду, а для того, чтобы насладиться его свежестью и своеобразием».⁶ За этими противоположными стратегиями, как предполагает Ерофеев, стоит особое отношение к истине и возможности познания действительности. По его мнению, Толстой «не удовлетворяется степенью объективизации, которая достигается в повествовании от первого лица. В дальнейшем он отдает предпочтение объективной форме повествования, позволяющей ему свободно входить в сознание всех своих персонажей и иметь априорное знание цельной и полной истины о них на каждом этапе их морально-психологической эволюции».⁷ Пруст же, в духовном мире которого творчество Толстого занимает особое место, сомневается в познаваемости объективной истины: «Вместо цельной истины он создает мозаичную картину „мгновенных“, часто несовместимых друг с другом истин (воспоминания множат их) и как художник вдохновляется их живописной контрастностью».⁸

Если воспринимать остранение как особый способ познания мира, реализованный прямо противоположными путями в творчестве Толстого и Пруста, как по предположению К. Гинзбург, то не случайно, что с ним коррелирует манера воспоминания двух писателей – как это описано у Ерофеева. Созвучие в концепциях К. Гинзбурга и Вик. Ерофеева (которое, возможно, отчасти объяснимо и их общим источником⁹) для настоящей работы интересно тем,

⁵ Ерофеев В. В. Пруст и Толстой // *В лабиринте проклятых вопросов. Эссе*. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 453.

⁶ Там же. С. 454, 455, 456.

⁷ Там же. С. 455. Сравни с позицией М. Бахтина о моноличности прозы Толстого. Бахтин М. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва-Augsburg: im Werden-Verlag, 2002. С. 40.

⁸ Там же. С. 456.

⁹ Вик. Ерофеев в своем эссе ссылается на работу Лидии Гинзбург, которая при сравнении поэтики Толстого и Пруста формулировку «соотношение чувственной конкретности и интеллектуальной конструкции» оценивает как «скрытую самохарактеристику», проецированную Прустом на Толстого. Гинзбург Л. *О психологической прозе*. М.: Intrada, 1999. С. 334. Карло Гинзбург тоже мог быть знаком с книгой «О психологической прозе», однако он на нее не ссылается.

что Ерофеев, как мне представляется, в своем постмодернистском автобиографическом романе «Хороший Сталин» как раз смешивает толстовскую и прустовскую манеры воспоминания, и, вместе с тем, модусы остранения, характерные для познания мира у этих писателей.

Отправной точкой и мотивацией для создания текста Ерофеева послужило событие, изначально требующее моральной оценки – «отцеубийство». Исповедальная установка при воссоздании этого события (на самом деле: издание неподцензурного альманаха «Метрополь») и ведущих к нему процессов близка к толстовской манере воспоминаний: аналитической, ищущей причинного начала и предполагающей единую истину. Однако сама техника воспроизведения прошлого со своей мозаичностью, ассоциативно сопоставленными, но часто несовместимыми друг с другом истинами напоминает прустовскую установку. Ведущие к «отцеубийству» процессы воспроизводятся с разных точек зрения, с помощью трех жанровых кодов – автобиографии, в центре которого становление писателя, семейного романа, сфокусированного на отношении отца к советской власти и историко-философского эссе, осмысляющего особенности русской ментальности. Благодаря их синтезу удается избежать одного взгляда на происходившее и его единственного толкования.

К этой же неоднозначности в истолковании явлений приводят и разные модусы остранения как чисто литературного приема, часто используемые в произведении Ерофеева. Среди них выделяются взгляд ребенка на мир взрослых и восприятие одной культуры с точки зрения другой.

Ерофеев-мальчик живет с родителями в парижском посольстве СССР и часто не понимает поведение взрослых в ситуациях, сложившихся в силу политических обстоятельств. Характерны в этом отношении события 1956-го года в Венгрии. Ребенок узнал о них по тому, что в один из осенних дней парижское здание советского посольства забросали яйцами и забрызгали красной краской. Вот как воспринимает это девятилетний мальчик:

Я узнал, что на свете существуют люди, которые называются венгры. Я решил, что венгры и хулиганы – одно и то же. Они взбунтовались. [...] Больше всего на свете мне захотелось быть хулиганом. Быть тем, кто посмел. [...] Я решил стать страшным венгром, похожим на индейца.

Мне хотелось самому бросаться яйцами.¹⁰

Между тем, взрослый уже автор-повествователь считает, что венгерская революция была переломным моментом в развитии ребенка: именно узнав о ней он «проснулся к взрослой жизни» (197). А через несколько глав описывается эпизод встречи Ерофеева-старшего, дипломата-разведчика, с американским коллегой и решения судьбы венгерской революции в элегантном парижском кафе – эпизод, о котором автор мог узнать только намного позже от отца (нельзя, конечно, исключить фиктивность этого эпизода). Так множатся взгляды, воспроизводящие разные отношения к одному и тому же событию (явлению) через воспоминание.

Похожим образом двойится восприятие сексуальной инициации автобиографического героя. Сцена в ванной, где Ерофеев-мальчик должен мыть свою учительницу, описана со всеми физиологическими деталями с точки зрения ребенка, ничего не понимающего в происходящем и не называющего увиденное своим именем.

Кирилла Васильевна дергалась все сильнее, рот распахнулся, у нее был вид, как будто она очень сильно страдает, как будто ей только что вырвали зуб. Она изо всех сил наехала на мой кулак, который провалился в ее недрах, и задергивалась, словно ее повесили. Наконец, вздрогнув всем телом, она медленно стала оседать в ванну... (190).¹¹

Спустя несколько страниц уже взрослый автор релятивизирует пережитое мальчиком, утверждая, что этот опыт рационально необъясним и у него нет ответа на самые простые вопросы в связи с ним.

В становлении автобиографического героя, в его отношении к отцу и советской власти играет основополагающую роль присутствие двух культур – русской и французской – как контекст его жизни, и взгляд на одну из них изнутри другой. На этом приеме основаны третья и четвертая главы произведения: в третьей ребенок из семьи, принадлежащей советской номенклатуре

¹⁰ Ерофеев В. *Хороший Сталин*. С-Пб.: Азбука-классика, 2010. С. 197, 198. Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

¹¹ В связи с этим эпизодом см. ссылку Шкловского на приемы остранения в эротической литературе – эвфемизмы и загадки вместо прямого названия половых органов и полового акта. Шкловский В. Б. *Искусство как прием // О теории прозы*. М.: Круг, 1925. С. 7–20.

знакомится с французским миром и также наблюдает его влияние на родителей, а в четвертой «зараженный» уже французской культурой подросток сравнивает свой парижский опыт с московской жизнью. В описании культурных особенностей взгляд автора-повествователя и его же детский взгляд уже четко разделены, оценивающий голос первого однозначно преобладает в воспроизведении детских впечатлений.

В описании процесса «перевоплощения» всей семьи в Париже применяется прустовский тип остранения: детальное воспроизведение вещей и чувственных впечатлений от внешнего мира. Мальчик регистрирует, в том числе, новую одежду и новый запах родителей, изменение их гастрономических предпочтений. Это последнее описано прямо как «война двух мощных гастрономических систем»:

Путь от сладкого крымского портвейна, мадеры, хереса к бордо и бургундскому стал наиболее значимой сдачей советских позиций. [...] На кухне жарится бифтек с кровью. Вместе с красным вином он оттесняет Клавины котлеты. Мясорубка молчит, но внезапно на левом фланге возникают черные сухари. Мы не можем перед ними устоять. Черные сухари ассоциируются у нас не с каторгой, а ностальгией по „бородинскому” хлебу. [...] Зато багет с хрустящей корочкой, живущий, как мотыль, один день, вступает в борьбу с нарезным московским батоном за двенадцать пятьдесят, выдавливая его, и только московские калачи, эти дамские сумочки, осыпанные мукой, сохраняют свое дистанционное превосходство (141–142).

В итоге автор-повествователь признается, что у него «двойное гражданство в культуре», сложившееся «из бытовой семиотики, невидимых мелочей, которые вошли в [его] кровь» (143).

Попав из Парижа в Москву Ерофеев-мальчик быстро соображает, что Париж – непередаваемый опыт, и он уже никогда не будет советским человеком. Однако, с Москвой связано еще одно, важнейшее для его жизни «перевоплощение» – формирование писателя. Переломный момент этого процесса и здесь дан через детальное описание вещи, пишущей машинки – имитируя на этот раз взгляд влюбленного молодого человека.

Эрика была выше влюбленностей. Эрика была болотно-металлической. Эрика стучала кованными копытцами. Ее черная пахучая лента, бегущая от одного колесика к другому, ее тонкие пальцы с ноготками букв – это любовь. Я никогда – до сегодняшнего дня – не думал о том, что Эрика –

женское имя. Это было имя моей личной мечты. Эрика – так называлась пишущая машинка, которая сделала меня писателем. Эрика – главный экспонат моего личного музея (245).

Кроме представления определенной культуры из внешней точки зрения и детского взгляда на мир, самые частые приемы остранения в произведении Ерофеева – это ирония, абсурд, парадокс.

Помимо конструирования автобиографии, в которой акцент ставится на процесс становления писателя, целью автора-повествователя является и выяснение отношения своего отца, помощника Молотова и личного переводчика Сталина, к советской власти. Для этого он воспроизводит биографию отца в различных формах с разной степенью остранения: как пересказ приключений Владимира, «советского Одиссея / Кандида» от третьего лица, как часть своих воспоминаний детства, а также в форме бесед прямо на эту тему подрастающего и уже взрослого сына с отцом.

В этих местах текста часто появляется ирония автора-повествователя по отношению к взглядам отца, полностью отождествлявшего себя с советской властью. Примером для этого служат, в том числе, их разговор о поэте С. Клышко, бывшем однокурснике Ерофеева-старшего и оценка восприятия отцом СССР, интересы которого он представляет послом в Африке.

...я знал, что Сергей не стесняется в поведении, рассказывает анекдоты, читает вслух антисоветские стихи. Наверное, кто-то стукнул. [...] Сергея приговорили к „вышке“. – За стихи – к „вышке“? – меланхолично спросил я. – Мне было ясно, что не стоило их читать (52).

Она [страна] казалась ему такой, какой он ее видел в мелованных альбомах ленинградского издания „Аврора“, которые он дарил иностранцам. Это была подарочная страна. Это была великая страна. Там было все: озеро Байкал, Кижы, ДнепрогЭС, полеты огромных птиц над казахской степью, пальмы, ледники, парады на Красной площади, половодье на Волге. Оставалось сделать последнее усилие: поднять материальный уровень населения, но было тысяча объективных причин, в силу которых эта задача откладывалась из года в год. Папа готов был подождать (274).

Ирония по поводу сущности сталинизма порой доходит до абсурда, как например, в псевдиалоге автора-повествователя со Сталиным.

СТАЛИН. Человек создан для полета, как птица для счастья. Человек умеет летать. Не летают только помещики и капиталисты.

Я. Сталин создал воздушный миф.

СТАЛИН. Чкалов стал человеком-птицей. [...]

Я. Сталин хотел Икара. Сталин хотел летать. Пусть он летал на самолете только раз, в Тегеран – он очень боялся.

СТАЛИН. Предмет для иронии западного критика.

Я. Я бегал к Манежной площади, пробираясь под военными грузовиками, когда полетел Гагарин. Я до сих пор люблю его улыбку. Мы все были заражены мечтой о полете.

СТАЛИН. Но у человека, как оказалось, крылья растут медленно (247–248).

Таких псевдиалогов, участники которых обозначены заглавными буквами, несколько в тексте Ерофеева, и они представляют собой попытки понять русскую ментальность и причины сталинизма. Суть сталинизма выражается в тексте прежде всего в парадоксах, понижающих и образ Сталина, и образ отца, и жизненный путь самого автобиографического героя. Сталин определен, в том числе, как «русский Бог, на тридцать лет прикинувшийся грузинком», «великим художником жизни», который «загадал русским загадку» (344, 345, 124) и «хотел сохраниться как идеальный сгусток мечты – без всяких человеческих примесей» (248). Главный же парадокс истории России автор-повествователь видит в том, что «Сталин останется в ней положительным народным героем» (343), несмотря ни на какие причиненные им страдания и огромное количество жертв.

Ерофеева-старшего, сталинского сокола, существовавшего долгое время как «одно из продолжений» Сталина (56), все же характеризует парадоксальное сочетание европейского склада поведения и быта с советской идеологией. Он предстает в тексте как «святой коммунист», живший на старости лет «на деньги, которые, в сущности, выплачивают его западные враги, против кого он жестоко боролся» (279, 280). Политическое «убийство», совершенное сыном он превращает в осознанно принятую жертву, и тем самым помогает сыну утвердиться в качестве писателя (причем, как диссидентского) – несмотря на то, что сам он не человек культуры, считая ее опасной для режима.

Именно эта жертва отца является главным парадоксом жизни автора-повествователя, который благодаря ей «привел себя в соответствие с предназначением» (45). Сам же его текст «Хороший Сталин» парадоксален, как мне представляется, в

двух смыслах: с одной стороны, именно благодаря рассказу об истории «отцеубийства» происходит в нем воскрешение как бы «убитого» отца¹² и увековечивается его образ. С другой стороны, будучи хозяином текста, автор-повествователь берет на себя функцию образа Сталина. Его единый голос и безоговорочно сформулированные выводы по поводу описанных им событий и явлений, явно господствуют над фрагментарностью и ассоциативностью материала, над чувственными деталями и разными жанровыми кодами. Создание особого языкового мира, по-своему осмысляющего действительность и подчиненного авторскому взгляду, представляет собой параллель деятельности Сталина и самого советского режима, определенного в тексте как «Империя Слова и Образа». В этой империи литература – причина и орудие убийства (см. разговор о С. Клышко и сам альманах «Метрополь»), а «любое посягательство на монополию слова воспринимается как *разгерметизация* власти» (298).

Создание неподцензурного альманаха было именно таким актом «разгерметизации», но произведение о ведущих к «Метрополю» процессах (жизнеописание отца и автобиография на фоне сталинского и постсталинского режима) является, в конечном счете, «авторитарным» текстом, воплощением определенного взгляда на это событие. В этом смысле говорить о «Хорошем Сталине» как сугубо постмодернистском тексте нельзя, он скорее представляет собой смесь двух манер воспоминаний и модусов остранения, прустовского и толстовского, с явным преобладанием последнего в глубинной структуре текста.

---

¹² Об этом Вик. Ерофеев говорит прямым текстом в передаче *Знаток русской души. Виктор Ерофеев* // Радио Свобода. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=DI-2П_V06w.

Литература

- Бахтин М. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва-Augsburg: im Werden-Verlag, 2002.
- Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // *НЛО*, 2006 (4). [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/ostranenie-predystoriya-odnogo-literaturnogo-priema.html?ysclid=lmdiytag235660011>.
- Гинзбург Л. *О психологической прозе*. М.: Intrada, 1999.
- Ерофеев В.В. Пруст и Толстой // *В лабиринте проклятых вопросов. Эссе*. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 448–467.
- Ерофеев В. *Хороший Сталин*. С-Пб.: Азбука-классика, 2010.
- Знарок русской души. Виктор Ерофеев* // Радио Свобода. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=DI-2fl_V06w.
- Шкловский В.Б. Искусство как прием // *О теории прозы*. М.: Круг, 1925.

**«ОСТРАНЕНИЕ»
В РОМАНЕ «ДОЖДЬ В ПАРИЖЕ»
Р. СЕНЧИНА ***

Войводич Я.

Университет Загреб
Загреб, Хорватия

Аннотация:

В статье используется прием «остранения», введенный Шкловским (*Искусство как прием*, 1917) на прозе актуального, «новореалистского» русского писателя Романа Сенчина. Кроме наглядных приемов «остранения» в рассказах и повестях Сенчина, статья сосредоточивается на романе *Дождь в Париже* и взгляд на город Париж глазами главного героя Андрея Топкина. Герой, которому во время повествования сорок лет, вспоминает о событиях своей молодости. Таким образом сама структура романа, построенная по принципу ретардации, наподобие «бокового хода» или «скачка коня» (Шкловский), дается в «остраненном» виде.

Ключевые слова:

«остранение», Шкловский, Сенчин, *Дождь в Париже*

---

* Данная статья написана в рамках проекта «Русские литературные трансформации с 1990 по 2020 г.» (IP-2020-02-2441), при финансовой поддержке Хорватского фонда науки.

**“DEFAMILIARISATION”
IN THE NOVEL “RAIN IN PARIS”
BY R. SENCHIN**

Vojvodić J.

University of Zagreb
Zagreb, Croatia

Abstract:

The article discusses “defamiliarization” (“ostranenie”), a term given by V. Schlovskii (*Art as a Technique*, 1917) and analyses it in the prosaic works of contemporary Russian new-realistic author Roman Senchin. Except some examples of “defamiliarization” in Senchin’s short stories, the article provides analyses of his novel *Rain in Paris*. The capital of France in the novel is presented through the main hero’s point of view. Andrei Topkin is a 40-year-old man, and he is thinking about his past. Because of that, the structure of novel is built as a retardation, and that “literalisation” (“knight jump”, Schlovskii) is a way of “defamiliarization” as well.

Keywords:

“defamiliarization” (“ostranenie”), Schlovskii, Senchin, *Rain in Paris*

Термин «остранение» Шкловский ввел в литературу во втором десятилетии двадцатого века и в раннем периоде своей жизни, в манифестной статье *Искусство как прием* (1917). Илья Калинин в тексте *Виктор Шкловский как прием*, в сборнике, посвященном формальному методу, приводит, что за сто лет с момента появления его знаменитых манифестов, какими являются *Воскрешение слова*, *О поэзии и заумном языке* и *Искусство как прием*, части статей, отдельные цитаты и соображения оказались «растасканными на цитаты как *Горе от ума* Грибоедова». ¹ На первый план выдвигается его понятие «остранения», благодаря которому автор и его понятие стали «устойчивым сочетанием». ² Этот термин не только остался в употреблении, а стал зонтиковым термином, расширяющим диапазон применения, и в новом тысячелетии встречается в работах не только на плане филологии, и теории фильма, но и в области философии, культурологии, психологии, социологии, искусствознания, театроведения и др. ³

Суть его размышлений об «автоматизации» и «остранении» состоит в том, что «[ц]елью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием „остранения“ вещей...». ⁴ «Остранение» он толкует как возможность вывести вещь из ее обыденного порядка, благодаря чему она становится странной. Если поэтический язык должен являться «чужим», который еще Аристотель обозначал как «чужеземный» и «удивительный», ⁵ то прозаический текст работает по-другому. Прозаический текст дает знать о себе, раскрывая поэтичность языка. Еще Эйхенбаум в знаменитом тексте *Как сделана „Шинель“ Гоголя* писал о поэтизации описания. ⁶

Вопрос об историчности термина «остранения» мучал самого Шкловского, что он выразил в тексте *Памятник научной ошибке*. Карло Гинзбург задает вопрос, следует ли считать «остранение» синонимом искусства вообще, или он связан с какой-то

¹ Калинин И. Виктор Шкловский как прием // Ушакин С. (ред.), *Формальный метод. Антология русского модернизма. Том 1. Системы*. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 76.

² Там же. С. 79.

³ Заика В. И. Понятие остранения и компоненты художественной модели // *Вестник новгородского государственного университета*. 2004. № 29. С. 97.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Шкловский В. *Искусство как прием* // Ушакин С. (ред.), *Формальный метод. Антология русского модернизма. Т. 1. Системы*. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 144.

⁶ Эйхенбаум Б. *Как сделана «Шинель» Гоголя*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.opojaz.ru/manifests/kaksdelana.html>.

специфической литературной традицией?⁷ Он считает, что процесс автоматизации нашего восприятия составлял исторический контекст концепции искусства Шкловского, т. е. концепции, предлагающей «внеисторическое определение искусства, никак не ограниченное хронологически».⁸

Если существует риск принимать реальность как нечто обыденное, самоочевидное, или само собой разумеющееся, как пишет Карло Гинзбург, то как вывести это восприятие из автоматизма современному человеку, который унаследовал опыт авангарда и даже постмодернизма? Как работает прием «остранения» в «реализме» Л. Толстого, показал Шкловский, но как он работает в современном тексте «нового реализма»?

Проза Романа Сенчина толкуется исследователями как проза «нового реализма». Н. Ковтун приближает его творчество к прозе С. Шаргунова, Г. Садулаева, З. Прилепина, М. Елизарова и др.⁹ Проза Сенчина выделяется и особой внеисторически и не-политически понимаемой «почвенничностью», как связью с почвой, землей, деревней и Сибирью, как его микро-территорией. Его проза тесно связывается с Тувой, Кызылом, тайгой, плодами земли и с самой землей и ее значением в смысле природного сокровища, но и в смысле патриотическом, эмоциональном. Этот «новый реалист» и автор «сибирского текста», или, по словам критиков, создатель современной литературы о Сибири,¹⁰ развернул в своих романах, повестях и рассказах «картины гибели „русской провинции“, воспетой авторами классического традиционализма».¹¹ Каким образом осуществляется эффект «остранения» в его прозе? Именно это и является центральным вопросом данной статьи.

В прозе Л. Толстого Шкловский показал работу приема «остранения» в хорошо известных социальных практиках. Это телесные наказания и личная собственность (*Холстомер*), брак и религия (*Воскресение*), или же война (*Война и мир*) и др. В прозе Сенчина работа приема «остранения» связывается со взглядом героя на город, на прошлое, на привычные вещи и занятия.

---

⁷ Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // *НЛО*. 2006. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/ostranenie-predystoriya-odnogo-literaturnogo-priema.html>.

⁸ Там же.

⁹ Ковтун Н. In vino veritas, или об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина) // *Зборник Матице српске за славистику* 103, 2023. С. 273; Черняк М. 2018. *Проза цифровой эпохи. Тенденции, жанры, имена*. Учебное пособие. М.: Флинта. С. 123.

¹⁰ Там же. С. 131.

¹¹ Там же. С. 273

«Остраненным» взглядом, например, описываются типичные памятники, наподобие памятника Ленину, представленного глазами молодых Ильи и Вали из Кобальтогорска в повести *Золотые долины*. Их взгляд на памятник представляет собой описание «по-другому», т. е. является выводом памятника из автоматизма восприятия, которое сохраняет старое поколение:

Над площадью возвышается памятник Ленину. Тоже бетонный, с облезшей местами побелкой, но сама фигура мифического для Ильи и Вали вождя до сих пор поднимала настроение. Руки в карманах, ноги широко расставлены, на лице удовлетворение, какое бывает у людей, завершивших трудное дело.¹²

Если мы читаем «остранение» как освобождение от автоматизации, или как сдвиг автоматизированных привычек повседневности, то при описании памятника действительно работает прием «остранения», на самом деле «устранения» от «привычной в данной культуре семиотичности вещи».¹³ Это не только взгляд новых молодых людей, это ресемиотизация памятника, новый взгляд человека XXI века на монументализацию XX века.

Похожим является описание глазами мальчика Ильи Погудина собственного города Кобальтогорска. Ракурс ребенка или вообще *другого* является типичным приемом «остранения». Город глазами мальчика «остраняется» изменением перспективы. Вместо того, чтобы смотреть на него из перспективы пешехода, десятилетний мальчик смотрит на город из перспективы птичьего полета, оказавшись однажды в вертолете: «Еще видит он из вертолета серую полосу асфальта. Это дорога в ближайший к ним город...».¹⁴

Самое продуктивное «остранение» происходит в прозе Сенчина в описаниях сибирского пространства, провинции, жизни в деревне, особенно сбора ягод и грибов. Земля, которая дарит, представляется глазами, которые в первый раз видели богатство земли и трудности работы. Этот прием описания примыкает к работе приема «остранения» в прозе Толстого, как его представил Шкловский, и который «состоит в том, что он не называет вещь

¹² Сенчин Р. *Золотые долины / Остановка*. М.: АСТ. С. 14.

¹³ Заика В. И. Понятие остранения и компоненты художественной модели. С. 102.

¹⁴ Сенчин Р. Там же. С. 32.

ее именем, а описывает ее как в первый раз виденную, а случай – как в первый раз происшедший».¹⁵ Ощущение и понимание земли, высказанные в сборе грибов в его романах, повестях и рассказах, играет немаловажную роль и нередко этот процесс описывается тщательно, досконально и, конечно – «остраненно», как будто этот процесс, который уже знаком героям, возникает именно в момент описания. Либо рассказчик, либо герой заявляют о грибах как о чем-то почти волшебном, хотя, в одно и то же время повседневном. В романе *Елтышевы* описывается сбор ягод с полной информацией о цене, количествах и качествах:

Сначала брали назревшую в логах жимолость [...] Чуть позже жимолости появлялись грузди. Сначала сухие – ценились они не очень высоко, но лезли из мха бесчисленно, их собирали с радостью: продашь не продашь, но хоть самим в зиму еда. Солили в банках или кадках [...] После сухих наступало время настоящих груздей и рыжиков. Эти и на рынке ценились, и скупщики за ними охотились [...] А к сентябрю поспевала и брусника: в бору – мелковатая, редкая, которую приходилось брать руками....¹⁶

Сбор грибов занимает немаловажное место и в романе *Дождь в Париже*, где главный герой Андрей Топкин, не совсем умело собирал, но зато его жена Алина была искусницей, что позволяет Топкину удивляться:

«Волнушка!.. Груздь!.. Обабок какой чистенький!.. Масленок! Белянка! Ух ты, рыжик!..» Андрей же растерянно хлопает глазами: ведь он же смотрел туда, где Алина заметила гриб, но ничего, кроме палой хвои, листочков, хилой лесной травы не видел.¹⁷

Но, кроме упомянутого, в данном романе прием «остранения» осуществляется и в других описаниях и другими способами.

Андрей Топкин, как «маленький человек», продолжающий парадигму «персонажей-маргиналов», по словам Н. Ковтун

---

¹⁵ Шкловский В. Искусство как прием. С. 137.

¹⁶ Сенчин Р. *Елтышевы*. М.: АСТ, 2022. С. 125–126.

¹⁷ Сенчин Р. *Дождь в Париже*. М.: АСТ, 2018. С. 332.

оказался «вне покрова мифа, традиции и веры, фатально одинок, растерян, инфантилен, вынужден осваивать не столько дороги, сколько перекрестки». ¹⁸ Главный герой, который поехал из провинциального сибирского города Кызыла на экскурсию в Париж как центр европейского мира, и который большую часть времени провел не в осмотре города, а пьяным в гостиничном номере, «остраненными» глазами смотрит на Париж. Хорошей мотивировкой его взгляда на Париж является его состояние опьянения. Однако, он на город смотрит и глазами иностранца. Город из его снов, о котором ему читали в детстве, возникает перед ним – сорокалетним Андреем Топкиным – совсем новым. Первая встреча с городом сразу является странной:

Заметался, запаниковал, но почти сразу увидел вывеску со стрелкой и словом „Sortie“. – «Выход», – шепотом перевел и зашагал, куда указывала стрелка. ¹⁹

Иностранное слово погружает его в иностранный мир, на который ему придется смотреть «новыми» глазами. В рассматривании понятия «остранение» немецкий славист Ханс Гюнтер объясняет, ссылаясь не только на Шкловского, сколько на Шопенгауэра, что взгляд иностранца, открывает вещи, ничуть не примечаемые местными жителями. Человек рассматривает вещи «полностью новыми глазами». ²⁰ Париж медленно возникает перед глазами главного героя. Он раскрывается и каждый раз принимает более конкретные очертания:

Топкин открыл глаза и долго, не мигая, будто и не спал, смотрел в потолок. Ровное поле без лампочки по центру... По полю бегут, колышутся тени, что-то вроде пара. Это с улицы — шторы раздвинуты, и там мутно светится ночными огнями, электрическим заревом город Париж. Словно подтверждение этому из плоской плазмы тихо журчала, всплескиваясь на «р», французская речь. ²¹

---

¹⁸ Ковтун Н. *In vino veritas, или об особенностях винопития в Кызыле и Париже* (версия Р. Сенчина). С. 274.

¹⁹ Сенчин Р. *Дождь в Париже*. С. 18.

²⁰ Günther H. 2021. *Očudenje // Lugačić Vukas D. (ur.), Pojmovnik ruske avangarde 10*. Zagreb: Zavod za znanost o književnosti, Sandorf, 2021. Str. 36.

²¹ Сенчин Р. *Дождь в Париже*. С. 119.

Субъективный взгляд на город, который дается герою сквозь призму мечты и звуков, «остраняют» привычный взгляд и делают Париж, не настоящим, а субъективным, «топкинским». Париж, таким образом, становится фантасмагорическим городом, который, в мечте Топкина вырастает и описывается не как столица Франции, европейский город, а «обетованное пространство» художников: «... Мане, Дега, Писсарро, Сезанна, Моне, Ренуара, потом младших — Гогена, Лотрека, Сёра, Ван Гога, Синьяка, Руссо, Бернара...».²²

Париж предстает по туристической программе, когда вербально нанизываются достопримечательности (Версаль, Лувр, Елисейские Поля, собор Парижской Богоматери, Монмартр и др.). В конце своего пребывания в Париже он охватил его взором

И увидел город. Неожиданно плоский, словно придавленный к земле гигантской ладонью. Возвышались лишь Эйфелева башня и одинокий небоскреб. Самых зданий в темноте почти не было видно, но огни обозначали их высоту²³

Город живет не в привычных описаниях, а в «сдвинутом» ощущении сорокалетнего Топкина и поэтому он выходит за рамки «обыкновенного» описания. «Остраненное» описание происходит из-за взгляда кызылского иностранца, пьющего человека, который пространство не описывает, а «ощущает» и выводит его из автоматизации восприятия, заявленного в хорошо известных достопримечательностях города. Это город, который ему дается как иностранцу, и который он сам воспринимает как иностранец. Одновременно, самого Топкина в Париже воспринимают как иностранца, «чужого», из-за невозможности правильно произнести его имя («Господин Томин»,²⁴), вплоть до его плохо выученных французских слов («Лямур», «Эксюэ... Нё компран...»; «А-ай! Кёс кё ву фэт?!»²⁵) и женщины, убежавшей от него («Девушка вскрикнула так громко, что ему померещилось — сюда уже бегут те солдаты с автоматами».²⁶).

В поле размышлений об «остранении» входит и структура, на

---

²² Там же. С. 151.

²³ Там же. С. 374.

²⁴ Там же. С. 30.

²⁵ Там же. С. 392.

²⁶ Там же.

которую формалисты в своем зрелом периоде обращали внимание. Структура подразумевает сочетание разными способами, или же сочетание несочетаемого.²⁷ Сюжетный материал, отличающийся от жизненного, внесюжетного материала, реализуется нарушением нормы, поскольку сюжет строится как система перестановок мотивов, как отклонение.²⁸ Второй принцип приема «остранения» в данном романе – это ретардация. Ретардация в романе *Дождь в Париже* является тем «спотыканием», показывающим трудности самого сюжета, о котором писал Шкловский.²⁹ Ретардации меняют регулярный хронологический рассказ о жизни героя, и «скачком коня»,³⁰ непрямолинейно и не последовательно делают жизненную историю главного героя новой, выводя ее из автоматизма перцепции. Топкинское путешествие в Париж оборачивается ревизией его собственной жизни и в романе предстает опрокинутый мир, мир на хронологическую изнанку. Прошлое и настоящее сосуществуют в романе. Погружение в прошлое происходит внезапно. По приезде в Париж начался дождь, который по-прустовски помогает Топкину вспомнить то, что было:

Да, уже стемнело, и пока то да сё, пока доедут — будет совсем ночь. И не погуляешь. Дождь к тому же. Надо было зонтик взять — у него дома остался хороший, складной. Вспомнился фильм *Укол зонтиком*.³¹

На прошлое Топкин смотрит новыми глазами. Как и в случае взгляда на город, «алкоголь как вариант глубинного душевного напряжения помогает герою взглянуть на собственную историю с иной точки зрения».³² Здесь стоит обратить внимание на то, что сюжет сам по себе строится «искусственно», поскольку сюжет предстает как «нарушение хронологической фабульной логики»³³ и освобождение от задуманной логики. Затруднение формы, задерживающее моменты, формы, тормозящие действие, также

²⁷ см. Günther H. Očudenje // Lugarić Vukas D. (ur.), *Pojmovnik ruske avangarde 10*. Zagreb: Zavod za znanost o književnosti, Sandorf, 2021. Str. 47.

²⁸ Калинин И. Виктор Шкловский как прием // Ушакин С. (ред.), *Формальный метод. Антология русского модернизма. Том I. Системы*. М. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 92.

²⁹ Шкловский В. Искусство как прием. С. 134.

³⁰ см. Шкловский В. *Ход коня. Сборник статей*. Москва/Берлин: Книгоиздательство Геликонъ, 1923.

³¹ Сенчин Р. *Дождь в Париже*. С. 20.

³² Ковтун Н. In vino veritas, или об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина). С. 276.

³³ Калинин И. Виктор Шкловский как прием. С. 89.

являются приемом «остранения», так как выводят восприятие из автоматизации хронологического пути героя. Поэтому ретардации в романе *Дождь в Париже* являются «остранением» и отвечают определению о том, что «имманентные законы сюжетосложения освобождают от автоматизирующего воздействия повседневности».³⁴

Пьяный Андрей Топкин, или русский в Париже, наподобие англичанина в Нью-Йорке в песне Стинга (*Englishman in New York*, 1987) является иностранцем, заново прожившим собственную сорокалетнюю жизнь. Карло Гинзбург пишет, что существует риск «принять реальность за нечто самоочевидное, само собой разумеющееся».³⁵ Если это так, прошлое героя Топкина не принимается как «самоочевидное»; оно «остраняется». Описание сибирского пространства, сбора грибов и ягод, осмотр города глазами чужого, перечисление вещей прошлого и пр., все это выражается приемом «остранения», как эффективным средством противодействия привычному взгляду. Взгляд героя на прошлое «остраняется» или, можно сказать, разоблачается, получая новую значимость, новое видение. Все перечисленные примеры показывают, что проза Сенчина строится по принципу не прямой, а «кривой дороги» «на которой нога чувствует камни»,³⁶ возвращая ощущение вещам.

---

³⁴ Там же.

³⁵ Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/ostranenie-predystoriya-odnogo-literaturnogo-priema.html>.

³⁶ Шкловский В. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // Ушакин С. (ред.), *Формальный метод. Антология русского модернизма. Т. 1. Системы*. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 147.

Литература

- Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // *НЛО*. 2006. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/ostranenie-predystoriya-odnogo-literaturnogo-priema.html>.
- Заика В. И. Понятие остранения и компоненты художественной модели // *Вестник новгородского государственного университета*. 2004. № 29. С. 97–103.
- Калинин И. Шкловский как прием // Ушакин С. (ред.), *Формальный метод. Антология русского модернизма. Т. 1. Системы*. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 63–106.
- Ковтун Н. In vino veritas, или об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина) / *Зборник Матице српске за славистику* 103. Нови Сад, 2023. С. 271–286. [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2023.103.18 стр. 271-286.
- Сенчин Р. *Дождь в Париже*. М.: АСТ, 2018.
- Сенчин Р. *Елтышевы*. М.: АСТ, 2022.
- Сенчин Р. *Остановка. Неслучившиеся истории*. М.: АСТ, 2023.
- Черняк М. *Проза цифровой эпохи. Тенденции, жанры, имена*. Учебное пособие. М.: Флинта, 2018.
- Шкловский В. Памятник научной ошибке // Ушакин С. (ред.), *Формальный метод. Антология русского модернизма. Т. 1. Системы*. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 262–267.
- Шкловский В. Искусство как прием // Ушакин С. (ред.), *Формальный метод. Антология русского модернизма. Т. 1. Системы*. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 131–146.
- Шкловский В. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // Ушакин С. (ред.), *Формальный метод. Антология русского модернизма. Т. 1. Системы*. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 147–181.
- Шкловский В. *Ход коня. Сборник статей*. Книгоиздательство Геликонъ. Москва/Берлин, 1923.
- Эйхенбаум Б. *Как сделана «Шинель» Гоголя*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.opojaz.ru/manifests/kaksdelana.html>.
- Günther H. Očudenje // Lugarić Vukas D. (ur.) *Pojmovnik ruske avangarde 10*. Zagreb: Zavod za znanost o književnosti, Sandorf, 2021. Str. 35–49.

ПОВЕСТЬ ДЖАНСИ КИМОНКО «ТАМ, ГДЕ БЕЖИТ СУКПАЙ» В СВЕТЕ НАРРАТОЛОГИИ

Фетисова Л. Е.

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Владивосток, Россия

Аннотация:

Повесть основоположника удэгейской литературы Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай» рассмотрена с позиций нарратологии. Главное внимание уделено авторскому присутствию в художественном тексте. Отмечено, что образ нарратора показан в трёх ипостасях (ребёнок, юноша, молодой человек), представленных на разных повествовательных уровнях. Подчёркнута особая роль поэтического монолога о родине предков реке Сукпай, изложенного в трёх версиях и являющегося сквозным в развитии сюжета; показана его связь с изменением внутреннего мира центрального персонажа. Отмечено бережное отношение переводчика Ю.А. Шестаковой к оригиналу повести, что позволило сохранить этнокультурную самобытность произведения.

Ключевые слова:

удэгейская литература, Джанси Кимонко, повесть «Там, где бежит Сукпай», образ нарратора

**THE STORY OF JANSI KIMONKO
“WHERE SUKPAI RUNS”
FROM THE STANDPOINT OF
NARRATOLOGY**

Fetisova L. E.

Institute of History, Archeology and Ethnology of the
Peoples of the Far East
of Far Eastern Branch of Russian Academy of Science
Vladivostok, Russia

Abstract:

The story of the founder of Udege literature, Jansi Kimonko, “Where Sukpai runs” is considered from standpoint of narratology. The main attention is paid to the author’s presence in the literary text. It is noted that the image of the narrator is shown in three hypostases (a child, a teenager, a young man) and is presented at different narrative levels. The special role of the poetic monologue about the ancestral homeland of the Sukpai River is emphasized. This monologue is a cross-cutting motive for the development of the plot. His connection with the change in the inner world of the main character is shown. It is noted that the careful attitude of translator Yu. Shestakov to the original text made it possible to preserve the ethno-cultural identity of the work.

Keywords:

Udege literature, Jansi Kimonko, the story “Where Sukpai runs”, narrator

Нарратология как наука о законах создания и восприятия художественных текстов сформировалась в западной гуманитаристике, но, по мнению российских исследователей, многие из её концептуально значимых позиций можно найти в трудах российских учёных, среди них такие известные авторы, как Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, В.Я. Пропп, Б.М. Эйхенбаум, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев и др. Современная нарратология развивается в русле мультидисциплинарных исследований, рассматривающих художественную литературу в контексте человеческой культуры в целом (Жиличева; Ильин; Мамуркина; Муравьёва; Шмид и др.). Нарратологический подход используется при анализе текстов, созданных в разное время. С этих позиций заслуживают внимания так называемые младописьменные литературы, в том числе созданные представителями коренных малочисленных народов российского Дальнего Востока.

Среди тунгусоязычных авторов получили известность эвенкийские, эвенские, нанайские, ульчские, удэгейские писатели. Основоположником удэгейской литературы по праву считается Джанси Кимонко (1905–1949). Очень важно, что свои тексты он создавал на родном языке. Как правило, его проза рассматривалась в общем ряду индигенных литератур [Пархоменко]. Наиболее основательно писательская судьба, особенности авторского стиля и в целом творчество удэгейского автора представлены в кандидатской диссертации П.В. Оганезовой, которая проанализировала художественные тексты на фоне национальных культур народов Сибири и Дальнего Востока с учётом обычаев, религиозных воззрений, этических и эстетических установок этноса удэге (Оганезова: 2). Интересная публикация о жизни и творчестве удэгейского писателя появилось в 2009 г. – в год 60-летия со дня его гибели [Удэгейская литература]. Составители сборника заострили внимание на малоизвестных фактах биографии Дж. Кимонко, которые были прокомментированы в свете открывшейся информации. Не забывают о своём земляке и хабаровские исследователи (Позина, Салеева, Чернявский). Большой интерес представляют материалы Ю.А. Шестаковой, переданные её дочерью в Государственный архив Хабаровского края.

Цель данной статьи – на основании новых данных оценить прозу Джанси Кимонко с позиций нарратологии, заострив

внимание на фигуре нарратора, и, принимая во внимание «отдалённость нарратора от автора» (Шмид: 107), рассмотреть этот образ в разных ипостасях, представленных в тексте.

Джанси Кимонко родился в семье охотника в стойбище Гвасюги (ныне с. Гвасюги района им. Лазо Хабаровского края) и практически до 22 лет его образ жизни был традиционным для удэгейца. Однако известно, что в годы Гражданской войны Джанси помогал партизанам: снабжал их провизией и служил проводником. Этот опыт способствовал расширению сферы самосознания молодого человека. Встреча с русской девушкой Натальей Баклановой изменила жизнь удэгейского охотника коренным образом. Он начал учить русский язык и осваивать русскую грамоту. В 1928 г. Джанси поступил на подготовительное отделение Техникума народов Севера в Хабаровске, где получил начальное образование. В 1932 г. он был избран председателем артели удэгейских охотников (Позина, Салева). Тогда же в качестве проводника участвовал в подавлении восстания крестьян-староверов в районе р. Бикин, за что был награждён именованным оружием и Почётной грамотой (Чернявский). Официальной властью восстание было объявлено проявлением бандитизма, и, думается, Джанси Кимонко не сомневался в такой оценке.

Через два года он был направлен в Ленинград в Институт народов Севера (ИНС), где проучился с 1934 по 1936 г. По инициативе учёного-североведа, преподавателя ИНСа Е.Р. Шнейдера Джанси написал рассказ «Бата», впоследствии использованный в повести «Там, где бежит Сукпай». Первую пробу пера молодого автора высоко оценили этнографы. Рассказ получил вторую премию от Гослитиздата за лучшее оригинальное произведение на языках народов Севера (Удэгейская литература: 13).

Обучение в институте Дж. Кимонко не закончил, так как, учитывая его биографию, из Джанси решили готовить нового управленца: его направили в Москву на Центральные курсы советского строительства. В 1937 г. по окончании курсов Джанси вернулся в с. Гвасюги для работы на должности председателя сельского исполкома. Однако в 1939 г. его обвинили в шпионаже и арестовали. К счастью, в конце 1939 г. он был освобождён и вернулся в Гвасюги, где до конца 1942 г. работал бригадиром и заместителем председателя колхоза, а затем вновь был избран председателем сельского исполкома. В годы войны Дж. Кимонко

служил в пограничных войсках, после чего вернулся в родное село (Позина).

Его писательская деятельность началась после встречи в 1944 г. с журналисткой Ю.А. Шестаковой, которая, познакомившись со стихотворениями Джанси, предложила ему обратиться к художественной прозе. Книга осталась неоконченной, первые две части повести увидели свет после смерти автора: Джанси Кимонко погиб на охоте в схватке с медведем в июне 1949 г.

С позиций нарратологии, уделяющей особое внимание вопросу о формах авторского присутствия в тексте (Шмид: 106–107), повесть «Там, где бежит Сукпай» представляет нарратора в трёх основных ипостасях, имеющих соответствующее содержательное и стилистическое оформление: ребёнок, передающий своё восприятие действительности мифопоэтическими средствами; юноша, воспитанный в традициях своего народа, но обретающий реалистический взгляд на мир; молодой человек, испытавший влияние большевистской идеологии и ставший её проводником.

Детство главного героя описано чрезвычайно достоверно и образно: *«Я начал помнить себя, когда мы жили ещё возле устья Большой Болинку. Было жаркое лето. Вижу, как сейчас, по берегам реки обгоревшие горы. На склонах торчат остатки гранитных скал. Они напоминают человеческие фигуры. Огромные пни после пожара чернеют, будто медведи»* (Кимонко: 16). Мир ребёнка ограничен самыми близкими ему людьми – дед, бабушка, отец, мать, дядя по отцовской линии Ангирча и его жена Яту.

В дальнейшем образ нарратора переходит на новый уровень: он словно «перерастает» себя, что находит отражение в тексте: *«Детство моё далёкое, тёмные облака над сопками, реки шумные, быстрые и холодные реки. Невесёлое детство моё с тропами, занесёнными снегом, с жалобной песней кедровки в лесу, с едким дымом костров в шалашах»* (Кимонко: 44).

Все беды, которые преследуют семью Кимонко, он воспринимает без критики и жалоб, как его дед и отец. Поведение Джанси объясняется не только тем, что традиционные нравственные установки коренных этносов предполагали беспрекословное подчинение младших старшим, но также тем, что взрослые мужчины Кимонко заслуживали уважения по своим человеческим качествам. Автору удалось показать достоинства членов его семьи, не прибегая к прямым оценкам. Он использует опосредствованные характеристики, показывая персонажей за

повседневными занятиями. И здесь важную роль играют их песенные монологи. Поёт во время работы дядя Ангирча:

*Делаю себе острогу,
Будет она прямая, как стрела... (Кимонко: 16).
Бабушка греет над огнём одежду и, напевая, будит внука:
Мальчик, мальчик, я грею одежду твою,
Мышка топчет тебя, не зевай!
Видишь, зайцы по снегу давно спуют,
Вставай скорее, вставай! (Кимонко: 29).*

Перед рунным ходом лососевых рано утром дед заводит свою песню, «похожую на жалобу»:

*Ай-ай, как холодно-то стало,
Тайга переменяла цвет,
Наверное, осень уже пришла,
Кета пойдёт, наверное...
Медведи всех нас объедят,
Вороны всё зачистят.
Пора готовить острогу,
Пора садиться в лодку (Кимонко: 25).*

Без сомнения, автор не воспроизводил дословно слышанные ранее песни, но создавал поэтические тексты, вживаясь в образы действующих лиц.

Индивидуальное пение как способ самовыражения персонажей навеяно реальными наблюдениями. Дж. Кимонко и сам обладал незаурядным поэтическим даром (его песни получили известность раньше повести). В определённой степени Дж. Кимонко следует традициям героического эпоса удэгейцев, где основные действующие лица представлены индивидуальными запевами.

Поэтической характеристикой самого Джанси можно считать его монологи о малой родине:

*Сукпай – на Бикин перевал,
Сукпай – на Идзи перевал,
Сукпай – на океан перевал.
Там хариусы мечут икру,*

*Таймени шныряют, ленки.
Там кормятся лоси у тихих проток,
Медведи с одной стороны на другую плывут,
Там роются выдры под яром,
И пробираются там соболя...
Вот это Сукпай, земля моя! (Кимонко: 73).*

Этот образ впервые появляется в рассказе «Бата» (Позина: 155). В повести он становится сквозным, скрепляя разные её части: *«родина дедов, отцов – Сукпай река»* (Кимонко: 16, 71–73, 121).

Окончательное взросление героя начинается после смерти младшего брата отца («Ангирча уходит в загробный мир»), одного из главных кормильцев семьи. Его место занимает Джанси. С переменной статуса героя изменяется и образ нарратора. Юноша начинает размышлять о целесообразности традиционного образа жизни, но пока продолжает принимать то, что было заповедано предками: *«Я не понимаю, но по старым законам делаю так, как все»* (Кимонко: 57).

Первый осознанный протест против родительского образа жизни формируется в сознании подростка в годы Гражданской войны. Юноша спасает раненого командира партизанского отряда, затем снабжает партизан провизией и служит им проводником. Возвратившись в родное стойбище, он не может согласиться с отцом, который радуется, что семья живет далеко от кровопролитных столкновений. Джанси признаётся: *«А мне надоело жить без людей. Стал бы на лыжи и ушёл через перевалы туда, где горит по ночам зарево...»* [Кимонко, с. 71].

Трансформация прежних социальных структур, переход к новым принципам общественного устройства всегда сопровождается неоднозначным восприятием старого и нового, которые обыденным сознанием воспринимаются как противоборство «своего» и «чужого». Джанси стал активным проводником новых идей. Безусловно, обучение на Центральных курсах советского строительства способствовало формированию соответствующего восприятия жизни. Однако не следует забывать, что для перемены мировоззрения у героя повести, как и у автора, были убедительные основания. Все тяготы прошлой жизни были связаны с лихоимством китайских и русских торговцев, грабительскими набегами хунхузов, с начавшимся социальным расслоением традиционного общества. Конфликт с шаманами

также основан на личном опыте: получив на охоте в тайге травму ноги, Джанси мог остаться инвалидом. Он на собственном примере убедился в достоинствах «русской» медицины, тогда как приглашённый шаман оказался бессилён.

В размышления о будущем вновь вплетается поэтический монолог-обращение к земле предков: *«Родина дедов, отцов – Сукпай-река! Дедами открытая, исхоженная зверьём, птичьим свитом обласканная, долина шумного Хора! Взгорблена ты сопками, покрыта лесами, родная, близкая сердцу земля!»* (Кимонко: 121). С этого времени голос нарратора приобретает иное звучание, возможно, не без влияния переводчика: *«Древние законы ещё вели нашу жизнь по старому руслу, заваленному илом и корягами. Шаманы ещё камлали надо мной, жгли багульник, гремели бубном. Но сквозь тяжёлый дурман течение светлых струй уже пробивало себе дорогу»* (Кимонко: 133).

Вместе с тем у этой позиции были и непримиримые противники, причём не только шаманы и зажиточная верхушка удэгейского социума. Известно, что некоторые удэгейцы были убеждены, будто писатель погиб в схватке не с медведем, а со злым духом. Так он был наказан за отступничество от образа жизни, завещанного предками (Удэгейская литература: 33).

Прежнего Джанси, эмоционального, с образно-поэтическим восприятием людей и событий, читатель-нарратор узнаёт на страницах, посвящённых Наталье Баклановой, его первой учительнице: *«Русская девушка почему-то всё время улыбалась. Светлые волосы, заплетённые в две косы, золотились у неё на плечах. Из серых глаз струился мягкий, ласкающий свет. Светлая, лучистая, она показалась мне чайкой, которая прилетела откуда-то издалека, где всё пропитано солнцем»* (Кимонко: 139). Не исключено, что у Нэдыги (Нади), жены Джанси, были основания для ревности.

Критики констатируют, что вторая часть повести по художественным достоинствам заметно уступает первой. Они не без оснований видят в этом доминирование авторства Ю.А. Шестаковой (Удэгейская литература: 23). Это особенно заметно в главах «Первые делегаты», «Вести из города», «Красное знамя», «Туземный совет», «Первый урок». Ходульность образов большевиков, примитивность агитационных речёвок контрастируют с оригинальными описаниями, составляющими первую половину повести. Типичным образцом пропагандистского

стиля 1920-х гг. является выступление председателя Комитета народов Севера А.С. Гаврилова: *«С тех пор как над Россией поднялся красный флаг, трудовой народ сам управляет государством. Все богатства, какие есть в нашей стране, все принадлежат народу. Это Ленин такой путь указал»* (Кимонко: 118). Образ нарратора утрачивает яркую индивидуальность, становясь проводником идей, которые трудно выразить на удэгейском языке.

Заключительные главы написаны человеком, который с улыбкой вспоминает себя прежнего. Последняя глава посвящена учёбе в Хабаровском техникуме народов Севера. *«Большое трёхэтажное здание из красного камня и теперь стоит на площади Свободы. Когда я прохожу мимо него, сердце моё начинает биться сильнее. Здесь я впервые узнал настоящую жизнь. Но как я боялся туда войти первый раз!»* (Кимонко: 151).

Ю.А. Шестакова настоятельно просила Джанси продолжить работу над повестью. Они подробно обсуждали содержание новых глав. Однако работа продвигалась медленно, т.к. основное время занимали обязанности председателя сельского исполкома, о чём говорилось в письмах к Юлии Алексеевне. Мешали и неурядицы в личной жизни. Писатель ушёл от жены, полюбив другую женщину. В декабре 1948 г. умерла от коклюша его дочь от второго брака (Письма из тайги...).

Исследователи до сих пор спорят о степени вовлечённости Ю.А. Шестаковой в создание текста повести «Там, где бежит Сукпай», имея в виду, что автор недостаточно свободно владел русским языком, который начал изучать после 20 лет. Однако существуют свидетельства, что молодой удэгеец имел способности к языкам (кроме родного, он знал нанайский) и к 40 годам достаточно успешно освоил русский язык, чтобы оценить качество перевода. Известно, что Ю.А. Шестакова добросовестно обсуждала с автором русский текст и считалась с его замечаниями.

В.В. Огрызко полагает, что затянувшийся перерыв в работе над заключительной частью повести связан с тем, что автор усомнился в правильности избранного пути. Критик пишет: *«Ему казалось, что тайга поможет вернуть душевное спокойствие, поэтому так рвался на охоту»* (Удэгейская литература: 32), с которой ему не суждено было вернуться. Однако вряд ли подобные мысли в 1949 г. одолевали человека, подобного Дж. Кимонко. Думается, он искренне верил, что после войны жизнь в стране

будет становиться всё лучше и лучше.

Объективную оценку автобиографической прозы индигенных народов на примере творчества индейца Н. Скотта Момадэя и удэгейца Джанси Кимонко дал профессор МГУ А.В. Ващенко, подчеркнув: «Одна из художественных задач подобного жанра – осмысление исторических перемен, неподвластных индивидуальному разуму и опыту» (Удэгейская литература: 84). В прозе обоих авторов учёный отметил особую свободу стиля и широту эмоциональной гаммы, когда проза переходит в стихи. Это рассказ о себе и, одновременно, о культуре своего народа, «поскольку писатель, помимо собственной роли, выполняет функцию традиционного сказителя» (Удэгейская литература: 85).

Трактовка художественного произведения как акта коммуникации позволяет утверждать, что повесть «Там, где бежит Сукпай» выдержала испытание временем. Заслуживает внимания не только событийный ряд произведения, но и художественное моделирование внутреннего мира человека, воспитанного в традиционном социуме, однако без колебаний принявшего новые принципы общественного устройства. Текст повести – результат удачного союза талантливого писателя-этнофора и переводчика, благодаря чему литературное наследие удэгейского народа стало не только культурным достоянием России, но и получило мировую известность.

Литература

- Воронченко Т.В., Фёдорова Е.В. Эвенкийская литература и фольклор в пространстве трансграничья (Россия – Китай): обзор современных отечественных и зарубежных исследований // *Научный диалог*. 2021. № 9. С. 142–164.
- Жиличева Г.А. *Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.)*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 50 с.
- Ильин И.П. Нарратология / Современное зарубежное литературоведение. *Концепции, школы, термины. Энциклопедич. справочник*. М.: Энциклопедия, 1996. С. 74–79.
- Кимонко Дж. *Там, где бежит Сукнай*. Повесть. Перевод с удэгейского Ю.Шестаковой. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1972. 158 с.
- Мамуркина О.В. *Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII века: генезис и формы*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 20 с.
- Муравьёва Л.Е. *Нарративная редупликация как фигура авторефлексии литературного дискурса*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1917. 31 с.
- Оганезова Л.В. *Творчество Джанси Кимонко как основоположника удэгейской литературы*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 20 с.
- Письма из тайги для Юлии Шестаковой // Архив ж. «Словесница искусств». 2004. № 2 (14) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Slovoart.ru.node/1132>. (Дата обращения: 28.09.2023).
- Пархоменко М.Н. *Рождение нового эпоса*. М.: Современник, 1979. 352 с.
- Позина Н.С. Первый из удэге // *Словесница искусств*. 2009. № 2 (24). С. 153–156.
- Салеева Л. Джанси Кимонко, первый из удэге // *Словесница искусств*. 2011. № 1 (27). С. 82–84.
- Удэгейская литература. Материалы и исследования: сборник / Сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2009. 288 с.
- Чернявский А. Где детство его смеялось и плакало // *Тихоокеанская звезда*. Хабаровск. 14.02. 2019.
- Шмид В. *Нарратология*. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

FINDING FREEDOM IN VERSES: THE REPRESENTATION OF LOVE IN THE EARLY POETRY OF SLOVENE KRISTINA ŠULER*

Alenka Jensterle Doležal

Charles University
Prague, Czech Republic

Abstract:

The topics of the paper will be the poetry of Kristina Šuler (Kristina Schuller, 1866–1959), who was one of the most distinguished poets of the female circle of *Slovenka* (Slovene Woman, published in Trieste, 1897–1902), the circle of young female writers of prose and poetry, which was founded even before the organised Slovene feminist movement in 1901. She wrote and published her poems at the end of the nineteenth century and the beginning of the twentieth century as part of the “Habsburg myth” and in the shadow of great historical and political changes in Central Europe: the collapse of the Habsburg monarchy, the First World War, and the beginning of the new Yugoslavia, of which Slovenia was a part after the end of the war.

In the paper we will analyse her love poems written in a realistic manner with the touch of modernity. Šuler’s poems uncompromisingly depicted the female experience and the ambivalence of the modern, nervous subject of the fin-de-siècle period: she discovered intimacy through her original lyrical voice. In her autobiographical poems, she also connected love confessions with nature motives: the outer landscapes represented her inner world. Although her intimate poetry promised to offer one of the most original and courageous

---

* The author acknowledges financial support from the Slovenian–Czech research project Transformations of Intimacy in the Literary Discourse of the Slovene “Moderna” (GAČR project 21-47320L). The work was also supported by the Cooperatio program, Research area Literature/ Medievalistics (Charles University, Czech Republic).

lyrical poetics in Slovenian culture, in her lyrical forms, she stayed traditional, and she preferred a realistic style of discourse. Šuler in her first period searched for language and authenticity to express the feelings of her autobiographical lyrical subject. In her expressions of intimacy in poetry, we will research her poetics and the construction of the authorship of the young female writer in the Central European space and in the crossroad of influences of South Slavic, German, and Italian cultures. In her case, the themes of intimacy were not just a literary concept but also functioned as the place for freedom and the representation of the female voice.

Keywords:

Kristina Šuler, Slovene women writers, Slovene „moderna“, Intimacy in poetry, Slovene literature

I.

In a torn, suffering soul
unbridled passion was awakened – ¹

The topics of the paper will be the love poetry of Slovene Kristina Šuler (or Schuler, 1866–1959) who in her intimate lyrics courageously searched for expressions of her passion at the end of the nineteenth century in Slovene culture. The *fin-de siècle* female poet was part of the public space for years and she published in different newspapers and journals very courageous love poetry, but nevertheless she did not have luck with the book publication, and her voice was silenced until the twenty first century, when her legacy and her testimony in Slovene literary history was revived. That was unfortunately the obvious fate of the neglected Slovene women writers from the past.

She was one of the first Slovene female poets, who depicted romantic love and ‘amour passion’ in her poetry. According to Giddens, romantic love, which began to make its presence felt from the late eighteenth century onwards, drew upon such ideals and incorporated elements of amour passion, while nevertheless becoming distinct from both. Romantic love introduced the idea of a narrative into an individual’s life, a formula which radically extended the reflexivity of sublime love. The telling of a story is one of the meanings of ‘romance’, but this story now became individualised, inserting self and others into a personal narrative which had no particular reference to wider social processes. [...] The complex of ideas associated with romantic love for the first time associated love with freedom, both being seen as normatively desirable states. [...] It was precisely this quality of amour passion which set it apart from existing institutions. Ideals of romantic love, by contrast, inserted themselves directly into the emergent ties between freedom and self-realisation. (Giddens 40, 41)

Slovene literature began in the sign of poetry. France Prešeren (1800–1848) wrote romantic poetry, in which he idealised love. He introduces the portrayal of a woman as a love object influenced by Italian Renaissance poetry. The love dialogue for him was also essential for the construction of the national identity and for the myth of the

¹ “V razdvojeni, trpeči duši / neukročena strast se je zbudila –” (“Strast”, (Passion), Šuler 1899: 210). (Translation of poems from Slovene to English by Alenka Jensterle Doležal).

poet as an exceptional visionary person. His voice influenced the other Slovene poets in the second half of the nineteenth century. The most subtle among them were the love poems by Simon Jenko, who in his tragical voice composed the love dialogue with a woman. Jenko still took a romantic approach to the theme: love was associated with the death of the loved one and a matter of the past.

The period of ‘moderna’ in Slovene (1898–1918) marked the beginning of Slovene modernism in literary history, characterised by a shift toward modern literature. It began with poetry, in 1899 when two anthologies (Oton Župančič’s *Čaša opojnosti* [*The Goblet of Inebriation*], and Ivan Cankar’s *Erotika* [*Erotics*]) were published – and ended in 1918 with the death of the prominent modernist figure Ivan Cankar. Although arriving later than other Central European movements,² the ‘moderna’ nevertheless had a significant impact on the evolution of the Slovene literature.³ As was the case with other European cultures at the time, it encompassed all literary varieties, including lyric, epic, and dramatic. Slovene culture has always been situated between various cultures on the borderlines; nevertheless, prior to the twentieth century, its political circumstances were mostly influenced by the German (Austrian) world. This multicultural space was strongly reflected in the Slovene literature. The Slovene ‘moderna’ was part of the Central European art movement and exhibited all characteristics of this movement. Through the creative process, the authors demanded autonomy in art, emphasising the author as an individual. In the process of writing, they sought to free themselves from stereotypical social and didactic roles to “escape” from the ties and methods of the nineteenth century. At the turn of the century, individualism ideas appeared in art, similar to other Central European ‘modernas’, as early as 1898. (Jensterle Doležal 2014: 48, 49) The most prominent male authors of the Slovene “moderna” were: Ivan Cankar (1876–1918), Oton Župančič (1878–1949), Dragotin Kette (1876–1899), and Josip Murn-Aleksandrov (1879–1901). Franc Zadavec referred to the work of the four representatives as ‘subjectivism’, a term that he used to describe the change in the perspective of the author from a realistic depiction of an external reality to the inner world, a modern

---

² “Moderna” is a common name for a literary movement in different national literatures of the Central European area. It first appeared in Austrian culture and then spread elsewhere. In this movement, we find different styles such as Decadence and Symbolism. It marks the beginning of modernism.

³ The Croat “moderna” lasted from 1892 to 1914, the Czech “moderna” from 1895 to the beginning of the 20th century, and the Polish “moderna” from 1890 to 1918.

interpretation of the term ‘soul’. (Zadravec 1999: 15)

II.

In Slovene culture, women started appearing in public life as late as the nineteenth century. (Vodopivec 30–40) The Slovene nation had a very poor tradition of Slovene women writers. The first Slovene woman poet, Fanny Haussman (1818–1853), published her first poem in October 1848 (“Vojakov izhod” [Soldier’s Entrance]); in the Slovene period between 1848 and 1890, only two women writers, Luiza Pesjak (1828–1898) and Pavlina Pajk (1854–1901), produced written work of sufficient artistic quality. Luiza Pesjak wrote both prose and poetry, and her poetic works are often interwoven with patriotic sentiments, yet her poetry also contains intimate themes and modern depictions of nature, landscapes, and changing time periods. The first generation of female authors connected their work with the raising national idea and construction of the identity of the small Slavic nation: they wrote patriotic poems as their male contemporaries.

Kristina Šuler (1866–1959)⁴ was one of the most distinguished poets of the female circle of the revue *Slovenka* (Slovene Women, published in Trieste, 1897–1902, first editor Marica Nadlišek)⁵, the circle of young female writers of prose and poetry (and also the first Slovene feminists with the rebellious ideas about the position of women in the patriarchal society), which was founded even before the organised Slovene feminist movement in 1901. (See Boršnik 115–150, Verginella) The authors represented the second generation of Slovene women writers. After the “*Slovenka* period” Šuler published her poems in various journals and newspapers as part of the Slovene culture in the beginning of the twentieth century: *Dom in svet* (Home and World), *Ljubljanski zvon* (The Ljubljana’s Bell), *Slovenski narod* (Slovene Nation), *Glas Naroda* (Voice of the Nation) and *Domači*

⁴ Kristina Šuler (Schuller) was a teacher all her life. That was for a Slovene woman writer of that time the only possible profession. She stayed in Bohinjska Bistrica from 1889 until 1899, then she moved into Šmarje next to Ljubljana (she lived there from 1899 until 1901). She gave birth to an illegitimate child (the female teachers of that time in Austro-Hungary were not allowed to marry), so she had to move to the east north of Slovene lands: from 1901 until 1924 she stayed in Stara Gorica in Steiermark. After the retirement (1919) she lived in the Slovene capital Ljubljana. See also <https://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi676502/> (by Ema Muser). Accessed 6. 6. 2023.

⁵ *Slovenka* (*Slovene Woman*) was the first Slovene women’s newspaper, and it had the subtitle *Newsletter for Slovene Women*. It was published on January 1, 1897, in Trieste, first as a fortnightly supplement of the Trieste political newspaper *Edinost*, and from 1900 as an independent monthly. Until 1899, the editor was Marica Nadlišek Bartol, and after that year, Ivanka Anžič Klemenčič. After six years, *Slovenka* ended publication at the end of 1902. (See also [https://sl.wikipedia.org/wiki/Slovenka_\(%C4%8DDasnik\)](https://sl.wikipedia.org/wiki/Slovenka_(%C4%8DDasnik))). Accessed 6. 6. 2023.

prijatelj (Home Friend). The bilingual writer,⁶ active in the periphery of the Austro-Hungarian Empire, wrote and published her Slovene poems as part of the “Habsburg myth”. Later she experienced great historical and political changes in Central Europe: the collapse of the Habsburg Monarchy, the First World War, and the beginning of the new Yugoslavia, of which Slovenia was a part after the end of the war. Unfortunately, her poems were published in a book not earlier than in 2008. (Šuler)⁷

III.

According to Felski, the *fin de siècle* was a period in which conflicting attitudes to the modern were staged with particular clarity, where invocations of decadence and malaise were regularly interspersed with the rhetoric of progress and the exhilarating sense of the birth of a new age. In this sense, of course, it is a time that invites inevitable parallels with our own. It was also a period that saw an increasing differentiation of discursive fields, as art became increasingly self-conscious and aware of its own status as art at the same time as such disciplines as sociology, psychology, and anthropology sought to establish themselves as autonomous disciplines and scientific accounts of reality. As a result, it was in the late nineteenth century that many competing accounts of the modern received their first systematic articulation. Caught between the still-powerful evolutionary and historicist models of the nineteenth century and the emergent crises of language and subjectivity which would shape the experimental art of the twentieth century, the turn of the century provides a rich textual field for tracking the ambiguities of the modern. (Felski 30)

In the paper, we will analyse love poems by Kristina Šuler from her early period, mostly from the *fin de siècle* – written in a realistic manner, with the touch of modernity. All were published in the *Slovenka* newspaper (1897–1901)⁸ and unfortunately never published in book form. In her expressions of intimacy in poetry, we will research her poetics and the construction of the authorship of the young female

---

⁶ Kristina Šuler first started writing German poems at the age of 14 under the influence of the German school in Škofja Loka. At this teacher's school, with only one hour of Slovene per week, she acquired a knowledge of this literary language through her own diligence and reading which allowed her to begin writing poems in Slovene.

⁷ Due to unfortunate circumstances, the anthology of her poems was not published until 2008. Before the First World War the writer Ivan Lah (1881–1938) intended to publish her poems, after the Second War in sixties the literary historian Marja Boršnik (1906–1981) unsuccessfully intended it. (Cesar 100–101)

⁸ She didn't publish any poems in the last year of *Slovenka*, which was due to the changing editorial politics of the revue (and new editor Ivanka Ambrožič Klemenčič).

writer in the central European space, which was the crossroad of influences of South Slavic, German, and Italian cultures.

The most profiled and known female lyrical poet among the female poets of the *Slovenka* circle was Vida Jeraj (1875–1932),⁹ but the most productive female poet who published the highest number of poems in the revue *Slovenka*, was Kristina Šuler with 85 poems. She was also the first Slovene female poet to explicitly write about erotic, passion, and heterosexual love relations. Her writer's identity was still shyly in the background, she signed her poems just with her first name Kristina and so skillfully hid her identity (the other Slovene women writers also behaved like that at that time).¹⁰

According to Verginella, the determination and vision of young women writers (in *Slovenka*!) collided with the limitations and back-mindfulness of the Slovene society, which, among other things, is eloquently confirmed by the fact that most of the female authors used a pseudonym when publishing in Slovene newspapers or just a first name without a surname. The fear that a women's initiative would destroy the foundations of a Slovene patriarchal society was overwhelming [...]. (Verginella 15)¹¹

Šuler's poems uncompromisingly depicted the female experience and also the ambivalence of the modern subject of the *fin-de-siècle* period: she discovered intimacy through her original lyrical voice. (See also Pavlin Žerjav 58, 59)

Šuler in her first period searched for language and authenticity to express the feelings of her autobiographical lyrical subject. In her case, the themes of intimacy were not just a literary concept, but also functioned as the place for freedom and the representation of the female voice. Already in her first poems, she also expressed a keen social sense for the negative social phenomena of her period: the problem of the poor and people on the edge of society in the Slovene country of her time.

In the beginning, as a typical *fin-de-siècle* poet, she searched for the new poetics. In her in-time lyric, we find different spectrum

⁹ Vida Jeraj and Ljudmila Poljanec were the only Slovene female poets in the second generation, who succeeded to publish anthology of poems (1906, 1908) but the critics criticised the artistic quality of their poems with the misogynist views, which stopped them in their later creation.

¹⁰ She published some poems in *Ljubljanski zvon* under the name Gorska.

¹¹ Original quotation: "Odlonost in vizionarnost posameznice je trčila ob omejenost in zaprtost slovenskega prostora, kar med drugim zgovorno potrjuje dejstvo, da je večina sodelavk pri objavah v *Slovenki* uporabljala psevdonim ali pa samo ime brez priimka. Strah, da bi ženska pobuda porušila temelje slovenske patriarhalne družbe, je bi premočen [...]."

of various themes and motifs. In the beginning she was traditional in her content and form: she wrote confessional lyrical poems in which she recorded autobiographical experiences and emotions. As the other male poets of her generation (her mentor was the formalist poet Anton Medved (1869–1910), she preferred simple style and clear expressions, just occasionally her style became more poetical and metaphorical. Intime themes were often accompanied by nature. Various feelings were depicted in the realm of nature and countryside: in her autobiographical poems, she connected love confessions with nature motives: the outer landscapes represented the turbulent life of her inner world, she connected her feelings to the outer space of landscape.¹² Although her intimate poetry promised to offer one of the most original and courageous lyrical poetics in Slovene culture, in her lyrical forms she stayed traditional and she preferred a realistic style of discourse.¹³ Like her predecessors, she still wrote in the traditional form and at the beginning adapted the language and style to conventional inspirations from the 19th century.

Sometimes she uses conventional stereotypical phrases on love – influenced by the tradition of Slovene realistic poets from the end of the nineteenth century who adopted poetic solutions from the romantic tradition. Love is stereotypically connected to the motifs of flowers, birds, and stars; it is presented with the motif of the heart and is pictured as a flame and a fire ... Often the poet anthropomorphises motifs from nature as the frame of that love dialogue, or sometimes nature is the addressee and the silent witness to the love situation. She is in dialogue with it; parts of the landscape become her friends who help her: for example in the poem “Toži meni se ...” (I Am So Sad...) the stars are the living beings who comfort her in her sadness.

The realistic experience of erotic dialogue is reinforced by the new perception of time and space. Similar to other impressionists from the period of “moderna”, she records moments and her autobiographical lyrical subject takes landscapes as a backdrop for her emotions and as a space for her love dialogue. She depicts the images of the landscape and situates the lyrical scene between mountains, fields, lakes, and meadows (geographically recognisable from the Bohinj region, where she lived

---

¹² That was very typical for the impressionist poetry of the Slovene “moderna”, especially for the poetry of Josip Murn-Aleksandrov and Dragotin Kette.

¹³ She belonged to the so-called formalistic style of expression in Slovene lyrics which was also due to the influence of her teacher and mentor Andrej Medved (1869–1910). In the period of the “moderna” the poets were not so keen on the obligation of rhythm and rhyme, and some of them began to use free verse. On the contrary Suler was very strict in using the formal meter and searching for the correct rhyme.

at that time) and the landscape sometimes expands into the infinity of the universe. Time is connected to space precisely with the model of the universe and with the motifs of the moon and stars.

In love poetry, she describes the courtship of a young girl and the union between two unmarried lovers, a man and a woman. The couple is presented in a village with typical rituals at the end of the nineteenth century, also known from Slovene folk tradition and oral poetry, where boyfriends at night court the beloved girl “under the window” (the poem “Na okencu”, On the Window). Occasionally, she uses the tranquil nature scenery as a contrast to a violent passion.

The lyrical dialogue of the female subject with her male partner is normally in the first- person singular form: she addresses the man (in I – you form), which was typical for Slovene 19th century love poetry. In some poems, we can also find a novelty, a new poetical strategy in addressing the love object: she constructs the form for the metaphysical union of two: a woman and a man: the lyrical subject in her love poems is often in the second person of duo – we two.¹⁴ The pronoun emphasises the fundamental union and commitment of the lovers. Already in the poem “Slovo” (Farewell) she establishes a duet with her lover. Love exists in the space and moments of the night, the landscape is full of small movements, and it is framed by the alternation of light and darkness that stretches beyond the horizon (here are also the characteristic motifs of stars as the framework of the love union). In the second verse of the poem, the moon dominates; in the third the willow involves the motif of mourning, which introduces the farewell and also the motif of embrace:

We(two) looked at the silent garden,
 Various flowers were blowing,
 It is in the vault of heaven
 A thousand golden stars were burning.¹⁵

In expressing her commitment to her lover, she sometimes uses stereotypical phrases and motifs from love poetry: love is connected with the motifs of the heart. Since the poems of the Slovene romantic poet France Prešeren (1800–1849), eyes have been the mirror of love

¹⁴ Slovene language still has the possibility to express dual form, which is seen also in the use of pronouns and other grammatical forms.

¹⁵ “Zrla sva na vrtec tihi, / Bujno cvetje je duhtelo, / Na oboku je nebeškem / Tisoč zlatih zvezd gorelo.” (Šuler 1897: 3)

and also the entrance into the soul of the counterpart. In the poem “Očesi tvoji” (Your Eyes) she glorifies the object of love. In the poem, typical metaphors and examples appear: eyes are burning stars, love is a flame, and there is a fire in the heart.

In the flames of these glowing stars
My heart is burning
But in the deep, dark sea
The sad soul is sinking.¹⁶

A very unusual expression of love recognition and a very subversive poetic solution at that time is a change of the gender in the confession, which we find in the poem “V noči” (In the Night). A man confesses his longing for a woman. The love story is again placed in the shelter of the night with the attributes of the stars and the moon. Sunset as the beginning of the night is a typical frame for presenting the beginning of great love and also introduces the parallel of the lovers’ eyes:

There was a faint pulse of light in the sky.
The gold of the stars was fading,
But I locked it in the bottom of my soul.
The sky of your beautiful eyes.¹⁷

In the poem “Za vasjo” (Behind the Village), we recognise a typical shift of the love description: we follow the movement of the lyrical scene from external nature into the inner world of feelings. The poet builds the composition on the contrast of the silent night and the calm landscape on one side, and on the other side the “storm” inside the subject. The lyrical subject, the loving couple, is again presented in the second person. The erotic motifs are also exposed: kisses and passionate embraces are part of the dialogue:

But the quiet night
does not calm our hearts,
When despair swirls in them,

---

¹⁶ “V plamenih teh – žarečih zvezdah / Srce mi zagori, / A v morje temno to globoko / Se duša žalna zatopi.” (Šuler 1897: 9)

¹⁷ “Bledel je ščip svetli na nebu, / Bledelo je zvezdic zlato, / A jaz sem v dno duše zaklenil / Oči tvojih krasnih nebó.” (Šuler 1897: 8)

Because of our love.¹⁸

In her confession, love becomes a passion that cannot be stopped, the poet expresses eroticism in movement with the motif of dance of the lovers, for example in the poem “Na plesu” (At the Dance). Moments thus turn into eternity, love into never ending passion, which takes the main place in life, which wins life with its irrationality.

Between them we spin,
You hug me tight-
Ah, the world of fools remains.
May it be so for all eternity...¹⁹

Her love confessions in time became more and more courageous. In the foreground of the lyrical event in the poems “Nekdaj” (In the Past) and “Pesem” (Poem) is a realistic description of a night of love spent with her lover.

But when you came to the village in the evening,
All anger was gone.
At that time, we were used
To make sweet love.²⁰

In the poem “Na jezero” (On the Lake) the sunset on the lake becomes a vivid framework of the loving couple. This is also the moment when love is first associated with great suffering and pain:

We sat quietly on the boat,
The happy half and the sad half,
The early divorce was approaching young happiness,
It was so painful.²¹

In some poems, the motifs for jealousy and the infidelity of the male partner appear. She is critical of the male position in the gendered

¹⁸ “A nama pa srca / Noč tiha ne umiri, / Ko v njem obup vihrá, / Kí ga ljubezen širi.” (Šuler 1897: 7)

¹⁹ “Med nimi se vrtiva, / Objemaš me tesno- / Ah, svet norčav ostane / Vso večnost naj tako...” (Šuler 1898: 109)

²⁰ “A, ko si zvečer v vas prišel, / Vsa jeza je minila. / Po najini navadici / Sladko sva se ljubila.” (Šuler 1898: 407)

²¹ “Tiho v čolnu sva sedela, / Srečna pol in tožna pol, / Bližala se mladi sreči / Zgodnje je ločitve bol.” (Šuler 1897: 5).

patriarchal society. In the poems “Taki so” (They Are Like That), “Ne trdi...” (Don’t Say That...), “Požigalec” (Arsonist), “Pisemce” (Small Letter), she describes the promiscuous behavior of her lover within the society of the village, followed by the feelings of betrayal on her side. The poet treated the situation lightly, not with condemnation.

The poet was also critical of the gendered power relations and the poor position of Slovene women in patriarchal society: in her poems, the new theme of the moral pressure of society on a woman appears. Society condemns extramarital love before marriage as a great sin in the poems “Obsodba” (Condemnation) and “Obup” (Despair). However, the social pressure does not extinguish the “flame from the eyes” as a metaphor for the great passion that takes over the couple in love. The female poet reveals how at that time a woman had to face a burden of moral prohibitions; the village community, within the framework of Christian morality, condemned extramarital love as a great sin. In the poem “Sen” (Dream) Šuler constructs a grotesque dream scene, when a young woman is sentenced to death by village community for her love. They took her to the place of execution, and only her lover (who appears in the crowd) saves her from the death sentence and forgives her everything. She eventually wakes up and realises that it was just a dream.

In relation to social themes and the picture of women in a patriarchal society, the motif of an illegitimate child as the result of the inconvenient relationship also appears in some poems.²²

The most poignant are the poems about the loss of the lover and their separation, the emptiness of the soul, and the great despair, sorrow, and depression that follow, which appear in her last love poems published in *Slovenka*, for example in the poem “Spomini II” (Memories II). Šuler’s last poems published in *Slovenka* became solemn and sombre. In the poem “Jesen” (Autumn) we have the symbolic motif of the crow, which is the metaphor for the subject’s despair and the unlucky fate without love in the future. The black bird triumphs in her painful soul:

Monsters - are the days, the years
Living without you -

---

²² This was also her crucial motif in her autobiography: in 1901 she gave birth to an illegitimate child (Krista Šuler), and that was the cause of her tragic fate. Teachers were not allowed to get married. She had to move from the Gorenjska area to Sveta gora in Steiermark, where society was more liberal and they allowed her to raise the child by herself.

Those days, those years, oh my love,
I am so afraid of.²³

Her subverse love poems were in public life also noticed by Catholic editors and intellectuals; she experienced an attack on her poetry.

IV.

Gavin and Oulton in their preface to the women writing at the end of the 19th century claim that while a number of women writers (in this period!) actively engaged with the debate on feminine social roles, others reverse the term of the debate by rewriting male plot lines in their novels and stories. In challenging norms of masculinity, they obliquely contest the shaping of a female experience dominated by male expectations. (Gavin – Oulton I) The same was true for the poet Kristina Šuler. At her time, she presented a completely new voice in Slovene poetry, but nevertheless she also followed the male tradition. She continued the rich tradition of Slovene (male) poetry depicting love dialogue and eroticism, but with the specific female experience at a time when male power relations dominated society and also in the sphere of sexuality, regarding female sex, eroticism, and desire.

There is the perception of new modernity in her poetry. The representation of the lyrical subject is moving between traditional and modern, but the understanding of gender relations and subjectivity is modern. The more visible is Šuler's turn to impressionist sensibility. She depicted the dialogue of love in connection with the special perception of moments in the spatiality of the natural landscape. She presented a love dialogue in an autobiographical discourse as a confession, and also the narrative of love relations through time with all the passions, desire, and pain. In her discourse, she was subversive, not afraid to illustrate the sexuality of the unmarried couple and the representations of female desire as a crucial point of existence.

According to Irena Novak Popov, during the period of the 19th century and the turn of the century, the female lyrical subject is more and more distinctive and recognisably different from the male. A subject

²³ "Pošati – dnevi, leta so / Ko jaz brez tebe živim – / Teh dnij, teh let, oh ljubeč moj, / Se jaz tako bojim..." (Spomini II 1899: 461)

of imagination and intuition senses and knows even what it wants to remain hidden. It is much more mobile, relaxed, and free than the real life of women could be at that time.²⁴

Šuler began a new era of Slovene poetry; her poetry, as well as the other poetry of the Slovene “moderna”, announced the shift to modernism in the 20th century, and that was also true for Slovene poetry written by women. During her long life, she did not become a recognised Slovene poet because circumstances were against that. There were some reasons for this: there was not a strong, developed book market and there were not enough publishing houses; there was also not a large community of Slovene readers. In fact, there still existed the ‘colonial’ Habsburgian system of state power and Austrian dominance in the sphere of culture, therefore the reading audience was small, and the Slovene language was still struggling for its dominance in the cultural sphere. The main reason was also a strong male dominance in culture and literary society: editors, critics, and all important people in Slovene culture were men; thus there existed a gendered approach to the first generation of Slovene female authors and their publications. When Marijan Dovič analysed the role of the artist in Slovene society he did not see a lot of opportunities for the (male!) writer of that time: “The end of the 19th century, when the so-called “moderna” (Slovene moderna!) arose, is generally marked by the rise of capitalism and its attributes: in the second half of the 19th century, the foundations of all working roles were laid [...] However, for various reasons, this has not yet transferred to a professional literary producer, although of course, it already allowed for various combinations of living with “the pen” (in connection with editorial, journalistic and similar roles). In addition, the model of the author as an aesthetically autonomous artist, which was already strongly established in Europe at the time, had not yet been consolidated here [...]” (Dovič 143) The male writer had to struggle in these circumstances, but the situation was much worse for their female contemporaries. Slovene society at that time did not allow women writers to establish their careers: because of all the obstacles, it was simply not possible to become a female poet in Slovene patriarchal society of that time. Šuler did not realise her career in the beginning of the 20th century, not because she was not good enough, but because it was not possible for Slovene women of that period to become writers.

---

²⁴ Original quotation: “Ženski lirski subjekt je sčasoma vse bolj razlikovalen in prepoznavno drugačen od moškega. To je subject imaginacije in intuicije, ki sluti in ve tudi tisto, kar hoče ostati skrito. Je mnogo bolj gibljiv, sproščen in svoboden, kot je moglo biti realno življenje žensk.” (Novak Popov 188)

The gendered circumstances within Slovene culture didn't allow her to become a professional women writer. Šuler tried to break "the ice" of Slovene literary life and to fight unfriendly circumstances, but was silenced. She could not realise her talent even after the political changes after the First and the Second World Wars. It did not help her in socialist Yugoslavia when she was nevertheless even recognised as one of the oldest Slovene living poets of that time.

According to Harold Bloom a poetic text [...] is not a gathering of signs on a page, but is a psychic battlefield upon which authentic forces struggle for the only victory worth winning, the devinating triumph over oblivion ... (Bloom 2) Did Kristina Šuler succeeded in her poems in a struggle over oblivion? The answer is still not known.

Reference

- Bloom, Harold. *Poetry and Repression: Revisionism from Blake to Stevens*. New Haven. Yale University Press, 1976.
- Boršnik, Marja. "Slovenka". ("Slovene Woman"). *Študije in fragmenti*, Maribor. Založba Obzorja Maribor, 1962, pp. 115–150.
- Cesar, Emil. "O pesnici Kristini Šuler" (About the Poet Kristina Šuler). *Češnja pod mojim oknom: Izbrane pesmi*, by Kristina Šuler. Ljubljana. Amalitti & Amalietti, 2008, pp. 94–101.
- Dovič, Marijan. *Slovenski pisatelj: razvoj literarnega proizvajalca v slovenskem literarnem sistemu*. Ljubljana. Založba ZRC, 2007.
- Felski, Rita. *The Gender of Modernity*. Cambridge, Massachusetts, London. Harvard University Press, 1995.
- Foucault, Michel. *The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction*. Trans. by R. Hurley. New York. Vintage Books, 1990.
- Gavin, A. E. And de la L. Oulton, C. W. . "“She would write ... in invisible ink’: An Introduction.” *Writing Women of the Fin de Siècle*, edited by A. E., Gavin and C. W. de la L. Oulton, London. Palgrave Macmillan, 2012, pp. 1–12.
- Giddens, Anthony. *The Transformation of Intimacy, Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford. Stanford University Press, 1992.

- Jensterle Doležal, Alenka. *Avtor, tekst, kontekst, komunikacija. Poglavja iz slovenske moderne. (Author, Text, Context, Communication. Chapters on Slovene Moderna)*. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha. Mednarodna knjižna zbirka Zora, založba Univerze v Mariboru (no. 103), 2014.
- Jensterle Doležal, Alenka. *Ključki od labirinta. O slovenski poeziji. (Keys of the Labyrinth. On Slovene Poetry)*. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha. Mednarodna knjižna zbirka Zora, založba Univerze v Mariboru (no. 122), 2017.
- Mahnič, Joža. *Zgodovina slovenskega slovstva V, Moderna. (History of Slovene Literature V. Moderna)*, edited by Lino Legiša. Ljubljana. Slovenska Matica, 1964.
- Novak Popov, Irena. "Neraziskana pokrajina poezije" (Undiscovered Landscape of Poetry). *Antologija slovenskih pesnic I*, edited by Irena Novak Popov, Ljubljana. Založba Tuma, 2004, pp. 181–190.
- Šuler, Kristina. *Češnja pod mojim oknom: Izbrane pesmi (Cherry Tree Under my Window: Selected poems)*. Ljubljana. Amalietti & Amalietti, 2008.
- Šuler Kristina, Zapuščina Erna Muser, Mapa Kristine in Kriste Šuler (Archive of Erna Muser, folder of Kristina and Krista Šuler), no. 108, Ms 1432. Rokopisni oddelek NUK-a v Ljubljani, Literary archive in Ljubljana, Slovenia.
- Verginella, Marta (ed.). *Slovenka: prvi ženski časopis (1897–1902) (Slovene Woman: The first Female Newspaper)*. Ljubljana. Znanstvena založba Filozofske fakultete v Ljubljani, 2017.
- Vodopivec, Peter. "Kako so ženske na Slovenskem v 19. stoletju stopale v javno življenje" (How Slovene Women in Slovenia in the 19th Century Stepped to Public Life), *Zgodovina za vse, vse za zgodovino*, vol I, no. 2, Celje, 1994, pp. 30–44.
- Zadravec, Franc. *Slovenska besedna umetnost v prvi polovici dvajsetega stoletja. (Slovene Literature in the First Half of the 20th Century)*. Ljubljana. Slovene literature. Mladinska knjiga, 1974.
- Zadravec, Franc. *Slovenska književnost II (moderna – ekspresionizem – socialni realizem). (Slovene literature II (Moderna – Expressionism – Social Realism))*. Ljubljana. Državna založba Slovenije, 1999.
- Žerjal Pavlin, Vita. "Slovenkine pesnice". (Women Poets from Slovenka). *Slovenka: prvi ženski časopis (1897–1902)*, edited by Marta Verginella, Ljubljana. Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2017, pp. 53–65.

Poems by Kristina Šuler from *Slovenka* – mentioned in the article:

- Kristina Šuler. “Slovo” (Farewell), *Slovenka*, vol. 1, no. 3, p. 3, Trieste, 1897.
- Kristina Šuler. “V noči” (In the night), *Slovenka*, vol. 1, no. 5, p. 8, Trieste, 1897.
- Kristina Šuler. “Očesi tvoji” (Your eyes), *Slovenka*, vol. 1, no. 11, p. 9, Trieste, 1897.
- Kristina Šuler. “Na jezeru” (On the lake), *Slovenka*, vol. 1, no. 7, p. 5, Trieste, 1897.
- Kristina Šuler. “Za vasjo” (Behind the village), *Slovenka*, vol. 1, no. 8, p. 5, Trieste, 1897.
- Kristina Šuler. “Na plesu” (At the dance), *Slovenka*, vol. 2, no. 6, p. 109, Trieste, 1898.
- Kristina Šuler. “Pesem” (Poem), *Slovenka*, vol. 2, no. 18, p. 407, Trieste, 1898.
- Kristina Šuler. “Sen” (Dream), *Slovenka*, vol. 2, no. 21, p. 479, Trieste, 1898.
- Kristina Šuler. “Strast” (Passion), *Slovenka*, vol. 3, no. 10, p. 219, Trieste, 1899.
- Kristina Šuler. “Spomini II” (Memories), *Slovenka*, vol. 3, no. 19, p. 461, Trieste, 1899.

FROM METAFICTION AS A FORMAL DEVICE TO METAPOETRY AS A DISCOURSE STRATEGY: PUSHKIN AND PREŠEREN IN A “SHKLOVSKIAN” PERSPECTIVE AND BEYOND*

Marko Juvan

Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts
Ljubljana, Slovenia

Abstract:

In his writings on art as device and Pushkin's *Eugene Onegin*, Viktor Shklovsky drew attention to the historical fluctuations in the reception of canonical writers and himself provided a pioneering example of this principle. With the concept of defamiliarization, he updated the sentimentalist novelist Sterne and his Russian successor, the canonical national poet Pushkin, and turned them into contemporaries of the avant-garde. By pointing to narrative forms that focus on the actual work of writing, Shklovsky later inspired both the structuralist and post-structuralist turn in literary studies. Shklovsky laid the foundation for the concept that has been referred to as metafiction since the 1960s: This time Pushkin and Sterne appeared as contemporaries of postmodernism. This article follows Shklovsky's pioneering formalist analyzes of metafictional devices, firstly by extending them generically to Romantic lyric poetry and secondly socio-historically by interpreting the metafictional form from a materialist perspective within the

---

* Parts of this article are adapted from my book *Hibridni žanri* (Ljubljana: LUD Literatura, 2017), published in Slovene. A shorter version was presented at the 9th International Conference on Slavic Languages, Literatures and Cultures entitled *FORM AND MEANING: In Commemoration of the 130th Anniversary of the Birth of Viktor Shklovsky*, November 11–12, 2023, Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University, Taipei, Taiwan, also supported by the Cooperatio program, Research area Literature/ Medievalistics (Charles University, Czech Republic).

framework of critical discourse analysis. The example is the metapoetry of Alexander S. Pushkin (1799–37) and France Prešeren (1800–49) and their hybridization of the language of poetry with esthetic thought and Romantic ideology.

Keywords:

defamiliarization, metafiction, metapoetry, romanticism, Pushkin Alexander S., Prešeren France, Sterne Laurence

1. Introduction: Shklovsky's formalist "estrangement" of Pushkin and metafiction

In his OPOYAZ essays "Resurrecting the Word," "Art as Device", and "Eugene Onegin: Pushkin and Sterne," Viktor Shklovsky not only drew attention to historical fluctuations in the reception of canonical writers, but also provided a pioneering example of this principle himself: His innovative concept of defamiliarization (*ostranenie*) enabled him to update the sentimentalist novelist Laurence Sterne and his Russian successor, the canonical national poet Alexander Pushkin, and to recast them as contemporaries of avant-garde modernism.

According to Shklovsky's seminal 1914 essay "Resurrecting the Word," whose title boldly draws parallels between literature and Christian religion, once tropes and other literary words become overused and familiar, they lose their original ability to evoke experience and are reduced to "algebraic symbols devoid of imagery" (64). Just like such textual microstructures, entire texts can also be robbed of their vitality over the course of time: "Old works of verbal art experience the same fate as the word itself. They journey from poetry to prose. They stop being seen and begin being recognized. Classic works have become covered with the glass armor of familiarity." (67) Shklovsky developed the idea of familiarity further in his later essays from the OPOYAZ period. Drawing on the psychology of perception, he placed this idea in an evolutionary perspective. Their repeated use makes words, tropes, and other literary microstructures too familiar and deprives them of their potential to make readers aware of their makeup and to awaken in them the experience of what these microstructures stand for as signs. Consequently, they flatten into algebraic symbols that push the text out of the realm of literariness and into the proximity of everyday "prose," the instrumental calculus of practical reason.

What constitutes a literary work of art depends "on our perception," Shklovsky claims in his 1917/19 "Art as Device," suggesting that a text can also be "created as poetic and experienced as prosaic" (75) when it succumbs to "the automatization process" (79). In 1921, a year before he was forced to emigrate to Berlin, Shklovsky took the opportunity of the most algebraic ritual, the jubilee celebration of the national classic Pushkin, to "estrangle" the classic and present him in a revolutionary way as a contemporary of the Russian avant-garde. Even more provocative and paradoxical appeared Shklovsky's comparative method, by which he argued that Pushkin's modernity lay

precisely in the fact that he “resurrected” the “devices” from the literary pluperfect, i.e., from Laurence Sterne’s eighteenth-century novel *Tristram Shandy*.

Anticipating Tynyanov’s theory of literary evolution, Shklovsky begins his essay on the changing perception of literary works with the observation that “[f]rom time to time our understanding of them [i.e. literary works] is overturned: something that was funny becomes tragic, something that was beautiful is perceived as banal. It is as if the artistic work is written anew.” (“Pushkin and Sterne” 175). He lists some examples of such shifts: “The Symbolists overturned the perception of Gogol,” whereas “Shakespeare was re-born more than once” (175). As a thinker whose concepts such as “estrangement” are close to phenomenology (see Chernavin & Yampolskaya), Shklovsky provides a theory that explains the aforementioned turns in the perception of literary works or devices in terms of a general scientific law:

This change in the perception of an author is subject to a historical literary law: we do not perceive a writer independently, but against the background of our tradition. We compare a writer with our aesthetic norms. In order for a work to please us it is certainly not necessary for it to coincide with our aesthetic norms, it is the way in which these norms are violated that is important. (“Pushkin and Sterne” 176–177)

While in his pre-revolutionary text Shklovsky sets out his theory of the “resurrection of the word” against the religious background implied in the title, in “Art as Device,” written in the revolutionary year of 1917, he relates his theoretical concepts to a different background shared by other Russian formalists and avant-gardists. His metaphorical transfer of the concept of revolution to the realm of the formalist literary theory, however, deviates from the Bolshevik understanding of the term from the outset, as he does not see revolution as a total break with the old regime: “Literary revolutions do not only create new artistic values, they also reinstate old ones. Things are not just so much re-evaluated, as re-sewn like old clothes.” (177) Based on this insight, which departs from the historicism of Diamat, Shklovsky justifies his own formal method of re-reading Pushkin to save the canonized classic from being flattened into an algebraic national symbol:

We are losing a living perception of Pushkin not because we have moved far away from his environment and language, but because we need to change the standard (yardstick) by which to measure Pushkin. Now Pushkin is departing

into a cold fog, the moment of the overturn of our perception draws near. The study of writers' tradition or the formal study of art would be deeply nonsensical if it did not give us the possibility for the new perception of a work. ("Art as Device" 178)

What makes the familiar, worn-out, automated, algebraic meaning new and gives it the power to awaken a new experience of the world from a different perspective is, according to Shklovsky's famous "Art as Device," the device of *ostranenie*, "defamiliarization." "Estrangement" is for Shklovsky the distinctive textual feature that decides whether a structure or the entire text is perceived as literary art or is absorbed in the dreariness of everyday prose and falls into oblivion. In order to present his "revolutionary" perception of Pushkin, Shklovsky introduces a new "yardstick" by which he measures his Eugene Onegin using the Formal Method, which aims at "the reconstruction of the 'formal arrangement' typical of an artistic work" ("Art as Device" 179). This new background, against which Pushkin's work, estranged by Formalist theory, appears as a contemporary of Shklovsky, is the (post)-Romantic ideology of the autonomy of art. In the context of "the imaginative proximity of social revolution" (Anderson, "Modernity" 104), this ideology developed into the modernist concept of turning art towards its language. Parallel to the exploration of the language of painting in Kandinsky's abstract art, the Russian formalists – Roman Jakobson was the most prominent among them in this regard – sought to define "literariness" through the autotelic orientation of the literary message, which was later defined as a poetic function (see Juvan, *Literary* 123–140). And what genre could be more oriented to the language of literature (our own and others') than parody?

Parody, emerging from the shadows of triviality, enters the stage of Russian formalism as the protagonist of literary evolution. Even before Tynyanov's systematic studies of the genre and Mikhail Bakhtin's post-formalist focus on its cultural-ideological role, Shklovsky's essay on Pushkin and Sterne emphasized parody as a means of literary self-reference and self-reflection, as a device that draws our attention to the linguistic constructedness of a work of art: "Just like *Tristram Shandy*, *Eugene Onegin* is a parody novel, it parodies not the morals and types of the era but the technique of the novel, its construction." ("Pushkin and Sterne" 179) In describing in detail what he recognized as "the unusual structure of *Eugene Onegin* and the *sternianstvo* of its devices," (181), Shklovsky pointed out his antithesis to the usual

thematic perception of Pushkin's masterpiece: "The true plot [*siuzhet*] of *Eugene Onegin* is not the tale of Onegin and Tatiana, but the game played with this plot [*fabula*]. The novel's main content consists of its constructive forms; the plot form [*siuzhet*] itself is used in the same way as real objects are used in Picasso's pictures." (182) Parody, digression and other devices adopted by Pushkin under the influence of Byron from Sterne, his forerunner in the pluperfect tense, are all strategies for changing the focus of historical perception on the form (structuredness) of the literary work. The fact that Shklovsky mentions Picasso in this context is evidence of his effort to highlight the aspect of Pushkin that makes him appear as a contemporary of the autotelic orientation of modernism and the avant-garde.

According to Shklovsky, Pushkin's most self-referential text, *The Little House at Kolomna*, "is almost entirely occupied with the description of the device with which it is written. It is a narrative poem about a narrative poem. It is almost a purely abstract, constructed thing." (184) It is unfortunate that he did not analyze this peculiar poem, which begins with a humorous and lengthy discussion of its stanzaic forms and even grammar and lexicon:

These foolish four-stress Lines have had their Day;
 They're puny Rubbish, fit for Boys and Girls;
 Ottava rima's best for a fresh Fray –
 I've always liked its fast, facetious Swirls;
 Chimes One and Two should come as fresh as May,
 Though Number Three more cautiously uncurls;
 Rhymes always were my favourite Relations –
 So, off to War! *En avant!* Battle Stations!

To make my new Verse true and empathetic,
 I'll take for Rhymes whate'er my Soul suggests –
 Despite the Cavils, arrogant, emetic,
 Which carping Critics, feathering their Nests,
 Give old John Hookham Frere, that proud Heretic
 And, doubtless, soon will level at my Jests;
 When Fate decrees, there's no Alternative –
 The Rhymes must bounce, so that the Verse may live.

No Word shall be thrown out here, All shall pass;
 No Draft-dodgers shall here have cold rejection,
 Nor any spavined Mule, nor jade, nor Ass;
 Conjunction, preposition, interjection,
 I'll take them all on, huddling in a Mass –
 Untouchability is no Infection –

The Dictionary don't disdain, so why should you?
This is War, not a military Tattoo. (Transl. Peter Cochran)

By pointing to digression and other narrative forms that focus on the labor of writing, Shklovsky later inspired both the structuralist and poststructuralist turns in literary studies. Shklovsky laid the foundation for the concept that has been referred to as metafiction since the 1960s: While Pushkin and Sterne emerged in the second decade of the twentieth century as contemporaries of modernism and the avant-garde, “the overturn of our perception” made both of them precursors of postmodernism and metafiction.

The first epigraph in Patricia Waugh's much-quoted book, for example, introduces the first chapter devoted to the question “What is metafiction?” with a quotation from Laurence Sterne (1), while in the genealogy of her definition of the phenomenon characteristic of postmodernism (“fictional writing which self-consciously and systematically draws attention to its status as an artefact in order to pose questions about the relationship between fiction and real,” 2) she mentions not only William Gass, the presumed originator of the term, but also – in addition to Hjelmslev's concept of metalanguage and Bakhtin's dialogism – Russian formalists, especially Shklovsky:

Russian formalist theory begins with Viktor Shklovsky's notion of *ostranenie* or defamiliarization. ... Russian formalist theory can thus be seen to offer an optimistic view of metafictional strategies within the evolution of the novel. And this optimism can be strengthened by considering one of the other main strands of formalist theory: the notion of literature as a system that develops itself through the realignment of units within that system, and through its absorption of elements outside the literary system. (Waugh 65)

To summarize, against the background of Sterne, Shklovsky made Pushkin a revolutionary of form, a contemporary of the autotelic orientation of avant-garde art and formalist theory; Waugh and the postmodern theorists of metafiction, in turn, would perceive him as a contemporary of literary intertextuality and self-reference. Rather than further rehearsing the strategies of “estranging” the classics by making them appear as contemporaries of whatever is currently in vogue in literature, I will attempt to show Pushkin and his lesser-known Slovene contemporary France Prešeren as contemporaries of the discursive constellation of the era in which they lived. Following Fredric Jameson's famous maxim “Always historicize!” (*Political* 10),

I draw on Shklovsky's pioneering formalist analyzes of metafictional devices by extending them to Romantic poetry in terms of genre and interpreting the metafictional form socio-historically from a materialist perspective within the framework of critical discourse analysis.

2. Romantic ideology and metapoetry

Early nineteenth-century poems dealing with issues of writing, dissemination, reception, critical reflection, and the use of literature convey through their form the Romantic ideology that Jerome McGann depicts as a false consciousness of the real socio-economic conditions of writing. The ideologized forms of self-reflection were part of the self-regulatory mechanisms by which literature – as a relatively autonomous modern social subsystem (according to Siegfried J. Schmidt) – responded to and attempted to rhetorically influence its socio-economic context. In Romanticism, poetic self-reflection became an inseparable and insistent feature of esthetic literature, especially lyric poetry.

The metapoetry of Alexander S. Pushkin (1799–1837) and France Prešeren (1800–1849) blended the language of poetry with esthetic thought and Romantic ideology to convey to their readers the conviction that poetry was entitled to an esthetic autonomy distinct from bourgeois society and opposed to its commercialization in the book market. By confronting poetry with capitalist reality, emphasizing individualism and mythologizing poets as prophets and national seers, Romantic metapoetry also sought to introduce its form of public authority that could deal with the modern print media and the politics of cultural nationalism.

In European literature, the term Romanticism refers to the period between the French Revolution and the Springtime of Nations (see Day; Furst; Kos, *Romantika*). Influenced by the Enlightenment and the French bourgeois revolution, the Romantic movements were initially characterized by the emancipation of the individual and a radical critique of traditional secular and ecclesiastical authorities. However, the defeat of republicanism, Napoleonic imperialism, and the counter-revolutionary alliance of European monarchs in the pre-March period suppressed democratic tendencies or channeled them into nationalist movements. Regardless of the extremes of political dynamics, the first half of the 19th century was characterized by the industrial revolution and the rise of the bourgeoisie, which – even under the conditions of absolutism – promoted the development of

individuality and the modernization of societies. The structures of the ancien régime were also undermined by the capitalist economy with its market-based redistribution of wealth, increased vertical mobility and impoverishment. Better access to education and the advent of the mass press multiplied the readership, shaped the public sphere, and fostered the beginnings of popular culture.

As Siegfried J. Schmidt explains in his book on the self-organization of the social system of literature in the eighteenth century, under these conditions literature became a special sphere of socio-linguistic interaction, accessible in principle to all who had an adequate education.¹ Under the conditions of print capitalism, the creation and reception of literary works became detached from its earlier intertwining with other cultural practices used in distinct social ranks of the estate society. On the one hand, literature lost its predictable socio-ideological background and functions; on the other, it acquired a cultic role among the educated – it became a substitute for religion (as well as for national political institutions), but it existed as a relatively marginal form of intellectual labor, dependent on rents, patrons of art, the censorship, and the publishing market. Given the ambivalent position of word art, it is not surprising that it became a vital subject of literary works, especially during the Romantic period (see Schmidt 25; O’Neill). Romantic literature was intensely concerned with self-reflection and produced, among other things, a hybrid theoretical-literary genre of metapoetry. Not only in essays such as those by Schiller, Schlegel, Wordsworth, or Coleridge, but also in the poems themselves, poets wrote about how they perceived their status, their profession, and their creative process; what they saw as the specificity of poetic language; explained the composition and meaning of their works; commented on their reading, resonance, and social or national significance; defined themselves in relation to tradition and modern communication norms; built and cultivated their public image or responded to it; etc.

In contradistinction to common understandings of Romanticism which seek its totality in philosophical, esthetic, or poetological ideas (e.g., “intellectual fashions” and “climates of opinion” [Lovejoy 260]) or in the poetological features of literary texts and the worldview they represent (e.g., Wellek; Kos, *Romantika*), Jerome McGann proposes to define it through the reaction of writers to the contradictions of

---

¹ John Guillory shows that the ability to enjoy such word art became a status symbol of the educated and wealthier classes, that is, a sign of their excellence or “cultural capital” that distinguished them from the less sophisticated (and poorer) mass consumers of more popular cultural forms (332–333).

contemporary socio-historical events. A characteristic form of reaction, according to McGann, is “Romantic ideology,” which he understands, in accordance with the Marxist tradition, as a false consciousness that perceives and represents in a distorted way the contradictions in a tumultuous historical period characterized by the accelerated rhythm of changes in industrial capitalism and torn between the revolutionary overthrow of the old regime, the military-imperial export of French ideas across the old continent, and counterrevolutionary restoration. The poetic rhetoric of Romantic ideology is “marked by extreme forms of displacement and poetic conceptualization whereby the actual human issues with which the poetry is concerned are resituated in a variety of idealized localities” (2). According to McGann, “One of the basic illusions of Romantic Ideology is that only a poet and his works can transcend a corrupting appropriation by ‘the world’ of politics and money. Romantic poetry ‘argues’ this (and other) illusions repeatedly, and in the process it ‘suffers’ the contradictions of its own illusions and the arguments it makes for them” (13).

With the dissolution of the codified social bonds in which literary creation of past times had been bound, modern literature began to organize itself into a specialized social subsystem that introduced its particular institutions, media, and activities, for example, publishing houses, literary journals, reading societies, national theaters, or literary criticism. In the literary system, writing became a profession or the provision of services in the field of satisfying the entertaining-aesthetic needs of the public, and was thus left to the contingencies of the publishing-cultural market and public opinion.² From the point of view of Schmidt’s system theory, romantic metapoetry is a strategy by which the subsystem recognizable under the name of literature attempts to regulate the structure of this system, using elements that were already present in it or had just formed. Through self-governance, the system of literature distinguished itself in the social environment – it strengthened the boundaries of its authority, became aware of its cultural functions, and responded to other discourses and the social environment. In the book *Oracles and Hierophants*, David G. Riede shows that the Romantic poets – to paraphrase William Wordsworth – first had to create a taste in their readers that corresponded to the reception they imagined for themselves. Through their literary activity,

---

² David G. Riede notes that most of the potential readers of fiction trusted the newspaper more and preferred to reach for trivial literature rather than the supposedly elite poetry of the Romantics. Publishers adapted to this taste for economic reasons and were reluctant to print outstanding publications (244–246, 263–267).

writers created a new form of authority with which they competed for prestige with opinion leaders in newspapers and public discourse (Riede 23). Romantic metapoetry therefore sought to cultivate a sense of the uniqueness of esthetic literature through self-reflection and to strengthen the social function of writers. It thus sought to spread Romantic ideology in McGann's sense.

3. Prešeren and Pushkin: poetry and the book market

In what follows, I will discuss the Romantic metapoetry of France Prešeren and Alexander S. Pushkin. Although they did not know each other during their lifetimes and lived in two neighboring empires (NB, reactionary allies in the Holy Alliance), one in the periphery of Austria, the other in Russian urban centers and exile, their comparison is justified by their generational affiliation (Pushkin: 1799–1833, Prešeren: 1800–1849). Most of their work belongs to the late development of European Romanticism, conditioned by the *Vormaerz* Restoration and even more by the friction of their free thinking with censorship and absolutist power. Not least, they share an openness to Byronism as a revisionist version of Romantic ideology that oscillates ambivalently between early German idealism and Heine's later materialist critique.

In his work *Die Romantische Schule*, Heinrich Heine treated German Romanticism sympathetically, but from an ironic-critical distance. In light of radical liberal ideas, he attacked in particular the reactionary and escapist character of the Romantic renewal of Catholicism (McGann 34–35). The split in Romantic ideology in Prešeren and Pushkin is similar: on the one hand, a clear awareness of the limiting reality that marginalizes poetic creation with absolutist oppression and the prosaic realities of capitalism, and on the other, their rebellious yet escapist urge to mythologize poetry. This ambivalence can be compared to what McGann recognizes in Byron's second phase of Romanticism.

As a nobleman, Pushkin was one of the first Russian professional writers for several years (from 1824 until his humiliating placement at court), so he felt the short-circuit between the Romantic idea of the freedom of the creative self and the demands of the book market.³ In the satirical dialog "The Conversation of a Bookseller with a Poet" ("Razgovor knigoprodavca s poëtom"; printed as a preface to *Yevgeny*

---

³ I take the biographical information about Pushkin from the extensive study accompanying his poems (Klopčič, "Življenje A.S. Puškina").

Onegin, 1825; Pushkin, *Polnoe* II, 191–197) he intervened in the problem of the social-material existence of (his) poetry. The poem thrives on the contrasts between the idyllic past and the prosaic present, harmonious nature and the greedy crowd, rapturous poetic inspiration and the market (“I muzy sladostnyh darov / ne unižal postydnym torgom,” 192), leisurely idleness and a writer’s labor, solitary privacy and public availability, the subjective reality and obscenity of fame. In this metapoem Pushkin devotes himself to criticizing publishing, that is, one of the crucial roles in the system of literature. With romantic irony, also familiar from *Yevgeny Onegin*, the Poet’s views are confronted with the economic realism of the Bookseller and his capitalist rationality.⁴ The calculus that evaluates the fruits of artistic inspiration from the perspective of the market and the Romantic ideals of naturalness, freedom, love, esthetic excellence, and imagination (which the poet tries to preserve with his Quixotic idealism) is presented as cynical.

The contradictions between the Bookseller’s pragmatic market logic (i.e. Weber’s rationality of purpose) and the Poet’s belief in inspiration, subjectivity, and imagination lead to comic overlaps. In Pushkin’s ironic autothematic poem, the burlesque collisions between the sublime and the profane, between intellectual production and market transaction, and between symbolic and financial capital (between the classicism of “graces” and the modernity of bank “assignments”) are evident in the rhymes:

Poèma, govorjat, gotova,
 plod novyj *umstvennyh zatej*.
 Itak, rešite; ždu ja slova:
 naznač’te sami *cenu jej*.
 Stiški ljubimca muz i *gracij*
 my vmig *rubljami* zamenim
 i v puk naličnyh *assignacij*
 listočki vaši obratim.
 (Puškin, *Polnoe* II, 191; emphases added)

The Bookseller aphoristically hits the nerve of Romantic art-making – on the splitting of the artistic product into a spiritual-esthetic and a commodity side: “Ne prodaetsja vdohnovenie, / no možno rukopis’ prodat’” (197). By making the poet accept the fact of his market success and step out of his world of poetic fantasy, Pushkin

⁴ Max Weber characterized this kind of modern rationality with the term *Zweckrationalitaet*. In purpose-rational action, goal, means, and secondary results are rationally considered and weighed (*Economy* 24–26)

underscores his Romantic irony in undermining the barrier between the absolute world of artistic values (Romantic ideology) and the exchange value of the poetic text in the literary market (bourgeois ideology). Thus Pushkin revises his own idealism, the desire for the transcendence of the artistic word.

In the poem “The Gloss” (“Glosa,” *Krajnska čbelica* IV, 1834), France Prešeren wrote about almost the same theme as Pushkin in the above-mentioned dialog, namely the relationship between the art of words and the social environment in which capital decides (Prešeren, *Zbrano* 111–112). However, Pushkin’s version of Romantic irony, which does not spare even the poet himself, is alien to Prešeren, whose work does not know the motif of the poet earning from his market success. Unlike Pushkin, who experienced the splendor of the court, Prešeren’s poet figure is affected by poverty in the provinces, where there is neither a real publishing market nor rich patrons. In the first three stanzas, Prešeren satirizes the disdain for poetry among his Carniolan compatriots in a deliberately rude style, while the irony disappears in the last stanza, which elevates the poet’s profession. After his satirical portrayal of provincial bourgeois reality, gainful activities, and vertical mobility made possible by speculative capital (“The Gloss” gives an example of a swindler who buys a mansion in one year by selling worthless goods),⁵ Prešeren turns to radical otherness within the typical pattern of Romantic ideology. The alternative is marginal, excluded from the outset from the upward mobility so characteristic of 19th-century bourgeois narratives.

The poet backs up his decision to insist on the profession of a poet, which does not allow for advancement to a higher class (for which he otherwise yearns),⁶ with a series of *exempla* for the opening thesis of the poem (“He who sings is blind of eye”). “The Gloss” gathers historical evidence for the conclusion that poetic labor marginalizes. From the point of view of the instrumental rationality of the bourgeoisie, as represented by “The Gloss,” the pursuit of poetry is indeed blindness to reality. But the chain of allusions to poor, disabled, unfortunate, and persecuted poets (from Homer to Cervantes and Tasso), who were only posthumously canonized as classics, serves as a comforting

---

⁵ “Yesteryear one fraud still sold / curios, lugged round a box, / measured yards of ribbon, cloth: / now he’s buying a chateau.” (Unpublished translation by Nada Grošelj)

⁶ This aspiration of Prešeren’s, normal for the bourgeois world, into which he inserted himself only with difficulty, manifests itself otherwise through esthetic displacement, in his neopetrarchistic stylization of *courty* love for Julija Primic, the daughter of a rich *merchant* family.

prefiguration for Prešeren's experience of his standing. By enumerating world classics in his text, the author accumulates cultural capital metonymically marked by the timeless value of their names.

"The Gloss's" apologetic conclusion is the antithesis of the satirical diagnosis of the situation into which the literature of Prešeren's circle was plunged in the first third of the 19th century.⁷ With the metaphorical power of poetic speech realized in this metapoem, Prešeren undermines the symbols of material power accumulated through commodity exchange. Using a different exchange, that is, the symbolic exchange through tropes, he transforms wealth symbols into images of subjective freedom, beauty, and natural authenticity. Irreplaceable, authentic values, of which the poet as an individual is the subject and witness, can be expressed only through the means of symbolic exchange, and this, among all socio-cultural practices, is guaranteed only by the system of literature. The author thus shows how in a metaphor – a figure indispensable to poetry – the sky is equated with a castle, the pure dawn with gold, and the dewy grass with silver:

Yet his music will not cease;
 you may well pile up a hoard,
 buy yourselves a castle fort,
 live in it in unmarred peace!
 Where the vaulted heavens reach,
 porterless the bard's halls rise,
 and his gold is – clear dawn light
 and his silver – dew on grass:
 happy with this wealth amassed,
 penniless he'll live and die. (Transl. Nada Grošelj, unpublished)

The above verses are a document of Romantic ideology. In them, the creative subject asserts itself as an owner who transcends the attributes of property. In the space of the artistic text, the subject is established as a being connected to nature, as its inner values are expressed through landscape metaphors.

---

⁷ In the second stanza, the author uses antonomasia to caricature the indifference of his compatriots to the esthetic efforts of his circle, and he also laughs at their indolence. For Prešeren and Matija Čop, the path to higher culture lead only through poetry, the language dialect said to be the most comprehensive and developed (see Paternu 48–61). Prešeren characterizes the esthetic dimensions of literature, which contemporaries are said not to appreciate, with the adjective "pleasant," a translation of the hedonistic pole of Horace's poetic principle *dulce et utile*.

4. Prešeren and Pushkin: the poet and the nation

In the Romantic period, the relationship of writers to the people or the nation was ambivalent: on the one hand, contempt for the masses, the bourgeoisie, and the philistines; on the other hand, the idealization of the collective subject, which in the nineteenth century, based on Enlightenment-revolutionary ideas, was politically individualized in parallel with the individual – the nation was elevated to the collective creative genius, the subject of world history.

Pushkin and Prešeren also mocked the “rabble,” the “thick-headed people,” the “clumsy nuts,” “Carniolans,” or “goat-herders,” because they were convinced that their respective peoples were mostly unwilling or unable to accept poetry as poetry. And yet they placed the idea of the nation in an eschatological perspective (see Juvan, *Worlding* 81–140), which they did under the influence of transnational cultural nationalism. Thus, they formed an image of the nation as a collective individual located on a cultural level, similar to the Romantic self – such an idealized nation should be open to the esthetic forces of poets as ideal individuals.

Prešeren’s and Pushkin’s nationalist literary messianism is evident in their metapoetry from the mid-1830s. In the seventh sonnet of his “Sonnet Wreath” (“Sonetni venec,” *Illyrisches Blatt*, 1834), Prešeren presents himself as a romantically modernized Orpheus, the poetic savior of his nation, while Pushkin, in the poem “A monument I’ve raised not built with hands” (“Ja pamjatnik sebe vozdig nerukotvornyj,” written in 1836, but unpublished during his lifetime for political reasons) self-confidently expresses the vision of the canonical validity of his work with an intertextual variation on Horace’s ode “Exegi monumentum” (3:30).

Prešeren’s poetic voice takes on a different color in his “Wreath of Sonnets” than in “The Gloss,” where the social milieu is mocked. The sonnet cycle begins with a neo-Petrarchist parallel between a minstrel’s service to the addressed lady and the poet’s service to the “Slovenes,” between the poetic weaving of wreaths of glory for the chosen one and for his nation (“A Slovene wreath your poet has entwined / Of fifteen sonnets is the chaplet bound”, *Poems* 49).⁸ The poetic rhetoric of love weaves two longings of the bourgeois age into an esthetic wreath: for social advancement and belonging to the nation. Through

---

⁸ “Poet tvoj nov *Slovencam* venec vije, / ‘z petnajst sonetov ti takó ga spleta ...” (*Zbrano delo* 137; emphases added)

an ideal relationship with a wealthy bourgeois woman, the poet tacitly seeks the recognition of the bourgeoisie, and by writing poetry in his native language he hopes to gain respect in the imagined community of the nation and recognition that poetry is a symbol of the intellectual capacity of that community. In the “Wreath of Sonnets” Prešeren paints his milieu not in a synchronic, sociologically critical manner, but in a historical narrative with somber tones. The historical perspective, as developed among the protagonists of the national movements from among artists, philologists, linguists, and historians (see Anderson, *Imagined* 71), connected the events of the past into a meaningful whole through the narrative of the continuity of the ethno-linguistic community dominating a given territory.

Prešeren thus introduces the politics of the national gaze into the esthetics of poetry, retrospectively interpreting the reasons for the backward artistic and cultural conditions that paralyzed his poetic work and tinged it with sentimentality. He interprets them with an elegiac historical narrative that extends from the sixth to the eighth sonnet. He gives meaning to himself and his poetry through the idea of the Slovenian nation, which he views from the perspective of freethinking nationalism and Kollár’s glorification of Slavism. Prešeren’s stormy account of national political history highlights the loss of Carantania’s state independence in the Middle Ages.⁹ According to Prešeren, this marked the beginning of centuries of slavery, helplessness, hopeless rebellions, and internal conflicts (eighth sonnet), when the Slovenian collective subject disappeared from European history. Prešeren thus bases his poetic identity on national belonging, but interweaves it with an autobiographical melodrama of the love kind. The gloomy fresco of the Slovenian past and present is introduced into the sonnet cycle as a background for Prešeren’s poetic messianism.

Writers such as Pushkin and Prešeren (besides them, for example, Friedrich Schiller, Adam Mickiewicz, Karel Hynek Mácha, Sandor Petőfi or Hristo Botev) were canonized in Europe as “national poets” because they represented their nation in the international arena of letters (see Nemoianu; Neubauer; Juvan, *Worlding*; Dović and Helgason). They were credited with many merits – that they esthetically ennobled their mother tongue, helped shape the norm of literary language, celebrated

⁹ In “The Wreath of Sonnets,” the historical fate of Slovenia is probably inspired by Kollár’s sonnet cycle *Slávy dcera* (1824, 1832), in which erotic love and patriotism are also interwoven, and the narrative of the glorious Slavic past is shown with laments over its end (Kos, *Prešeren* 25, 214–222). Thus, Slovenian history is evoked in close connection with other Slavs of Austria.

the beauty of the homeland, sang about their nation's past and contemporary political aspirations, embraced local folk traditions, and looked prophetically into the nation's future. In the seventh and ninth sonnets, Prešeren assigns the savior role corresponding to the national poet to the singer Orpheus through intertextual metaphors. Borrowing the topos of Orpheus – who figured as a prefiguration of the Savior since at least the Middle Ages – Prešeren represents a belief in the power of poetry to cultivate savage peoples and temporarily overcome even death, which is indicated by the motif of Orpheus and Eurydice. Through Greek myth and Christian symbolism, Prešeren symbolizes the program of Slovenian national rebirth, colored by expressions that subsequently informed the program of “United Slovenia” in the revolutionary year of 1848:

Ah, would, to cure the dearth of these our days,
An Orpheus dowered with song of native strain
Were sent to us that all Slovenes might gain
Fresh fire to set their frozen hearts ablaze.

His words might kindle thoughts that would remind
Us of lost pride of race; discords would cease;
Our people in one nation then combined

Would see that feuds no longer did increase.
His strains would bring the rule of joy and peace,
Where tempests roar and nature is unkind. (Prešeren, *Poems* 55)

Prešeren's Orpheus thus appears as a heaven-sent savior in the midst of an oppressed and unsuspecting people, similar to the Messiah among the biblical Israelites. The Orphic myth, according to which a poetic word in Slovenian is supposed to reawaken a people from a thousand years of historical non-existence and unite it into a cultural-political entity on the eve of the Springtime of Nations, is transferred by Prešeren to himself in the ninth sonnet. With a gesture of self-mythification, he reveals his ambition to be publicly recognized thanks to his national mission (as overall in this cycle, he combines the poetic and national theme with the desire for love):

All the reward I wished for was that you
With me a poet's timeless fame might share
That native songs our poignant tale might bear;

That all Slovenes should waken and that true

Content and joy might come. ... (Prešeren, *Poems* 57)

In the wake of Prešeren's posthumous canonization as a national poet, the Romantic ideology that underpinned his self-mythification took over all those concerned with the critical, pedagogical, philological, and political treatment of his literary texts. In 1866, the critic Josip Stritar elevated Prešeren's not exactly modest Orphic self-image to the figure of a national poet and saint, comparable to the greatest names of the European literary canon.

Although Pushkin in several metapoems unscrupulously raised his poetic character above the despised masses – his aristocratic bearing distinguished him from the reserved, slightly rustic Prešeren – he did not hesitate to see his poetry as a national property and emblem, a force surpassing even the powerful ruler of the Russian Empire. Like Prešeren, he self-confidently laid the imaginary foundation for the monument that was later erected to him in reality (see Javornik). In the poem “A monument I've raised not built with hands” (“Ja pamjatnik sebe vozdig neruktovornyj (Pushkin, *Polnoe* III, 373), written in August 1836, a few months before his death, he chose the genre of the ode, the leading lyrical genre of Russian classicism, to glorify himself as the eternal classic of all nations of Great Russia and mouthpiece of free-thinking:

A monument I've raised not built with hands,
And common folk shall keep the path well trodden
To where it unsubdued and towering stands
Higher than Alexander's Column.

I shall not wholly die – for in my sacred lyre
My spirit shall outlive my dust's corruption –
And honour shall I have, so long the glorious fire
Of poesy flames on one single scutcheon.

Rumour of me shall then my whole vast country fill,
In every tongue she owns my name she'll speak.
Proud Slave's posterity, Finn, and-unlettered still —
The Tungus, and the steppe-loving Kalmyk.

And long the people yet will honour me
Because my lyre was tuned to loving-kindness
And, in a cruel Age, I sang of Liberty
And mercy begged of Justice in her blindness.

Indifferent alike to praise or blame
Give heed, O Muse, but to the voice Divine
Fearing not injury, nor seeking fame,
Nor casting pearls to swine. (Pushkin, *Alexander Pushkin Poems*)

Since the genre of classicist ode became obsolete in Romanticism, Pushkin treated it ironically-parodically as he regarded other classical forms. Whereas in many places Pushkin's later poetic language flirted with realistic prose (for example, in the almost diary-like poem of November 2, 1829, which depicts the writing of poems), in this case he not only returned to the direct ode, but even reinvigorated the poetics of classicism by resorting to the principle of *imitatio veterum* and imitation.

Its model is Horace's ode 3, 30, "Exegi monumentum" ("I have built a monument, more lasting than bronze"), which in Russian classical literature has already inspired Gavril Derzhavin's imitation and Mikhail Lomonosov's paraphrase. According to Renate Lachmann ("Imitation and Intertextuality"), Pushkin's version differs from its two predecessors by a more pronounced dialog with the Latin textual matrix, which makes it more of a replica than an imitation. Pushkin follows relatively faithfully Horace's structuring of the theme and the external form, and even translates individual phrases. In the first two stanzas, he agrees with him on the contrast between the material monuments erected by powerful rulers and the immaterial monument that is the author's poetry, as well as on the conviction that a more important part of his being will be posthumous, when it will be cherished by future generations. But Pushkin anchors the seemingly timeless *topos* of the poetry-monument, which goes back to Horace, in its specific historical moment. Allusions to contemporaneity dominate the last three stanzas of Pushkin's eulogy to himself.

Pushkin explicitly contrasts the esthetic and social values of his poetry with the authority of tsarist rule, claiming that his eternal spiritual-poetic monument will be higher than the Alexander Tower in St. Petersburg. In his short life, in which he was prone to all sorts of liberties and transgressions, Pushkin was fatally dependent on tsarist authority. Seen in this light, his self-mythification as the ideal of poets, herald of freedom, and idol of the peoples of the Russian Empire is actually a comforting response to his suppressed anger at the blockades imposed on him by absolutist rule (censorship, police control, exile, humiliating material dependence on the court, the seduction of his

wife by the tsar, etc.). Pushkin thus bases his imaginary monument on arguments different from those of Horace. While his Roman model believed that he deserved posthumous fame because of his successful social rise (from the poor classes and the provinces) and his leading role in the introduction of Latin poetry, the Russian Romantic sees his importance – not only for Russians, but worldwide – on an esthetic level, thanks to the inspirational power of his poetry (“I slaven budu ja, dokol’ v podlinnom mire / živ budet hot’ odin piit”), and on a political level – because of his propagation of freedom during the tsarist regime.

5. Conclusion

Further research should examine the other self-reflexive poems by Pushkin and Prešeren and, above all, shed more light on their biographical and historical-cultural context. But already from the comparative interpretations of the selected examples of their metapoetry, we can rightly conclude that both poets were united in their conception of poetry by a related complex of conceptual differences and semantic contrasts and that, despite considerable personal, esthetic, linguistic, stylistic, class and other differences, they drew from practically the same stock of ideas, concepts, vocabulary, images, and poetic procedures shaped by the Romantic ideology with its contradictions. Both drew the attention of their target audience to the paradox of the writer’s social marginality and national prophecy, both used the devices of criticism (satire, irony) and mythologization. All this indicates that Romanticism is a historically specific discursive formation from which writers drew material to justify their textual subjectivity and which they themselves influenced textually. Through the emphatic self-reflection with which literature entered the constellation of social discourses of its epoch, literature sought to demonstrate the meaning of its existence in the minds of writers and other participants in the literary system. Writers used metapoetry to give their work a broader social validity. With the help of the builders of the literary canon, they succeeded quite well, as Romantic ideology, with its veneration of poetry and national poets, did not experience a more serious crisis until the end of the 20th century.

Reference

- Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition. London & New York: Verso, 2006.
- Anderson, Perry. "Modernity and Revolution." *New Left Review* I/144 (March-April 1984). Pp. 96–113.
- Chernavin, Georgy, & Anna Yampolskaya. "'Estrangement' in Aesthetics and Beyond: Russian Formalism and Phenomenological Method." *Continental Philosophy Review*. 2018. Vol. 52. Pp. 91–113.
- Day, Aidan. *Romanticism*. London & New York: Routledge, 1996.
- Dović, Marijan & Jón Karl Helgason. *National Poets, Cultural Saints: Canonization and Commemorative Cults of Writers in Europe*. Leiden: Brill, 2017.
- Furst, Lilian R. *Romanticism*. London: Methuen, 1976.
- Guillory, John. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago in London: U of Chicago P, 1993.
- Horace. "Exegi monumentum aere perennius." *Carmina*. Ed. by Paul Shorey & Gordon Laing. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=urn:cts:latinLit:phi0893.phi001.perseus-lat1:3.30>.
- Jameson, Fredric. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca: Cornell UP, 1981.
- Javornik, Miha. "Od ideologizacije do ideologizacije na primeru Aleksandra S. Puškina." *Kulturni svetniki in kanonizacija*. Ed. Marijan Dović. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2016. S. 137–150.
- Juvan, Marko. *Literary Studies in Reconstruction: An Introduction to Literature*. Frankfurt/m. etc., 2011.
- Juvan, Marko. *Worlding a Peripheral Literature*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019.
- Klopčič, Mile. "Življenje A. S. Puškina." Alexander Pushkin, *Pesmi*. Ljubljana: DZS, 1970. Pp. 7–46.
- Kos, Janko. *Prešeren in evropska romantika*. Ljubljana: DZS, 1970.
- Kos, Janko. *Romantika*. Ljubljana: DZS, 1980.
- Lachmann, Renate. "Imitation und Intertextualität: Drei russische Versionen von Horaz' 'Exegi monumentum'." *Poetica* 19.3–4, 1987. Pp. 195–223.
- Lovejoy, Arthur O. "The Meaning of Romanticism for the Historian of

- Ideas.” *Journal of the History of Ideas*. 1941. vol. 2. No. 3. Pp. 257–278.
- McGann, Jerome. *The Romantic Ideology: A Critical Investigation*. Chicago: U of Chicago P, 1983.
- Nemoianu, Virgil. “‘National Poets’ in the Romantic Age: Emergence and Importance.” *Romantic Poetry*. Ed. Angela Esterhammer. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2002. Pp. 249–255.
- Neubauer, John. “Figures of National Poets: Introduction.” *History of the Literary Cultures of East-Central Europe: Junctures and Disjunctures in the 19th and 20th Centuries*. Vol. 5. Ed. by John Neubauer & Marcel Cornis-Pope. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 11–18.
- O’Neill, Michael. *Romanticism and the Self-Conscious Poem*. Oxford: Clarendon press, 1997.
- Paternu, Boris. *France Prešeren (1800–1849)*. Bled & Ljubljana: Dr. A. Kovač, 1994.
- Prešeren, France. *Poems*. A new enlarged edn. Ed. by W. K. Matthews & Anton Slodnjak. Transl. by R. de Bray et al. Ljubljana: DZS, 1997.
- Prešeren, France. *Zbrano delo 1*. Ed. Janko Kos. Ljubljana: DZS, 1965.
- Pushkin, Alexander. “A monument I’ve raised not built with hands.” *Alexander Pushkin in English*. URL: <https://ruverses.com/alexander-pushkin/exegi-monumentum/1945/>.
- Pushkin, Alexander. *Domik v Kolomnye, The Little House at Kolomna*. Transl. by Peter Cochran. URL: <https://petercochran.files.wordpress.com/2012/05/the-little-house-at-kolomna.pdf>. (accessed 4 October 2023).
- Pushkin, Alexander. *Pesmi*. Transl. by Mile Klopčič. Ljubljana: DZS, 1970.
- Pushkin, Alexander. *Polnoe sobranie sočinenij v desjati tomah*. T. 1, 2, 3. Moskva: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. Pp. 1962–63.
- Riede, David G. *Oracles and Hierophants: Constructions of Romantic Authority*. Ithaca in London: Cornell UP, 1991.
- Schmidt, Siegfried J. *Die Selbstorganisation des Sozialsystems Literatur im 18. Jhrdt*. Frankfurt na Majni: Suhrkamp, 1989.
- Shklovsky, Viktor. “Art as Device.” In Viktor Shklovsky, *A Reader*. Ed. and translated by Alexandra Berlina. New York etc.: Bloomsbury, 2017. Pp. 73–96.
- Shklovsky, Viktor. “Eugene Onegin (Pushkin and Sterne).” Translated from the Russian by Emily Finer. *Comparative Critical Studies*.

2004. Vol. 1. No. 1–2. Pp. 171–193.

Shklovsky, Viktor. “Resurrecting the Word.” In Viktor Shklovsky, *A Reader*. Ed. and translated by Alexandra Berlina. New York etc.: Bloomsbury, 2017. Pp. 63–72.

Waugh, Patricia. *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. London & New York: Routledge, 1984.

Weber, Max. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Ur. Guenther Roth in Claus Wittich. Berkeley: U of California P, 1978.

Wellek, René. “The Concept of ‘Romanticism’ in Literary History II. The Unity of European Romanticism.” *Comparative Literature*. 1949. Vol. 1. No. 2. Pp. 147–172.

Культурология

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ОПИСАНИЯ РОССИИ В КОРЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XIX ВЕКА

Врадий С. Ю.

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
Россия, Владивосток

Аннотация:

Публикация посвящена проблеме неоднозначного восприятия России за рубежом. Тема представляется актуальной, поскольку позволяет проследить истоки формирования, эволюцию образа Российского государства, существующего поныне в иностранных источниках.

Отвечая на вопрос о том, что же знали о России в Корее в конце XIX столетия, автор привлекает недавно обнаруженные корейские источники, написанные на китайском языке полтора века тому назад. Два раритетных документа из хранилищ академической библиотеки Чансогак 藏書閣 Республики Корея – «Карта земель России» 俄國輿地圖 и «Записи о землях, расположенных на левом берегу реки [Туманган]» 江左輿地記 описывают российский Дальний Восток, а также приграничные земли Китая и Кореи. Они представляют немалый интерес для изучения политики России в Северо-Восточной Азии во второй половине XIX столетия, истории взаимоотношений России, Кореи и Китая, истории появления корейской диаспоры на Дальнем Востоке России. Названные документы представляют собой одну из ранних попыток Кореи описать российское государство. Они являются свидетельством тому, как Корея, стремясь избавиться от многовековой опеки со стороны Китая, начинала устанавливать и укреплять свои взаимоотношения с Россией.

Ключевые слова:

Российско-китайско-корейские отношения XIX в., образ России

DUALISM OF THE DESCRIPTION OF RUSSIA IN THE 19TH CENTURY KOREAN SOURCES

Vrادیy S.

Institute of History, Archaeology and Ethnology of Far-
Eastern People, RAS FEB
Vladivostok, Russia

Abstract:

The present paper surveys two rare manuscripts, the “Map of Russia” 俄國輿地圖 and the “Records of the Lands Located on the Left Bank of the [Tumen] River” 江左輿地記, which are of considerable interest to those who study the 19th-century history of border interactions between Russia, Korea, and China, or the history of the Korean community in the Primorskiy region of Russia. These rare documents compiled in the 1880s are assumed to be one of the first attempts to represent the 19th-century Russia by Koreans. They contain evidence of changes in the foreign policy of Korea that started towards the end of the nineteenth century. At that time, different countries’ interests in the Korean Peninsula had surfaced. In this situation, Korea did her best to protect herself, to adapt to a new strategy of coping with new and unfamiliar challenges. Searching for an alternative to the ever-worsening aggression of European countries and Japan, and attempting to break away from Chinese influence, the Korean government turned to Russia and showed interest in the further development of relations. The documents provide a description of the disposition of military fortifications, they describe also the China-Korea-Russia border lines, the Korean settlements in Russia Far East, and the quantity of Koreans living within the territory. The only copies of the unique manuscripts are kept now in the Jangseogak 藏書閣 Library of the Academy of Korean Studies in Seoul. They were discovered fairly recently, and are presently listed as a National Treasures of the Republic of Korea. The documents are barely known among academic circles in Korea, and rather unexplored abroad.

Keywords:

19th-century Russia-China-Korea relations, Russia's image

Во второй половине XIX в., когда Россия по итогам подписанных с Китаем договоров присоединила Приамурье и Уссурийский край, Корея, ставшая с этого времени сопредельной с Российской империей страной, представляла собой централизованное феодальное государство. Номинально она все еще находилась в вассальной зависимости от цинского Китая.

Опасаясь нападений со стороны соседей, Корея проводила политику изоляции от внешнего мира¹. Ограничивать связи с окружающим миром принуждала корейских ванов и династия Цин, которая воплощала в жизнь такую же политику изоляции вследствие усилившегося с конца XVIII в. соперничества европейских держав на Востоке.

После присоединения дальневосточных земель, российское правительство всячески стимулировало переселение жителей центральной и южной России на новые территории для их освоения. К 1882 г. общая численность русского населения в Приморской области составляла 8385 человек (2, с. 129). Насущной потребностью для вновь обретенных Россией дальневосточных территорий являлось скорейшее увеличение численности населения, которое способно было бы разрешить проблему недостаточного продовольственного снабжения. Понимая это, российские власти способствовали тому, чтобы корейцы активно разрабатывали плодородные приморские земли, снабжая сельскохозяйственными продуктами войска и местные рынки.

На первых порах российские власти не препятствовали переселению в Приморье трудолюбивых корейцев, целыми семьями и деревнями бежавшим в пределы России от голодной смерти и алчных чиновников. Новоприбывшим корейским поселенцам, в большинстве своем обездоленным и нищим, оказывалась помощь при обустройстве на новых местах, выдавалось зерно, орудия обработки земли, тягловый скот, выделялись участки для возделывания (6, р. 9), их, по возможности, охраняли от опустошительных набегов банд китайских хунхузов.

---

¹ Правители Кореи запрещали прибрежному населению общаться с чужестранцами и строить корабли дальнего плавания. Согласно «Своду законов Кореи» 1784 г. корейцы, переходившие через границу в Маньчжурию для сбора женьшеня, подвергались смертной казни. Жители, уходившие во внутренние районы Китая, после выдачи их корейским властям, также подвергались наказанию. Местные начальники, не поставившие в известность высшие власти о переходе жителей пограничных районов через границу, отстранялись от занимаемой должности (4, с. 22).

Одновременно в правительственных кругах России рассматривался вопрос о подписании мирного договора с Кореей, одним из пунктов которого должна была стать регламентация приграничной торговли и правил проживания этнических корейцев на российских землях². Летом 1884 г. русско-корейский договор о торговле был подписан, однако вышеназванные важные вопросы не нашли в нем своего отражения.

В 11-й месяц 21-го года правления Коджона (高宗 1864–1907), т.е. в 1884 г., в Корею была предпринята попытка государственного переворота, носившего по традиционной системе летосчисления наименование года *капсин* («переворот года *капсин*»). После его подавления позиции Китая в Корею усилились, но при этом устремления Японии проникнуть в Корею не ослабли. Король Коджон, напуганный перспективой перерастания японо-китайских противоречий в вооруженный конфликт на территории Корейского полуострова, стремился найти альтернативу посягательствам Японии и избавиться от назойливого вмешательства во внутренние дела со стороны Китая. Определенные надежды на будущее своей страны Коджон связывал в этот период с Россией. Являясь, согласно представлениям при корейском дворе, более мощной державой, нежели Китай и Япония, Россия могла также послужить установлению баланса в противостоянии Кореи колониальным притязаниям Запада.

В этих условиях, надеясь упрочить независимость страны, в начале 9-го месяца 1884 года правительство Кореи тайно направило в Приморье делегацию правительственных чиновников Квон Дон Су 權東壽 и Ким Ён Вона 金鏞元, которых сопровождали Ким Гван Хун 金光薰 и Син Сон Ук 申先郁. Исследователи полагают, что в ходе посещения миссией дальневосточных земель России и были собраны сведения, использованные при составлении документов. Во время путешествия участники миссии подробно записывали свой маршрут, составив карту с пояснительными комментариями. Ими был также написан дневник, в который вошло описание мест посещения Приморья, того, что было увидено и

---

² Министр путей сообщения К. Н. Посьет (1819–1899) писал в 1874 г. в меморандуме правительству: «Как Приморская, так и Амурская области терпят недостаток в хлебе, рогатом скоте и рабочих руках. Все эти нужды уменьшились бы в значительной степени, если бы эти области были в надлежащих сношениях с Кореей. Необходимо войти в переговоры с этим государством и заключить с ним торговый дружественный трактат. Корея богата населением, хлебом и скотом. Перешедшие к нам, вопреки законам своей страны, корейцы — мирные поселяне и трудолюбивые хлебопашцы и охотно принимают христианство» (3, с. 59).

услышано в пути.

Первый документ под названием «Карта земель России» 俄國輿地圖 состоит из 10 листов. Карта рукописная, не имеет масштаба, представляет собой скорее художественно выполненный картографический эскиз. Помимо графического изображения местности, здесь присутствует текст с описанием пройденного, выполненный китайскими иероглифами, принятыми среди образованных людей не только в Китае, но и в Корее, Японии. Встречаются, однако, иероглифы, которые невозможно найти в китайских словарях — они были распространены только в Корее; это свидетельствует об употреблении составителями документа *ханмуна*, корейзированной версии китайского языка.

Карта, как следует из предисловия, была составлена членами миссии Ким Гван Хуном и Син Сон Уком. Она представляет собой описание районов Приморья, где проживали корейцы, на ней также отражена дислокация русской пехоты, пограничных охранных войск, кавалерии, описаны артиллерийские фортификационные сооружения и пр.

Об отношении корейских сановников к России, к состоявшемуся китайско-российскому разграничению земель на Дальнем Востоке можно узнать из нижеследующего отрывка:

«Недавно некое государство Россия, приблизившись, стало соседствовать с нами, отделяет лишь полоса реки Доушуй [Туманган]. Китай же, с которым мы [тесно связаны] как губы и зубы, взаимно [с Россией] установил границы. Та Россия подобна сопернику у шахматной доски... То, что эта Россия своевольно, необузданно вторглась в близлежащие земли, не может не вызывать беспокойство за [судьбу] страны. Ведь [располагающаяся вблизи от российских границ] провинция Сяньцзин³ — это северные ворота страны» (7, «Карта земель России». Предварительные комментарии [к заметкам] о состоянии китайско-российских [пограничных] земель 清俄輿地形情釋義序).

Здесь Россия сравнивается с противником, соперником 敵手, она считается иной, противной стороной 彼, отличной от своих, в частности, от Китая. Из приведенного выше сравнения — 唇齒 или 唇亡齒寒 — «когда гибнут губы, зубы страдают от холода», — можно предположить, что Китай, в отличие от России,

---

³ Сяньцзиндао 咸鏡道 соответствует нынешней провинция Хамгён (КНДР), соседствует с провинцией Цзилить (КНР) и Хасанским районом Приморского края России.

воспринимался неразрывно связанным судьбой с Кореей. Вместе с тем, привлеченные источники свидетельствуют о том, что Корея, в надежде избавиться от многовековой опеки со стороны Китая, стремилась укреплять свои взаимоотношения с Россией.

О стратегической значимости описываемых земель, а это ныне Хасанский район Приморского края, свидетельствуют строки:

«Впереди, на востоке, – озера и болота, позади, на западе, – горы и холмы. Территория представляет собой небольшой участок земли, расположенный в стратегически важном для трех государств – Кореи, России и Китая – месте. Здесь, если нет конфликтов, [люди] сто лет живут безмятежно, а когда беспокойно, тотчас – это место сражений... находится в сфере интересов трех государств, разделяя высь и бездну» (7, «Карта земель России», лист 1, раздел Лосяньдун 羅鮮洞).

Анализируя жизнедеятельность корейской диаспоры в Приморском крае, авторы не рассматривают ее на общем фоне социально-экономического развития региона, т.е. корейские переселенцы не воспринимаются в качестве составной части населения дальневосточной России. Корейцев, как свидетельствуют записи, немало, они живут своей жизнью, не объединяясь с русскими:

«[Они] не платят налогов и не несут трудовую повинность, а только занимаются воспитанием потомков. Высоко чтят обычаи и верования своей страны. Не следуют нравам и привычкам русских, потому что не забыли милостивое покровительство правивших династий, несколько сот лет вскармливавших [их]» (7, «Карта земель России», лист 1, раздел Лутуньдао 鹿屯島).

Замечательный русский путешественник Н. Г. Гарин-Михайловский (1852–1906), посетивший в 1898 г. в ходе кругосветного путешествия российское Приморье, Корею, Маньчжурию, высоко оценивал моральные качества, миролюбие корейцев. Он писал в дневниковых заметках: «Был в школе деревни Подгорской⁴. И учитель, и ученики — корейцы... Дети усердны и все поразительные каллиграфы. И к остальным наукам, впрочем, корейцы очень способны... Из рассказов, между прочим, выясняется, что русским корейцам живется гораздо лучше, чем

⁴ Пограничная деревня Подгорская (Подгорная) располагалась на российской территории в устье реки Туманган.

их братьям в Корее. Они говорят, что, если бы не запрещалось переселения, вся Северная Корея перешла бы в Россию» (1, с. 86).

Хотя некоторые записи в тексте карты повествуют о якобы имевших место притеснениях в отношении корейцев со стороны российских властей, ее содержание свидетельствует о том, что корейцы обычно селились недалеко от российских охранных постов, пограничных застав, защищавших корейские деревни от частых набегов банд хунхузов с китайской территории. Примеры разбоя, чинимого как китайскими хунхузами, «которые пересекали границу, чтобы грабить корейские деревни», так и полуголодным, обкрадываемым своими же офицерами маньчжурским воинством, «создавшим такой террор, что крестьяне вынуждены были бежать из своих жилищ по огромной территории», приводит в своей книге известная путешественница и талантливая писательница Изабелла Л. Бишоп (Isabella Lucy Bird, 1831–1904), которая с 1894 по 1897 г. совершила четыре путешествия по Корее, Маньчжурии, Сибири, Дальнему Востоку (5, р. 237–238). Практически на всех листах карты обозначены российские охранные посты пограничной стражи, заставы, которые располагались по соседству либо прямо в поселениях, где, как указано в тексте, «проживает наш народ», т. е. корейцы.

Русские войска защищали корейские деревни и от проживавших на территории российского Приморья аборигенных жителей – об этом также свидетельствует карта. Так, в описании корейской деревушки Доубихэ 都 埤 河 есть запись: «Прежде проживавшие [здесь] Ху⁵ намеревались причинить вред нашему недавно переселившемуся народу. [Тогда русские] изгнали Ху, утвердив [в этих местах] наш народ⁶. Для охраны вновь учредили пост, расположив 1000 военных поселенцев» (7, «Карта земель России». Доубихэ).

Аналогичная запись имеется и при описании местности Сучен 蘇 城, где также проживали корейцы: «Первоначально здесь было 400–500 дворов Ху. Русские, полагая, что [местные] намерены погубить наш народ, изгнали всех жителей Ху. А для того, чтобы защитить наш народ, возвели лагерь, [разместив в нем] охранные

⁵ Ху 胡 — общее название северных тунгусо-маньчжурских народов, проживавших на территории современного Приморья и Приамурья.

⁶ Между тем корейский перевод текста карты гласит: «[Тогда русские] изгнали Ху, утвердив [в этих местах] свой народ» (8, с. 49). Корейский вариант перевода трактует 我 民 как «свой народ», подразумевая — расселили здесь русских, что, по нашему мнению, неверно, поскольку корейцы, авторы текста, не могли писать о русских как о «своем народе».

войска» (7, «Карта земель России». Сучен)⁷.

Второй документ под названием «Записи о землях, расположенных на левом берегу реки [Туманган]» 江左輿地記, представляет собой ксилограф дневниковых записей, написанных от руки, где помимо впечатлений от посещения российских земель, присутствует любопытная информация, полученная путем опроса корейцев, переселившихся во второй половине 19 века в Приморье. Хотя имена составителей дневников не указаны, однако, судя по сходству содержания обоих текстов, можно предположить, что авторы те же, что и у «Карты земель России».

Как и в тексте Карты, на страницах Дневника скрупулезно записана численность корейских поселенцев, названы места их расселения по территории Уссурийского края, даются попытки с позиций представителей правящего сословия корейской империи дать анализ социально-экономического положения корейского населения Дальнего Востока России, назвать проблемы адаптации к новым условиям социально-экономического и политического устройства. Дневник живописует религиозные верования, школьное образование, культурно-бытовые особенности корейских иммигрантов.

Карта и Записи дополняют друг друга, в них встречаются описания одних и тех же географических пространств, событий. В документах приводятся сведения о численности, обычаях, культурно-бытовых особенностях переселившихся сюда во второй половине XIX века корейцев, китайцев, их взаимоотношениях с местными жителями, с российской властью.

Корейские исследователи, описывая карту, высказали предположение, что основной задачей миссии была разведывательная, а приоритетной целью ее составления была военная. И действительно, на страницах Карты тщательно зафиксировано наличие гарнизонов, их военное состояние, укрепления, количество и расположение артиллерийских орудий, число регулярных войск, их принадлежность, военные коммуникации (11, с. 20; 9, с. 61).

«Записи о землях, расположенных на левом берегу реки

⁷ А вот как переводит этот отрывок корейский исследователь: «Русские, полагая, что [местные] намерены погубить их (!) народ, изгнали всех жителей Ху. А для того, чтобы защитить свой (!) народ, возвели лагерь, [разместив в нем] охранные войска» (8, с. 49). Здесь также присутствует неправильная, на наш взгляд, трактовка термина 我民 в корейском переводе текста карты как «их народ», «свой народ», т. е. русские.

[Туманган]» и «Карта земель России», являются, по словам южнокорейских исследователей, важными источниками сведений по истории российско-корейских отношений (10, с. 38). Они свидетельствуют об эволюции внешней политики Кореи, наметившейся в конце XIX столетия. К этому времени явно проявились интересы государств на Корейском полуострове. В этих условиях Корея стремилась защитить себя, выработать стратегию поведения в новых, нелегких для нее условиях. В поисках альтернативы усиливавшейся агрессии со стороны европейских держав и Японии, пытаясь устранить китайское вмешательство во внутренние дела, корейский двор проявил заинтересованность в развитии отношений с Россией. Оба источника были написаны специально для корейского вана Коджона, чтобы представить, как живут его подданные в русском Приморье, а также предложить прилежно собранные сведения о государстве Россия.

Промышленные предприятия, система транспортного сообщения, связь, развитое портовое хозяйство в городах российского Приморья представлены на страницах документов. В тексте имеются сведения о политической, экономической жизни северной страны, недавно появившейся на дальневосточных рубежах и формирующей стратегию взаимоотношений с соседними государствами. Сами документы, считает корейский исследователь, – это «доклад о продвижении Великой России на Восток», представленный вниманию правителя Кореи (9, с. 61).

В Корею, равно как и в Россию, практически не известно материалов, относящихся к ранней истории взаимоотношений двух государств. Карта и дневниковые записи принадлежат к числу документов, проливающих свет на ранний этап русско-корейских отношений, историю корейской иммиграции в Россию. Это одно из первых документальных описаний Приморского края, составленных в 80-е гг. XIX в. посланцами вана Коджона.

Литература

- Гарин Н.Г. *Из дневников кругосветного путешествия* (По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). 3-е изд., сокр. М.: Государственное издательство географической литературы, 1952. 445 с.
- Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // *Труды командированной по Высочайшему повелению амурской экспедиции*. Вып. 11. СПб, 1912.
- Посьет К.Н. Прекращение ссылки в Сибирь // *Русская старина*. XLIX. 1899, июль. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1899. С. 52–59.
- П. К[афаров]. О маньчжах и корейцах // *Известия Императорского Русского географического общества*. 1870. Выпуск 1. Т. VI.
- Bishop (nee Bird) I. L. *Korea and Her Neighbors. A Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and Present Position of the Country*. Fleming H. Revell. (Original work published 1898). Seoul: Yonsei University Press, 1970. 488 p.
- Malozemoff A. *Russian Far Eastern Policy, 1881–1904*. Berkeley: Univ. of California Press, 1958. 358 p.
- 江北日記 . 江左輿地記 . 俄國輿地圖 . 한국학 자료총서 . 城南市 : 韓國精神文化研究院 , 1994. [Дневники [миссии на] северный берег реки. Записи о землях, расположенных на левом берегу реки [Туманган]. Карта земель России. Сб. материалов по корееведению. Соннам: Академия духовной культуры Кореи, 1994] (На кит., кор. яз.).
- 俄國輿地圖 . 城南市 : 韓國學中央研究院 藏書閣 [«Карта земель России». Соннам: Библиотека Чансогак Академии корееведения], 2007. 66 с. (На кит., кор. яз.)
- 李旺茂 . «아국여지도» 와 XIX 세기말 조선의 관방 (關防) 의식 // 俄國輿地圖 . 城南市 : 韓國學中央研究院藏書閣 , 2007. 頁 58–65 [Ли Ван Му. «Карта земель России» и представления о защите границ в Корее в конце XIX столетия // Карта земель России. Соннам: Изд-во библиотеки Чансогак Академии корееведения, 2007. С. 58-65] (На кит., кор. яз.).
- 幸承權 . 江左輿地記 . 俄國輿地圖解題 // 江北日記 . 江左輿地記 . 俄國輿地圖 . 한국학 자료총서 . 城南市 : 韓國精神文化研究院 , 1994. 頁 38-51. [Син Сын Гвон. Комментарии к «Записям о землях, расположенных на левом берегу реки [Туманган]» и «Карте земель России» // Дневники [миссии на] северный

берег реки. Записи о землях, расположенных на левом берегу реки [Туманган]. Карта земель России. Сб. материалов по корееведению. Соннам: Академия духовной культуры Кореи, 1994. С. 38-51] (На кит., кор. яз.).

柳永博. 俄國輿地圖 // 國學資料. 1972.02. 頁 18-21. [Ю Ён Бак. «Карта земель России» // Сб. материалов по корееведению «Кукхак чарё». 1972, февр. С. 18–21.] (На кор. яз.).

ГЕШТАЛЬТ – И ЭПАТАЖ КАК ТВОРЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЮРОДИВЫХ

Герасимова С. В.

Российский государственный университет
им. А. Н. Косыгина
Московский политехнический университет
Москва, Россия

Аннотация:

Преодолевая стереотипное представление ученых, считающих, что концепты в сознании человека складываются в результате восхождения от опыта к обобщению, современная нейролингвистика свидетельствует о профетической функции мозга. Стереотипность сознания способствует трансляции культурных ценностей. Но и формирует гештальты и игры (по Э.Берну); поведенческие модели, из-за которых в святоотеческой традиции появилась концепция «жизнь есть сон». Эпатируя, юродивый ломает стереотипное представление человека о мире, возвращает сознание к творческому восприятию жизни и к творческому общению.

Ключевые слова:

культурный код, предсказательное кодирование, Достоевский, трикстер, абсурд, глаголица, апофатическое богословие

GESTALT - AND SHOCKING AS THE CREATIVE BEHAVIOR OF HOLY FOOLS

Gerasimova S. V.

The Kosygin State University of Russia
Moscow Polytechnical University
Moscow, Russia

Abstract:

While overcoming the stereotypical idea of scientists, believing, that concepts in a person arise as a result of the transition from experience to generalization, modern neurolinguistics testifies to the prophetic function of the brain. Stereotypic consciousness ensures the transmission of cultural values. But it also forms gestalts and games (according to E. Bern); behavioral patterns that gave rise to the concept of “life is a dream” in the patristic tradition. By shocking, the holy fool breaks a person’s stereotypical idea of the world, returns consciousness to a creative perception of life and to a creative society.

Keywords:

cultural code, predictive coding, Dostoevsky, trickster, absurd, Glagolitic alphabet, apophatic theology

Цель исследования – уточнить понятие «гештальт» и определить место юродства в культурной картине мира русского человека. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: осмыслить соотношение концепта «юрродство» с концептом «свобода», «творческое поведение» и другими культурными доминантами.

Термин «гештальт» реализуется в современной психологии, когнитивистике, филологии, культурологи, фольклористике, этнологии и других науках в целом спектре значений¹. Этот термин «в интерпретации О. Шпенглера стал означать целостность бытия “организма” в его изменениях и развитии»², когнитивную призму, преломляющую действительность³ и формирующую неповторимую картину мира народа, основанную на специфическом для народа прасимволе. Традицию О. Шпенглера развивал Г. Д. Гачев, изучавший ментальности и образы мира народов мира. А сам О. Шпенглер опирался на И.В.фон Гете. Изучением гештальта занимались также Х. фон Эренфельс, С.Н. Иконникова, П.А. Сорокин, именуя их ментальностями, Н.А. Хренов и многие другие. Обобщая сказанное учеными, отметим, что Гештальт – это личностная доминанта культуры, сохраняющей свою цельность, несмотря на ряд метаморфоз, которые она, подобно безвольному растению или, лучше сказать, свободному человеку, переживает от своего зарождения до расцвета и стадии цивилизации и смерти. По фотографии ребенка невозможно узнать старика, но это один человек, обладающий одними и теми же генами. Гештальт – это цельность культуры, простирающаяся сквозь все разнообразие ее проявлений во времени и в культурном пространстве, то есть в сферах религии, философии, культуры, науки, быта, поведения человека, где часть отражает целое, не сводимое к сумме частей. Сам О. Шпенглер использует не термин «личность», но понятие «душа культуры». В результате мы сталкиваемся с тем, что определяем одно неизвестное через другое неизвестное. Определить сущность личности или души культуры – дело еще более сложное, чем дать представление о гештальте.

¹ Леонов И.В., Соловьева В.Л., Халльбек Д. «Гештальткультуроология»: концептуализация, дисциплинарный статус и история исследований // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2020. № 40 С. 92–107.

² Леонов и др. Там же. С. 96.

³ Леонов и др. Там же. С. 93.

О. Шпенглер пользовался в своем труде научными метафорами, сопоставляя, например, типы культуры с цветами и растениями и стремясь найти, с опорой на И.В. фон Гете, прарастение, образ (гештальт) универсальной культуры. Следуя его традиции, оставим за гештальтом метафору личности, а опираясь на достижения семиотики сопоставим его с кодом культуры. Отличие гештальта от кода культуры состоит в том, что культурный код скорее сопоставим с геном личности, а гештальт – с многообразием форм, в которых он реализуется. О. Шпенглер противопоставляет гештальт – статичному закону, однако код культуры – это не закон, а условие порождения законов, например, поведения людей в различных ситуациях. Отметим также, что сакральный культурный код определяет профанный код. Оба кода, вступая во взаимодействие, формируют культуру поведения человека в целом.

Гештальт как термин культурологии опирается на врожденные способности мозга. Преодолевая стереотипное представление ученых, считающих, что концепты в сознании человека складываются в результате восхождения от опыта к обобщению, современная нейролингвистика и психология свидетельствуют о профетической функции мозга при создании культурной картин мира в целом и языковой картины мира в частности. Мозг способен к «предсказательному кодированию»⁴, опережающему сигналы, поступающие из окружающего мира. Картина мира складывается не как сумма эмпирически воспринимаемых частей, а в результате способности мозга предсказывать действительность в ее цельности.

Гештальты исполняют в жизни человека положительную и отрицательную функцию. Положительная функция состоит в том, что благодаря гештальтам, определяющим культурную картину мира происходит трансляция духовных ценностей и родительского опыта. Культура базируется на фундаментальных ограничениях свободы человека, на табу и запретительных заповедях, гарантирующих выживание культуре и человеческому сообществу. Отрицательная функция гештальтов связана с тем, что они формируют типы восприятия мира, поведенческие модели, описанные Э. Берном игры, из-за которых в святоотеческой традиции появилась концепция «жизнь есть сон», ибо «все

---

⁴ Акимов П. Что такое гештальт и зачем его закрывать // РБК: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f27b9ed9a79478d097ae29b>. (Дата обращения: 12.09.2023).

здешнее, земное призрачнее снов, тени, дуновения ветерка»⁵, и кажется, что «мир для каждого из нас — это своего рода управляемая галлюцинация»⁶. У каждой культуры свой миф о реальности. Эпатируя, юродивый ломает стереотипно-мифологическое представление человека о жизни, возвращает сознание к творческому восприятию бытия и к творческому общению с Богом. Гештальт вырывает человека из сферы естественного, из мира стихийной вседозволенности, из хаоса, выводит на уровень культуры, запреты, заповеди и табу которой – величайшие ее хранители. Юродивый ломает культурную картину мира. Юродивому важно, на разломе культуры, соприкоснуться не с изначальным хаосом, а с умонепостигаемыми божественными откровениями, с благодатью, которая превышает человеческое сознание.

Противостояние культурной картины мира, ее гештальта – и высшего ума юродивого, который внешне проявляет себя в безумии, Ф.М. Достоевский осмыслял как антитезу евклидова и неевклидова ума, о котором Иван Карамазов говорит Алеше: «<...> где ж мне про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум евклидовский, земной, а потому где нам решать о том, что не от мира сего»⁷. Высшим, неевклидовским умом наделяет писатель князя Льва Николаевича Мышкина («Идиот»), сочетающего черты князя Христа и юродивого.

Осмысляя место неевклидова ума в семиотической системе культуры, отметим, что хаосу, безблагодатной естественности и безумию бесноватых противостоит евклидов разум, а этому рационалистическому разуму – высший ум юродивых, добровольно ради бесславия берущих на себя обличье последних, а также некоторые черты поведения киников, например Диогена Синопского⁸. Юродивым также присущ «имморализм» дионисийского нагоходства. Итак, если византийское юродство воцерковляет безумствующую киническую и имморальную дионисийскую традиции, то русское юродство опирается на

⁵ Дамаскин Иоанн, преподобный. *Сказание о жизни Варлаама и Иоасафа*. М.: Сибирская Благовонница, 2013. С. 97.

⁶ Акимов П. Цит. изд.

⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // *Собрание сочинений в 15 тт.* Т. 9. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 264

⁸ Шарбарина Е.А. Генезис юродства в византийской традиции // *Идеи и идеалы*. 2022. Т. 14. № 4-1. С. 101–103.

фольклорного Иванушку-дурачка. Как в сказках на смену Ивану-царевичу приходит Иванушка-дурачок⁹, так благоверного князя, например Александра Невского или Дмитрия Донского, сменяет юрод и похаб, святой нагоходец.

В семиотических штудиях Клод Леви-Стросс¹⁰ осмысляет движение от природы к культуре как процесс обретения и приручения огня, умения готовить, обретения украшений, ядов для ловли рыбы, как отказ от инцеста. Юродивый внешне движется прочь от культуры и ее гештальтов, но его задача – вернуться не в природу, а к Богу. Святость для юродивого – единственное условие творческой свободы. А для этого необходимо достижение бесстрастия.

Святой Серапион испытывает бесстрастие подвижницы тем, что предлагает ей нагоходство, на что святая дева отвечает:

«“Я многих соблазню (σκανδαλίζω) непристойностью этого поступка (ἀσχημω του πράγματος*), и [люди] получают основания сказать: она сошла с ума и беснуется (έξέστη και δαίμονιώσά έστι)”. – “А тебе что за дело?... – отвечал Серапион. – Ведь ты умерла для людей”. Тогда девица ему сказала: “Если что либо другое прикажешь, я сделаю, но до такой степени [бесстрастия] я еще не сподобилась дойти”. А Серапион ответил: “То то же! Не особенно гордись, словно ты всех благоговейнее и умерла для мира, ибо я мертвее тебя и делом могу доказать, что я умер для мира: ведь сам я все это могу проделать, бесстрастно и не стыдясь (απαθώς* και άνεπεισχύοντως*)”»¹¹.

Приведенный диалог двух подвижников интересен своей системой оппозиций:

Смерть для мира – гордость перед миром добродетелью, равная жизни для мира.

Безумие – норма, культурный гештальт, равный уму (евклидову).

Бесстрастие – страх непристойности.

Нагоходство – страх стыда.

В русскую языковую картину мира вписана идея: мир во зле лежит. Смерть для мира – смерть для его зла – оборачивается воскресением к новой жизни.

⁹ Федотов Г. *Святые древней Руси*. М.: АСТ, 2003. С. 181.

¹⁰ Леви-Стросс Клод. *Мифология: человек голый*. Москва: FreeFly, 2007. 781 с.

¹¹ Иванов С.А. *Блаженные похабы. Культурная история юродства*. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 75.

Следовательно, для юродивого, как и для трикстера, категории «жизнь» и «смерть», «безумие» и «ум», «эпатаж» и «норма» поменялись местами. Аксиологический перевертыш, или революция, порождает святой смех: «Истинно, я не останусь, но, одетый славой Христовой, пойду, чтобы смеяться над миром»¹², – делится авва Симеон своими планами со своим братом во Христе Иоанном. Юродивый стал воцерковлением типа трикстера. Даже обманывая и смеясь, трикстер может служить добру и истине – так Прометей обманывает и выкрадывает огонь с Олимпа, но его обман становится благом для людей и основой культуры. Кажется, из зла следует добро. Так, св. Симеон разбивает кувшин и терпит побои от хозяина, чтобы спасти его от смерти, поскольку в этот кувшин змея испустила свой яд¹³.

Юродство – служение добру, кажущееся евклидову уму служением злу.

Юродство – потемневшая икона, таящая светоносный лик.

Светское бунтарство против нормы и любых проявлений гештальта – форма рабства норме, поскольку протестантизм немислим без Католичества. Протестующий заинтересован в том, чтобы было, против кого протестовать, и протестом выражает заинтересованность в его существовании.

Сакральное бунтарство – стремление вывести разум на высший уровень, призыв к творческой свободе общения с Богом, для Которого все условности человеческой культуры – абсурд, а важна только Любовь между людьми, Любовь к Нему, к Богу, важна творческая свобода.

Юродивые утверждают свою свободу творчески созидать свою жизнь, разрушая нормативную картину мира и лежащий в ее основе гештальт здравого смысла. Смеясь над миром, авва Симеон также заходил нагишом в женскую баню, чтобы утвердить свое бесстрашие и свободу¹⁴.

Нагота – важная доминанта культурного гештальта, картины мира и кода культуры.

Первый опыт, который человек пережил, находясь еще в раю, в первый миг после описанного в Библии грехопадения [Быт.3:7], – это опыт ужаса и стыда при виде своей наготы. Уже в раю человек прозрел и понял, что наг. Нагота – символ зла, которое вошло

¹² Полякова С.В. (ред.) *Византийские легенды*. М.: Ладомир, 1994. С. 66

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ Там же. С. 70.

в природу человека после грехопадения, а культурные запреты выражают попытку культуры справиться со злом, что живет в природе человека и ведет к войне всех против всех.

В преподобном освящается личность человека, в юродивом – не только личность, но и природа. Преподобный стремится освободиться от личного греха, а юродивый – также и от первородного, вошедшего не в личность, а в природу нагого человека.

Однако свобода юродивого от греха сама выглядит как грех и эпатаж, как причастность дионисийской смеховой культуре.

Распад культурного гештальта и аксиологическая революция лежат в основе важного типа комического – абсурдизма фольклора и народной смеховой культуры, следуя традиции которой Ф. Вийон, если следовать французскому оригиналу, готов от жажды умирать над фонтаном и черного ворона называть белым лебедем, то есть ставить знак равенства между добром и злом («Баллада поэтического состязания в Блуа»¹⁵).

Отказываясь от ограничивающей человека культурной нормы, юродивый обретает в Боге абсолютную свободу. Но это не свобода вседозволенности, а свобода святости. Без этой свободы невозможно творчество.

Жить во имя этой высшей свободы завещает авве Симеону брат Иоанн: «Смотри, прошу тебя, когда осязают руки твои, да не осязает с ними вместе и душа, когда рот вкушает, да не наслаждается сердце <...>, чтобы <...> ум твой и сердце твое пребывали бесстрастными и спокойными»¹⁶.

Для Руси характерны подвиг юродства и идея высшей свободы и высшего разума, не рационалистического, как на Западе, а созерцательного, духовного, которым обладает, например, князь Мышкин. На Западе юродство и высший разум находятся на периферии культуры. Юродство и страстотерпчество отражают специфическую душу русской культуры. В этом смысле юродство тоже является частью культурного гештальта. В русской культуре борются гештальт культурной нормы и гештальт свободы, которая в сакральной области проявляется как юродство, а в профанной – как русское бунтарство и стихийность.

В основе юродства лежит сакральный код культуры –

---

¹⁵ Вийон Ф. Баллада поэтического состязания в Блуа. URL: <https://stihi.ru/cgi-bin/login/page.pl>. (Дата обращения: 13.09.2023).

¹⁶ Полякова С.В. (ред.) *Византийские легенды*. С. 67.

кенотическое богословие, характерное именно для Руси. Как юродивый являет мудрость и целомудрие в форме безумия и эпатажа, так в кенотическом богословии Бог и Творец мира предстает как раб на кресте. Бог являет себя в образе раба. Размышляя об истоках и причинах столь глубокой укорененности кенозиса в русской культуре, нельзя не отметить роль глаголицы в формировании кенотического богословия, подвига юродивых и страстотерпцев, которые вменяя ни во что свое княжеское или царское достоинство, принимают смерть от своих подданных.

В исследованиях Л.Б. Карпенко начертания букв глаголицы осмысляются как символы, выражающие суть догматического богословия.

Исследовательница особое внимание уделяет букве «ерь», начертание которой в глаголице не походило на твердый знак: «Имя этой буквы обычно производят от аерь — «воздух». Однако этимология этого имени представляется иной. В контексте рассматриваемой христианской символики ерь соотносится с греч. “священный” и присутствует в таких старославянских словах, как: иера, иераполь, иереи, иерейскъ, Иероусалимъ и под.

Формой своей буква <...> напоминает человеческий эмбрион и символизирует рождение, возрождение, жизнь, ерь <...> есть символ плода во чреве, плода в утробе, о котором говорится в Библии как о благословенном даре Бога: **Благословит плод чрева** (Втор. 7, 13); **Благословен плод чрева Твоего** (Лк. 1, 42); **Вот наследие от Господа: дети; награда от Него — плод чрева** (Пс. 126, 3)¹⁷, при этом рождение младенца как «рождение месяца»¹⁸. Исследовательница указывает на интерес св. Кирилла к богословию и цитирует св. Григория Нисского: «Он определяет Бога как онтологическое начало, исток и предел всего сущего: “Неизъясним Ты один, ибо Ты – исток всех познаний... Все пребывает в Тебе, и все Ты объясняешь собою как всеобщий предел”»¹⁹. При этом поразительно, что гласным, который символизирует Рождество Христово, становится не полнозвучное «А» или «О», а редуцированный звук²⁰. В IX в., когда создавалась азбука, редуцированные еще не пали и могли быть даже под

¹⁷ Карпенко Л.Б. *Глаголица – славянская священная азбука. (Семиотический анализ в контексте Библии): Монография.* Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 1999. С. 110

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 70.

²⁰ Пятаева Н.В. Фрагменты второго (исправленного и дополненного) издания энциклопедии для школьников и студентов «Русский язык. Языкознание» // *Говор: альманах.* 2023. № 5. С. 684

ударением, но произносились словно призыв, не требующий выраженной артикуляции. А полнозвучное «А», торжествующее и светлое, ассоциировалось не с символом, например, Троицы, являющим полноту Божественного Бытия, а со знаком Креста, на котором Бог умалился и умер, как раб, чтобы воскреснуть, как Бог.

Итак, Боговоплощение было обозначено не полногласным звуком, а редуцированным. А крестные страдания, или редукция Творца в творении, наоборот, соотнесены с полнозвучным «А». Это ведет нас к пониманию, как уже в древности, при святых Кирилле и Мефодии, складывалось представление о юродстве и о кенотическом богословии, зафиксированном в графике – в начертании букв глаголицы. На уровне символического смысла начертания буква «ерь» – царь. На уровне звучания – раб. Ерь – царь в образе раба.

Юродивый достигает свободы творить свою судьбу по образу судьбы Самого Христа, не оглядываясь на гештальт своей культуры, превозносящей царя и унижающей раба.

Литература

- Акимов П. Что такое гештальт и зачем его закрывать. // РБК. [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f27b9ed9a79478d097ae29b>. (Дата обращения: 12.09.2023).
- Вийон Ф. Баллада поэтического состязания в Блуа. [Электронный ресурс] URL: <https://stihi.ru/cgi-bin/login/page.pl>. (Дата обращения: 13.09.2023).
- Дамаскин Иоанн, преподобный. *Сказание о жизни Варлаама и Иоасафа*. М.: Сибирская Благовонница, 2013. 303 с.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // *Собрание сочинений* в 15 тт. Т. 9. Ленинград: Наука, Ленинградской отделение, 1991. 697 с.
- Иванов С.А. *Блаженные похабы. Культурная история юродства*. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
- Карпенко Л.Б. *Глаголица – славянская священная азбука. (Семиотический анализ в контексте Библии): Монография*. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 1999. 209 с.
- Карпенко Л.Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // *Государство, Церковь, религия в России и за рубежом*. М.: Изд-во РАГС, 2009, №2. С.16–39.
- Леви-Строс Клод. *Мифологика: человек голый*. Москва: FreeFly, 2007. 781 с.
- Леонов И.В., Соловьева В.Л., Халльбек Д. «Гештальткультуроология»: концептуализация, дисциплинарный статус и история исследований // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2020. № 40 С. 92–107.
- Полякова С.В. (ред.) *Византийские легенды*. М.: Ладомир, 1994. 302 с.
- Пятаева Н.В. Фрагменты второго (исправленного и дополненного) издания энциклопедии для школьников и студентов «Русский язык. Языкознание» // *Говор: альманах*. 2023. № 5. С. 678–736.
- Федотов Г. *Святые древней Руси*. М.: АСТ, 2003. 701 с.
- Шарабарина Е.А. Генезис юродства в византийской традиции // *Идеи и идеалы*. 2022. Т. 14. № 4-1. С. 98–119.

НАРРАТИВНАЯ МОТИВИРОВКА: «РЕАЛЬНАЯ» И/ИЛИ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ»?

Ефименко А. Е.

Ланьчжоуский университет
Ланьчжоу, КНР

Аннотация:

В статье рассматривается категория нарративной мотивировки. Указано на понимание мотивировок Б. В. Томашевским, А. П. Чудаковым, В. Шмидом, Х. Фэрнлэфом. Если Чудаков различает «реальные» и «художественные» мотивировки, то Шмид и Фэрнлэф предлагают видеть в диегетической мотивировке два уровня: уровень собственно диегетический («реальный») и уровень телеодиегетический («художественный»). Для разъяснения своей позиции Фэрнлэф активно использует термины *композиция* и *металитературный уровень*, что мы рассматриваем как недостаток концепции, причиной чего считаем недопонимание Фэрнлэфом выделения в нарративе трех его уровней, предложенного Ж. Женеттом и В. И. Тюпой.

Ключевые слова:

нарративная мотивировка, «реальные» и «художественные» мотивировки, диегетические и телеодиегетические мотивировки, композиция, металитературный уровень, три уровня нарратива

NARRATIVE MOTIVATION: “REAL” AND/ OR “ARTISTIC”?

Efimenko A. E.

Lanzhou University
Lanzhou, China

Abstract:

The article examines the category of narrative motivation. Understanding of motivations by B. V. Tomashevsky, A. P. Chudakov, V. Schmid and H. Färnlöf is indicated. If Chudakov distinguishes between “real” and “artistic” motivations, then Schmid and Färnlöf propose to see two levels in diegetic motivation: the diegetic level proper (“real”) and the teleodiegetic level (“artistic”). To clarify his position, Färnlöf actively uses the terms *composition* and *metaliterature level*, which we consider as a lack of concept, the reason for which we believe that Färnlöf misunderstood the allocation of three levels in the narrative, proposed by G. Genette and V. I. Tyupa.

Keywords:

narrative motivation, “real” and “artistic” motivations, diegetic and teleodiegetic motivations, composition, metaliterature level, three levels of narrative

Понятие мотивировки как приема, обуславливающего употребление практически любого элемента поэтики произведения, было введено в отечественный исследовательский аппарат к началу 1920-х гг. создателями формального метода В. Б. Шкловским, Б. М. Эйхенбаумом, Б. В. Томашевским. При этом именно Шкловский первым «показал роль мотивировки вводимых эпизодов»¹. В свою очередь Томашевский предпочитал говорить о мотивировках не эпизодов, а мотивов, о чем свидетельствует предлагаемое им определение мотивировки: «Система приемов, оправдывающих введение отдельных мотивов и их комплексов, называется мотивировкой»². Связав категорию мотивировки с категорией мотива и посчитав мотивировку приемом, обслуживающим только ввод мотивов, Томашевский тем самым ограничил мотивировку, говоря современным языком, диегетическим уровнем нарратива, т. е. только уровнем нарративной истории.

Другая, на наш взгляд, более адекватная литературной действительности типология мотивировок, – это типология А. П. Чудакова. Ученый разделяет мотивировки на два типа: мотивировки «реальные, имеющие аналоги в эмпирической действительности» и мотивировки «чисто художественные»³. Пример «реальной» мотивировки у Чудакова – «дарение заячьего тулупчика» Петрушей Гриневым Пугачеву как мотивировка позднейшего «помилования Пугачевым Гринева» в «Капитанской дочке» Пушкина⁴. Следовательно, «реальная» мотивировка – это, как и у Томашевского, мотивировка диегетическая, или, говоря более узко, мотивировка события событием. Пример «чисто художественной мотивировки» взят Чудаковым из «Гамлета» Шекспира: Гамлет медлит с убийством короля, потому что «Шекспиру нужно было затянуть трагическое действие»⁵.

О новейшем состоянии изучения теории мотивировки на Западе дают представление самые последние работы по этой теме: книга В. Шмида (на немецком языке) «Нарративная мотивировка», его же статья (на русском языке) в электронном журнале *Narratorium* «О нарративной мотивировке»⁶, представляющая

¹ Tomachevski B. La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie // *Revue des études slaves*. Tome 8, fascicule 3-4, 1928. P. 232.

² Томашевский Б.В. *Теория литературы. Поэтика*. М., 1996. С. 191.

³ Чудаков А.П. Мотивировка // *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 4. М., 1967. Стлб. 995.

⁴ Там же.

⁵ Чудаков А. П. Мотивировка. Стлб. 995.

⁶ Шмид В. О нарративной мотивировке // *Narratorium*. 2020. № 13. URL: <http://narratorium.ru/2020/11/02/вольф-шмид-о-нарративной-мотивировке/>

собой сжатое изложение этой книги, а также монография шведского исследователя Ханса Фэрнлёфа (на французском языке) «Литературная мотивировка. От русского формализма к конструктивизму»⁷ и обобщающая статья того же автора (также на французском языке) «Литературная мотивировка»⁸, помещенная на сайте Сети франкоязычных нарратологов. Обсудим их подробнее.

В статье «О нарративной мотивировке» Шмид повторяет идею Чудакова (без ссылки на него) о двух типах мотивировок: «Мотивировка может быть как причинно-следственной (или, в терминологии Чудакова, «реальной». – А. Е.), так и художественной»⁹. Но, в отличие от Чудакова, говорившего о реальных и художественных мотивировках как о двух непересекающихся классах, в концепции Шмида (а также, как мы увидим, и Фэрнлёфа) реальная мотивировка трактуется одновременно и как реальная, и как художественная.

Чтобы разобраться в этом вопросе, перейдем к анализу монографии Фэрнлёфа «Литературная мотивировка», временами обращаясь и к статьям Шмида и Фэрнлёфа.

Поскольку у Фэрнлёфа «употребление мотивировки касается всех диегетических элементов»¹⁰, то и вопрос о типах мотивировок решается однозначно: все мотивировки для Фэрнлёфа – только диегетические. Но внутри них он выделяет мотивировки собственно диегетические и мотивировки телеодиегетические, которые и являются, по его мнению, «художественными».

Для примера показа различия между диегетическими и телеодиегетическими («художественными») мотивировками Фэрнлёф берет зачинный эпизод романа Э. Золя «Человек-зверь». В нем один из персонажей – помощник начальника станции Рубо из-за жары в комнате открывает окно и рассматривает сверху привокзальный железнодорожный пейзаж. На уровне диегетической мотивировки жара в комнате «объясняет, почему персонаж переместился к окну»¹¹. На уровне телеодиегетической мотивировки это же действие Рубо «служит целью <...> мягко ввести описание»¹² привокзального пейзажа.

⁷ Färnlöf H. Motivation littéraire. Du formalisme russe au constructivisme. Paris, 2022.

⁸ Färnlöf H. Motivation littéraire / Literary Motivation. URL: <https://wp.unil.ch/narratologie/2022/09/motivation-litteraire-literary-motivation/>

⁹ Шмид В. О нарративной мотивировке.

¹⁰ Färnlöf H. Motivation littéraire. P. 177.

¹¹ Färnlöf H. Motivation littéraire / Literary Motivation.

¹² Ibid.

Другой, более развернутый пример различия между диегетическими и телеодиегетическими мотивировками (или диегетическим и телеодиегетическим уровнями одной и той же мотивировки) Фэрнлөф показывает на материале событий главы романа Г. Флобера «Госпожа Бовари» (ч. 2, гл. XIV-XV): муж Эммы Бовари Шарль, желая ее развлечь, везет Эмму (удрученную своим разрывом с любовником Родольфом) в театр в Руане на оперу → там она неожиданно встречает своего старого знакомого Леона → Леон вскоре становится ее новым любовником. Фэрнлөф совершенно справедливо указывает, что каждое следующее из этих событий связано с предшествующим причинно-следственными отношениями. Поскольку «это объяснение устанавливает каузальную связь между двумя элементами в истории»¹³, то перед нами диегетическая мотивировка, «целиком основанная на каузальности, которая управляет диегетическим миром»¹⁴.

О телеодиегетическом уровне той же мотивировки Фэрнлөф говорит следующее (полужирным шрифтом нами выделены термины, которые ниже мы подробно комментируем): «Этот (телеодиегетический. – А. Е.) уровень указывает на **композиционный эффект** мотивировки в перспективе **композиции** всего нарратива как поворот нарративной истории «Госпожи Бовари», достигнутый благодаря встрече Эммы с Леоном»¹⁵. Фэрнлөф подчеркивает, что «это вторая **композиционная** перспектива, которую Шкловский называет “оправданием художественной структуры” и которая добавляется, если так можно сказать, к объяснению, представленному в рассказываемой истории; она представляет собой производную от нее функцию, анализируемую только на **металитературном** уровне (в нашем примере из «Госпожи Бовари» – как элемент, который движет вперед нарративную историю)»¹⁶.

Т. о., считает Фэрнлөф, «возможно описывать употребление мотивировки в рассказываемой истории и по отношению к рассказываемой истории (курсив Фэрнлөфа. – А. Е.). В первом случае отыскивают причинность и связи, установленные в истории; во втором случае описывают в металитературных терминах (разрешение конфликта, санкция на испытание, создание

¹³ Färlöf H. Motivation littéraire. P. 37.

¹⁴ Ibid. P. 38.

¹⁵ Ibid. P. 43.

¹⁶ Ibid. P. 38.

завязки, движение к развязке, ввод того или иного описания, оправдание рассказа в виде обрамленного повествования и т. д.) произведенный художественный эффект»¹⁷. И далее, поменяв мотивировки местами: «Чтобы очертить эти две функции мотивировки, формалисты используют прилагательное *художественная*, служащее для обозначения перспективы в развертывании нарратива, и (чаще всего) прилагательное *бытовая*, служащее для описания причинных объяснений в истории»¹⁸.

Здесь мы хотим прокомментировать несколько концептуальных положений этой теории Фэрнлёфа, а именно, термины: **телеодиегетический, композиция, металитературный уровень**, сцепленные Фэрнлёфом, как мы увидим, в некое нерасторжимое единство.

Во-первых, представляется необходимым обсудить главную идейную новацию Фэрнлёфа – термин **телеодиегетический**, образованный от сложения двух слов: *телеологический* и *диегетический*. Разумеется, сами по себе термины *телеология*, *телеологический* (исходно от греч. *télos*, род. п. *téleos* – цель) далеко не новы. Так, их активно использовал Б. М. Эйхенбаум. Обращаясь к проблематике мотивировки, Шмид в вышеназванной статье в электронном журнале *Narratorium* также упоминает телеологию, но очень бегло, намеком: «С точки зрения мотивировки возникает прежде всего вопрос о телеологии»¹⁹.

В отличие от Шмида, у Фэрнлёфа эта категория относится к числу базовых, поэтому, разъясняя телеодиегетический аспект мотивировки, Фэрнлёф подчеркивает, что «всегда есть ‘финальная’ телеодиегетическая идея, которая обуславливает присутствие и природу диегетической мотивировки, даже если эта последняя появляется в нарративе раньше»²⁰. И далее: «Верно, что Эмма сначала хочет пойти в театр и что затем она встречает там Леона, но эта нарративная последовательность, конечно, обусловлена логикой наперекор композиции, которая обуславливает ‘детерминацию средств через конец’, согласно Женетту, используемому также иллюстративное выражение *ретроградные детерминации*»²¹(курсив Фэрнлёфа. – А. Е.).

¹⁷ Färnlöf H. Motivation littéraire. P. 39.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Шмид В. О нарративной мотивировке.

²⁰ Färnlöf H. Op. cit. P. 39.

²¹ Färnlöf H. Motivation littéraire. P. 44.

Здесь для большей ясности представляется уместным напомнить эти слова Ж. Женетта, сказанные им в цитируемой Фэрнлэфом статье «Правдоподобие и мотивация»²² в связи с разбором романа мадам де Лафайет «Принцесса Клевская». Женетт говорит о том, что при анализе мотивировки требуется определять «каждую единицу повествования (зд.: нарратива. – А. Е.) <...> через ее соотношение с некоторой другой единицей и интерпретировать первую <...> через вторую, так что последняя управляет всеми остальными и сама не управляется ничем»²³. Эта подчиненность всей цепи нарративных единиц (в данном случае, событийных, т. е. на уровне нарративной истории) ее последнему звену суммируется Женеттом в слове *télos*: «В соответствии с этой схемой вот чему все подчиняется в “Принцессе Клевской”, вот в чем ее *télos*»²⁴.

Во-вторых, во всех приведенных цитатах нельзя не заметить частое употребление Фэрнлэфом терминов **композиция**, **композиционный**, которым, однако, автор не дает никакого толкования. В современной теории фикционального нарратива, разработанной В. И. Тюпой, о сути композиции сказано: «В компоновке разного рода монологов и диалогов и состоит композиция литературного произведения в собственно литературоведческом ее понимании»²⁵. Однако Фэрнлэф понимает композицию, вероятно, не так, а гораздо шире и в результате значительно более расплывчато, как, например, один из отечественных исследователей, который пишет, что «композиционный уровень значения <...> имеет отношение к тому, что может быть обозначено словом *строение*»²⁶ (хочется, однако, спросить: строение чего?).

В-третьих, еще большего комментария требует понятие **металитературного уровня**. Оно используется Фэрнлэфом всегда вскользь, словно нечто общеизвестное. Так, в одном месте своей работы он приводит следующие «эффекты композиции, которые передаются металитературными терминами (завязка, перипетия, остранение и т. д.)»²⁷, т. е. в одну группу «металитературных» понятий попадают и категории уровня нарративной истории

²² Женетт Ж. Правдоподобие и мотивация // Ж. Женетт. *Фигуры*. В 2-х томах. Т. 1. М., 1998. С. 299–321.

²³ Там же. С. 318.

²⁴ Там же.

²⁵ Тюпа В.И. *Анализ художественного текста*. М., 2009. С. 48–49.

²⁶ Савинков С. В. Семиотика как инструмент анализа литературного текста: опыт практического приложения // *Культура и текст*. 2017. № 1(28). С. 136.

²⁷ Färnlöf H. *Motivation littéraire*. P. 43.

(завязка, перипетия), и категория уровня вербализации наррации (остранение). Для Фэрнлэфа все это – явления композиции. При этом, как мы помним, именно для достижения этих столь различных по своей природе «металитературных» целей и используется телеодиегетическая мотивировка.

Как видим, каждое ключевое понятие концепции Фэрнлэфа: **телеодиегетическая мотивировка, композиция, металитературный уровень** – опирается одно на другое. Таким образом, если категория телеодиегетической мотивировки представляется нам, как минимум, любопытной и, может быть, перспективной, то два следующих термина не проясняют концепцию, а скорее ее запутывают.

Дело в том, что главная особенность терминологического аппарата Фэрнлэфа – эклектичность: здесь, с одной стороны, и взятые у формалистов категории фабулы и сюжета, т. е. «старые» категории теоретической поэтики, и, с другой стороны, «новые» нарратологические категории: категория диегесиса и многочисленных производных от нее, к которым относятся не только диегетическая и телеодиегетическая мотивировки, но и такие изобретенные Фэрнлэфом мотивировки, как эндодиегетическая (внутренняя, в пределах изображаемого диегесиса) и экзодиегетическая (внешняя, за его пределами).

Глубинная причина этой эклектичности видится в том, что Фэрнлэф совершенно не осознает различий между поэтикой и нарратологией, в результате чего его книга переполнена «информационным шумом», как говорил Ю. М. Лотман в «Структуре художественного текста». Но сама концепция телеодиегетической мотивировки, или, вернее сказать, концепция телеологической функции диегетической мотивировки, задает осмысление мотивировки в верном направлении. Она позволяет сделать еще один шаг вперед в анализе феномена мотивировки.

Однако было бы полезно подробнее разработать типологию проявлений телеодиегетической мотивировки, чего Фэрнлэф не делает, – он ограничивается лишь беглым и недифференцированным перечнем «металитературных элементов композиции», причем рассмотрение этих последних дается крайне скупо.

С другой стороны, на наш взгляд, еще важнее, что данная концепция диегетических, а внутри них «художественных» телеодиегетических мотивировок оставляет вне поля

рассмотрения другие «художественные» мотивировки, а именно **недиегетические** мотивировки²⁸. Очевидно, сама мысль о возможности недиегетических мотивировок глубоко чужда Фэрнлёфу.

Эта неполнота исследования объясняется тем, что Фэрнлёф слишком доверился дефинициям мотивировки, предложенным Шкловским и Томашевским, тогда как гораздо полезнее и содержательнее были бы не эти «не очень убедительные»²⁹ дефиниции, а конкретные литературные примеры мотивировок, разбросанные теми же формалистами по разным их работам. Их внимательный анализ показывает, что под мотивировками формалисты понимали далеко не только «бытовое объяснение сюжетного построения»³⁰, т. е. диегетические мотивировки на уровне нарративной истории, в которых Фэрнлёф замыкает свой научный поиск, но и недиегетические мотивировки на других уровнях нарратива, в частности, – на уровнях наррации и вербализации наррации.

В свою очередь, эта ограниченность объекта исследования является следствием того, что Фэрнлёф избегает решения базового вопроса любого нарратологического анализа – вопроса об уровнях нарратива. Полагаем, что этим автор демонстрирует свое недопонимание и недооценку важнейших открытий Ж. Женетта, а именно, выделения в нарративе трех уровней: уровня истории, уровня дискурса и уровня наррации³¹. Приходится высказать глубокое сожаление, что Фэрнлёфу из-за незнания им русского языка неизвестны ни корректировка этого понимания В. И. Тюпой, при которой уровнями нарратива признаются уровень истории, уровень наррации и уровень вербализации наррации, ни, что еще более важно, трактовка Тюпой наррации как эпизодизации: «наррация – это эпизодизация истории»³². Поэтому такие категории, как синтагматика нарративной истории (фактически рассматриваемая Фэрнлёфом в вышеприведенном примере из «Госпожи Бовари» Флобера), как и синтагматика наррации (его же пример из «Человека-зверя» Золя), шведским исследователем не только не разграничиваются, но и очень часто смешиваются,

---

²⁸ О недиегетических мотивировках см.: Ефименко А. Е. Фигура аналепсиса и порождение наррации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. С. 167–200.

²⁹ Шмид В. О нарративной мотивировке.

³⁰ Шкловский В. Б. Сюжет в кинематографе // Шкловский В. Б. *За 60 лет: Работы о кино*. М., 1985. С. 19.

³¹ Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Ж. Женетт. *Фигуры*. В 2-х томах. Т. 2. М., 1998. С. 64.

³² Тюпа В. И. Лекции по неклассической нарратологии. Тогун, 2018. С. 47.

что также было показано выше в перечне «металитературных» терминов.

В результате понимание Фэрнлэфом мотивировки в известной мере остается на позициях лишь самого раннего этапа развития научной теории литературы – формалистского (однако с сильным уклоном в рецептивную эстетику) и учитывает далеко не все достижения более поздних этапов, т. е. структуралистского, а затем нарратологического. Например, если посчитать, что телеодиегетическая мотивировка Фэрнлэфа (в примере из «Госпожи Бовари») выступает как «элемент, который движет вперед нарративную историю»³³, то ее можно было бы рассматривать в качестве одного из аспектов порождения синтагматики нарративной истории, возможно, напоминающий структуру из динамических мотивов Томашевского. Однако самого Фэрнлэфа этот порождающий аспект мотивировки совершенно не интересует, поскольку категория порождения так же не входит в его исследовательский аппарат, как и различие синтагматики истории и синтагматики наррации.

---

³³ Färnlöf H. Motivation littéraire. P. 38.

Литература

- Ефименко А.Е. *Фигура аналепсиса и порождение наррации*: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М.: РГГУ, 2022. 239 с.
- Женетт Ж. Правдоподобие и мотивация // Ж. Женетт. *Фигуры*. В 2-х томах. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 299–321.
- Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Ж. Женетт. *Фигуры*. В 2-х томах. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 60–281.
- Савинков С.В. Семиотика как инструмент анализа литературного текста: опыт практического приложения // *Культура и текст*. 2017. № 1(28). С. 125–142.
- Томашевский Б.В. *Теория литературы. Поэтика*. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
- Тюпа В.И. *Анализ художественного текста*: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.
- Тюпа В.И. *Лекции по неклассической нарратологии*. Torun, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. 194 с.
- Чудаков А.П. Мотивировка // *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1967. Стлб. 995.
- Шкловский В. Б. Сюжет в кинематографе // Шкловский В. Б. *За 60 лет: Работы о кино*. М.: Искусство, 1985. С. 16–20.
- Шмид В. О нарративной мотивировке // *Narratorium*. 2020. № 13. [Электронный ресурс] URL: <http://narratorium.ru/2020/11/02/вольф-шмид-о-нарративной-мотивировке/>. (Дата обращения: 19.12.2023).
- Färnlöf H. *Motivation littéraire. Du formalisme russe au constructivisme*. Paris, Garnier, 2022. 273 p.
- Färnlöf H. *Motivation littéraire / Literary Motivation* [Электронный ресурс] URL: <https://wp.unil.ch/narratologie/2022/09/motivation-litteraire-literary-motivation/>. (Дата обращения: 19.12.2023).
- Tomachevski B. La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie // *Revue des études slaves*. Tome 8, fascicule 3–4, 1928. P. 226–240.

МЕХАНИЗМ ОСТРАНЕНИЯ В ФИЛЬМЕ А. ЗЕЛЬДОВИЧА «МОСКВА»

Калафатич Ж.

Будапештский экономический университет
Будапешт, Венгрия

Аннотация:

Особое место в киноискусстве постсоветской эпохи занимает фильм режиссера А. Зельдовича «Москва» (2000), сценарий которого написан В. Сорокиным совместно с режиссером. В творчестве Сорокина приемы остранения применяются очень широко, но в центр исследования ставится вопрос о стратегии остранения в постмодернистском фильме. В докладе исследуется процесс сдвига, соединения несоединимого, в ходе которого снимается противопоставление очень разных, выстроенных рядом кодов (жанров, стилей, традиций, жестов, действий, объектов), и знаки теряют свое значение. Опустошение преобладает во всем, включая понятия, мифы, связанные с Россией и Москвой. Зельдович и Сорокин фактически доводят до крайности переосмысление гносеологической неопределенности.

Ключевые слова:

остранение, пастиш, чеховское наследие, Москва, пустота

MECHANISM OF DEFAMILIARISATION IN THE FILM *MOSCOW*

Kalafatics Z.

Budapest Business University
Budapest, Hungary

Abstract:

The film *Moscow* (2000) by A. Zeldovich occupies a unique place in post-soviet film art, as the script was co-authored by the director and V. Sorokin. In Sorokin's work the techniques of defamiliarisation are used very widely, but the study focuses on the strategy of defamiliarisation in postmodern film. The paper explores the process of during which the conflict gets halted between a set of codes (objects, genres, traditions, styles, gestures and actions) widely differing, but juxtaposed in the film; at the same time leading to signs to lose their meanings. Emptiness and deflation are gaining the upper hand over everything, i. e. over things linked to Russia and Moscow. In fact, Zeldovich and Sorokin makes *ad infinitum* perpetuated reconsideration of the epistemological uncertainty.

Keywords:

defamiliarisation, pastiche, the Chekhovian Heritage, *Moscow*, emptiness

Фильм «Москва» Александра Зельдовича, сценарий которого написан в соавторстве с Владимиром Сорокиным, был снят на рубеже тысячелетий. И сценарий, и фильм стали предметом нескольких важных интерпретаций.¹ В центр моего доклада ставится вопрос о том, как знакомое и привычное становится непривычным, то есть исследуется стратегия остранения в постмодернистском фильме.

Как известно, прием остранения, определяемый Шкловским как «вывод вещи из автоматизма восприятия»², считается характерным не только для литературных произведений, но и для всего художественного творчества в целом. Правда, в одном из первых манифестов формализма «Искусство как прием», опубликованном в 1917 году, он излагал теорию остранения на основе литературного материала – произведений Толстого, Гоголя, эротических сказок и пословиц, но рождение термина также тесно связано с изобразительным искусством, смелыми авангардными экспериментами того времени и появлением новых медиа, таких как фотография и кинематограф. О. Ханзен-Леве в своей фундаментальной работе о формализме утверждает, что развитие формального метода можно описать как смену сопоставления словесного искусства с разными типами визуальной репрезентации – статической (живописью) и динамической (кинематограф)³. Сам Шкловский занимался в скульптурной мастерской, увлекался авангардной живописью, кубофутуризмом Д. Бурлюка, беспредметностью Малевича, абстракцией Кандинского⁴, интересовался новыми видами искусства, особенно кинематографом. В своих работах о кинематографе Шкловский редко использовал термин остранения, что вполне объяснимо, поскольку, по его мнению, фильм основан не на новом видении вещи, а на ее узнавании, на эффекте реальности. Современные киноконструкции, по сравнению с литературными текстами, оцениваются им как менее сложные, не способные передать фигуру иронии и метафоры. Однако впоследствии это скептическое

¹ См. Деготь Е. Киносценарий Владимира Сорокина «Москва» в новорусском и поставангардном контекстах // «Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 452–458.; Липовецкий М. Новый «московский» стиль // *Искусство кино*. 1998. № 2. 87–101.; Липовецкий М. S/Z и пустота // *Искусство кино*. 2001. № 2. С. 56–61.

² Шкловский В. Искусство, как прием // *О теории прозы*. М.: Федерация, 1929. С. 13.

³ Ханзен-Леве О. *Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения*. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 327.

⁴ Левченко Я. *Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 223.

отношение к киноискусству меняется,⁵ и Шкловский рассматривает интеллектуальный монтаж как принцип остранения и называет монтаж «новым способом принятия мира».

На основе трудов формалистов трудно дать точное определение остранения, к тому же этот термин соприкасается как минимум с двумя другими понятиями. Одно из них – разработанное в психоанализе понятие жуткого/тревожной странности (*Das Unheimliche* по Фрейду)⁶, другое – основная категория брехтовской теории театра, отчуждение, V-эффект. В своей статье я хотела бы указать на взаимосвязь этих трех явлений и техник.

В среде московских концептуалистов Сорокин освоил ряд острающих и отчуждающих приемов.⁷ Трансгрессивные мотивы, разрушение табу, абсурдизация, игра с разными стилями также присутствуют в фильме «Москва». Художественный стиль и визуальный язык фильма столь же эклектичны, как изображенный предметный мир и жизненный материал. И сценарий, и особенно фильм можно рассматривать как своего рода пастиш, так как он состоит из фрагментов разных цитат и культурных кодов. Пастиш, по определению известного теоретика постмодернизма Фредрика Джеймисона является имитацией единичного или уникального стиля, ношением стилистической маски, речью на мертвом языке.⁸

Краткое изложение сюжета фильма является нелегкой задачей, поскольку кинонарратив фрагментирован, эпизоды разделены и визуально, и тематически. Сюжет разворачивается в постсоветской Москве в конце 20-го века в системе отношений между шестью основными действующими лицами. Все они пытаются справиться с изменившимися обстоятельствами, вызванными распадом советской империи, ищут свое место в новом мире. Все они лишены отца и их связывают разные родственные и сексуальные отношения, но в то же время все они безнадежно заперты в своей собственной сфере, своем мире. Только одному из них, Льву, который без сожалений пересекает любые нормы и границы, удается получить все, что он хочет: деньги и женщин. Его

---

⁵ Смирнов И. Приключения остранения в стране Советов // *Сеанс*. 2013. URL: https://seance.ru/articles/smironov_lecture_wordorder/. (Дата обращения: 27.08.2023).

⁶ Эпштейн М.Н. Жуткое и странное: О теоретической встрече З. Фрейда и В. Шкловского. URL: http://old.russ.ru/krug/razbor/20030314_er.html. (Дата обращения: 27.08.2023).

⁷ Подробнее об этом см. Иоффе Д. Прием остранения в русском поставангарде. О мотивике и прагматике «франного» Сорокина // *«Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 183–203.

⁸ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // *Логос*. 2000. № 4. С. 63–77. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000-04-25.htm>. (Дата обращения: 27.08.2023).

появление приводит в движение сюжетное действие, он вольно или невольно разрушает привычные отношения.

До того, как Лев появился в сюжете, новый русский бизнесмен, имеющий связи с преступным миром, Майк, собирается жениться на Маше. Имена трех женских персонажей совпадают с именами чеховских героинь из пьесы Три сестры, с той разницей, что в фильме Ирина – старшая, и она не сестра, а мать Маши и Ольги. Она управляет ночным клубом с маленьким садом, на содержание которого она взяла кредиты. Ирина надеется, что будущий муж Маши погасит долги, чтобы ей не пришлось продавать свое любимое дело. В ее высказываниях одновременно воспроизводятся «Три сестры», «Дядя Ваня» и «Вишневый сад»: «Я к этому месту прикована, как дядя Ваня, у меня долгов на пятьдесят тысяч. Как я их отдам? Мне надо работать, работать и работать». Если Ирина напоминает образ Раневской, то Майк вызывает в памяти Лопухина. Между ними существуют сексуальные отношения, о которых Маша также знает. Майк, который торгует, среди прочего, баллистическими ракетами, увлекается искусством, он хочет вернуть русскому балету былые славу, успех и процветание. Он убежден, что он нужен России, и верит в возрождение страны. Он также верит в дружбу, и именно эта вера приведет его к гибели. Образ чеховского доктора в фильме представлен Марком, психиатром. У Марка и Ирины были более или менее постоянные отношения с 16-ти лет, но они не поженились. Марк тайно влюбляется в самую странную, казалось бы, слабоумную, имеющую признаки аутизма младшую дочь Ирины Ольгу, его комната уставлена ее фотографиями. Как и в пьесах Чехова, в фильме все любят кого-то другого, тянутся к кому-то другому и ищут счастья у кого-то другого.

Ольга, бывшая пациентка Марка выступает в клубе своей матери, исполняя на фоне авангардных декораций известные советские военные песни, в том числе «Заветный камень» и «Враги сожгли родную хату». Ее манера исполнения создает гротескно-острашающий эффект, поскольку она распекает каждое слово, точно воспроизводя голосом каждый звук, поэтому текст теряет свой эмоциональный заряд, свой трагический пафос, теряет узнаваемость, и приобретает своеобразие. Ощущение чуждости усиливается марионеточными движениями Ольги, напоминающими движения куклы. В некотором смысле ее умственная отсталость – это просто видимость, ведь во время

своей прогулки по Москве она разговаривает со Львом, развивает связанные мысли, развернуто размышляя над сущностью вещей и закономерностями мира. «Если специально все вокруг поковырять – оно все внутри мягкое, и иногда мне страшно, что это все некрепко и упадет. То есть дом упадет и ничего, а может, не упадет, просто у него внутри, например, картошка с тефтелями, особенно если их перемешать». Ольга считает, что внутри всего спрятана кавычка – «она как ключик, ну, или похожа на эту штучку от пива, которая железная и маленькая. Ее нужно найти и дернуть. И тогда все сразу обвалится как рвота, и все – стоит на месте. И все понятно». Однако, по мнению Ольги, Лев лишен этой кавычки, подобрать к нему ключ невозможно, поэтому неслучайно, что его появление выбивает из колеи жизнь всех персонажей.

Как выясняется из оброненных позже замечаний, Майк и Лев знакомы еще с детского дома. Лев стал виолончелистом, затем женился и со своей женой уехал сначала в Берлин, а затем в Израиль. После развода он работал также музыкантом, подрабатывая в качестве массажиста, занимаясь при этом нелегальным бизнесом. И его внешний вид, и образ жизни показывают, что во Льве есть что-то неуловимое, хамелеоноподобное. Теперь, выполняя заказ, он привез Майку чемодан с деньгами, но большая часть содержимого исчезла, сто долларовые купюры были заменены однодолларовыми. Майк сначала мучает Льва, чтобы заставить его рассказать правду о произошедшем, затем он, учитывая дружеские отношения, доставляет его в бар Ирины до выяснения обстоятельств. Однако это доверие мстит само за себя: по необъяснимым причинам Лев не только присваивает деньги, но и завладевает Машей и Ольгой. Майк застрелен на своей свадьбе в театре, поскольку из-за кражи денег он не смог расплатиться за связи с преступным миром. А Марк полностью теряет связь с настоящим, чувствуя себя лишним. В отличие от Майка, он считает, что он больше не нужен России. Он считает общество постсоветской эпохи инфантильным, проблемы которого уже не поддаются управлению и решению. Согласно его социокультурному диагнозу «Когда общество представляет собой сгусток непроваренных пельменей, психиатр беспомощен». В разговоре с коллегой по больнице он также описывает коллективное бессознательное советской эпохи с помощью метафоры пельмени, отождествляя застывшее от страха общество с замороженными пельменями. Осознав свое

поражение и беспомощность, Марк кончает жизнь самоубийством, скатывается с трамплина на наполненном книгами чемодане, и разбивается насмерть.

Ни саморефлексивный, ни активный, стремящийся держать все под своим контролем герой не выживает, поскольку ни один из них не может контролировать обстоятельства, влиять на события. Выжившим будет Лев, который не анализирует себя и ситуацию и не хочет всем управлять, а просто пользуется предлагаемыми возможностями. Его лицо не выражает никаких эмоций, ни страха, ни вины, ни растроганности. Лев – герой текучей модерности⁹, его жизненная стратегия – гибкость, не проявление лояльности к чему-либо, какому-либо способу жизни, какой-либо идее. Противоречия и крайности растворяются и исчезают в нем. Все это вполне соответствует концепции Чехова, поскольку он также отвергал бинарные оппозиции, отрицал бинарную логику. А. Степанов в своей книге «Проблемы коммуникации у Чехова» пишет, что «Существует глобальная чеховская тема, которую можно назвать “старение – стирание знака”. [...] Самые разнородные знаки – слова, жесты, поступки, картины, фотографии и т.д. – в чеховских текстах постоянно обесмысливаются».¹⁰ Процесс обесмысливания, дисфункциональность знака как носителя культурной памяти имеют большое значение и в фильме Зельдовича.

Как высказывания персонажей, так и сцены фильма привлекают внимание к диссонансу между названием, внешней формой и содержанием, внутренней сущностью. По внешнему виду Льва зритель сначала считает его евреем-хасидом, но позже выясняется, что он хотел обмануть таможенников только своей внешностью, чтобы он мог без проблем провезти черный нал. Обманчивая внешность, маска и кукольность преобладают во всем, доминируя над всем. Это также подчеркивается композицией кинокадров, их сценографией и предельно театрализованным характером и художественным использованием отражающих поверхностей, различных стекол, зеркал, металлических подносов. Отражение умножает отдельные лица и разлагает формы. Зеркала, окна, двери, стекло, светящиеся поверхности и изображение, видимое в них, лейтмотивно подчеркивают кризис идентичности, пластичные, неуловимые границы между «я» и «не-

⁹ Термин Зигмунда Баумана.

¹⁰ Степанов А. Д. *Проблемы коммуникации у Чехова*. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 95.

я», неопределенность восприятия и интерпретации реальности.

Когда персонажи фильма несколько раз как бы застывают в одной позе, у зрителя возникает ощущение, что все они являются частью декорации театрального представления. Стилизация снимает эффект даже страшных, ужасных сцен. Самый яркий пример того – когда Майк убивает своего партнера, которого он обвиняет в предательстве дружбы, краже денег. Убийство происходит на складе магазина, а орудие убийства – просто потребительские товары. Майк забрасывает обвиняемого насмерть консервными банками и бутылками кетчупа, тело убитого покрыто продуктами питания и товарами широкого потребления. С одной стороны, сцена воспроизводит ритуальные действия, акции концептуалистов, но преувеличенные жесты могут также напоминать нам об элементах немых фильмов, особенно бурлеска. Именно в этой цитатности и визуальной разнородности, совмещении различных кодов и заключается постмодернистский характер фильма. Сергей Ушакин считает, что чередование кинокадров больше всего напоминает цирковой аттракцион, так как каждая сцена намекает на другие произведения или стили. В результате игры несовместимые элементы ставятся рядом друг с другом, следуя принципу паратаксиста, то есть выстраивания рядом.¹¹ В фильме одновременно обыгрываются чеховская драматургия, авангардное искусство 1920-х годов, архитектура сталинской эпохи, американские культовые фильмы, в том числе «Криминальное чтиво», военные песни, криминальные романы и тема новых русских. Однако эти элементы не взаимодействуют друг с другом, они остаются изолированными.¹²

Город также выглядит как декорация, сохраняющая отпечаток различных исторических эпох. В фильме реализована чеховская метафора, герои попадают в желанное место, Москву столетие спустя. Однако осуществление желаний не ведет к катарсису, так как герои сталкиваются только с пустотой и опустошенностью вместо того, чтобы ощутить полноту бытия. Они бегут от скуки в поисках ярких впечатлений, чего-то необыкновенного. Из фрагмента оброненного вскольз разговора о чистоте, порядке и предсказуемости, характерных для немцев, выясняется, что для героев фильма все это бесконечно скучно и чуждо. Возможно,

---

¹¹ Ушакин С. Холодец в алмазах, хрусталь в грязи: разложение как паратаксист // *«Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 465.

¹² Сиривля Н. Немое кино // *Искусство кино*. 2001. № 2. С. 65.

именно поэтому их привлекают неясные отношения, хаос, сексуальность, насилие и грязь греха. И в постсоветской Москве они находят это, стремясь заполнить этим пустоту. Город как бы воплощает Россию со всеми ее противоречиями, также можно сказать, что ее подсознательную сущность. В фильме воспроизводятся стереотипные представления и идеи о Москве, элементы московского мифа (Москва – сердце родины, мать городов русских, третий Рим), которые затем опустошаются и обесмысливаются.¹³ Таким образом, по ходу развертывания сюжета город становится сжатым символом нехватки и утрат.

Название столицы и надпись Москва всегда появляются в переломных моментах сюжета. Сцена, где Майк получает чемодан с деньгами и понимает, что его обманули, происходит в гостинице Москва. Окна гостиничного номера выходят на Красную площадь, а Лев играет на рояле песню «Широка страна моя родная». Все это, как неоднократно отмечал Зельдович, является пародийным цитированием фильма Александрова «Цирк». Символическим значением также наполнена сцена, когда Лев совокупляется с Машей в баре. Лев только что пережил допрос, пытки, и Маша собираясь вскоре выйти замуж за Майка, совершает половой акт со Львом. Однако их тела, по хасидскому обычаю, разделены, но не простыней, а географической картой, они могут соприкоснуться друг с другом только через прорезь на месте Москвы. Москва как поглощающая дыра, означающая самопоглощающую пустоту, и игра присвоения-очуждения присутствуют также в сцене полового акта с другой сестрой, Ольгой. Лев сначала знакомит девушку с достопримечательностями города во время прогулки на лодке, затем спускается вместе с ней в подземный мир, лабиринт метро, чтобы оказаться там в совершенно пустом вагоне и завладеть девушкой. Надпись появляется и в момент гибели Марка, во время его падения камера высвечивает слово «Москва» на лыжном трамплине. То, что Москва несет в себе грех, становится реализованной метафорой. Украденные деньги Лев спрятал в букве О большого придорожного знака с названием Москвы. Представленные в фильме образы города, все фрагменты фильма наводят на мысль о том, что Москва – это место метафизической пустоты.

¹³ Подробнее об этом см. Goscilo H. Re-Conceptualizing Moscow (W)hole/Sale // *The Slavic and East European Journal*. 2007. № 2. С. 312–330.

В некотором смысле, эта пустота персонифицируется и в образе Льва, который говорит о себе: «Я мертвый человек. Мне всюду одинаково плохо и одинаково хорошо. Мне так много дано и ничего нет.» Неприкосновенность и победа Льва могут быть объяснены его сопричастностью с пустотой, и поэтому в отношении его не может быть никаких ожиданий нравственности.

Лев – гражданин двух государств, имея два паспорта он женился одновременно на Ольге и на Маше. Фантасмагорическая, абсурдная череда событий заканчивается в самом центре Москвы: уцелевшие герои проходят через Красную площадь к могиле неизвестного солдата под звуки известной советской песни «Колхозная песня о Москве» в переработке Леонида Десятникова и в характерном детско-юродивом, острающем исполнении Ольги. Банальность и восторженность одновременно пронизывают заключительную сцену. Приемы острашения демонстрируют механичность, бессмысленность изображенного мира, передавая при этом ощущения эпистемологической неуверенности и метафизической пустоты.

Литература

- Деготь Е. Киносценарий Владимира Сорокина «Москва» в новорусском и поставангардном контекстах // *«Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 452–458.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // *Логос*. 2000. № 4. С. 63–77. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000-04-25.htm>. (Дата обращения: 27.08.2023).
- Иоффе Д. Прием остранения в русском поставангарде. О мотивике и прагматике «раннего» Сорокина // *«Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 183–203.
- Левченко Я. *Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Липовецкий М. Новый «московский» стиль // *Искусство кино*. 1998. № 2. 87–101.
- Липовецкий М. S/Z и пустота // *Искусство кино*. 2001. № 2. С. 56–61.
- Смирнов И. Приключения остранения в стране Советов // *Сеанс*. 2013. [Электронный ресурс] URL: https://seance.ru/articles/smirnov_lecture_wordorder/. (Дата обращения: 27.08.2023)
- Степанов А. Д. *Проблемы коммуникации у Чехова*. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Сиривля Н. Немое кино // *Искусство кино*. 2001. № 2. С. 68–71.
- Ушакин С. Холодец в алмазах, хрусталь в грязи: разложение как паратаксис // *«Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 459–493.
- Ханзен-Леве О. *Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения*. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Шкловский В. Искусство, как прием // *О теории прозы*. М.: Федерация, 1929. С. 7–23.
- Эпштейн М.Н. Жуткое и странное: О теоретической встрече З. Фрейда и В. Шкловского. [Электронный ресурс] URL: http://old.russ.ru/krug/razbor/20030314_ep.html. (Дата обращения: 27.08.2023)
- Goscilo H. Re-Conceptualizing Moscow (W)hole/Sale // *The Slavic and East European Journal*. 2007. № 2. С. 312–330.

ГОПНИК, ОХОТНИЦА ЗА МУЖЬЯМИ И МЕДВЕДЬ НА СТРАЖЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: СТЕРЕОТИПЫ О РОССИИ И РУССКИХ В ТИКТОК

Литовская Е. В.

Национальный Тайваньский университет
Тайбей, Тайвань

Аннотация:

Эпатаж всегда был популярной стратегией для привлечения аудитории в социальных сетях, в особенности в TikTok.

Многие популярные тиктокеры, работающие с темой русской и – шире – восточноевропейской культуры, выбирают именно такую стратегию, активно используя эпатажные стереотипные образы при создании своего контента.

Мы хотели бы проанализировать причину возникновения и популярности такого контента, систематизировать типичные образы и стереотипы, к которым обращаются тиктокеры, а также ответить на главный вопрос – как все это влияет на восприятие русской культуры.

Ключевые слова:

культурная репрезентация, русская культура, национальные стереотипы, социальные сети, TikTok

**THE GOPNIK, THE GOLDDIGGER
AND THE BEAR ON GUARD OF
RUSSIAN CULTURE:
STEREOTYPES ABOUT RUSSIA
AND RUSSIANS IN TIKTOK**

Litovskaia E. V.

National Taiwan University,
Taipei, Taiwan

Abstract:

Outrageous has always been one of the most popular strategies for attracting an audience on social networks, especially on TikTok.

Many popular tiktokers working with the theme of Russian and, more broadly, Eastern European culture choose just such a strategy, actively using outrageous stereotypical images when creating their content.

As part of the report, we would like to analyze the reason for the emergence and popularity of such content, systematize the typical images and stereotypes that TikTokers refer to, and also answer the main question - how does all this affect the perception of Russian culture.

Keywords:

cultural representation, Russian culture, national stereotypes, social media, TikTok

Когда слышим слово «Россия», какие первые вещи приходят на ум? Классическая литература и Эрмитаж? Советские плакаты и Олимпийский мишка? Масленичные блины и бутерброды с икрой? Пушкин, Чехов, Достоевский? Водянова, Поли и Шейк? Гопники, братки в малиновых пиджаках, женщины в шубах? Водка, матрешка, балалайка?

У каждого, кто был в России, связан с русской культурой или является ее носителем, будет свой набор символических образов страны, но почему, когда дело доходит до глобально узнаваемых русских образов, все их многообразие сводится к минимальному набору из депрессивной литературы, холодной зимы, водки, матрешек, балалаек, красивых женщин и реальных пацанов в костюмах «Adidas»?

В рамках доклада нам хотелось бы проанализировать образы, которые используют тиктокеры, работающие с темой русской бытовой культуры на англоязычную аудиторию. TikTok выбран нами не случайно: в настоящий момент это главная кузница трендов не только для соцсетей, но и для оффлайн-пространства. Короткие тренды стали главным контентообразующим принципом: под трендом изначально понималось конкретное сочетание звука и типа видео (например, один из первых трендов про славянскую культуру «Which kind of Slav are you?» соединял одноименный звук и ответ блогеров на этот вопрос, когда они переодевались в национальную одежду или демонстрировали какие-то узнаваемые культурные символы). TikTok всегда тяготел к созданию определенных «ярлыков», которые могли помочь пользователям с разными интересами сориентироваться в бесконечной ленте, найти разный контент, объединенной какой-то общей эстетикой или темой. Тенденция к унификации и повторяемости контента не могла не отразиться и на стратегиях, которые использовали блогеры для набора аудитории.

Среди условно «русского» контента в TikTok можно выделить два направления: для «внутреннего» и «внешнего» пользования.

«Внутренний» контент нацелен на русскоязычную аудиторию из России, и тематически он гораздо разнообразнее «внешнего». Авторы такого контента могут делать видео про молодежь прошлого (1990х, 2007, 2010, 2017 и др.), про музыку, литературу, дизайн, промыслы, фольклор, интересные места для посещения, коллективный опыт, детство и др.

«Внешний» контент часто носит туристический (куда сходить,

что попробовать, что делать, а что нет), образовательный (как спросить, как сказать, что значит, как перевести, история, русская классика, факты про СССР и разоблачение мифов) и комедийный (как у них / как у нас, «эти странные русские»).

Контент сильно отличается визуально: создатели «внутреннего» контента могут выглядеть очень по-разному, но «внешний» контент почти всегда будет отсылать к тем или иным стереотипам о России. Девушки с красными губами и павлопосадскими платками расскажут и про спряжение глаголов, и про то, как ведут себя «русские женщины», а парни в ушанках и костюмах «Adidas» помогут выучить несколько русских ругательств и покажут, как ведут себя «настоящие русские мужчины». Использование стереотипного образа может быть обусловлено особенностями бесконечной ленты рекомендаций в TikTok. Пользователи стремятся с первой секунды привлечь к себе внимание «своей» аудитории, поэтому для них важна узнаваемость, которой можно добиться с характерного внешнего вида.

С 2022 года в англоязычном сегменте TikTok стало самоопределение «Russian» стало встречаться гораздо реже, чем «Slav» или «Eastern European». Это обусловлено и собственно контентом, который говорит о коллективном опыте выходцев из славянских стран, но в большей степени это стало реакцией на политические события и желанием снизить уровень вербальной агрессии со стороны других пользователей сети.

Среди наиболее популярных англоязычных тиктокеров, прославившихся благодаря «русскому» контенту, можно назвать следующих: @eduardtok (8.1 млн. подписчиков), (@torryhermann (1.7 млн. подписчиков), @katteryuna (1.2 млн. подписчиков), @gopnikflex (964.6 тыс. подписчиков), @crazyrussiandad (262.5 тыс. подписчиков), @cristinacataman (115.5 тыс. подписчиков), @tatifromla (90.2 тыс. подписчиков), straightouttarussia (54.2 тыс. подписчиков). Все они являются эмигрантами из русскоязычных семей, живут в США или Канаде, создают юмористический контент о культурных различиях «домашней» и «принимающей» культур и нацелены на продвижение среди русскоязычной и англоязычной аудитории. Обычно они обращаются к стереотипным образам «гопника» или «сурового русского мужика» (@eduardtok, @straightouttarussia, @gopnikflex, @crazyrussiandad) или «типичной русской женщины» в разных ее ипостасях: Slavic bimbo (@torryhermann); русской подруги/ жены /мамы (@cristinacataman,

@katteryuna, @tatifromla). Но почему именно эти образы стали наиболее удачными и откуда они взялись?

Русские женщины

Откровенно сексуализированные условно русские женщины – один из устоявшихся кино-стереотипов¹. Шпионки КГБ с трудной судьбой (например, спецагент Наташа Романофф из вселенной Marvel), мафиозные подруги и девушки в беде – классические «русские» героини американского блокбастера. Почти всегда блондинки с яркими губами, сильным акцентом и суровым характером носят в себе неизвестные травмы из советского прошлого. Их антиподом становятся карикатурные русские женщины в поисках лучшей жизни: слишком накрашенные и вызывающе одетые, любящие красивую жизнь и лелеющие мечту о принце с иностранным паспортом на черном «мерседесе», который увезет их в счастливое будущее.

Среднестатистическая русская женщина по версии тиктокеров – это что-то среднее между этими двумя полюсами. Утрированный персонаж получил в TikTok наименование Russian bimbo² и стал популярным в 2022 году, когда иностранные тиктокеры начали постить фэшн-контент с нарочито женственным макияжем, шубами, пушистыми шапками и другими зимними атрибутами.

Глобальный тренд немного опоздал, так как подобные образы использовали иностранные блогеры, делающие контент на тему славянских женщин, и русскоязычные блогеры, которые в 2021 году задали большой тренд на ностальгию по 90-м и начали его с микро-тренда «жена бандита», который стал очень популярным в русскоязычном сегменте TikTok. Эстетика мафии, малиновых пиджаков, золотых цепей и красивых бесстрашных женщин, которые связывали свою жизнь с криминальными авторитетами стала вдохновением для креаторов, которые показывали, как повторить модные образы, рассказывали про реальные криминальные истории и так далее. На волне ностальгии по 1990-

---

¹ См.: Cooking comrades and femme fatales - what are these Russian female stereotypes? // Voices. 23 March 2018. URL: <https://www.sbs.com.au/voices/article/cooking-comrades-and-femme-fatales-what-are-these-russian-female-stereotypes/jdvs2dxgx> ; Шеронова, Валерия. Цирк да и только: какими видят русских женщин в американском кино // Киноафиша, 11 января 2023. URL: https://www.kinoafisha.info/articles/cirk-da-i-tolko-kakimi-vidyat-russkih-zhenschin-v-amerikanskom-kino_id45004_a15017936/.

² Consiglio, Letizia. Is it Russian girl winter yet? // Shift. 7 December 2021. URL: <https://www.shiftlondon.org/fashion/is-it-russian-girl-winter-yet/>.

ым в TikTok прославилась, например, певица Dead Blonde: ее трек «Бесприданница» из альбома «Княжна из хрущевки» (2021) стал вторым главным треком для TikTok-тренда «превращаемся в жену бандита», а сценический образ отсылал к романтическим образам предприимчивых девушек из бедных районов, которые в 1990-е носили «папин пистолет в кармане, шубу, плащ и сапоги», водили дружбу с бандитами и прокурорами, и «самые красивые приходили на перестрелочку».

Первым иностранным блогером, который заработал популярность на контенте о русских женщинах стала @torryherman. Ее визуальный образ отсылает к типичным русским «блондинкам в шоколаде» начала 2000-х годов, стереотипным американским «русским женам» 1990-х и 2000-х годов, которые говорят на английском с сильным акцентом, почти не улыбаются, красят губы, носят расписные платки и «строят» своих иностранных мужей, когда те не покупают им дорогие вещи. Содержательно ее контент построен на сравнении американского и русского менталитета и поведения в различных ситуациях. Блогер отрабатывает образ «русской жены» в односторонних диалогах с закадровым мужем Кевином, пробует ампулу «русского психотерапевта», который не может понять клиентку, которая расстраивается из-за расставания, и советует ей не надумывать себе проблемы, работницы службы помощи для девушек в беде (беда часто связана с мужьями и бойфрендами, которые не дарят цветы, не возят на море и общаются с другими женщинами), американки и русской на свидании (где одна готова платить сама, а другая считает, что платить должен мужчина, и для проверки заказывает самое дорогое блюдо) и др. Эксплуатируя образ довольно меркантильной, прямолинейной, уверенной в себе девушки, которая не боится показаться грубой или эмоционально недоступной тиктокер работает со стереотипом Slavic Vimbo и образом «трофейной жены», который знаком широкой аудитории.

Другой популярный блогер Kateryna (@katteryuna) – крэйтор русского происхождения из Канады чаще обращается к образу русской мамы, которая не понимает «американские» привычки своей дочери. Некоторые заголовки ее видео: *American vs Russian mom talking on a phone*; *American vs Russian mom when you wear makeup*; *American vs Russian mom when you have online school*; *American vs Russian mom when there is a snowstorm* и др.

Визуальный код русской мамы тоже основан на стереотипах:

она носит повязанный на голову расписной платок. Поведение ее также стереотипно: она запрещает дочери носить «неженственную» или слишком вызывающую одежду, она не боится трудностей, она редко проявляет положительные эмоции, не признает новые технологии и тренды и постоянно требует помощи с английским.

При этом героини кажутся одновременно гиперболизированными и очень узнаваемыми и для тех, кто хорошо знает культуру изнутри, и для тех, кто знает о ней из кино и медиа. Обращаясь к узнаваемым стереотипным образам, такие блогеры не создают негативный образ, а доводят до пика идею того, что все культуры имеют свои стереотипы: утрированная русская безэмоциональность и прямолинейность так же комична для других, как, например, тотальная американская толерантность.

Гопники

Вторым популярным образом становится образ «настоящего мужика» (Рябова, Рябов, 2011), который в силу возраста аудитории превращается скорее в «реального пацана» и его утрированную версию – «гопника».

Тиктокеры, использующие такие образы, чаще всего работают с популярными стереотипами о русских мужчинах (См.: Громов 2020, Тихомиров 2011): они мало улыбаются, редко показывают эмоции, умеют работать руками, считают, что в отношениях мужчина главный, любят традиционно мужские хобби типа рыбалки, делят обязанности на «мужские» и «женские», много ругаются и любят выпить. Обычный облик героя видео – золотая цепь на шее с костюмом «Adidas» или шапка-ушанка, темные очки и, вероятно, все тот же костюм.

Типичные сюжеты, к которым обращаются тиктокеры – встреча иностранца с русским отцом своей подруги, отношения детей и родителей в семьях русскоязычных эмигрантов, встреча двух славянских мужчин, как русские мужчины ведут себя в отношениях и как они ведут себя с другими.

Например, у популярного тиктокера Eduard (@eduardtok), который популяризирует образ brutального славянского мачо, можно найти видео о стереотипах мужского поведения (например, диалоги-скетчи, где американец и русский обсуждают, кто платит на свидании), шуточные видео об особенностях славянского быта, а также серию *In Russian we don't say*, где он в юмористической

форме показывает, как «перевести» фразу с английского на русский, то есть что может сказать русский человек в той же ситуации (например, если знакомый спросит, купил ли он новый телефон вместо сломанного старого, русский ответит, что не понимает, зачем покупать новый, если можно починить старый).

Блогер @gornikflex еще глубже уходит в стереотипы и создает героя, который ходит в буденовке и штанах с тремя полосками, учит людей русскому мату, объясняет, что нельзя делать в России, говорит по-английски с утрированным русским акцентом, ругается через слово и постоянно находится в состоянии алкогольного опьянения. Он очень похож на стереотипного русского бандита из американского блокбастера, который ведет себя примерно так же. В отличие от @eduardtok, этот блогер не занимается сравнением культур и работает с образом, который уже давно существовал в блогосфере и стал популярным благодаря ютуберу с никнеймом Life of Boris, который набрал большую зрительскую аудиторию в середине 2010-х на волне интереса к разухабистому русскому интернет-китчу.

Гопники могут показаться довольно локальным явлением, но оно достаточно хорошо известно и за пределами российского и русскоязычного мира. На запад образ проник благодаря двум факторам: образу русского «плохого парня (бандита или русского мафиози из голливудских боевиков), и кратковременному увлечению модного мира постсоветскими дизайнерами и эстетикой субкультур позднесоветского и постсоветского времени. Если кино-бандиты вызывали у носителей русской культуры усмешку, то мода на постсоветскую эстетику, активно используемую Гошей Рубчинским³ («Рассвет») и братьями Гвасалия⁴ («Vetements»), и актуализированная ими тема неблагополучных подростков, уличной культуры, хулиганов, и ранних 90-х⁵ вызвала глобальный резонанс: модная зарубежная и российская общественность начинает интересоваться маргинальной визуальной русской культурой (тюремными татуировками, эстетикой 90-х, русскими скейтерами, электронной музыкой, панельной архитектурой) и

³ Diderich, Joelle. Gosha Rubchinskiy Takes Russian Aesthetic Global // WWD. 23 March 2016. URL:<https://wwd.com/feature/gosha-rubchinskiy-russia-pitti-uomo-10395799/>.

⁴ Fedorova Anastasia. Things you'll only get about Vetements if you're post-Soviet // Dazed. 15 July 2016. URL: <https://www.dazeddigital.com/fashion/article/32080/1/vetements-things-you-ll-only-know-if-you-re-post-soviet>.

⁵ Esposito, Celia. Post-Soviet fashion and the Gosha Phenomenon // NSS Magazine. 19 November 2015. URL: <https://www.nssmag.com/en/fashion/7937/post-soviet-fashion-and-the-gosha-phenomenon>.

наследием переходного периода. Мотивы тюремных татуировок и кириллица появляются в коллекциях брендов KTZ и Heron Preston, инфлюенсеры появляются в вещах с постсоветским ДНК, подростки фотографируются для соцсетей на фоне панельных домов, в социальных сетях доминирует эстетика «young sad Russia» созданная теми, чья юность пришлась на кризис, санкции и окончание эпохи больших надежд. Молодежь создает новый нарратив о России, опираясь на заданный дизайнерами визуальный код. Образ неблагополучных подростков становится частью модного кода примерно в 2015 году: сначала его примеряли новое поколение российских рэперов (от Face до Pharaoh), группа Little Big, автор YouTube-канала Life of Boris и многочисленные пользователи интернета. Все они проложили дорогу для тиктокеров, которые взяли узнаваемые акцент, манеру поведения и наряд и продолжили рассказывать о России и русских новой аудитории в новом информационном пространстве.

И условные «русские женщины», и такие же условные русские «гопники» стали частью глобального тренда на стереотипизацию с целью создания эффекта комического узнавания. То, что тиктокеры смеются над собой в первую очередь, повышает доверие аудитории и снимает потенциальное недовольство. Они не критикуют свою культуру и опираются на стереотипы, чтобы показать, что любая культурная «странность» объяснима, хотя и не всегда понятна другим. За меркантильностью Slavic Vimbo стоит вера в собственную ценность и нежелание тратить силы на несерьезные отношения, за строгостью мамы – желание лучшего для своих детей, за суровостью мужчины – серьезный подход к делу и определенный тип воспитания. Так как в интернете им приходится иметь дело с устойчивым представлением о том, кто же такие «восточноевропейцы» и как они должны себя вести, они оборачивают это в свою пользу и превращают не самое лестное представление в повод для шутки и демонстрации того, что любая культура снаружи кажется странной.

Для России, страны на протяжении последних двух столетий несколько раз кардинально менявшей политический строй, сопутствующую идеологию, а также внутренней и внешней нарративы о себе, вопрос о культурном наследии и национальной идентичности встает особенно остро. К постоянному набору «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?» добавляются «Что мы берем с собой? Что оставляем в прошлом? Чем гордимся? Над чем смеемся

сами, чтобы другие тоже поняли, что это шутка?». Тиктокеры решили смеяться над собой как частью глобального мира. И эта часть не так проста, как кажется.

Литература

- “Cooking comrades and femme fatales - what are these Russian female stereotypes?” *Voices*. 23 March 2018. URL: <https://www.sbs.com.au/voices/article/cooking-comrades-and-femme-fatales-what-are-these-russian-female-stereotypes/jdvs2dxgx>.
- Громов Д.В. Гопник в интернете: виртуальная игра с точки зрения социальной драматургии Ирвина Гофмана // *Новое прошлое / The New Past*. 2020. № 1. С. 134–153.
- Рябова Т.Б., Рябов О.В. «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики // *Женщина в российском обществе*. 2011 № 3. С. 48–63.
- Тихомиров С.А. «Креатив» в молодежной культуре: особенности конструирования образа гопника // *Международный журнал исследований культуры*. 2011. № 1 (2). С. 155–161.
- Шеронова, Валерия. Цирк да и только: какими видят русских женщин в американском кино // Киноафиша, 11 января 2023. [Электронный ресурс] URL: https://www.kinoafisha.info/articles/cirk-da-i-tolko-kakimi-vidyat-russkih-zhenschin-v-amerikanskom-kino_id45004_a15017936/.
- Consiglio, Letizia. “Is it Russian girl winter yet?” *Shift*. 7 December 2021. URL: <https://www.shiftlondon.org/fashion/is-it-russian-girl-winter-yet/>.
- Diderich, Joelle. “Gosha Rubchinskiy Takes Russian Aesthetic Global.” *WWD*. 23 March 2016. URL: <https://wwd.com/feature/gosha-rubchinskiy-russia-pitti-uomo-10395799/>.
- Esposito, Cecilia. “Post-Soviet Fashion and the Gosha Phenomenon.” *NSS Magazine*. 19 November 2015. URL: <https://www.nssmag.com/en/fashion/7937/post-soviet-fashion-and-the-gosha-phenomenon>.
- Fedorova, Anastasia. “Things you’ll only get about Vetements if you’re post-Soviet.” *Dazed*. 15 July 2016. URL: <https://www.dazeddigital.com/fashion/article/32080/1/vetements-things-you-ll-only-know-if-you-re-post-soviet>

НАРРАТИВ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И КОНТЕКСТ ПРИ АНАЛИЗЕ ВРЕДОНОСНОСТИ МЕДИАТЕКСТА

Полянина А. К.

Нижегородский государственный университет им. Н. И.
Лобачевского
Самарский государственный университет путей
сообщения
Нижний Новгород, Россия

Аннотация:

Значение нарративного подхода к исследованию медиатекстов продиктована актуальностью оценки их качества с точки зрения обеспечения защиты общества от деструктивного контента. Представляется важной разработка междисциплинарного механизма для создания эффективной контентной фильтрации. Предлагается применение особых методологических установок для изучения таких контекстуальных компонентов, которые нуждаются в интерпретации латентного смысла сообщения и языковых особенностей нарратива участников медийного общения, включая и потребление произведений литературного творчества.

Ключевые слова:

нарративный анализ, медиатекст, фильтрация контента, контекст, конситуация, экспертиза информации, регулирование медиаотрасли

NARRATIVE, INTERPRETATION AND CONTEXT IN MEDIA LINGUISTICS WHEN ANALYZING THE HARMFULNESS OF A MEDIA TEXT

Polyanina A. K.

Lobachevsky University,
Samara State University of Railway Transport,
Nizhny Novgorod, Russia

Abstract:

The importance of the narrative approach to the study of media texts is dictated by the relevance of assessing their quality from the point of view of ensuring the protection of society from destructive content. It is important to develop an interdisciplinary mechanism for creating effective content filtering. The use of special methodological guidelines is proposed for the study of such contextual components that need interpretation of the latent meaning of the message and the linguistic features of the narrative of participants in media communication, including the consumption of works of literary creativity.

Keywords:

narrative analysis, media text, content filtering, context, consituation, information expertise, regulation of the media industry

Скачек технологического развития коммуникативных систем вызвал появление целого ряда проблем, связанных с потреблением информации в целом и медиатектов в частности. К этим проблемам относится появление и распространение различного рода деструктивного и опасного контента с точки зрения признаваемых обществом и индивидом благ. Поэтому оценка медиатекста на предмет содержащихся в нем опасных единиц требует особого внимания и проработки единых критериев, способных достоверно свидетельствовать факты вредоносности контента медиатекста.

В многих странах мира приняты различные системы фильтрации контента на основе разнообразных признаков. Эти системы в большинстве своем основаны на характеристиках идейно-ценностного базиса социума, а также на самой устойчивости и этого базиса. Задачей всех систем фильтрации выступает выявление признаков вредоносности через семантический анализ медиапродукции с использованием или без использования технических инструментов, с привлечением или без привлечения специальных оценщиков – экспертов. При этом общей сложностью для всех систем фильтрации на сегодняшнем этапе развития медиатехнологий можно назвать исключительную интерактивность текста, полисемию, реализуемую множеством средств, что затрудняет однозначную интерпретацию текста как вредного или безвредного. Эти трудности вызваны двойственной семантикой текстовых единиц (синонимов, омонимов, молодёжного сленга), в том числе открывающей возможность намеренного использования автором текста в целях ухода ответственности и донесения смысла до определенного адресата.

Семантизация медиатекста, содержащего невербальный элемент означает выявление экстралингвистических компонентов, включая, во-первых, определение основного адресата, во-вторых, аудитории потребления медиатекста, в-третьих, площадки его распространения, в-четвертых, мотива автора или распространителя медиатекста, в-пятых, характеристики автора и, наконец, в-шестых, общего дискурса и, точнее, нарратива медиатекста, о котором может свидетельствовать конситуация.

Исследователи выделяют три составляющих конситуации: контекст, ситуация и общая апперцепционная база¹. Отмечается,

---

¹ Янь Ван. Конситуация в русской разговорной речи // *Современные гуманитарные исследования*. 2008. №2. С.141–143.

что контекст предшествует или следует высказыванию, а сама ситуация выражена в условиях коммуникативного акта (времени, месте, обстановке и т.д.). При этом общая апперцепционная база являет себя в схожести опыта и компетенций адресанта и адресной аудитории в отношении определённых языковых конструкций, делая их устоявшимися. В этом заключается, например, цель мемирования – донесения определённого нарратива конкретному адресату, что возможно только в случае наличия у аудитории и автора медиатекста единой апперцепционной базы, позволяющей декодировать смысл мема. Мем как это фрагмент семантической цепочки ассоциаций, высказывание или изображение с устоявшимся смыслом, служит для упрощения сообщения и, одновременно его кодирования для «непосвящённых». Мем предназначен для аудитории, объединённой способностью к однозначной интерпретации его значения. Это может быть символ или образ, выраженный в тексте, видео, образе (в т.ч. жестах), воспринимаемый даже без использования денотативных компонентов. В настоящее время мем приобретает значение культурного паттерна или, иначе, «иероглифа сетевой коммуникации»². Смысловая ёмкость и простота мема наделяют его мощнейшей суггестивной силой, объединяющей членов социальной группы на основе идеи, «соблазнительной» своей недоступностью для понимания несведущего большинства.

Конситуация может применяться автором медиатекста для уклонения от необходимости соблюдать принятые в системе фильтрации контента ограничения, связанные, например, с возрастной маркировкой и позволяет распространить медиатекст среди неограниченного круга лиц, включая тех, для кого потребление данной информации может оказаться вредным – детей. Такая возможность опосредована ограниченностью правовой параметризации критериев вреда от информации, пределами правовых формулировок независимо от страны. Для выявления такой «вредной» конситуации предлагается анализ связей между выделяемыми экстралингвистическими компонентами медиатекста.

Особое значение характера оценки медиатекста заключается в устранении сомнений при интерпретации такого латентного смысла

---

² Попов Д.В. Мем как средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2016. № 3. С. 66–71.

коннотаций, которые не только надстраиваются, но и заменяют денотативные компоненты текста. Часто целью коннотации выступает маскировка недопустимого с точки зрения закона и общественной нравственности смысла. Например, в случае, когда коннотация переходит с заднего на передний план при помощи приёмов акцентуации внимания на подобные нецензурным выражения или изображения. При помощи обценных по смыслу коннотаций, интертекстуальности и двусмысленности языковых единиц автор (и распространитель) избегает применения к нему мер юридической ответственности, принятых в стране применения, и достигает своей цели - привлечение внимания потребителя информации.

Кодирование латентного смысла³ осуществляется через использование семантически непостоянного текста. Деструктивные с точки зрения принятой в стране системы фильтрации контента коннотации требуют декодирования и соответствующей интерпретации, глубокого, часто профессионального, анализа не только контекста, но и конситуации. Конситуация представляя собой некую речевую обстановку, обстоятельства высказывания, дающие определённый смысл.

При этом трудность однозначной трактовки текста определяет сложность применения программных средств автоматической фильтрации цифрового контента, чем обуславливает необходимость процедур ручной (или экспертной) оценки контента. А данный метод в качестве средства оценивания предполагает личное мнение оценщика (эксперта), которое, разумеется, является исключительно субъективным, да и не может быть другим. Однако субъективность мнения эксперта в данном случае не может рассматриваться как фактов неэффективности, но представляется нуждающимся в дополнительной обоснованности.

С целью преодоления данных сложностей разрабатываются и применяются новые методы оценки, повышающие её корректность. Среди данных методов выделяется и так называемый нарративный анализ медиатекстов. Медиатекст понимается нами в данном случае в широком смысле - от поста в социальной сети до полнометражного художественного фильма.

Исследователи отмечают, что понятие нарратива коррелирует

---

³ Стогний И.С. *Коннотативные свойства музыкального свойства*. М.: РАМ им. Гнесиных. 2013. 223 с.

с понятиями «текст» и «дискурс»⁴. Так, если текст выступает единицей коммуникации, то дискурс есть форма процесса коммуникации, нарратив же выступает повествовательным компонентом коммутиации, в центре которого событие - этапы коммуникации. Если текст характеризуется статичностью, то дискурс и нарратив динамичностью. Поэтому дискурс указывает на конституацию и контекст, а нарратив – на латентный смысл сообщения, через сюжет, характеристики персонажей, отношений между ними, время действия и т.д. Сюжет может определяться как совокупность мотивов, которую можно схематизировать (А.Н. Веселовский)⁵, последней «обработкой фабулы»⁶ (В.Б. Шкловский), «финалистское, теологическое, логическое событийное единство жизненных действий»⁷ (Г.К. Косиков).

Нарративный анализ текста направлен, по мнению О.А. Леонтович на интерпретацию повествования через временную последовательность событий⁸. Нарративный анализ обобщает такие свойства медиатекста, как «информационная значимость» (важность, злободневность), «кредит доверия» (достоверность); «каузальность» (причинно-следственная связь событий); «одобрение или неодобрение» аудиторией представлений рассказчика об описываемом мире; «объективность» (степень оценки событий)⁹. Основным предметом нарративного анализа медиатекста выступает цепь событий¹⁰, а инструментом интерпретация этой цепи. Целью данного анализа является раскрытие «формы рассуждения об опыте, а не просто содержания <...> интерпретация неизбежна, поскольку нарративы представляют собой репрезентации¹¹».

Исключительно важен социокультурный аспект интерпретации нарратива¹², который открывает путь к пониманию культурных страновых особенностей медиатекста, дискурс и дискурсивную

⁴ Михайлова Е.С. *Жанровые характеристики нарративов у детей младшего школьного возраста*: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 204 с.

⁵ Веселовский А.Н. *Историческая поэтика*. Ленинград: Художественная литература, 1940.

⁶ Шкловский В. *О теории прозы*. М.: Федерация, 1929.

⁷ Косиков Г.К. Нарратив // *Современная западная философия. Энциклопедический словарь*. М.: Культурная революция, 2009. С. 159–160.

⁸ Леонтович О.А. *Методы коммуникативных исследований*. М.: Гнозис, 2011.

⁹ Labov W., Waletzky J. Narrative analysis // *Essays on the Verbal and Visual Arts* / Ed. J. Helm. - Seattle : Univ. of Washington Press, 1967

¹⁰ Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // *Социология: методология, методы, математическое моделирование* (4М). 2003. № 17. С. 56–82.

¹¹ Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // *Социологический журнал*. 1997. № 3. С. 38–61.

¹² Косиков Г.К. Нарратив // *Современная западная философия. Энциклопедический словарь*. М.: Культурная революция, 2009. С. 159–160.

деятельность, проявляющуюся в сюжете медиатекста и речемыслительной деятельности автора и адресата текста. С этим же связана интерпретация, познание языковой картины мира автора и его аудитории, которая проявляется исходя из самого текста. Таким образом автор и его аудитория как участники коммуникации характеризуются в социокультурном контексте, который уже носит определенный дискурс в соответствующем речевом поведении. Поэтому нарративный дискурс определяется анализом речевого действия и его конституации.

Выделяются такие подходы к определению нарратива медиатекста, как синтагматический, акцентирующий внимание на цепь событий, темы и мотивы, сюжет¹³, и парадигматический, устанавливающий характеристики стилистических средств медиатекста, а также особенности социального и культурного контекста¹⁴.

Также отдельно выделяется виды нарративного анализа: контентно-ориентированный и формальный¹⁵. Контентно-ориентированный проясняет латентное содержание и смысл всей истории через мотивы и характеристики самого рассказчика, а формальный – структуру и последовательность сюжета, соотношение частей сюжета.

Обращает на себя внимание ещё одна типология нарративного анализа медиатекста: тематический анализ (что говорить); структурный анализ (как говорить); интеракционный анализ (каков диалог между автором текста и адресатом); перформативный анализ (каковы используемые коммуникативные средства, знаки, мемы, жесты и т.д.)¹⁶. Существуют варианты и комбинации процедур нарративного анализа, отличающихся степенью формализации. Так, дедуктивный вариант включает выявление значения текста, а индуктивный – контекста¹⁷, интуитивно определяемого аналитиком¹⁸.

¹³ Пропп В.Я. *Морфология сказки*. Ленинград: Academia, 1928.

¹⁴ Качанов, Д. Г. Нарративный анализ как метод исследования традиционных и мультимедийных журналистских произведений / Д. Г. Качанов // *Медиаископ*. 2020. № 2. С. 5. DOI 10.30547/mediascope.2.2020.5. EDN LKIJMV.

¹⁵ Терехова Т.А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод // *Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология*. 2015. № 1 (41). С. 143–152

¹⁶ Riessman C.K. *Narrative Analysis // Qualitative Research Methods Series*. Vol.30. SAGE University Paper, 1993. P.8–22.

¹⁷ Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. *Методы анализа текста и дискурса* / пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.

¹⁸ Manning P.K., Cullum-Swan B. (1994) *Narrative, Context and Semiotic Analysis*. In: Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds.) *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 463–477.

Представляется, что сочетание данных типов нарративного анализа позволит глубоко исследовать медиатекст на предмет выявления особых деструктивных единиц, включая невербальные. В условиях трансграничности информационного и медийного пространства, дислокальности реальности медиатекста нарративный анализ открывает возможность интерпретировать истинное значение послания, сообщения (the message) в широком смысле, с учетом всей культурной и национальной специфики и выявить наличие или отсутствие опасных и деструктивных элементов.

Литература

- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis // *Essays on the Verbal and Visual Arts* / Ed. J. Helm. Seattle: Univ. of Washington Press, 1967
- Manning P.K., Cullum-Swan B. Narrative, Context and Semiotic Analysis. In: Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds.) *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. Pp. 463–477.
- Riessman C.K. Narrative Analysis // *Qualitative Research Methods Series*. Vol.30. SAGE University Paper, 1993. P.8–22.
- Веселовский А.Н. *Историческая поэтика*. Ленинград: Художественная литература, 1940.
- Качанов, Д.Г. Нарративный анализ как метод исследования традиционных и мультимедийных журналистских произведений / Д. Г. Качанов // *Медиаскоп*. 2020. № 2. С. 5. DOI 10.30547/mediascope.2.2020.5. – EDN LKIJMV.
- Косиков Г.К. Нарратив // *Современная западная философия. Энциклопедический словарь*. М.: Культурная революция, 2009. С. 159–160.
- Косиков Г.К. Нарратив // *Современная западная философия. Энциклопедический словарь*. М.: Культурная революция, 2009. С. 159–160.
- Леонтович О.А. *Методы коммуникативных исследований*. М.: Гнозис, 2011.

- Михайлова Е. С. *Жанровые характеристики нарративов у детей младшего школьного возраста*: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 204 с.
- Попов Д.В. Мем как средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2016. № 3. С. 66–71.
- Пропп В.Я. *Морфология сказки*. Ленинград: Academia, 1928.
- Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // *Социология: методология, методы, математическое моделирование* (4М). 2003. № 17. С. 56–82.
- Стогний И.С. *Коннотативные свойства музыкального свойства*. М.: РАМ им. Гнесиных. 2013. 223 с.
- Терехова Т.А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод // *Гуманитарный вектор*. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1 (41). С. 143–152
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. *Методы анализа текста и дискурса* / пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.
- Шкловский В. *О теории прозы*. М.: Федерация. 1929.
- Янь Ван. Конситуация в русской разговорной речи // *Современные гуманитарные исследования*. №2. 2008. С.141-143.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // *Социологический журнал*. 1997. № 3. С. 38–61.

STORYTELLING THROUGH MEMES: UNFOLDING A MULTIMODAL NARRATIVE BY FOREIGN LANGUAGE LEARNERS

Ludmilla A'Beckett

University of the Free State
Bloemfontein, South Africa

Abstract:

This paper considers activities that develop the storytelling skills of foreign language learners. The scope activities take into account recent studies of multimodal narratives and rules of story grammar (Burgers, et al.; Ventola and Guijarro; Шмид; Mandler & Johnson; Eun Hee). The learning situations involve the use of Russian humorous memes about cats. The paper offers a brief analysis of narrative structures invoked by the memes. The task requires constructing a story about a make-believe world cued by the meme's image and caption. Personal and collective memories have given an impetus for these sense-making processes. The activities also aim to develop the critical thinking and visual literacy of language learners (Romero & Bobkina). Learners need to unravel different perspectives of stories and transform their narrative into a dialogue. The paper discusses pedagogical frameworks that can be adapted to storytelling practices and ensure active and autonomous engagement of learners in sense-making processes.

Keywords:

memes, multimodal narratives, visual literacy, task-based instructions

1. Introduction

Efficient communication in a foreign language requires, among many other things, producing an oral or written account of related events. This ability to generate a talk about interconnected episodes of human experience is called “storytelling”. The final product of storytelling is called “a narrative”. It is defined as at least two causally connected events in which an agent participates and attempts to fulfill his or her intentions (Попова 31; Burgers, et al. 61; Шмид13)

Methodologists of Russian as a Foreign Language (RFL) (Киндря, Куклина) show that there is a lack of attention to strategies of storytelling among Russian language teachers since storytelling has traditionally been covered in the general category of ‘speech development’.

Several methodological initiatives have been launched to fill this gap. Among them, was the creation of the website *Russian through Stories* (Maksimova) and the Facebook group *TPRS Storytelling/CI Teaching Russian*¹. However, illustrations of the techniques required for storytelling have often been borrowed from teaching languages other than Russian (e.g., a Spanish lesson for the enactment of words, semantics, or emotional responses by American students to the teacher’s statements in a Philadelphia College). The *Russian through Stories* website is a Russian introduction to Teaching Proficiency through Reading and Storytelling (Blaine & Seeley). The method uses translation, gestures, and personalized questions to familiarize learners with new vocabulary and grammatical structures that were utilized in a spoken class story and repeated in a class reading.

The FB group *TPRS Storytelling/CI Teaching Russian* usually posts stories for reading and listening and news for teachers. The websites suggest useful techniques and case studies but avoid issues pertinent to sense-making through narration and its realizations in Russian. TPRS’s main approach involves a question-and-answer technique combined with reading, listening, and augmenting existing narratives. However, *Russian through stories* does not pay special attention to visual sources of information triggering storytelling.

In this paper, we will try to link sense-making with personal and collective memories that often reside in both verbal and visual forms. The alignment of storytelling techniques with traditional pedagogical

---

¹ TPRS is the abbreviation of the method of Teaching Proficiency through Reading and Storytelling. CI usually stands for Comprehensible Input which is an element of TPRS.

frameworks that include task-based instructions, role play, and peer interactions will be also examined.

This paper looks at the stimulation of learners' purposeful participatory sense-making through the use of internet memes. The activity engages imaginative thinking, background knowledge, and previous experiences in an attempt to widen the scope of their linguistic and communicative capabilities in Russian. Both task-based instructions and language play have been brought together.

2. Pedagogical frameworks

The proposed learning situation synthesizes several pedagogical approaches—task-based instructions, language play, and peer interaction to facilitate learners' conscious search for meaning and relevant strategies in the process of narrative construction.

Task-based learning is a meaning-focused pedagogical tool that urges learners to use their own experience to overcome their linguistic and cultural knowledge deficit in a specific communicative situation (Lambert & Oliver). Recently, investigations elaborating on the benefits of task-based instructions in teaching and learning RFL (Nuss and Whitehead Martelle; Nuss and Martine) have become increasingly popular. The implementation of task-based language learning creates an opportunity to increase learners' autonomy by encouraging them to reflect on what, how, and why they internalize during the process of learning. Learners are placed into a situation when they consciously try to achieve the communicative goal by applying familiar mental models and routines.

Language play has also become a popular tool for foreign language teaching and learning. Tarone (32) emphasizes the entertaining functions of language play. Tarone and Broner (364) have defined language play as "instances where, due to the multifunctionality of discourse, utterances appear to function as both fun and rehearsal". Waring (195) argues that being playful can be accomplished by stepping outside one's present identity and enacting a different one. The activities that require stepping outside one's current situational identity are often called role-play situations. A comprehensive overview of role-play situations in teaching RFL has been offered by Mendelevich altogether with an interesting virtual implementation of role-play (Mendelevich).

The advantages of a role-play situation can be summarised as follows: "Role-play situations challenge students to bring together and

use the grammatical forms, formulaic utterances, cultural protocols, and communication strategies they have learned” (Henry). Cook, while developing ideas of language play, also emphasized that free play with language “broadens [s] the range of permitted interactional patterns in the classroom” (Cook 199). Cook’s insight was further elaborated in the claim that the language play “transforms the reality and makes [learners] feel as though they are more than they actually are through fantasy, pretence, disguise.” (Csikzentmihalyi)

In designing the storytelling situation, we pursue the realization of the language play through (a) the creation of imaginary worlds; and (b) through experiments with language, e.g., the manipulation of sound patterns and the foregrounding of words’ connotations (see about choosing a name for the cat and the characters in Conclusions). The latter involves spontaneous and relatively free play.

When learners try to step outside their own identity and create a new world, some rules can be introduced as well as samples to demonstrate what can be accepted as a final product of learners’ activity in real-life situations. In this way, the teacher structures and restrains the learners’ imagination though the target language is still perceived by learners as a means of entertainment.

If teachers wish to maximize the positive effects of role play such as collaboration and competitiveness it is advisable to put purposeful efforts into building a platform for communication between students where they can play with language, negotiate meanings, experiment with forms, and produce different types of oral and written texts (Philp et al.; Pastushenkov).

In our design of the storytelling situation, we rely on the transformative power of a learner’s imagination that assists in removing cognitive constraints and breaches gaps in language deficiencies.

3. Reading memes

The selection of humorous teaching materials contributes to the enhancing communicative skills of learners and their motivation. Learners usually appreciate entertaining strategies and try to be engaged in playful talks when they recognize amusing content (Heidari-Shahreza). Memes with viral jokes have been increasingly used as a pedagogical tool in foreign language classrooms (Kayali and Altunas; Harshavardhan, et al.; Baysac).

Reportedly, memes produce multiple positive effects such as

arousing students' attention, promoting global consciousness, reducing anxiety and stress, sustaining learners' interest, and concretely visualizing ideas and concepts (Kayali and Altunas 256; Baysac 273–274). In foreign language learning, memes have been used as an aid in familiarising students with grammatical nuances, slang, euphemisms, and interlanguages (Harshavardhan, et al.) and as a tool stimulating vocabulary retention and recall (Kayali & Altunas). At the same time, it has been found that learners often process multimodal texts on a superficial level and experience difficulties with the identification of memes' intentions (Romero & Bobkina).

Russian online cat memes available through different social media platforms present optimal educational content for introducing learners to storytelling conventions. Reportedly, “cats” has been the most popular search category on the internet (Moss; Podhovnik). The attraction to felines goes back 10,000 years when the first paintings of cats appeared in caves. There is a long tradition of assigning human thoughts, emotions, and activities to cats. Anthropomorphic cats resembling humans are featured prominently in literature and folk tales. In the 19th century, Harry Pointer took photos of cats mimicking human activities and attributed witticisms to them. Contemporary creators of memes draw on this tradition and proliferate the cat content among other internet users fascinated with cats' habits and alleged wisdom.

Cat memes usually represent talking cats who share their insight, frustration, and desires with the internet viewers. Since a meme is often understood as a hybrid form of storytelling that consists of an image and caption (Harshavardhan, et al. 48; Vasquez & Aslan 113), the meme's message emerges as an amalgamation of visual and textual information (Ventola & Guijarro; Romero & Bobkina) that can be elaborated with a different degree of precision and stretching. The content of memes is expandable since they can evoke intertextual links intentionally or unintentionally. Memes are often defined as “virally transmitted cultural artifacts with socially shared norms and values” (Shifman; Kayali & Altunas). Originally, the concept of meme was applied by a biologist Richard Dawkins to explain how cultural information was spread in society (Dawkins).

Cat memes often invoke interactions of animals with humans and also convey sentiments consonant with well-known literary texts, such as “Puss in Boots” by Charles Perrault, “Alice in Wonderland” by Lewis Carroll, Gogol's “May Night, or the “Drowned Maiden”, Bulgakov's “Master and Margarita” and many others (Nikolajeva). Contrary to

beliefs that “memes draw primarily on films and TV series, especially dialogues uttered by prominent characters” (Harshavardhan, Wilson, & Kumar et al.), cat memes are not based on an intentional allusion. Nevertheless, users of memes may draw parallels between the content of memes and popular sentiments, traditions, and personal observations.

For instance, the series of memes about Natasha and her restless cats gained popularity in Russia since 2009 (Брудер; АНИМИМНЫЙ автор; Ющук). In this series, the young woman owns several cats who make decisions for her and run daily chores. The history of the meme with Natasha began in the social media group ‘Catism’[КОТИЗМ]. Then, sayings of Natasha’s cat/s have been attributed to all relevant and topical events. At the time of the pandemic, the memes about Natasha and her cats found a new life. The busy cats who bossed their mistress around and demanded attention created a source of infinite amusement for Russians during periods of self-isolation and lockdowns. At the same time, Natasha’s cat/s continued a long literary tradition presenting a trickster-cat that attempts to assist his owner with cunning and wit.

Reading multimodal and intertextual messages of memes also means using one’s background knowledge and personal experience. The processing of the meme’s content is finalized in a narrative construction. The comprehension and appreciation of the narrative largely depend on the ability of the narrator to follow conventions of story grammar (Mandler and Johnson; ШМИД 145-186) even though it is frequently a subconscious practice.

4. Conventions of story grammar

It can be suggested that familiarisation with the rules and concepts of story grammar is useful for teachers working on the introduction of foreign language learners to storytelling skills. For instance, the teacher should be aware of differences between the story and other types of texts such as expository texts that represent non-fiction. Expository texts are used in teaching and for making instructions. They also impart information to the reader. The language in expository texts is precise and determined by the subject that needs to be examined. Whereas stories or narratives are chronologically organized texts linearising sequences of events (Fountas).

Most of the definitions of the narrative include “at least one character, who experiences at least one event” (Burgers, et al. 61; de Graaf, et al.; Popova). An event has been defined as a transition from

one state to another temporally and causally connected state (Burgers, et al.61; de Graaf, et al. 90; Popova 21; Шмид 13). The easiest way to identify story segments for Russian speakers would be through verbal phrases, e.g., *кот гнался за мышью* [the cat was chasing a mouse], *кот поднял шум* [the cat made a noise], *мужчина бросил сапог* [the man threw a boot], and *собака залаяла на кота* [the dog started barking at the cat].² If we know the results of these actions, we can present a mini-narrative such as *кот разбил кувшин, потому что гнался за мышью* [the can broke a jar because he ran after a mouse]. An event as a transition from one state to another is grammatically linked to perfective verbs, however, Russian has other resources to convey temporal and aspect nuances of experienced actions.

There are different ways of breaking the story down into segments. For example, it is possible to select temporal boundaries, e.g., *когда люди спали, кот погнался за мышью* [when people were sleeping, the cat chased a mouse], *пока кот говорил с летучей мышью, женщина убирала в пещере* [while the cat was talking to a bat, the woman was cleaning in the cave]. Another way of segmentation involves speculation about a character's intention or reasons for actions and outcomes, e.g., "the cat was in the cave because the woman promised him milk" or "the woman promised to give milk to the cat and he decided to stay with humans". The very basic segmentation requires a list of actions, such as "the cat chased a mouse, then he broke a dish, then the man woke up and threw his boot at the cat, then the cat left and complained to the bat."

Characters experience events in a certain place and time termed the setting. The setting starts with a state, which is either an external state of affairs (such as the position of objects in the spatial setting) or an internal state of affairs (e.g., the specific moods and intentions of agents). The connection of events has been governed by cause-and-effect relations or action and reaction that bring together characters and their activities. The term "causal" has been applied to the reasons for events that include both actions and emotional states, e.g. *Он был в ярости и потому бросил свой сапог в кота* [He was angry and because of this he threw his boot at the cat] or *Кот поднял шум и потому его хозяин бросил в кота свой сапог* [The cat made a noise and because of this his owner threw his boot at the cat]. A storyteller has to introduce the character/s, their intention/s, subsequent actions, and

² Examples illustrate events in Kipling's story "The Cat That Walked by Himself"

the ultimate result which is interpreted as a success/failure or further plans of the character.

All internet memes with feline content include a cat as one of the characters. It is suggested that other characters can be “borrowed” from the well-known story by Rudyard Kipling “The Cat That Walked by Himself” where Kipling examines relations between humans and their pets. Contemporary memes continue developing the same subject. As in the book, cats from social media interact with their owners, i.e., families that could be represented by the mother, the father, and by children.

In Kipling’s story, the man and the dog “resist” the cat’s “charms” whereas the woman and the child are fascinated by the cat. A similar confrontation and collaboration between the characters often pose the main collision of contemporary cat memes (Брудер; Анонимный автор; Ющук).

It is interesting to play with viewpoints encoded in narratives as the story can be seen through the eyes of different characters or an outsider. Specific attitudes, assumptions, values, and perceptions that are brought by the narrator are called “perspectives” (de Graaf, et al.99; ШМИД 109-145). Different agents can give irreconcilable versions of the same story as they activate dissimilar assumptions and pursue non-identical goals. The man in Kipling’s story perceives the cat as a nuisance making noise and creating mayhem whereas the woman eventually sees the cat as a rescuer and a useful companion for the child.

Stories about cats can be either realistic or fantastical. The realistic stories reflect on cat characters and behaviour discerned from experience and real events whereas the fantastical stories construct impossible events and relations. Since cat memes introduce “talking cats”, the stories resemble fables or tales that “use animals that talk or behave like humans as characters, to convey a moral” (Lucarevski).

As there can be many shy learners who are afraid to express their thoughts some templates can be prepared in advance to assist them. A template also emerges in interactions that aim at unpacking content of a pre-existed story available in audio and video formats. Each meme that was discussed and enacted from different perspectives also provides a template that encapsulates a network of concepts and strategies for further use.

Teachers must guide their students about the structure of the narrative. Students have to incorporate the following elements into their stories: 1) Identification of characters (a cat and different family members like in Kipling’s story, or a sole owner who is often named

Natahsa and her friend); 2) External settings (a flat, a room, a cave); 3) Internal settings (I/she/he was tired, I/she/he wished to be helpful, I/she/he was hungry); 4) Intentions of characters; 5) Culmination or clashes of interests; 6) Resolution of the conflict (particular types of consolation for the cat, father, child or Natasha) or plans for future actions. It is also useful to mention the characters' motivation (affection, love, self-serving activities, a desire to manage everyday chores, a desire to please the cat or owners, and a desire to control others). The learners should pay attention to the sequence of actions not only but also provide psychological ground for the story.

5. Stages in the learning situation

The interpretation of the meme in the RFL classroom involves several stages. The first part of the activity is the pre-task teacher-led discussion, during which the instructor runs a conversation about pets, cats' characters, and relations between humans and domesticated animals. A list of useful words pops up during the discussion (see glossaries for characterization of cats and cats' activities in the Pre-task teacher-led discussion section). After that, the teacher can formulate storytelling tasks and criteria for assessing their fulfillment.

The next stage involves peer-group interaction with the goal of preparing a narrative and highlighting a certain perspective in experiencing these events. In the penultimate stage of the activity, one group of students presents their stories to the class while the other group is listening and providing feedback. After the first presentation, the groups swap roles. The final stage of the activity is dedicated to a discussion of the performances and an evaluation of students' contributions. As an explicit form of attention to the language, this stage is often called a language-related episode (Pastushenkov), language focus (Littlemore & Low) or post-task.

At the final stage of the activity, the teacher allows students to evaluate the performance of another group. For this purpose, she or he can develop a system of points to award for group presentations.

A task-based approach engages students in a series of meaning-focused and contextualized communicative tasks that lead them to achieve a well-defined communicative goal (Bygate; Chong & Reinders). This goal is comparable to real-life activities, e.g., sharing an experience with friends, entertaining guests, presenting a talk about amusing encounters, and the like.

6. Grammatical competence

Students show the best performance when they reach an upper intermediate level and know all the cases, tenses, and aspects of verbs. However, it is possible to play the game with the narrative reconstruction, when they know only nominative, accusative, and prepositional cases and have mastered cause and effect relations in complex sentences with the conjunction *потому что* [because]. In this instance, a story can be created with only a couple of sentences. In the simplified version of the narrative and role play, students use only the present tense or only the past tense whereas in the full version of the play, learners should create sequences of events by using the past and present tenses of verbs and distinguish between aspects. The teacher has to guide students on how to achieve coherence through the use of tenses and aspects, conjunctions, the naming of the main characters, and proper descriptions of actions.

Ideally, students should know the conjunctions of cause and purposes, such as *потому что* [because], *из-за того что* [because of], *поэтому* [therefore, that is why] and *чтобы* [in order to, so that]. It is also desirable that learners are aware of how to parse sentences and be able to identify at least, subjects, objects, verbs, and predicates. Knowledge of time markers such as *тогда* [then], *потом* [after], *до того* [before that], is a must.

The mastering of storytelling techniques is reified in proper uses of tenses and aspects of verbs and, therefore, the development of narrative skills relies on grammatical competence (Lee). Some verbs of perfect aspect are repetitively used to highlight an instant discovery – *увидеть* [to see], *услышать* [to learn, to hear], *узнать* [to learn, to discover], *почувствовать* [to sense, to recognize]. A group of verbs of motion in the perfect tense can make a vignette of the narrative -- *прибежать* [to rush, to come running], *прийти* [to come, to appear], *приехать* [to arrive]. In the story, verbs denote a process, repetitive actions, they may refer to the beginning of actions or show a result.

7. Pre-task teacher-led discussion

It is advisable to start the teacher-led discussion from an exchange about the cat's enigma, and why people are so affectionate towards felines. The characterization of cats may rely on the following vocabulary that has to be activated during the discussion about cats of learners and their friends: *мягкие* [soft], *пушистые* [fluffy],

милые [cute], *ловкие* [agile], *проворные* [dextrous], *независимые* [independent], *корыстные* [self-serving], *себялюбивые* [selfish], *хитрые* [sly], *умные* [intelligent].

It is also helpful to have a list of words describing cats' main activities: *прыгать* [to jump/leap], *ловить/поймать* [to catch], *мешать* [to disturb/interfere], *охотиться* [to hunt], *урчать/мурлыкать* [to purr], *мяукать* [to meow], *фыркать* [to snort], *шипеть* [to hiss], *шуметь* [to make noise], *сворачивается в клубок* [to curl up into a ball], *разозлить* [to make angry], and *наказывать* [to punish], *бегать за кем-либо* [to chase someone, to run], *ловить* [to catch], *мышь* [a mouse], *бабочка* [a butterfly], *моль* [a moth]. The teacher can introduce the lexis in a number of ways, e.g., through questions, through pictures or just by distributing a list of words and prompting their translation. Generally, teachers adhere to their own ways for vocabulary introduction.

The discussion may evolve around cats in cultural and literary traditions and superstitions. In Ancient Egypt, Japan, and some Asian countries, venerating cats brings good luck and fortune to their owners. Some meme images can be reminiscent of the mischievous grin of the Cheshire cat who was in a habit of puzzling or annoying his interlocutors. Cat memes may bring connections across different stories and subjects.

The questions for discussion may include:

- *У Вас/ знакомых был/есть кот?* [Do you/your friends have/had a cat?]
- *Что он делает? Какой у него характер?* [What does he do? What is his character like?]
- *Как к нему относятся дома? знакомые?* [How do you treat him at home? What about your friends?]
- *Его любят? Его терпят?* [Is he loved? Has he been tolerated?]
- *Кого Вам напоминает кот на картинке?* [Who does the cat on the picture/s remind you?]
- *Кота Бегемота? Чеширского кота? Манеки-неко?* [Behemoth cat? The Cheshire cat? Maneki-neko (A Japanese beckoning cat)]
- *Почему?* [Why?]
- *Что Вы читали о котах?* [What did you read about cats?]
- *Какие традиции / предрассудки связаны с котами?* [What traditions / superstitions involve cats?]

8. Unpacking a pre-existing story

It can be suggested for learners to watch the Soviet animated cartoons *Кот, который гулял сам по себе* ‘The Cat That Walked by Himself’ based on Kipling’s story.³ The animation of Kipling’s tales of the Soviet time made them one of the best companions for children. The cartoons *Слоненок* [The Elephant Child], *Рикки Тикки Тави* [Rikki Tikki Tavi], *Кот, который гулял сам по себе* [The cat that walked by himself] and *Маугли* [Mowgli, based on the Jungle Books] were greatly admired by Soviet and later Russian children, as the stories encouraged imagination and opened to them a new adventurous world where the characters had penetrating voices of famous Soviet actors⁴. Familiarisation with this thrilling world may bring to learners a valuable experience and captivating impressions.

Students watch it at home in full or at least from the 17.45 minute until the end in the class to understand the conflict between the man, the dog, and the cat. The teacher may ask students to reconstruct this part of the story (to present sequences of actions). A sample of the narrative can be found in Table 2.

---

³ The Russian animation of the tale “The Cat That Walked by Himself” can be found at <https://www.youtube.com/watch?v=ix66VKwPPu4> и (date of access 2025/06/03).

⁴ Rudyard Kipling was always popular in Russia and the Soviet Union even though he was linked with British imperialism and colonialism and denounced by prominent Communists. Publication of Kipling’s books in Russia was supported by famous writers like Ivan Bunin and Alexandr Kuprin. In addition to this, well-known poets and children’s writers like Samuil Marshak and Korney Chukovsky contributed to a proliferation of Russian versions of Kipling’s tales and poems.

Table 2. A reconstruction of final segments in the animated version of “The Cat That Walked by Himself”.

A story in Russian	Translation
Эта история о конфликте между людьми и самолюбивым котом.	This story is about a conflict between humans and a self-centred cat.
Мужчина разрешил коту жить в его семье с условиями. Он сказал коту: «Если ты будешь плохо ловить мышей или будешь беспокоить меня, то я брошу в тебя сапогом».	The man allowed the cat to live in his family but under some conditions. He said to the cat: “If you are bad at catching mice or disturbing me, I will throw a boot at you.”
Ночью, когда все спали, прибежала мышь. Кот хотел ее поймать. К несчастью, кот перевернул посуду и поднял шум.	When everyone slept at night, the mouse ran in. The cat wished to catch it. Unfortunately, the cat overturned dishes and made a noise.
Из-за этого мужчина бросил в кота сапог, а собака начала лаять и преследовать кота.	Because of this, the man threw a boot at the cat whereas the dog began barking and chasing the cat.
Кот убежал из пещеры, спрятался на дереве и пожаловался летучей мыши.	The cat ran away from the cave, hid in a tree, and complained to the bat.
Женщина ласково попросила кота вернуться, но кот отказался, потому что он любил свободу и не любил ограничения.	The Woman kindly asked the cat to return, but the cat refused because he loved freedom and did not like restrictions

The teacher should explain the cause-and-effect sequences in the story. The story portrays the dynamics of interactions between pets and humans. The set of characters in Kipling’s story is no different from many sets of characters offered by memes. Even if some characters are not presented visually, we draw an inference about their presence and

the overall impact on the storyline. The final incidents in the cartoons portray the outcome of the bargain between the cat and the man. The cat violated the conditions of living in the human “residence” and therefore, the cat was punished by the man and the dog. As the cat does not follow rules and does what pleases him, he chooses freedom and often dominates in relations with humans. Humans fail to tame cats fully and that is why relations between cats and humans are unpredictable.

9. Teamwork: A modern “reinterpretation” of Kipling’s story

Meme 1 consists of the visual portrayal of an unhappy cat involved in an act of self-admiration⁵. In the original meme (see Fig.1), he studies himself in the mirror and exclaims *Батюшки! И такую красоту...тапком!* “Good grief! What a beauty and... [was hit] by a slipper”. The original caption contains a colloquial truncated expression *батюшки-светы* used for conveying strong surprise or indignation. The list of synonymous expressions may include “Люди добрые! Мама родная! Боже мой!”. Some English counterparts can be offered “Good grievance! Good heavens! O, my Goodness! Holy cow!” It also contains an elliptical verb that can be reconstructed as *ударили/ напали/ бросили/ швырнули* [hit with/ assaulted with/ threw at with/ hurled with]. Alternatively, the teacher can adjust the caption to make it more readable for learners.

The story was introduced to the viewer at the moment when the cat had been already hit by a slipper and had expressed his indignation with this “brutal action” directed at the “incredibly handsome creature”. The students have to reconstruct previous events in the story which may resemble grievances of the Cat from Kipling’s tale who was hit by a boot for making noise and disturbing people during their time of rest. The task is formulated in following ways: *Расскажите историю кота на картинке от имени папы / ребенка / кота или мамы. Почему кот расстроен?* [Tell us the story of the cat shown in the image on behalf of the father, child, cat, or the mother]. At least 3 groups of learners or teams can be involved.

The familiarisation with the meme (see Image 1) involves drawing students’ attention to concepts that were visualized in the

---

⁵ The original meme is at <https://gigi.click/picture/batkipk-i-takuu-krasotu-tapkom-MTE1Mjc4Nw> (date of access 2022/11/13)

cat's expression and posture, e.g., *самолюбование* “self-admiration”, *неповиновение* “defiance”, *обида* “resentment”. Then, the teacher suggests to students an exploration of events that led to the emotional state. The image presents a dramatic outcome that has been preceded by several episodes. These episodes need to be reconstructed.

Fig.1 Punishment without crime.

The Cat's perspective may result in the story as follows in Table 3.

Table 3. The story of the cat from meme 1.

A story in Russian	Translation
Наказание без преступления	Punishment without crime
Здравствуйте! Я кот, меня зовут Васька. Я хочу рассказать о моем несправедливом хозяине. Я очень полезный в хозяйстве кот и потому всегда ловлю мышей, мух и тараканов.	Hello! I am a cat, my name is Vaska. I want to talk about my unfair master. I am a very useful cat in the household and therefore I always catch mice, flies, and cockroaches.
Сегодня утром я увидел в гостиной моль и решил ее поймать. Моль в доме—это нехорошо. Когда я прыгнул за молью, я случайно задел книги на полке. Книги упали, моль улетела. Хозяин спал в спальне и проснулся. Он прибежал злой и увидел книги на полу. Я был рядом. Хозяин не понял, что случилось. Он кинул в меня тапок. Мне было очень больно и обидно. Во-первых, я хотел быть полезным. Во-вторых, я очень красивый, а тапками можно испортить мою красоту. Хозяин наказал меня несправедливо! Он должен попросить прощения и купить мне рыбу на обед.	This morning I saw a moth in the living room and decided to catch it. A moth in a house is not good. When I leaped at the moth, I accidentally knocked the books on the shelf. The books fell, the moth flew away. The owner was asleep in the bedroom and woke up. He ran in angrily and saw books on the floor. I was there. The owner did not understand what had happened. He threw a slipper at me. I was very hurt and embarrassed. First, I wanted to be helpful. Secondly, I am very beautiful, and slippers can spoil my beauty. The master punished me unfairly. He should apologize and buy me fish for dinner.

The story is a modification of events in the cave when the Cat attempted to catch a mouse.

Actions similar to events in the cave have been projected onto the story.

The man's perspective is offered as follows in Table 4

Table 4. The man's story of the Meme 1.

A story in Russian	Translation
<p>Воспитание кота</p> <p>Здравствуйте! Меня зовут Иван Иванович. Я живу в квартире с женой и сыном. У нас есть кот Васька. Я хочу рассказать, как я решил воспитывать кота. Вчера я работал допоздна над статьей. Я оставил свои книги и бумаги в гостиной. Я устал, но рано утром услышал страшный шум. Я побежал в гостиную и увидел все книги и манускрипт на полу, а рядом кота, который умывался. Он ехидно на меня посмотрел. Похоже, что он радовался тому, что сделал такой беспорядок. Я очень расстроился. Снял тапок и швырнул в кота. Он убежал с мяуканьем в ванную. Я уверен, что кота нужно учить. Он должен знать, что прыгать на стол и сбрасывать бумаги и книги на пол нельзя.</p>	<p>Educating the cat</p> <p>Hello! My name is Ivan Ivanovich. I live in an apartment with my wife and son. We have a cat named Vaska. I worked late yesterday on an article. I left my books and papers in the living room. I was tired, but early in the morning, I heard a terrible noise. I ran into the living room and saw all the books and the manuscript were on the floor, and the cat was sitting nearby and was washing himself. He slyly looked at me. He seemed to rejoice that he had made such a mess. I got very upset. I took off my slipper and threw it at the cat. He ran meowing into the bathroom. I am sure that the cat needs to be taught. He should learn that it is unacceptable to jump on the table and dump papers and books on the floor.</p>

The Child's perspective is provided in Table 5.

Table 5. The Child's story of the meme 1.

A story in Russian	Translation
<p>Примирение</p> <p>Здравствуйте! Меня зовут Саша. Мне 8 лет. У меня есть кот Васька. Я хочу рассказать о том, что произошло сегодня утром. Я играл в компьютерную игру в спальне, когда я услышал страшный шум. Я прибежал в гостиную. Книги и бумаги валялись на полу. Рядом безобидно сидел Васька. Папа стоял злой и кричал на Ваську. Потом он снял тапок и швырнул им в моего котика. Мне было жалко Ваську. Книги и бумаги можно собрать, а Васька может обидеться и уйти на улицу. Его может забрать другая семья. Он ведь очень красивый. Поэтому я принес колбаску в ванную, где сидел расстроенный Вася. Я не хочу жить без Васьки.</p>	<p>Reconciliation</p> <p>Hello! My name is Sasha. I am 8. I have a cat Vaska. I want to talk about what happened this morning. I was playing a computer game in the bedroom when I heard a terrible noise. I rushed into the living room. Books and papers were laid on the floor. Vaska sat harmlessly nearby. Dad stood angrily and shouted at Vaska. Then he took off his slipper and threw it at my cat. I felt sorry for Vaska. Books and papers can be collected, but Vaska may be offended and go away in the street. Another family can take him. He is very handsome indeed. So, I brought a sausage to the bathroom, where Vasya sat upset. I don't want to live without Vaska.</p>

The monologue is to be turned into a dialogue engaging several characters. After the presentation of their perspective on the story, each group or student can be given a different role to present a different perspective in the dialogue. For instance, the group that presented the cat's perspective can speak on behalf of the father, the father can voice opinions of the son. The remarks should be consistent with the perspectives given in a narrative.

A possible unfolding of the conversation between the cat, the father, and the son is provided below.

Table 5. Dialogue of characters acting in Meme 1.

A story in Russian	Translation
Папа: Что за шум? Кто мешает мне спать? Почему мои бумаги и книги на полу? (Обращается к коту) Это ты хулиганил?	Dad: What's the noise? Who disturbs me when I am asleep? Why are my papers and books on the floor? (Turns to the cat) Have you misbehaved?
Кот: Я хотел поймать моль! Я делал полезную работу. Я прыгнул и упал. Книги и бумаги тоже упали!	Cat: I wanted to catch a moth! I was doing a useful work. I jumped and fell. Books and papers fell too!
Ребенок: Папа, не сердись. Мы все уберем.	Child: Dad, don't be angry. We'll put everything in order.
Папа: Как я узнаю, где первая страница, а где последняя, если Вы будете все собирать? Кот все испортил! Брысь! Я тебя сейчас тапком!	Dad: How do I know where the first page is and where is the last one if you are going to gather everything? The cat ruined everything! Scat! I'll hit you with this slipper!
Кот: Мяу! Ты не имеешь права бить такого красивого, умного и полезного кота! Я очень обижен!	Cat: Meow! You have no right to beat such a beautiful, smart and useful cat! I am very offended!

10. Conclusions

This chapter familiarises teachers with the use of memes for organizing storytelling in RFL classrooms. Storytelling requires grammatical competence, developed vocabulary, a sense of coherence and appropriateness let alone the application of persuasive strategies. The offered learning situation creates a relaxed classroom atmosphere allowing learners to forget about the challenges, and express themselves most articulately in order to enhance the score of their team in the competition. The humorous content of the memes has been adopted as

a storytelling vehicle whose remarkable ability to motivate learners and enhance retention of information cannot be underestimated.

Some techniques of learners' engagement are similar with main principles of Teaching Proficiency through the Reading and Storytelling method. For instance, the answer-and-question approach has been used as an instrument guiding the narration. However, in our situation, the answer-and-question approach was used for vocabulary activation rather than as a means of storyline formation. Another similarity lies in repetitions of lexical and grammatical constructions for forging narrative abilities. In the offered context, the technique is implemented through learners' exposure to several interrelated themes that were instantiated through (a) visuals, (b) verbalisation of personal recollections, (c) unravelling a pre-existed story, (d) changes of perspective and (e) dialogical transformations. The case study provided in this chapter places reliance on participatory sense-making rather than mechanical repetitions and internalization of blocks offered by the teacher.

A combination of several procedures has been used to expand the communicative repertoire of the learners: (a) cyclic manifestation of compatible content that was realized in different audio and visual forms; (b) teamwork in constructing the storyline and (c) subsequent group analysis of successes and failures of their peers.

Activation of visual perception and interpretation of images create an opportunity to enhance visual literacy which becomes a prominent mode of sense-making in the digitalized environment (Romero & Bobkina) and is understood as summarisation and interpretation of visual messages and design elements. The unfolding of the story through the detection and verbalization of concepts that were instantiated in a visual form, such as "resentment", "defiance", and "manipulation" reinforces situational and contextual sense-making strategies. The abstract concepts visualized were explained to learners and, subsequently, by learners in terms of agents' actions and reactions to them.

The semi-fictional world of interactions between pets and humans is a perfect milieu for language immersion as it presents an abundance of humorous episodes, linear but energetic development of the storyline, and an opportunity to substantiate evaluative judgments.

Traditionally, Russian methodologists considered intercultural education and communication to be the main approach for vocabulary development and text comprehension (Berdichevsky & Golubeva). Indeed, this teaching approach is effective since it unfolds connections between different experiences and cultural protocols that motivate

semantic processes. Internet memes offer layers of meaning to their viewers even if the memes do not derive from scenes in films, lines of songs, and sayings by politicians. The memes' messages resonate with literary traditions or folk beliefs and provide interesting topics for pre-task discussions.

The narratives constructed by learners imitate fables and can be further utilized for psychological reflections about narcissistic personalities, sources of amusement, and manipulations. Hence, storytelling is well-fitted for the enhancement of critical thinking defined as "a self-guided, self-disciplined process of actively conceptualizing, applying, analysing, synthesizing, and/or evaluating information gathered from, or generated by, observation, experience, reflection, reasoning, or communication" (A'Beckett; Paul). Eventually, post-task discussions of meme-based narratives can be directed toward critical assessment of characters and constituents of their viewpoints.

A few comments should be made in relation to possible amendments to the original plans. If we deal with a low number of students then we can give individual tasks instead of collective assignments. The task can be simplified if learners have a low level of language competence and struggle. For instance, it is possible to show cat memes and ask learners to give names to the cats, and to explain the connection between the cats and their names via descriptions of their personalities and activities. In this way, students play with the sounds and semantics of the name. The names can be either selected from literary texts, such as Cheshire Cat ("Alice in Wonderland"), Behemoth ("Master and Margarita"), Tom [Sawyer] / Huck [Finn], Maneki-Neko, or from the Russian name stock for cats, such as Oorsik, Koozya, Murzik, Murka, Basya, Nyusya and the like.

It is useful for teachers to consider whether they want to use role play with memes as an instrument for stimulation of learners' motivation, responsiveness, and retention or if they wish to pursue the development of the learners' storytelling skills. If the teachers consider the latter, then they have to include several sessions with similar content since students do not acquire the network of ideas in one day. It usually takes at least two sessions to build sufficient confidence but for making progress in story-telling the teacher has to conduct repetitive, systematic activities that recycle the previously suggested input.

The cycle of sessions about scheming and self-serving cats can be finalized in discussions either about relations between people and cats or about techniques of manipulation and sweet bullies.

Reference

- A'Beckett, Ludmilla. "Transposing Venice to Russia: Task-Based Recipes for Developing Figurative Thinking." Nuss, Svetlana, and Cynthia Martine. *Student-centered Approaches for Russian Teaching*. London, New York: Routledge, 2022. 167-191. Print.
- Baysac, P. E. "Laughter in Class: Humorous Memes in 21st Century Learning." *Journal of Social Sciences*. 2017. Vol. 6. No. 2. Pp. 267–281. Web: DOI: 10.25255/jss.2017.6.2.267.281.
- Blaine, R. & Seely, C. *Fluency Through TPR Storytelling: Achieving Real Language Acquisition in School*. Berkeley, California: Command Performance Language Institute, 1999. Print.
- Burgers, C., Fa, M. J. T. & de Graaf, A. "A tale of two swamps: Transformations of a metaphorical frame in online partisan media." *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 141. Pp. 57–66. Web: DOI:10.1016/j.pragma.2018.12.018
- Cook, G. *Language play. Language learning*. Oxford UK: Oxford University Press, 2000. Print.
- Csikzentmihalyi, M. *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. New York: Harper Collins Publishers, 2008. Print.
- Dawkins, R. *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press, 1976. Print.
- de Graaf, A., Sanders, J. & Hoeken, H. "Characteristics of Narrative Interventions and Health Effects: A Review of the Content, Form, and Context of Narratives in Health-related Narrative Persuasion Research." *Review of Communication Research*. 2016. Vol. 4. Pp. 88–131. Web: DOI:10.12840/issn.2255- 4165.2016.04.01.011.
- EunHee, L. *The Logic of Narratives*. Boston: Brill, 2020. Print.
- Fountas, I.C. & Pinnell, G.S. *Genre Study: Teaching with Fiction and Nonfiction Books*. Portsmouth, NH: Heinemann, 2012. Print.
- Harshavardhan, V., Wilson, D. & Kumar, M. V.. "Humour Discourse in Internet Memes: An Aid in ESL Classrooms." *Asia Pacific Media Educator*. 2019. Vol. 29.1. Pp. 41–53. Print.
- Heidari-Shahreza, Mohammed Ali. "Humour-integrated Language Learning: Teaching With and About Humour." Ruchiyanski, J. & Prichard, C. *Bridging the Humour Barrier: Humour Competency Training in English Language Teaching*. Lanham, MD, USA: Lexington books, Rowman & Littlefield Publishers, 2020. Pp. 79–106. Print.
- Henry, K. "Developing and testing sociolinguistic and grammatical

- competence through the use of role play situations.” *Russian Language Journal [Русский Язык]* . 1995. Vol. 49. No.162. Pp. 3–23. Print.
- Kayali, Nurda Karaderniz and Altunas, A. “Using Memes in the Language.” *International Journal of Education*. 2021. Vol. 9. No. 3. Pp. 155–160. Print.
- Lambert, C. & Oliver, R. (eds.). *Using Tasks in Second Language Teaching: Practice in diverse contexts*. Bristol: Multilingual matters, 2020. Print.
- Littlemore, J. & Low, G. *Figurative Thinking and Foreign Language Learning*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. Print.
- Lucarevschi, C. R. “The role of storytelling in language learning: A literature review.” *Working Papers of the Linguistic Circle of the University of Victoria*. 2016. Vol. 26. No. 1. Pp. 24–44. Web.
- Maksimova, Victoria. *Russian through stories. Сторителлинг в PKII*. n/d. 15 November 2023. Web: <https://storytellingrussian.com/%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5/> (2025/05/30).
- Mandler, J. M. & Johnson, N. S. “Remembrance of Things Parsed: Story Structure and Recall.” *Cognitive Psychology*. 1997. Vol. 9. Pp. 111–151. Print.
- Mendelevich, E. “Kommunalka: Virtual Space as a Platform for Task-Based Learning.” Nuss, Svetlana and Wendy Whitehead Martele. *Task-Based Instruction for Teaching Russian as a Foreign Language*. London, New York: Routledge, 2022. Pp. 171–189. Print.
- Moss, L. *Why cats rule the Internet?* 11 February 2021. Web: <https://www.treehugger.com/why-cats-rule-internet-4862720> (2023/4/23).
- Nikolajeva, M. “Devils, Demons, Familiars, Friends: Toward a Semiotic of Literary Cats.” *Marvels and Tales*. 2009. Vol. 23. No. 2. Pp. 248–267. Web. DOI:10.1353/mat.2009.a369116.
- Nuss, S. V. & Martelle, W. W. (ed.). *Task-Based Instruction for Teaching Russian as a Foreign Language*. London: Routledge, 2022. Print.
- Nuss, S. V. & Martin, C. L. (ed.). *Student-Centered Approaches to Russian Language Teaching: Insight, Strategies, and Adaptation*. New York: Routledge, 2023. Print.
- Pastushenkov, D. “Task-Based Peer Interaction in Russian as a Second/Foreign Language Classes.” Nuss, Svetlana and Wendy

- Whitehead Martelle. *Task-Based Instruction for Teaching Russian as a Foreign Language*. London, New York: Routledge, 2022. Pp. 157–170. Print.
- Paul, R. *Critical Thinking: How to Prepare Students for a Rapidly Changing World*. Santa Rosa, Calif.: Foundation for Critical Thinking, 1995. Print.
- Philp, J., Adams R., & Iwashita N. *Peer Interaction and Second Language Learning*. New York, NY: Routledge, 2014. Print.
- Podhovnik, E. “The Purrification of English: Meowlogisms in Online Communities.” *English today*. 2018. Vol. 34. Issue 3. Pp. 2–16. Web. DOI: 10.1017/S0266078418000020.
- Popova, Y. B. *Stories, Meaning and Experience*. London, New York: Routledge, 2015. Print.
- Romero, E. D. & Bobkina, J. “Exploring Critical and Visual Literacy Needs in Digital Learning Environments: The Use of Memes in the EFL/ESL University Classroom.” *Thinking Skills and Creativity*. 2021. Vol. 40. Pp. 1–16. Web. DOI: 10.1016/j.tsc.2020.100783.
- Shifman, L. *Memes in Digital Culture*. Boston, Massachusetts: MIT Press, 2013. Print.
- Tarone, E. & Brone, M. “Is it fun? Language play in a fifth grade Spanish immersion.” *Modern Language Journal*. 2001. Vol. 85. Issue 3. Pp. 363–379. Print.
- Tarone, E. “Getting serious about language play: Language play, interlanguage variation, and second language acquisition.” Swerzbin, B. et al. *Social and Cognitive Factors in Second Language Acquisition: Selected Proceedings of the 1999 SLRF*. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2000. Pp. 31–54. Print.
- Vasquez, C. & Aslan, E. “‘Cats Be Outside, How about Meow’: Multimodal Humor and Creativity in an Internet Meme.” *International Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 171. Pp. 101–117. Web. DOI: 10.1016/j.pragma.2020.10.006.
- Ventola, E. & Guijarro, A. J. M. “Introduction.” Ventola, Eija and Arsenio Jesus Moya Guijarro. *The world told and the world shown: Multisemiotic issues*. Basigstoke: Palgrave Macmillan, 2009. Pp. 1–8. Print.
- Waring, H. Z. “Doing Being Playful in the Second Language Classroom.” *Applied linguistics*. 2012. Vol. 34. Issue 2. Pp. 191–210. Print.
- Анонимный автор. «Наташ, Вставай! Мы Там Все Уронили»:

- Лучшие Мемы Весны 2020. 22.05. 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://liza.ua/lifestyle/self-development/natasha-vstavaj-my-tam-vse-uronili-luchshie-memy-vesny-2020/>. (Дата обращения: 04.23.2023).
- Брудер И. Они опять все уронили: происхождение и эволюция знаменитых мемов про котов. 1.10.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kp.ru/daily/28337.3/4481633/>. (Дата обращения: 04.23.2023)
- Бердичевский А., Голубева А. *Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного*. С.-Петербург: Златоуст, 2015. Print.
- Киндря Н.А. Вопросы обучения связанной речи на неродном языке слушателей подготовительного факультета // *Colloquium journal. Pedagogical science*. 2019. №. 14(38) С. 5–9. [Электронный ресурс] URL: <https://colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2022/05/Colloquium-journal-2019-38-3.pdf>. (Дата обращения: 05.05.2023).
- Куклина Н.В. Развитие речи на занятиях по русскому как иностранному на этапе довузовской подготовки // *Вестник Казанского государственного технологического университета*. 2013. Vol. №. 1. С. 341–345. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rechi-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-na-etape-predvuzovskoy-podgotovki>. (Дата обращения: 04.06.2025).
- Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры, 2003. Print.
- Ющук Е.Л. «Наташ, вставай, мы всё уронили»: откуда взялись мемы про Наташу и котов. 2.06.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://yushchuk.livejournal.com/1427164.html>. (Дата обращения: 05.23.2023).

Appendix. Cat Memes for storytelling practices.

Fig.2 The neglected cat.

Fig.3 Crime and punishment

Fig.4 The household manager.

–Наташа, я тебе еще раз
говарю, ни мужика, ни собаку
в доме нам по бюджету не
потянуть...

Fig.5 A lecture about hygiene by Natasha's cats

十九世紀科學學科專業化 與俄羅斯古代城市的歷史論述建構

陳柏毅

德州大學奧斯汀分校
奧斯汀，美國

摘要：

本文討論十九世紀前半俄羅斯的城市歷史論述是如何被歐洲思潮影響。透過 Paul Farber 的學科專業化與 Joep Leerssen 的文學歷史主義先後影響，一股將知識科學化分類、然後影響了古典文獻的收集與重新被詮釋的風潮興起，民族文學這一觀念也在這個時間點開始出現。然而，當代文獻在討論俄羅斯古代城市的歷史論述建構時，都沒有將其與西方思潮聯結。因此，筆者透過諾夫哥羅德、普斯科夫與基輔這三座城市在十九世紀是如何被重新詮釋為切入點，探討俄羅斯知識份子是如何受西歐思潮影響、又建構出了什麼樣的歷史論述。

關鍵詞：

學科專業化、文學的歷史主義、中世紀精神、俄羅斯古代城市

THE SCIENTIFIC SPECIALIZATION AND THE FORMATION OF HISTORICAL NARRATIVES OF ANCIENT RUSSIAN CITIES IN THE 19TH CENTURY

Po-yi Chen

University of Texas at Austin,
Austin, U.S.A

Abstract:

This paper focuses on the historical narratives of ancient cities in Russia under the influence of Western European intellectual thoughts in the first half of the 19th century. Through the specialization by Paul Farber and the literary historicism by Joep Leerssen, a trend from scientifically constructing knowledge to collecting historical manuscripts and reassessing their values was on the rise. The concept of national literature was formed simultaneously. However, research concerning the relation of the discussion of historical narratives of ancient cities in Russia to this Western trend remains scant. Therefore, I will discuss how Russian intellectuals reassessed and reinterpreted Novgorod, Pskov, and Kyiv in the first half of the 19th century, considering what historical perspective was built behind them.

Keywords:

Specialization, Literary Historicism, Medievalism, Russian Ancient Cities

1. 導言

筆者旨在透過與城市的歷史論述建構結合來探討俄羅斯十九世紀的思想史發展，是一篇試探性的討論。十九世紀前半的歐洲正經歷重新形塑「知識」意涵的轉折期，且因為這個轉折期雜揉了過往以歐陸文化為主軸的歷史文獻與時下殖民時期匯流的八方資料，使得在現代的學術研究中都會以各種方式提到、卻又鮮少有專門的篇章來論述。因此，筆者在這篇文章當中試圖透過討論這個轉折期極具代表性的「學科專業分科化」的過程來看這波歐洲湧起的思潮是如何沿著陸路傳播一路東向，並又為俄羅斯的廣袤土地帶來了何種影響。

本文的研究途徑著重在可塑性 (malleability) 的討論，並以不同學科的角度切入。可塑性並不是一個研究方法，而是筆者透過不同學科領域的討論來刻劃出一種樣貌。筆者將以科學史家 Paul Farber 提出的學科專業化 (the specialization) 為經，並加入文學史專家 Joep Leerssen 筆下的文學歷史主義 (the literary historicism) 為緯，相互編織出西方思潮的基本樣貌；之後，更透過斯拉夫學者 Serhiy Bilenky 近來研究的基輔城市想像以及俄羅斯歷史論述中的城市進一步思考十九世紀的俄羅斯民族建構是如何在這個時期奠定基礎的。應當提出地是，筆者在標題使用了「科學」學科專業化、而沒有沿用 Farber 提出的學科專業化的原因在於一方面強調是科學的學科被建立、另一方面則是因為當今對於學科專業化的討論眾多，想要突顯出差異。

2. 科學學科專業化與中世紀精神的交集

學科專業化的概念一直都存在於近代史的研究範疇當中，縱使多是以「職業化」或是「專業」相關的詞語出現，也多涉及一個專業的學科以及相對應的職業已經出現的二十世紀。十九世紀中期的俄羅斯帝國既未出現這種職業化的概念、專門的學科也還在發展當中，而透過 Farber 的鳥類學研究可以窺見這個在十九世紀仍未定型的概念是如何被理解的。Farber 提到在十九世紀前半的歐洲當中，對於「知識」的分類促進了「學科」的發展，在這段期間，歐陸在順著殖民主義的擴張在世界各處大肆搜刮奇珍異寶及動植物樣本之後，不只是需要將它們存放在同一個地方來保存，

也需要將其分門別類、系統性地豐富國家的收藏；同時，這些短期內大量積累的原始資料也吸引了大眾的目光、並進而出現一批想要多加研究、協助分類的人 (Farber, 1982: 147–148)。專科的研究學會也在這段期間創立，其中最具代表性的便是 1822 年在德國創立且是歷史最悠久的自然科學家與醫學家學會 (The Society of German Natural Scientists and Physicians)，在學會當中，對於特定科學議題感興趣的研究者可以交換意見 (保羅·勞倫斯·法伯，2015，頁 117–118)。無疑地，這種學科與學會的互動模式一直演變直到今日。

若以鳥類學的發展來理解科學學科專業化，則會是在十八世紀後半，博物學與博物學者佔據主流、研究著有關於世界的動物與植物；然而，在世紀之交時，有越來越多的原始資料出現，也就讓博物學者的興趣逐漸分開，鳥類學便是在這個時候脫離博物學的範疇、透過鳥類學會的設立以及相關研討會的舉行來發展出自己的學門。這也一定程度上解釋了十九世紀中期出現的「職業」觀念，Farber 提及在 1850 年代時，囿於學科專業化大量累積資料的影響，已有研究特定方向的學者表示無法同時處理太多子科目的研究 (Farber, 1982: 149)。應當注意地是，這個概念已經與十九世紀前期知識份子的職業觀有所差別，而這個變化可以透過 Leerssen 的研究來側面窺得。

Leerssen 透過學者重新重視中世紀精神 (medievalism) 的角度切入，探討在談到十八世紀末期至十九世紀中期這段時間西歐社會文化的顯著變化。除了提出當時的知識份子同時擁有兩種社會頭銜、只是當今的學者多將焦點放在其中一種之外，Leerssen 也由文學的歷史主義 (literary historicism) 重探當時的文學史，點出當代學者對於文學經典的認識已經經過再次解讀，反應出十九世紀前半的思想轉變。透過兩種社會頭銜的角度切入可以窺得科學學科專業化的一隅，以 Leerssen 的其中一個例子來說，他提到 Prosper Mérimée 除了是一位出色的作家之外，也同時在 1834 年被政府任命為歷史文物總督官 (*the Inspector General of France's historical monuments*) (Leerssen, 2004: 223)；這種雙重頭銜有一個很重要的意涵，代表著當時的知識份子習慣於處理不同領域的事務，而且

也不太有難以負荷情況。若以時序來看，Leerssen 處理的是截至 1840 年的西歐社會情況，若對照 Farber 對於 1850 年代知識份子的敘述則可以發現雙方研究並沒有互斥的情形發生。

然而，不同於 Farber 持續鑽研著鳥類學在十九世紀後半的發展，Leerssen 持續探索十九世紀前半，只是透過中世紀精神的概念往回觸及文學思想史。

中世紀精神是一個相對彈性的學術名詞，主要是在描述中世紀之後的歐洲如何被這段時期的遺緒影響，想當然爾，這種影響是全面的，也因此難以定義這個詞的完整意涵。Leerssen 在談這個現象時，除了適度地涉及其對於文藝復興或是浪漫主義等的關係之外，主要還是在談延續至十九世紀前半的古典文獻重探，這些文獻雖然被存放在生活中的某個角落，但是已經隨著時間而脫離了大眾的目光。正是在科學學科專業化興盛的時候，這些文獻也同時再度映入眼簾。隨著散落在歐洲各地的古老文獻重新被蒐集起來之時，許多私人的古典文獻藏品也逐漸被整合並提供給公眾使用 (Leerssen, 2004: 227)。正是在這種社會與學術的氛圍底下，歷史主義的概念被提出並且在十九世紀前半被學者廣泛討論，一言以蔽之，歷史主義談的無非是信史的應用，透過科學的方法、有信度的史料來建構歷史；筆者認為，這種想法很容易被與脈絡化 (contextualization) 聯結，用來討論為何某種思想在法國是一個樣子，等傳到了俄國之後又變成另外一種樣貌。

奠基在歷史主義的討論上，Leerssen 提出了文學的歷史主義並連結到民族意識在十九世紀前半的建立之上，其中民族史詩 (national epic) 的出現極具代表性，他更以《卡列瓦拉》(Kalevala) 為例，指出這部芬蘭的民族詩歌在十九世紀之前並沒有和芬蘭的歷史聯結，而是在十九世紀前半透過歷史主義的概念為底，並輔以當時的民族思潮而成形 (Leerssen, 2004: 236-237)。筆者以為，這條思路同時將卡列瓦拉作為一個由來已久的文化群體與帝國侵略的對象兩個議題融合到文學範疇當中，展現了當時知識的概念和當今的現代知識是有所差別的。

筆者認為這種民族與文學的交織討論與矛盾在斯拉夫文學史中也是一個常見的主題。例如 Snyder 就以遠近馳名的「波蘭」浪漫文學作家為例，指出其出生地及主要作品《塔杜施先生》其實都與白俄羅斯有直接關聯，而該作品的意涵則繼承了波蘭與立陶宛聯合大公國的思想，作者本人並沒有預設波蘭與立陶宛在之後的歷史發展中會分道揚鑣（斯奈德，2020：38–39）。因此，把作家區分為波蘭的、而不是立陶宛或是白俄羅斯的，其實是顯示了現代政治的影響、無法真實呈現當時的原本樣貌，也就違背了歷史主義的精神。

Leerssen 的討論雖然沒有正面涉及科學學科專業化，但也是透過文學思想史的角度來旁觀其影響，指出透過歐洲內部的古典文獻的大量積累與分類，配合著歷史主義的運用來連接民族文學的興起。筆者認為，Leerssen 跟 Farber 的研究為科學學科專業化的影響力討論架構了一個很好的空間。

3. 切入俄羅斯的轉折期：科學學科專業化在俄羅斯

若要將前述的科學學科專業化脈絡放在俄羅斯研究中，最普遍的方法大概是討論斯拉夫派與西化派的論爭或者是由社會史剖析學術機構的發展；然而，筆者試圖透過城市歷史論述的角度來切入，希望可以擦出不同的火花。在討論城市的歷史建構以前，筆者想要先討論十九世紀前半的俄羅斯是否接受到同西歐一樣的思潮？俄羅斯帝國的知識份子是否也正經歷著知識概念轉變時的掙扎？

針對第一個問題，答案是肯定的。在俄羅斯，十九世紀中期的學術圈也迎來不同的轉折。科學史學者 Pavlova 指出在 1840 年代，俄羅斯科學院 (the Russian Academy of Sciences) 進行了一系列的革新，除了重整院內的組織架構，也設立了三個不同的部門，其中包括了物理數學部門、俄羅斯語言與文學以及歷史科學與語文學 (Павлова，1990：99–100)。無獨有偶地，莫斯科大學在 1850 年也有類似的系所改革，分別增設了歷史與文學系以及物理數學系。這些體制上的改變雖然不像鳥類學那樣明確，然而，卻也代表了俄羅斯帝國正在以某種方式改變中。

除了俄羅斯科學院以及莫斯科大學的機構改革之外，也可以透過 Petronis 關於俄羅斯帝國民族誌地圖的研究來了解。Petronis 表示，1845 年俄羅斯帝國地理學會的成立為後來帝國的地理學發展帶來極為正面的影響，這股在西方成形的地理學學科將能讓俄羅斯更有系統地了解自己的帝國；然而，在成立的時候，不只是相關的專業人才缺乏，被分派至該單位的長官也不具備有科學化的地理學知識 (Petronis, 2011: 62–63)。據此，筆者以為系統性的訓練在當時也都還在建立中，將俄羅斯帝國在被动地接受西方的模樣流露出來。

而回答第二個問題則需要考慮 Farber 與 Leerssen 的論述。Leerssen 提到的文學的歷史主義與民族意識的抬頭當然也都影響著俄羅斯的思想史，具體體現在國內的東、西思想辯論；然而，俄羅斯知識份子當中是否有類似於 Prosper Mérimée 的例證？又是否有像 Farber 提及的 1850 年代的知識份子那樣無法專注在過多的學科次專科領域？

第二個問題衍伸出來的子題的答案也都是肯定的。縱使筆者不清楚俄羅斯知識份子當中類似於 Prosper Mérimée 的存在比例有多少，要找到例證倒也不困難，就以提出官方民族主義 (Official Nationality) 的教育大臣 Sergey Uvarov 來看，他在政府任行政官職時，同時也是一位鑽研古代希臘與羅馬文化的知識份子。或許是囿於現代思想史學者的研究興趣，烏瓦洛夫的雙重身份一直以來都鮮少出現在學術篇章的討論之中。

至於 Farber 提到的知識份子無法掌握太多科目這件事情也可以從文學領域找到蛛絲馬跡。筆者透過 Alexander Herzen 與 Ivan Turgenev 的作品來窺得輪廓。透過回憶錄《往事與沉思》第四卷的描述，我們可以看見 Alexander Herzen 與 Mikhail Bakunin 之間對於單一職業的討論。在十九世紀前半，在俄羅斯讀大學的知識份子通常都身兼兩職，一方面是專精學校傳授的知識，另一方面則是進入政府的軍官體系。米羅諾夫的研究顯示，俄羅斯的軍人入伍統計由 1801 年的 37 萬九千人上升至 1857 年的 111 萬八千人 (米羅諾夫, 2006: 217)；若以軍隊編制的角度來看，越多的軍人

則需要越多的軍官，而接受過高等教育的大學生通常也都在這個軍階體系裡面追尋職涯。然而，Herzen 的回憶錄則提到了 Bakunin 的退伍考量，指出 Bakunin 在 1836 年退伍之前曾經與他討論過這件事情：持續在軍隊擔任軍官是符合他家人的期望，卻不是他本人所預期的，他要的是持續專注在鑽研且實踐學術。這件事情或許只是單一巧合，但多少也展現出了俄羅斯的知識份子也同樣表現出西歐的知識份子在科學學科專業化的思潮之中會有的徬徨。

相較之下，Turgenev 的小說則更切中 Farber 的論述，筆者認為透過《羅亭》與《父與子》男主角的描述可以看見端倪。這兩本小說當初都是以連載的方式刊登在雜誌上，《羅亭》的男主角羅亭在 1840 年代初期抵達某地方的莊園，並滔滔不絕地展現雄心壯志，最後在莊園女主人的女兒私下傾心許諾之後，匆匆逃離現場，並輾轉先後在其它莊園與學校進行自己心中的實際改革，可惜都未能有成果；最後，他於 1848 年在巴黎的兵工廠起義 (the revolution of the ateliers nationaux) 中犧牲。Turgenev 並沒有詳述羅亭的學歷背景；然而，透過他的辯論與作為，可以發現他並沒有專精於特定學門。相反地，《父與子》中的巴札洛夫則在 1850 年代中期自醫學院畢業，之後回家跟隨其軍醫退休的父親一同服務地方，最後並因解剖傷寒 (тиф) 遺體不慎切傷手指而被感染致死。由此可以窺得 Turgenev 是如何在兩本背景相差十來年的連載小說當中，潛意識地將科學學科專業化帶來的影響寫進文本，也同時作為 Farber 提出概念的一方佐證。

4. 切入俄羅斯的轉折期：科學學科專業化、文本的歷史主義與城市歷史論述建構的交織

在討論城市建構的議題時，筆者認為應該同時強調十九世紀與二十世紀以降的「俄羅斯城市」已是不同的概念，其中包含的範圍就有很大的差異。因此，在接下來的討論中，縱使有些當今劃出俄羅斯領土之外的城市在十九世紀都還是或正在歸為俄羅斯帝國轄下，本文也並沒有意圖要把它們過度與俄羅斯文化連接。

城市的歷史論述建構在十九世紀前半的俄羅斯無疑是往將其納入俄羅斯帝國的歷史論述底下的方向過去，而俄羅斯帝國先是

在十九世紀前半壓制了境內的波蘭民族復興浪潮之後，在 1863 年之後更將矛頭對向烏克蘭的民族主義復興（斯奈德，2020：162）。此前帝國認為烏克蘭會對政府保持忠心，卻沒有料到烏克蘭，特別是基輔這座城市，在十九世紀前半會協助俄羅斯抵抗波蘭勢力只是出於後者長期的統治不得民心。筆者認為這種俄羅斯民族一統的意識形態也並不完全是因為民族意識的出現才造成的，民族意識多與十九世紀才出現的民族史詩等重新詮釋古典文獻的知識形態一起出現，而這種重新詮釋的手法也多受到科學化的知識分類習慣有關係。然而，在科學學科專業化產生影響力以前，許多文獻也都記載了城市之間的權力更迭變化，在中世紀時，一座城市也會因為勢力衰微而改隸於另一座城市，並且在文字紀錄上展現了臣屬關係，這樣子的情況因為不涉及前述討論的民族意識脈絡，也就需要從政治或社會經濟關係去解讀比較恰當。

筆者於此要討論三座九到十世紀基輔羅斯時期就已經有歷史紀錄的城市，諾夫哥羅德、普斯科夫以及基輔，三座在古羅斯時期都與西斯拉夫文化有過交集的城市，並透過學術研究的軌跡去探索其歷史論述的建構過程，並試圖將重心放在這些論述與科學學科專業化的交集。值得一提地是，現代學者對於這些城市的討論許多都建立在重建當初的文化一隅，較少著墨於城市的歷史論述建構。針對諾夫哥羅德，近期的研究包括 Zinoviev 談論其中世紀的犬隻研究，Antipov 與 Gervais 則觸及了中世紀的教堂用磚與建築樣式；對於普斯科夫，則有 Slamina 的漁獵遺跡探究；對於基輔的研究則在這兩年多了許多，強調其獨立性格。

若將焦點放在十九世紀的古代城市歷史論述建構上，則會發現其與前述的科學學科專業化與（文學的）歷史主義有所關聯。Halperin 在研究諾夫哥羅德的歷史時，表示現有的研究經常沿用十九世紀知識份子提出的東、西方論辯中，將諾夫哥羅德與其背後的「民主體系」，意即為制會（вече），同莫斯科公國的「東方專制體系」做比較，將承襲自浪漫主義的美化思想發揚（Halperin，1999：345）；然而，這種理論與繼之引發的學界反思都將焦點放在諾夫哥羅德的意識形態討論上，忽略了諾夫哥羅德史料中一再提及的土地（Novgorodian Land）觀念（Halperin，1999：348）。土地與意

識形態的關聯在於後者的成立仰賴於前者的明確定義，這樣才能夠確認諾夫哥羅德是否有在某個地域範圍內產生長久的影響；那麼，諾夫哥羅德的歷史文獻中是如何呈現這個關聯？在透過編年紀事等史料的一番追尋之後，Halperin 認為這個名詞的定義沒有很清楚且在某些情況下會和 the Novgorodian volosti 意思相同，代表這個名詞雖然經常出現在史料當中、卻不具備意識形態的可能性，之後更提出無法成型的原因是這座城市的論述發建構是宗教意涵大於政治意涵的 (Halperin, 1999: 361–363)，而這也許是因為諾夫哥羅德的歷史所致，在這座共和國的體系當中早已沒有基輔大公能夠左右的位置。Halperin 重新討論了十九世紀經過歷史主義洗禮的諾夫哥羅德歷史建構，指出十九世紀風行的意識形態之說有其盲點，並將這段中世紀的歷史重新以歷史主義的方法來詮釋。

Filyushkin 透過「中世紀精神」來重新閱讀普斯科夫的歷史建構，並指出在十九世紀時，對於普斯科夫的歷史論述建構經歷了偌大的轉變。在十九世紀前半同樣地也有大批關於普斯科夫這座城市的史料重見天日，而當時的研究者根據史料來重新建構這座城市的歷史，政府並在當地豎立了相關的雕塑來重現史料中的戰爭場所；此外，普斯科夫的歷史論述重新詮釋不只被納入「俄羅斯史」的論述當中、助長了民族意識的發展，帝國也同時將俄羅斯的歷史論述作為教材來宣傳（斯拉夫民族）一體的政治理念 (Filyushkin, 2018: 572)。

Filyushkin 針對歷史論述做出了詳盡的解釋。當時的研究者整理了四處收集而來、最後一併落腳同一收藏處的歷史文獻，並先後編成有系統性的出版品，其中包括 1831 年由普斯科夫主教 Eugene Bolkhovitinov 收集編成的 *History of the Principality of Pskov* 以及 1835 年由土地測量員 Ivanov 出版的 *The Views of Pskov and its Environs Drawn from Nature* 第一卷 (Filyushkin, 2018: 573)，這些出版可以視為科學學科專業化帶來的影響。此外，這些史料也可以結合軼聞產生新的傳說，十九世紀中期由民族誌暨民謠收集專家 Pavel Yakushkin 記載的基輔的奧爾加故事則是一例 (Filyushkin, 2018: 575)，同時間劇作家 Lev Mei 也完成了 *The Maid of Pskov*。Filyushkin 表示在十九世紀前半，普斯科夫的歷史建構正經歷一場

重新形塑十六世紀普斯科夫歷史記憶的運動，而這個運動也多少促成了 1879 年普斯科夫考古學會的創建，這個學會的創立目的也延續了之前的歷史考究與實踐文物保存的必要 (Filyushkin, 2018: 577)。Filyushkin 深入的描寫不只體現了普斯科夫在十九世紀的歷史建構中的科學學科專業化及 (文學的) 歷史主義元素，也點出了其在十九世紀後半帶來的後續影響。

Bilenky 針對十九世紀基輔歷史論述的研究也大致符合科學學科專業化與文學的歷史主義涵蓋的內容，跟普斯科夫的歷史建構一樣都是透過中世紀精神的角度切入研究。Bilenky 指出從 1820 年代開始就有學界人士，其中包括上述提及的 Eugene Bolkhovitinov，跟業餘人士在基輔城市及周遭進行考古挖掘，並有了一定的成果，這些在十九世紀前半挖掘出來的遺跡帶來的影響莫過於加強了基輔作為一座古城的歷史想像 (Bilenky, 2011–2014: 116–117)。根據十九世紀的植物學教授與烏克蘭史學者 Mykhailo Maksymovych 所言，在歷經了幾百年的風霜之後，十九世紀前半的基輔已經翻新了許多，至於那些中世紀到十九世紀之間的歷史建築物已經不復存在或是埋沒在荒煙蔓草之中，城市裡面當時僅有聖索菲亞大教堂與聖米迦勒金頂修道院留存下來 (Bilenky, 2011–2014: 114–115)。

如果基輔在當時已經是一座翻新的城市，中世紀精神又要如何影響其歷史論述呢？Bilenky 指出當時一眾知識份子都是採用過度理想的態度去面對基輔的歷史建構，並且透過分析十九世紀前半知識份子的發表作為佐證。一般而言，除了自認烏克蘭 (小俄羅斯) 出身的知識份子會由哥薩克歷史著手之外，例如烏克蘭作家 Panteleimon Kulish 在 1840 年代出版的歷史小說《黑色會議》，波蘭與俄羅斯的知識份子都認同將基輔與宗教聯結，只是波蘭知識份子強調基輔作為斯拉夫民族接受基督教文化的重要性，而俄羅斯知識份子則是強調東正教的重要性，他們並更而將基輔的重要性作為一種史實來與自己的民族詩歌聯結、衍伸出文學的歷史主義在俄羅斯帝國的脈絡。

波蘭詩人 Tymon Zaborowski 在 1818 年發表了” The Taking of Kyiv” 來表達波蘭與烏克蘭在 1018 年的歷史糾葛 (Bilenky,

2011–2014：109)。俄羅斯的知識份子先是將基輔羅斯納入俄羅斯文學創作、接著置於歷史的脈絡之中，牽起了由基輔羅斯一路發展到尼古拉一世的線性史觀，這些創作從 1820 年代開始一路延續，並在 1830 年及 1863 年兩次波蘭人起義之後都加強了這種論述，其中包括了斯拉夫派 Aleksey Khomyakov 在 1839 年發表的”基輔”與浪漫詩人 Vladimir Benediktov 在 1840 年發表的”基輔”，除了美化基輔羅斯的歷史意涵以及對於當代俄羅斯帝國的意義之外，Khomyakov 在詩作中更抨擊了波蘭人在中世紀對於基輔的蹂躪 (Bilenky, 2011–2014：110–111)。俄羅斯知識份子的作法或許現在看起來有點不適合；然而，作為呼應尼古拉一世與大臣 Uvarov 在 1830 年代中期提出的官方民族理論，這些關於基輔歷史的詩篇也就不足為奇，畢竟基輔大學就是在 1830 年代中期由尼古拉一世拍板落成、作為研究基輔羅斯的學術重鎮，創建時並以聖弗拉基米爾為名，更遑論尼古拉一世自稱是弗拉基米爾大公的承繼者 (Bilenky, 頁 118)。

Maksymovych 雖然也支持烏克蘭知識份子聚焦的基輔與哥薩克歷史的關聯；然而，在當時的氛圍下，仍然採用折衷的論述方式，一面不反對哥薩克與基輔的歷史論述，另一方面則也追隨尼古拉一世的想法，除了強調弗拉基米爾大公的基輔、伊凡三世的莫斯科與彼得大帝的聖彼得堡線性史觀之外，也將基輔視為「俄羅斯的靈魂」(the Russian spirit)，象徵著東正教的精神、基輔羅斯研究重鎮與對抗波蘭天主教思想的據點 (Bilenky, 2011–2014：120)。

5. 小結

總結來看，十九世紀前半的俄羅斯城市歷史論述除了遵循科學學科專業化與文學的歷史主義交會出來的軌跡之外，在後續的發展上都是朝著將城市的歷史論述建構與俄羅斯線性史觀融合的方向前進，這個方向加強了俄羅斯帝國在民族意識的歷史建構上的正當性；雖然如此，科學性的知識依然在發展，同時也在城市中創立了地方性的研究型機構。筆者認為，在探索意識形態帶來的主觀思辨時，也需要重新回歸文獻資料查看當時的客觀背景，以免過度陷於主觀意識架構出來的討論空間。

參考書目

- Antipov, I. & Gervais, A. “The Bricks from St. Nicholas Church at Lipno near Novgorod (1292) and the Origins of the New Novgorodian Building Tradition.” *Estonian Journal of Archaeology*. 2015. Vol. 19. No. 1. Pp. 58–79.
- Bilenky, S. “Inventing an Ancient City: How Literature, Ideology, and Archeology Refashioned Kyiv during the 1830s and 1840s.” *Harvard Ukrainian Studies*. 2011–2014. vol. 32/33. Part 1. Pp. 107–126.
- Farber, Paul. “The Transformation of Natural History in the Nineteenth Century”, *J. of the History of Biology*. 1982. Vol. 15. No. 1. Pp. 145–152.
- Filyushkin, Alexander. “‘To Remember Pskov’: How the Medieval Republic was Stamped on the National Memory.” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2018. Vol. 66. No. 4. Pp. 559–587.
- Halperin, Charles J. “Novgorod and the ‘Novgorodian Land’.” *Cahiers du monde russe*. 1999. Vol. 40. No. 3. Pp. 345–364.
- Leerssen, Joep. “Literary Historicism: Romanticism, Philologists, and the Presence of the Past.” *Modern Language Quarterly*. 2004. Vol. 65. No. 2. Pp. 221–243.
- Petronis, Vytautas. “Mapping Lithuanians: The Development of Russian Imperial Ethnic Cartography, 1840s—1870s.” *Imago Mundi: The International Journal for the History of Cartography*. 2011. Vol. 63. No. 1. Pp. 62–75.
- Salmina, Elena. “Fishing Settlements in the Pskov Region in the 16th Century (According to Archaeological Data and Written Sources).” *Environmental Archaeology*. 2016. Vol. 21. No. 4. Pp. 402–410.
- Zinoviev, A.V. “Study of the Medieval Dogs from Novgorod, Russia (X—XIV Century).” *International Journal of Osteoarchaeology*. 2012. Vol. 22. Pp. 145–157.
- Герцен, А.И. “Былое и Думы: Часть 4 (Москва, Петербург, и Новгород) 1840-1847.” Lib.ru, 21 Nov. 2022. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0130.shtml.
- Павлова, Г.Е. *Организация Науки в России в Первой Половине XIX в.* Москва: Наука, 1990.
- 米羅諾夫著，張廣翔譯。《俄國社會史(下卷)個性、民主家庭、公民社會及法治國家的形成》。山東：山東大學出版社，2006。

- 保羅·勞倫斯·法伯著，劉星譯。《發現鳥類：鳥類學的誕生（1760–1850）》。上海：上海交通大學出版社，2015。
- 蒂莫西·斯奈德著，潘夢琦譯。《民族的重建：波蘭、烏克蘭、立陶宛、白俄羅斯，1569–1999》。南京：南京大學出版社，2020。

Slavica Formosana IV

**Современные проблемы славянской филологии:
Форма и смысл**

Редакционная коллегия *Ш. Линь,*

С. Е, Ч. Чжан, Д. Янь

Ответственный редактор *Д. Янь*

Корректор *Ч. Ши, Ю. Чан*

ISBN 978-626-7147-84-9

Факультет славистики
Государственного университета Чжэнчжи

<https://slavic.nccu.edu.tw/>

slavic@nccu.edu.tw

Тел. +886-2-29387280

No. 64, Sec. 2, ZhiNan Rd., Wenshan District,
Taipei City, Taiwan (R. O. C.) 11605

